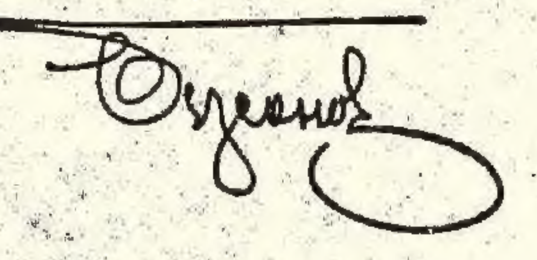
Поездка по Вологодской губернии в Печерский край к будущим водным путям на Сибирь. - СПб., 1909.

ПОѢЗДКА
ПО ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ
ВЪ ПЕЧОРСКІЙ КРАЙ
КЪ БУДУЩИМЪ ВОДНЫМЪ ПУТЯМЪ
НА СИБИРЬ.

—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. Звенигородская, 11.
1909.

ПОѢЗДКА ПО ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ

ВЪ ПЕЧОРСКІЙ КРАЙ

КЪ БУДУЩИМЪ ВОДНЫМЪ ПУТЯМЪ

НА СИБИРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская, 11.
1909.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Г. Великій Устюгъ.

С. Устье-Городищенское на Сухонѣ 110 верстъ ниже Тотьмы.

ГЛАВА I.

От Вологды до Усть-Кулома. Необходимость устройства крестьянъ сѣверо-восточныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи.

Путеводная звѣздочка, свѣтившая намъ всю зиму, едва мерцая вдали, достигла maximum'а своего блеска 8-го іюня настоящаго 1908 года. Въ этотъ день наша экспедиція отправлялась изъ Вологды къ намѣченной еще въ прошломъ году цѣли, въ далекій Печорскій край и къ Уралу, разсчитывая добраться туда Мылвинскимъ путемъ и притоками Печоры—Щугоромъ и Илычемъ.

Такое позднее время отправленія, угрожавшее намъ затрудненіями вслѣдствіе мелководья, было избрано преднамѣренно—именно для того, чтобы можно было составить правильное понятіе о возможности плаванія по рѣкамъ и рѣчкамъ, на которыя мы отправлялись, не въ прибылую воду, а въ меженную, т. е., другими словами, мы имѣли въ виду опредѣлить возможность судоходства по нимъ и продолжительность этой возможности.

Экспедиція наша, при отправленіи довольно многочисленная, должна была таять по мѣрѣ удаленія отъ Вологды; собственно экспедицію составляли: Губернаторъ А. Н. Хвостовъ, Управляющій Государственными Имуществами Вологодской губерніи И. М. Шемигоновъ, прошлогодній компаніонъ нашъ С. И. Поповъ, чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ Ф. Д. Лиховидовъ, земскій начальникъ С. И. Турбинъ, неизмѣнный хозяйственный старшина Ф. Д. Прокошевъ — помощникъ Вологодскаго Исправника и авторъ настоящихъ записокъ. Къ намъ присоединились: Непремѣнный Членъ Губернской Землеустроительной Комиссіи П. Ф. Еленевъ, ѣдущій для ревизіи въ Сольвычегодскъ, Прокуроръ Окружнаго Суда Б. С. Враскій до Устьсысольска, Предсѣдатель

Губернской Земской Управы А. А. Можайскій до Усть-Кулома и дальше всѣхъ Непремѣнный Членъ Губернскаго Присутствія С. П. Межаковъ-Каютовъ. Для него нашъ маршрутъ являлся въ особенности благопріятнымъ: онъ ѣхалъ ревизовать Устьсысольскій уѣздъ, куда направлялись и мы, и, значитъ, примкнувъ къ нашей экспедиціи, онъ получалъ возможность объѣхать весь порученный ему для ревизіи край совмѣстно съ экспедиціей. Впослѣдствіи вышло не совсѣмъ такъ и онъ оказался нашимъ спутникомъ только до Усть-Кулома, а предполагавшій доѣхать только до Усть-Кулома А. А. Можайскій прошелъ съ нами всю Вычегду на пароходѣ до с. Мыелдина. Компанія, такимъ образомъ, образовалась большая и, что въ особенности было пріятно, состоя изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, она представляла собою одну дружную семью, всѣ члены которой съ одинаковымъ интересомъ относились къ цѣли нашей экспедиціи.

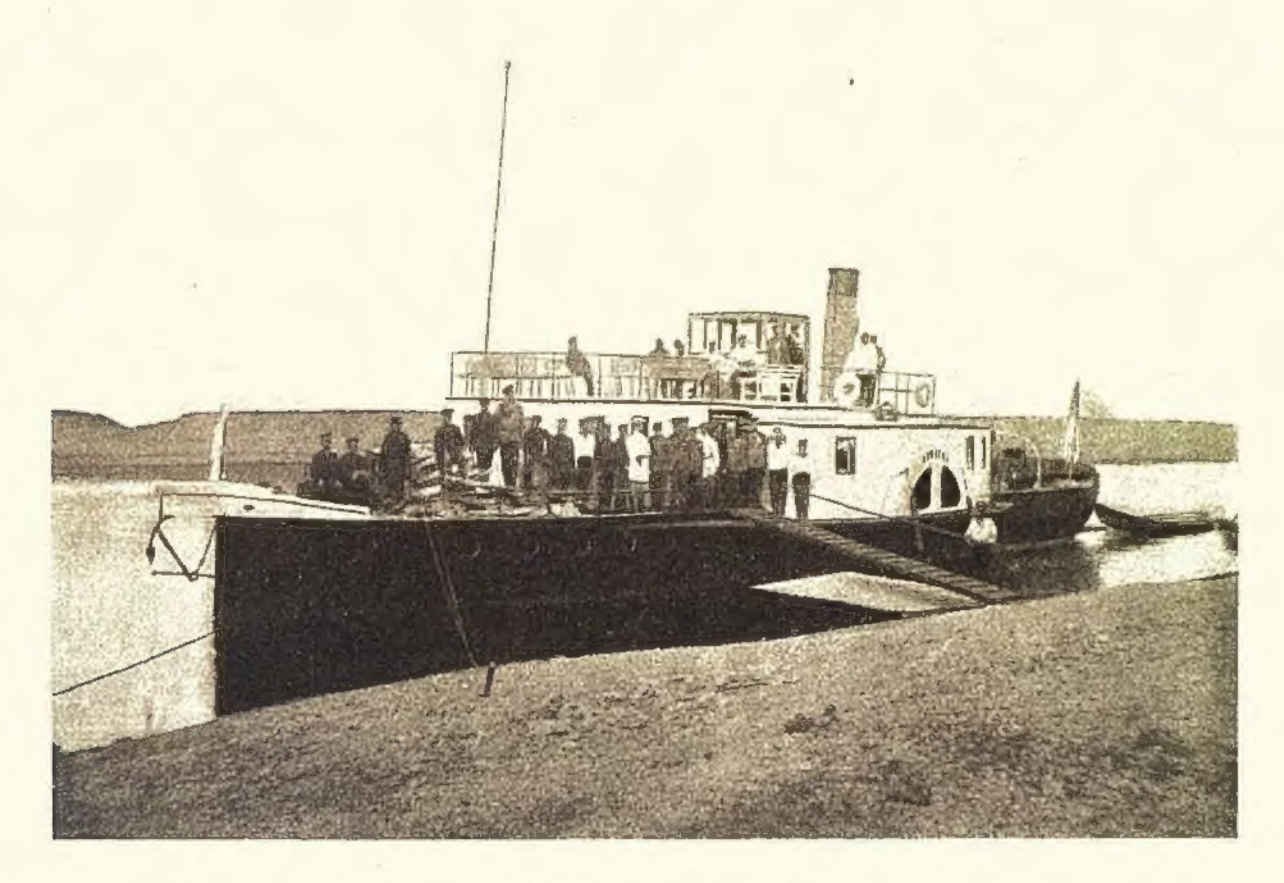
Выѣхали мы изъ Вологды при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ (считается хорошимъ, если какое-либо дѣло начинается при дождѣ), но при очень неблагопріятной погодѣ; нѣсколько дней до нашего отправленія стояло великолѣпныхъ, ясныхъ и сухихъ, въ самый же день

Сухона.

отъѣзда, къ вечеру, собралась страшная гроза и на пароходъ всѣмъ намъ, и отъѣзжающимъ, и провожающимъ, пришлось собираться подъ проливнымъ дождемъ. Къ самому отходу, хотя онъ и пересталъ, но,

какъ обыкновенно бываетъ у насъ послѣ грозъ, температура сразу упала и поднялся сильный вѣтеръ. При такой погодѣ мы и отправились поздно вечеромъ, напутствуемые добрыми пожеланіями прово-

Казенный пароходъ „Самоѣдъ".

жающихъ, и съ надеждой на то, что погода, такъ быстро измѣнившаяся къ худшему, такъ-же быстро и исправится, и съ этими надеждами мы улеглись спать.

Ѣхали мы въ этотъ разъ на казенномъ пароходѣ „Самоѣдъ", подъ командою капитана-моряка І. И. Зеленковичъ. Постоянное мѣсто стоянки „Самоѣда" и его, такъ сказать, операціонный базисъ при работахъ—Устюгъ, откуда онъ и пришелъ за нами въ Вологду. „Самоѣдъ" — пароходъ прекрасный, чистый, какъ всѣ казенные пароходы, и комфортабельный, но не безъ нѣкоторыхъ дефектовъ въ конструкціи, что выяснилось впослѣдствіи и о чемъ въ своемъ мѣстѣ придется сказать нѣсколько словъ.

Проснувшись утромъ, мы оказались уже далеко отъ Вологды; совершенно безоблачное небо, яркое солнце и страшный встрѣчный вѣтеръ, понизившій температуру до степени холода, охватили насъ, какъ только мы вышли на палубу; низкая температура была прямо сюрпризомъ; мы видѣли изъ оконъ каютъ только яркое солнце, да чистое небо и, судя по нимъ, предполагали и тепло, но были жестоко разочарованы. Пароходъ бѣжалъ, преодолѣвая дующій съ необыкно-

венною силою сѣверо-восточный вѣтеръ, среди низкихъ береговъ, покрытыхъ то лѣсами, то зеленѣющими полями вокругъ разбросанныхъ среди нихъ деревень, а всѣ скучныя, унылыя, пустыя мѣста, которыми течетъ Вологда и потомъ Сухона довольно долгое время отъ города, уже остались далеко назади. Вѣтеръ свистѣлъ между снастями, съ яростью трепалъ путейскіе флаги „Самоѣда" и совершенно не давалъ возможности оставаться на палубѣ.

Часовъ около 4-хъ дня мы, не останавливаясь, прошли Тотьму, а на другой день, при такомъ же заливающемъ все вокругъ блескѣ солнца и при такомъ же вѣтрѣ, часовъ въ 10 утра подошли къ Устюгу.

Г. Тотьма.

Сдѣлалось немного потеплѣе, а когда пароходъ нашъ сталъ у пристани и очутился подъ защитою берега, стало и совсѣмъ тепло, а на солнцѣ даже и жарко. Въ Устюгѣ мы не стали долго стоять, а, высадивъ часть нашихъ пассажировъ, у которыхъ въ городѣ были нужныя дѣла, отправились до Гледенскаго монастыря съ тѣмъ, чтобы пароходъ, отвезя насъ туда, вернулся за оставшимися въ городѣ, захватилъ ихъ, потомъ зашелъ бы за нами и оттуда мы, не заходя уже въ Устюгъ, двинулись бы дальше къ Котласу. Намъ не хотѣлось пропустить представлявшійся случай опять взглянуть на этотъ интересный монастырь съ его чуднымъ храмомъ, оставившимъ въ насъ въ прошлогоднюю поѣздку такое сильное впечатлѣніе. Монастырь стоитъ на стрѣлкѣ, при сліяніи Сухоны и Юга, на возвышенности, до которой отъ берега протянулись луга, заливаемые весеннею водою. Пароходъ вошелъ въ Югъ для того, чтобы подойти поближе къ монастырю, но, пройдя немного,

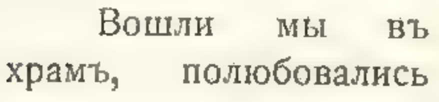

Троицко-Гледенскій монастырь близъ Устюга

долженъ былъ остановиться, далеко еще не доѣхавъ до него; Югъ оказался очень мелководнымъ и мы даже къ берегу близко подойти не могли, такъ что пришлось добраться до луга на лодкѣ и пройти до монастыря съ версту пѣшкомъ. Ничего въ немъ не измѣнилось съ нашей прошлогодней поѣздки; также стоитъ онъ, заброшенный и пустой, также навѣваетъ грусть его унылый видъ, напоминающій о мирно текшей здѣсь когда-то жизни; шумятъ своими верхушками кедры, остатки старины, и словно разсказываютъ заброшеннымъ сюда путникамъ о быломъ, а кругомъ все живетъ и радуется: стало совсѣмъ тепло, пѣсни жаворонковъ льются съ высоты голубого неба, высокая трава волнуется, вдали бѣлѣетъ своими церквами красивый, залитой солнцемъ Устюгъ.

Сухона у д. Осетры.

Вошли мы въ храмъ, полюбовались изумительно изящнымъ иконостасомъ, кстати вспомнили и о. Иннокентія, потрудившагося къ украшенію храма и замазавшаго известкой, въ наивности своей, всѣ маіоликовые наличники и карнизы. Зашли въ кельи и показали спутникамъ, не бывшимъ съ нами при посѣщеніи монастыря въ прошломъ году, сохранившіяся тамъ старинныя маіоликовыя печи, совершенно такія же, какъ въ московскихъ теремахъ или въ Ростовской бѣлой палатѣ. Одна такая печь находится во второмъ храмѣ монастыря, гдѣ службы никакой не бываетъ и ее не топятъ, значитъ, и стоитъ она въ сохранности, а другая находится въ помѣщеніи, въ которомъ теперь живетъ монахъ. Эту печь топятъ, коптятъ, перекладываютъ, и уже слѣды такой перекладки очень замѣтны и весьма напоминаютъ собою труды о. Иннокентія. Думается, не лучше ли было бы печи эти, пока онѣ еще не до конца изукрашены трудами устюгскихъ печниковъ, передать въ какой-либо музей, а на ихъ мѣсто поставить произведенія современныхъ мастеровъ, которыя и грѣть, можетъ быть, будутъ лучше, да и уберегутъ остатки старины отъ безслѣднаго исчезновенія. Конечно, это въ томъ случаѣ, если Гледенскій

монастырь такъ и останется въ настоящемъ своемъ положеніи постепеннаго разрушенія и медленной гибели, если же онъ будетъ возстановленъ и возстановителемъ его будетъ кто-либо съ понятіями о старинѣ, непохожими на понятія много потрудившагося о. Иннокентія, печамъ этимъ нашлось бы и въ немъ приличное мѣсто.

Къ пароходу мы отправились краемъ возвышенности, на которой стоитъ монастырь, и съ гребня обрыва, подмытаго въ ней Югомъ, опять любовались панорамой сліянія Юга и Сухоны и уходящей вдаль Двины. Вѣтеръ, какъ и въ прошломъ году, на этомъ мысу такъ силенъ, что

Р. Югъ и впаденіе его въ Двину.

прямо сбиваетъ съ ногъ; вся рѣка покрыта валами, бѣгущими съ Двины, набѣгающими на берегъ и шуршащими своими гребнями съ переливающейся бѣлой пѣной и весь воздухъ, даже на этой высотѣ, наполненъ ихъ плескомъ.

Сойдя внизъ, мы берегомъ добрались до парохода и пошли отсюда прямо въ Двину, направляясь къ Котласу, куда и добрались часамъ къ 7-ми. Пока мы шли сюда, вѣтеръ совершенно упалъ, Двина стала, какъ зеркало, и къ Котласу мы подошли при полной тишинѣ и теплѣ. Что-то неладное дѣлается съ нимъ; разсчитывали, что тутъ отъ хлѣбныхъ грузовъ провороту не будетъ, а вотъ мы второй разъ сюда попадаемъ и видимъ, что не только ни о какомъ проворотѣ рѣчи быть не можетъ, а просто-на-просто тутъ и грузовъ-то никакихъ почти нѣтъ; стоятъ 3—4 баржи и какъ-то лѣниво грузятся, а весь длинный рядъ

Иконостасъ въ храмѣ Троицко-Гледенскаго монастыря

складовъ и элеваторовъ представляетъ собою пустыню, на которой и людей-то незамѣтно около нихъ. Въ прошломъ году ссылались на неурожай, въ нынѣшнемъ неурожая, на сколько извѣстно, нѣтъ, но пристань эта, съ такимъ блестящимъ предсказаннымъ ей теоретически будущимъ, все-таки стоитъ пустая.

Двина между Устюгомъ и Котласомъ.

А въ Устюгѣ на недородъ никакихъ указаній нѣтъ и тамъ ряды баржей грузятся нынѣ не менѣе, какъ въ урожайные періоды, и число этихъ грузящихся баржей прибываетъ съ каждымъ годомъ. Количество ихъ стало настолько серьезно, что пришлось уже приступить къ устройству Кузьминскаго затона, и какимъ-же страшнымъ тормазомъ при этой все возрастающей работѣ является отсутствіе въ самомъ Устюгѣ желѣзной дороги. Для обыкновеннаго смертнаго вопросъ объ Устюгѣ и Котласѣ рѣшается, казалось бы, очень просто: теоретически разсчитали, что Котласская дорога повезетъ громадные грузы, отнявъ отъ Устюга и тѣ, какіе у него были, но разсчетъ оказался не вѣренъ, что-то въ немъ было упущено, и дорога на Котласъ далеко не оправдываетъ возлагавшихся на нее надеждъ, а въ Устюгѣ работа ростетъ годъ

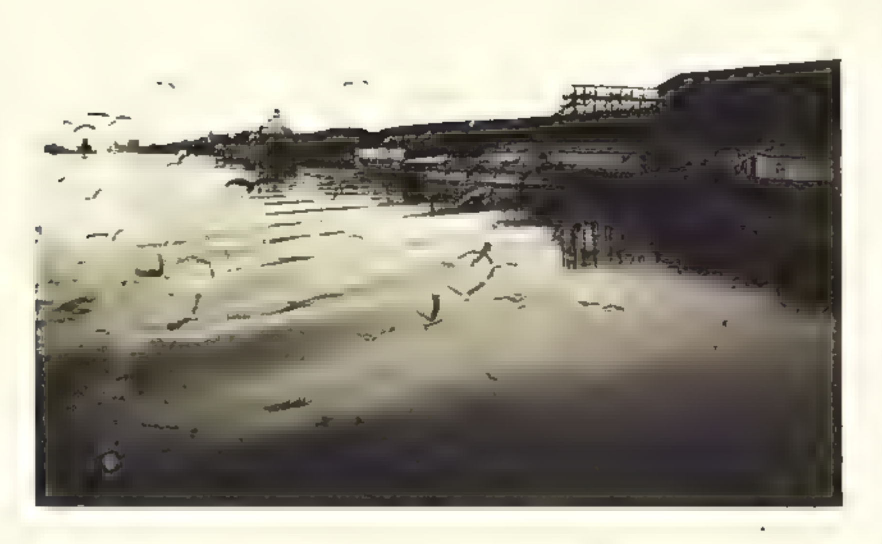

Малая Двина 17—18 в. отъ Устюга.

отъ году. Надо, значитъ, исправить эту ошибку—взять эту неработающую дорогу, да и завернуть ее къ работающему Устюгу, и дѣлу, казалось бы, конецъ. Но, навѣрное, это не такъ просто и, можетъ быть, такъ и надо, чтобы дорога не работала и шла все-таки на Котласъ, а рядомъ городъ съ громадной работой оставался бы безъ желѣзной дороги; трудно понять тѣ основанія, на которыхъ зиждятся подобныя соображенія.

Котласъ мы тоже прошли, почти не останавливаясь, и, войдя за нимъ въ Вычегду, „Самоѣдъ" нашъ сразу поубавилъ ходу; пришлось ѣхать противъ теченія, а до Котласа мы все катили внизъ по водѣ. Вычегда впадаетъ въ Двину, хотя и очень широко, дѣлясь на нѣсколько рукавовъ, но все-таки течетъ быстро, среди песчаныхъ отмелей, выдвинувшихся въ нее съ обоихъ береговъ. Тѣмъ не менѣе къ закату мы добрались до Сольвычегодска.

Удивительно широка долина Вычегды въ этомъ мѣстѣ; сама рѣка дѣлится здѣсь лѣтомъ на 2 рукава обнажающимся въ меженную воду островомъ, а долина раздвигается верстъ на 15; далеко синими силуэтами видны окаймляющія ее возвышенности, слѣды работы старой Вычегды, и, кажется, что вплоть до нихъ раскинулась гладь воды, песковъ и кустарниковъ. По этимъ синимъ силуэтамъ горъ бѣлыми точками видны церкви.

С. Котласъ.

Вечеръ, тихій и теплый, опускается на землю; розовыя облака горятъ высоко въ небѣ; дальніе лѣса и горизонтъ, задернутые уже вечернимъ туманомъ, тонутъ въ лиловатомъ сумракѣ; искрой сверкаетъ крестъ на какой-то далекой колокольнѣ на луговомъ берегу, а самъ Сольвычегодскъ съ своими церквами весь залитъ красными лучами заходящаго солнца; въ воздухѣ рѣютъ и купаются чайки.

Въ Сольвычегодскѣ мы тоже остаемся очень недолго, ровно настолько, чтобы опять имѣть возможность взглянуть на соборъ съ его драгоцѣнными остатками старины. Въ немъ также не замѣтно ничего новаго и до сихъ поръ нѣтъ ни описи, ни инвентаря.

Г. Сольвычегодскъ

Съ осени прошлаго года пріѣзжалъ въ Вологду какой-то чиновникъ изъ Синода, распрашивалъ о Сольвычегодскомъ соборѣ, ѣхалъ туда, кажется, именно для приведенія въ извѣстность, какъ велики тамъ богатства остатковъ старины, и мы, этого чиновника видѣвшіе и слышавшіе отъ него о цѣляхъ его командировки, ожидали найти въ соборѣ всю старину приведенною въ порядокъ, переписанною и, такъ сказать, закрѣпленною, но, видимо, это осталось только благимъ намѣреніемъ и до конца это намѣреніе (или порученіе) доведено до сихъ поръ не было. А, между тѣмъ, опять приходится повторить, что закрѣпить то, что еще цѣло изъ старины въ соборѣ, конечно, существенно необходимо. Хотя бы свѣрить то, что имѣется въ натурѣ, съ существующими старинными описями; въ запискѣ Н. Савваитова „Строгановскіе вклады въ Сольвычегодскій Благовѣщенскій Соборъ" приведены всѣ эти описи, съ подробнымъ подраздѣленіемъ: и на „перепись иконамъ церковнымъ, домовымъ, и окладнымъ иконамъ и пядницамъ и гривнамъ и цатамъ и всему церковному строенію" и на „перепись пеленамъ бархатнымъ и атласнымъ и камчатнымъ и тафтянымъ и кутнянымъ и покровамъ престолнымъ и завѣсамъ алтарнымъ и фатамъ и налойнымъ наволокамъ" и, кончая даже, „переписью фонарямъ слудянымъ и окончинамъ слудянымъ и налоямъ деревяннымъ и налоямъ кожанымъ и столамъ и сундукамъ и ящикамъ и коврамъ и коробьямъ". По такимъ подробнѣйшимъ описямъ есть полная возможность установить, что уцѣлѣло изъ всего бывшаго налицо при ихъ составленіи, что утрачено, и хоть оставшееся-то уберечь. Вѣдь вещи въ соборѣ и по стоимости своей драгоцѣнны, а какъ образцы стариннаго искусства, и прямо неоцѣнимы; однѣ пелены чего стоятъ; на одной изъ нихъ и счетъ изображенъ: „Въ сей пеленѣ утвари золота и серебра

5 литръ, 30 цѣвокъ, цѣна 42 руб. 20 алтынъ; жемчюгу 254 золотника, цѣна 587 рублей, шелку всяково 180 золотниковъ, цѣна 5 рублей; и, всей утвари пошло на 634 рубля 20 алтынъ *)". Эта одна только пелена, а всѣхъ ихъ тамъ болѣе десяти, да и, кромѣ нихъ, въ соборѣ собранъ цѣлый музей драгоцѣнныхъ памятниковъ стариннаго искусства и очень обидно, если

Пелена изъ Сольвычегодскаго собора.

и одинъ изъ нихъ утратится, а мы собственными глазами видѣли, какъ эти самые „фонари слудяные" валяются въ подвалѣ подъ соборомъ среди всякаго хлама. Часть вещей собора разграблена въ 1613 году поляками, но, однако, тогда „таковаго церковнаго имѣнія мало въ видимости состояло, а было въ тайныхъ подъ оною церковью полаткахъ сохранено" **).

*) „Въ литрѣ цѣвокъ 12 живетъ; въ цѣвкѣ золота на шелку 60 нитей, а тонкихъ 70 нитей". Цѣвка—6 золотниковъ.

**) „Исторія города Соли Вычегодской древнихъ и нынѣшнихъ времянъ, сочиненная Алексѣемъ Соскинымъ, природнымъ мѣщаниномъ сего города Соли Вычегодской,

Пелена съ изображеніемъ сцены убіенія Царевича Дмитрія изъ Сольвычегодскаго собора

Выѣхали мы изъ Сольвычегодска уже ночью и на слѣдующій день въ 3 часа прошли Яренскъ, или, вѣрнѣе, его пристань; самый городъ стоитъ отъ берега верстахъ въ двухъ или трехъ и съ рѣки за купами деревьевъ, разбросанныхъ по долинѣ, на которой стоитъ онъ, видны только его бѣлыя церкви и нѣсколько зданій повыше, а за долиною далеко синѣютъ покрытыя лѣсомъ возвышенности.

С. Ирга на Вычегдѣ 18 в. ниже Яренска.

День выдался великолѣпный –тихій, теплый и ясный. Вычегда то гладка, какъ зеркало, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вѣтерокъ не хватаетъ ее изъ-за береговъ, то рябитъ мелкою зыбью; весь пейзажъ залитъ солнечнымъ свѣтомъ. Массы неуклюжихъ огромныхъ плотовъ, съ цѣлыми избушками на нихъ, съ флагами, съ копошащимся народомъ, цѣлый день попадаются намъ навстрѣчу. Далеко въ рѣку вдаются съ береговъ песчаныя отмели и все время тянутся онѣ то большія, то маленькія, то косами врѣзывающіяся въ воду, а то и отдѣльными песчаными островами ярко желтѣютъ на фонѣ темно-синей рѣки. Синяя рѣка, синіе далекіе лѣса, голубое небо съ бѣгущими по немъ облаками, ярко-желтый песокъ и ярко-зеленая полоса береговъ за нимъ –цѣлый день этотъ пейзажъ ласкалъ наши глаза своимъ мягкимъ сочетаніемъ тоновъ; нѣкоторые острова такъ пышно заросли кустами и деревьями, что похожи на какія-то корзины съ цвѣтами, и надо всѣмъ этимъ раскинулось голубое бездонное небо и по нему одно за другимъ бѣгутъ облака, бросая медленно ползущія пятна тѣней на далекіе лѣса и на рѣку, которыя становятся подъ ними темно-синими, а за тѣнями этими голубая даль лѣсовъ вся тонетъ въ солнечномъ свѣтѣ, и рѣка рябитъ какою-то красноватою зыбью.

Берегами идетъ то пустынный лѣсъ, то по нимъ разбросаны деревни на гребняхъ пологихъ возвышенностей, а по скатамъ раскину-

въ бытность его въ Соли-Вычегодскомъ магистратѣ членомъ-ратманомъ. Написано собственною его рукою въ С.-В., въ лѣто отъ сотворенія міра 7297-е, а отъ Рождества Христова 1780-е".

лись поля и рощи; далеко впередъ уходятъ они, видныя по изгибамъ рѣки. Много селъ, бѣлыя церкви которыхъ красивыми пятнами рисуются на голубыхъ силуэтахъ дальнихъ горъ и лѣсовъ.

Верстахъ въ 15-ти за Яренскомъ довольно низкіе здѣсь берега Вычегды почему-то идутъ безъ всякаго загиба на очень большое пространство и открываютъ ужасно длинный видъ на этотъ плесъ. Усть-Вымъ и Вогваздино проходимъ въ полночь, при ясной спокойной зарѣ, и любуемся на зеркальный величавый Вымъ, о которомъ мы сохранили съ прошлогодней поѣздки такія прекрасныя воспоминанія.

Также хорошо, тихо, тепло и ясно было и на другой день, 12-го іюня, когда мы подъѣзжали къ Усть-Сысольску. Уже верстъ за 30 до него мы стали любоваться на тянущіяся почти безпрерывнымъ рядомъ по гребню лѣваго берега села и деревни; лѣса съ рѣки не видно, онъ за этимъ гребнемъ, а къ рѣкѣ протянулись поля и коегдѣ между ними оазисами поднимаются еловыя и березовыя рощи. Жара наводитъ насъ на мысли о спадѣ воды и, пожалуй, наступающихъ затрудненіяхъ въ плаваніи; наши лоцмана говорятъ, что воды убываетъ въ каждыя сутки по 2 четверти, и пугаютъ насъ тѣмъ, что дальше Усть-Кулома, навѣрное, не будетъ возможности подняться, но предсказанія эти не оправдались впослѣдствіи и, должно быть, угрожающій спадъ воды по 2 четверти въ сутки существовалъ только въ ихъ воображеніи.

Не доходя Усть-Сысольска, пароходъ остановился у праваго лугового берега брать дрова, и мы, воспользовавшись остановкою, вышли побродить по этимъ лугамъ и посмотрѣть, что они изъ себя представляютъ вблизи; процедура набора дровъ всегда брала довольно порядочно времени и мы постоянно пользовались имъ, чтобы сдѣлать рекогносцировку подальше отъ берега, что на Вычегдѣ намъ почти вездѣ удавалось, такъ какъ лѣсъ оказывался въ достаточной мѣрѣ проходимымъ; конечно, онъ не представлялъ собою чего-либо похожаго на рощу для прогулокъ, но все-таки, гдѣ

Вычегда у с. Жешартъ.

Сліяніе Вычегды и М. Двины.

перебравшись черезъ старые поваленные стволы, гдѣ перейдя болото, идти было всегда возможно. Луга, которые мы пошли посмотрѣть, оказались довольно истощенными и мало походили на заливные, какими имъ надлежало бы быть; травы на нихъ плохихъ сортовъ и между ними много хвощей и осокъ. Объясняется это тѣмъ, что здѣшніе зыряне, не имѣя достаточно пастбищъ, стараются, не дожидаясь періода созрѣванія травъ, выкосить поскорѣе луга, чтобы было куда выгнать скотину, а изъ-за такого ранняго выкашиванія, травы не успѣваютъ обсѣмениться, и луга вслѣдствіе этого годъ отъ году все болѣе и болѣе тощаютъ; живой примѣръ того, какъ, благодаря только незнанію и темнотѣ, въ конецъ портятся всюду обильно здѣсь разбросанныя природныя богатства. На самомъ дѣлѣ луга эти должны бы были давать населенію огромный избытокъ противъ потребнаго для его нуждъ количества корма, а тутъ уже слышатся жалобы на недостаточность покосовъ, и въ дѣйствительности у крестьянъ волостей, лежащихъ около Усть-Сысольска, и пахотныхъ, и сѣнокосныхъ земель очень мало; пахотной земли приходится тутъ на душу менѣе 400 кв. саж., а сѣнокосной около 700 кв. саж. Начинаешь разбираться въ этомъ и опять приходишь къ необходимости устройства неустроенныхъ здѣсь до сего времени крестьянъ. Устройство это неизбѣжно, необходимо и неотложно; чѣмъ далѣе откладывать, тѣмъ произвести его будетъ все труднѣе и труднѣе; и теперь уже оно встрѣтитъ громадныя затрудненія въ распредѣленіи оброчныхъ статей, образовавшихся изъ старыхъ крестьянскихъ расчистокъ, которыя, благодаря этому неустройству, стали какъ бы уже собственностью тѣхъ, кто ихъ обратилъ изъ дикаго лѣса въ эти луга и покосы.

С. Сойга на Вычегдѣ.

Намъ пришлось видѣть одинъ приговоръ волостного схода (Помоздинскаго), выражающій собою взглядъ на эти расчистки цѣлой волости именно, какъ на собственность, если не теперешнюю, то будущую.

Этимъ приговоромъ сходъ запретилъ переселеніе на казенную оброчну статью, образованную старой расчисткой и арендуемую у казны, н основаніи того, что она, при устройствѣ крестьянъ, должна будетъ войт въ ихъ земельный надѣлъ. Вотъ такихъ-то препятствій и сейчасъ уж много придется встрѣтить, а чѣмъ далѣе, тѣмъ ихъ будетъ все больше Надо замѣтить, что эти расчистки, находящіяся нерѣдко за сотни верст отъ деревень, дѣлаемыя всегда по берегамъ рѣкъ узкою полосою представятъ собою очень серьезное затрудненіе въ дѣлѣ землеустрой ства; онѣ образуютъ изъ всѣхъ площадей, лежащихъ за ними въ глуб лѣсовъ, мѣста, непригодныя для переселенія, такъ какъ отнимают отъ будущихъ участковъ какъ разъ то, что есть въ нихъ самаго луч шаго и отрѣзаютъ ихъ отъ рѣкъ, единственныхъ пока здѣсь путе сообщенія. Будетъ ли справедливо отбирать эти расчистки отъ тѣхъ которые, правильно или неправильно, считаютъ ихъ своею собствен ностью, а и оставить ихъ во владѣніи теперешнихъ хозяевъ, живу щихъ за сотни верстъ, также совершенно невозможно, никакое пере селеніе тогда немыслимо изъ-за такой путаницы. Чѣмъ дальше от кладывать устройство крестьянъ, тѣмъ болѣе эти затрудненія будут рости, если же, согласно циркуляра Главнаго Управленія Землеустрой ства и Земледѣлія отъ 30-го мая 1908 года № 21, свобода расчисток будетъ, насколько только возможно, расширена, осложненія подобнаго рода прямо сдѣлаютъ невозможными всякія попытки къ упорядоченік здѣшняго пользованія землей. Чтобы не плакаться потомъ, над устраивать здѣсь крестьянъ теперь же, не откладывая этого дѣла ни н одинъ годъ. Обиліе земель даетъ здѣсь полную возможность придат этому устройству какія угодно формы и, вѣроятно, въ этомъ дѣлѣ воз можно будетъ избѣжать отсутствія планомѣрности и прямо приступит къ устройству крестьянъ хуторнымъ хозяйствомъ; вѣдь, правда, был бы смѣшно продѣлывать все сначала и проходить всѣ совершенн ненужныя стадіи землеустройства: сперва дать землю общинѣ, потом каждаго члена этой общины изъ нея выдѣлить и, наконецъ, выдѣлив перевести его на хуторское хозяйство. А, между тѣмъ, проектъ земель наго устройства въ этихъ уѣздахъ именно предполагаетъ выдачу вл дѣнныхъ записей. Неужели не воспользуются тѣмъ, что тут еще ни чего почти не напорчено, ничего исправлять не надо, а можно прям сдѣлать то, къ чему въ другихъ мѣстахъ приходится подходить посл цѣлаго ряда манипуляцій. Широко еще тутъ, привольно и землеустрой ству, благодаря этому, можно придать любыя формы. Надо это услов особо оцѣнить и, устраивая здѣшнихъ крестьянъ, которымъ есть, гд приложить свои силы, постараться открыть дикія пока лѣсныя пусты сѣверо-востока Вологодской губерніи для всѣхъ, ищущихъ труда дѣятельности, не находящихъ у себя точки приложенія своей энергі мѣста здѣсь хватитъ на всѣхъ. Здѣшнія условія особенно благопріятн для переселенія: мѣстности по Сысолѣ и ея притоку Визингѣ славят

своими урожаями, а лежащія у сліянія ихъ волости: Ибская, Вотчинская и Межадорская, равно какъ и Нившерская, по притоку Вишеры Нившерѣ, издавна стяжали себѣ славу поставщиковъ хлѣбныхъ сѣмянъ не только для своего уѣзда, а и для находящагося въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ Яренскаго. Урожаи здѣсь прекрасные, скота держатъ по многу и живутъ очень зажиточно. Неурожаи, надо сказать, во всемъ уѣздѣ — явленіе исключительное и всегда бываютъ только частичные, общихъ неурожаевъ не бывало никогда.

Къ Усть-Сысольску мы подошли въ самый полдень прямо съ сѣвера на югъ; подъ отвѣсными лучами солнца рѣка и пески такъ ослѣпительно сверкаютъ, что на нихъ больно смотрѣть. Страшно жарко. Въ городѣ мы останавливаемся недолго: только для того, чтобы захватить кое-что и кое-кого, да спустить ѣхавшихъ до сихъ мѣстъ пассажировъ, и отправляемся далѣе; все-таки опасенія возможности спада воды насъ нѣсколько подгоняютъ.

Г. Усть-Сысольскъ и р. Сысола.

Вскорѣ уже за Усть-Сысольскомъ начинаетъ поражать обиліе луговъ; въ прошломъ году мы проѣзжали эти мѣста гораздо раньше и видѣть травъ не могли, видѣли только пустыри безъ лѣса и соображали, что это должны быть луга; когда же теперь видимъ всѣ эти пространства покрытыми великолѣпной по поясъ травой, во всей ихъ красѣ и богатствѣ, впечатлѣніе становится совершенно другимъ. Особенно хороши луга у Кортъ-Кероса и Пезмога. Однако, богатство это отзывается здѣсь не совсѣмъ благопріятно: благодаря именно ему, луга запущены и во многихъ мѣстахъ заросли кустами и даже рощами, и никому нѣтъ охоты приложить трудъ къ ихъ расчисткѣ, и безъ этого труда, только того, что сама природа даетъ, хватаетъ на всѣ нужды.

Ночью останавливаемся въ с. Небдинѣ, т. е., хотя это и ночь, всего 2 часа, но яркая заря на безоблачномъ небѣ и готовое вотъ-вотъ появиться солнце дѣлаютъ эту ночь совершеннымъ днемъ. Прохладно и вся рѣка курится туманомъ. Пользуясь остановкой, несмотря

на ночь, идемъ посмотрѣть село; оно такъ длинно, что пройти его изъ конца въ конецъ мы не рѣшаемся, опасаясь, что того времени, пока пароходъ набираетъ дрова, намъ не хватитъ; на обратномъ пути намъ пришлось подробно посмотрѣть Небдино, и я скажу въ своемъ мѣстѣ нѣсколько о тѣхъ, нельзя сказать, чтобы пріятныхъ, впечатлѣніяхъ, какія оно въ насъ оставило.

Далѣе Вычегда идетъ все время среди покосовъ, открытыми мѣстами, плавно извиваясь по широкой своей долинѣ; окаймляющихъ возвышенностей не видно, только за лѣвымъ берегомъ далеко синѣетъ горизонтъ. Изрѣдка попадаются типичныя зырянскія деревни, на лѣвомъ берегу видно с. Ручъ, отъ котораго мы долгое время никакъ не можемъ уѣхать; поворачиваемъ, поворачиваемъ, а оно то слѣва у насъ, то справа, то дальше, то снова ближе, а далѣе за нимъ видно громадное село Деревянскъ, за которымъ очень характерны на берегахъ смѣны растительности: тамъ, гдѣ выходитъ песокъ, растетъ сѣверная, тощая сосна, тутъ же рядомъ выходятъ глины и наносныя почвы и по нимъ уже все покрыто покосами и лиственнымъ лѣсомъ. Песокъ, въ большинствѣ случаевъ, бѣлый, именно тотъ сортъ, какой идетъ на выдѣлку стекла, и выходы его представляютъ собою оригинальную и типичную картину: тѣни отъ рѣдкихъ сосенъ, растущихъ по нему, совершенно синія, какъ зимой въ солнечный ясный день на снѣгу.

Вычегда.

Вдали показывается Ульяновскій монастырь, замыкая собою очень длинный плесъ довольно извилистой уже здѣсь Вычегды, а отъ него къ Усть-Кулому она течетъ замѣчательно картинно; пароходъ все время огибаетъ мысы и изъ-за каждаго открываются панорамы одна другой лучше; синія горы, пестрѣющія полями, деревушками и рощами, уходятъ впередъ и то съ одного берега, то съ другого картинно вдаются въ рѣку, гдѣ спускаясь полого къ водѣ, покрытыя лугами и полями, гдѣ круто обрываясь въ рѣку, поросшія, какъ щетиной, еловымъ лѣсомъ.

Около Ульяновскаго монастыря мы видѣли лодки и рабочихъ партіи инженера Попова, изслѣдующаго водяные пути нефтеноснаго и смежныхъ съ нимъ раіоновъ.

Въ Усть-Куломѣ мы остановились тоже не надолго и тутъ къ намъ присоединился очень интересный субъектъ, Печорскій урядникъ Е. А. Поповъ, кавалеръ почетной золотой медали французской республики, а за что онъ медаль эту получилъ, о томъ я разскажу въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же насъ оставилъ С. П. Межаковъ-Каютовъ, который отсюда отправился на Печору трактомъ 209 в. на лошадяхъ, съ тѣмъ, чтобы, обревизовавъ попутныя волостныя правленія, встрѣтить насъ въ Троицко-Печорскомъ и вмѣстѣ ѣхать по Печорѣ.

ГЛАВА II.

Вычегда отъ Усть-Кулома до устья Мылвы. Вычегодскіе луга. Села Керчемъ и Усть-Немъ. Кельтмы и Екатерининскій каналъ.

Съ Усть-Кулома, собственно говоря, начиналось наше путешествіе до него мы проѣхали тѣ мѣста, какія проѣзжали уже въ прошломъ году, далѣе-же намъ предстояло видѣть все новое, все интересное и немногими видѣнное. Отсюда-же начинался путь по совершенно неизвѣстному фарватеру, такъ какъ пароходы ходятъ только до Усть-Кулома, да и то не все лѣто, дальше-же случаи прохода пароходовъ, исключительно въ весеннюю воду, настолько рѣдки, что составляютъ собою даты, къ которымъ въ разсказахъ пріурочиваются событія мѣстной жизни. Нерѣдко приходится слышать фразы: это было, когда пароходъ проходилъ, или, на другой годъ послѣ того, какъ проходилъ пароходъ, и т. п.

За Усть-Куломомъ Вычегда течетъ въ низкихъ берегахъ по очень широкой долинѣ. Конечно, она становится, чѣмъ дальше, тѣмъ уже и

Село Усть-Куломъ.

извилистѣе, но ширина ея долины, кажется, наоборотъ, дѣлается все больше и вся она, вѣроятно, представляетъ собою или готовые уже покосы или мѣста, годныя для образованія сѣнокосныхъ угодій: стоитъ только ихъ расчистить отъ кустарника и мелкаго лѣса, которыми они заросли. Такъ можно предполагать, судя по тому, что мы видимъ, проѣзжая по рѣкѣ: въ иныхъ мѣстахъ придвинулись къ песчаному берегу ивовыя кусты, а за ними виденъ мѣшаный лѣсъ: ель, сосна, береза, въ иныхъ лѣсъ подступаетъ къ самому берегу, но всюду, гдѣ лѣсъ и кусты отступаютъ и оставляютъ съ берега свободныя пространства, вездѣ раскидываются прекрасные луга, покрытые высокой по поясъ, густою, сочною травой.

Вычегда пустынна, пустыннѣе, чѣмъ была до Усть-Кулома; не видно ни деревень, ни полей, все лѣсъ, да лѣсъ надвинулся съ обѣихъ сторонъ. Куда ни взглянешь, всюду столбами поднимаются дымы отъ лѣсныхъ пожаровъ, легкіе и прозрачные подъ солнцемъ, и то сизые, то ярко бѣлые на противоположной сторонѣ; часто мы видимъ, какъ вдругъ начинаетъ медленно подниматься темный, тяжелый дымъ на свѣжемъ мѣстѣ, медленно ползетъ онъ выше и выше, подпираемый снизу все новыми клубами и, наконецъ, поднявшись высоко длиннымъ столбомъ на нашихъ глазахъ, вершина его обращается въ облако, неподвижно стоящее въ небѣ; вѣроятно, пары, захваченные имъ снизу при горѣніи сырыхъ матеріаловъ, сгущаются и обращаются въ облако, какъ скоро попадаютъ въ холодное теченіе воздуха. Мы долго наблюдали нѣсколько дымовъ съ такими облаками и спорили о причинахъ этого явленія и, наконецъ, пришли къ вышеприведенному объясненію. Съ утра дымы пожаровъ ясно между собою раздѣлялись, но во второй половинѣ дня всѣ они составляли уже нѣчто общее и вся окрестность и рѣка затянулись голубымъ туманомъ; характерный запахъ лѣсного пожара распространился повсюду и преслѣдуетъ насъ, куда бы мы ни пошли.

Къ вечеру мы подъѣзжаемъ къ Керчему. Здѣсь и дальше вверхъ по Вычегдѣ, людскія поселенія на берегахъ ея располагаются гнѣздами — село и нѣсколько деревень вокругъ него, обыкновенно считаемыя за одну единицу, а до этого гнѣзда и послѣ него до слѣдующаго простирается сплошной лѣсъ, охватывающій эти немногіе оазисы и прижавшій ихъ къ берегу.

Немного не доѣзжая Керчема, долина Вычегды раскидывается на нескончаемое пространство и къ самому Керчему становится прямо необозримой; правый берегъ весь состоитъ изъ ушедшихъ вдаль, насколько глазъ хватаетъ, луговъ, а на лѣвомъ берегу, далеко за долиной, синѣютъ горы, поднимающіяся террасами; дымъ лѣсныхъ пожаровъ затянулъ все вокругъ и дальнія горы тонутъ въ голубомъ туманѣ; синіе лѣса по гребнямъ ихъ замыкаютъ этотъ колоссальный амфитеатръ. Самое село Керчемъ расположилось въ этой долинѣ и

церковь его бѣлѣетъ довольно далеко отъ берега; кругомъ нея видн какъ-будто деревни, рощи высятся тамъ и сямъ и всюду, куда ни взглянешь, все покосы и покосы.

Этотъ чудный, открытый видъ, пестрѣющій вдали деревнями съ бѣлою церковью села, съ рощами и нескончаемыми лугами, был для насъ совершенною неожиданностью и поражалъ насъ своею необычностью; нельзя было повѣрить, что мы на Вычегдѣ, сѣверной, пустынной, лѣсной рѣкѣ, такъ мало картина эта походила на тѣ, къ какимъ мы успѣли уже привыкнуть, плавая по ней; какъ будто и нѣт здѣсь лѣсной пустыни, сдавившей и рѣку, и ютящіяся по ея берегамъ немногія людскія гнѣзда, напротивъ, просторъ и ширина необычайные, словно знаменитые заливные луга по Окѣ или другой какой-нибудь рѣкѣ средней Россіи, а не далекаго, заброшеннаго сѣвера. При взглядѣ на эту пропадающую въ голубой дали долину на эти необозримые луга съ прорѣзающей ихъ серебряной лентой рѣки, невольно въ головѣ зарождаются мысли о недостачѣ земли и думается, что вопросъ этотъ на самомъ дѣлѣ не долженъ бы имѣть подъ собою никакой почвы у насъ, въ Россіи; велика она и нѣтъ въ ней числа богатымъ и привольнымъ мѣстамъ, гдѣ могли бы найти приложеніе своей энергіи и жажды труда многія тысячи народа. Неужели можно говорить объ аграрныхъ затрудненіяхъ въ странѣ, гдѣ сотни милліоновъ десятинъ, готовыя отдать всѣ свои вѣками накопленныя богатства, напрасно ждутъ людей, которые приложили бы къ нимъ свои руки.

Наступаетъ уже вечеръ, солнце все ниже и ниже склоняется къ горизонту и едва пробиваетъ затянувшій все кругомъ дымъ; красноватые лучи его сверкаютъ и горятъ на крестѣ далекой колокольни и въ окнахъ разбросанныхъ по долинѣ селеній; даль все болѣе заволакивается голубымъ туманомъ и сливается съ мглою горизонта. На рѣкѣ среди этихъ необозримыхъ луговъ видна лодка, въ видѣ темной точки, и издали видно, какъ въ тактъ, ритмически вспыхиваетъ искрами въ отраженныхъ лучахъ заходящаго солнца, то съ одной стороны темной точки, то съ другой ея весло.

Пароходъ останавливается у берега, гдѣ собралась огромная толпа народа; вѣроятно, все населеніе этой долины сошлось сюда, привлеченное такими необыкновенными явленіями, какъ проѣздъ губернатора и проходъ парохода. Впереди толпы у двухъ развѣвающихся національныхъ флаговъ стоитъ группа должностныхъ лицъ съ хлѣбомъ солью; нѣсколько поодаль стоятъ лѣсники и при нихъ, по всей формѣ верхомъ, съ ружьемъ за плечами и съ сумкой черезъ плечо — объѣздчикъ; въ толпѣ видны телѣги, лошади, вѣроятно, многіе пріѣхали сюда кто въ экипажѣ, кто верхомъ, нѣсколько всадниковъ видны и сейчасъ среди народа. Наряды на всѣхъ хорошіе, только непріятно какъ то дѣйствуютъ въ изобиліи видимые „спинжаки“ и шляпы. Бабы вс

разряжены необычайно ярко: алые, зеленые и желтые цвѣта такъ и пестрятъ. Намъ надо набрать топливо, и для этого, оказывается, пароходъ отъ мѣста остановки долженъ пройти нѣсколько сотъ саженъ назадъ къ тому мѣсту, гдѣ сложены заготовленныя дрова. Едва онъ двинулся, какъ вся эта толпа понеслась берегомъ, не отставая отъ медленно перебирающаго колесами парохода; кто бѣжитъ рысью, перескакивая рытвинки и канавки, кто, по старости лѣтъ, едва труситъ, кто верхомъ, кто на телѣгѣ, все это несется параллельно съ нами. На остановкѣ еще бросалась въ глаза отдѣльно стоявшая группа молодежи, не смѣшивавшаяся съ толпой и державшая себя какъ-то особенно солидно, вѣроятно, мѣстная интеллигенція. Эта группа спокойно, не торопясь, тоже двинулась за пароходомъ и нѣкоторое время шла шагомъ, всѣмъ своимъ видомъ показывая, что въ событіи этомъ нѣтъ ничего особеннаго, что они видали и не такіе виды и этимъ ихъ не удивишь, но вскорѣ она стала таять, такъ какъ нѣкоторые изъ членовъ не могли устоять противъ соблазна и сперва переходили на легкій трусокъ, чтобы не очень отстать отъ парохода, а затѣмъ начинали преизрядно галопировать, попросту, смѣшавшись съ чернью, задувать во всѣ лопатки. Чрезвычайно красивую картину представляла собою эта пестрая несущаяся по берегу толпа. Пароходъ остановился у дровъ и толпа также остановилась и предалась созерцанію.

На пароходъ явился съ докладомъ къ И. М. Шемигонову объѣздчикъ.

— Сколько въ твоемъ объѣздѣ десятинъ? — спрашиваетъ Иванъ Михайловичъ послѣ рапорта.

— 267 тысячъ,—молодцевато отвѣчаетъ тотъ; это другими словами 2 съ половиною тысячи квадратныхъ верстъ, т. е. площадь земли верстъ 25 ширины да верстъ 100 длины. Объѣздъ солидный, чтобы объѣхать его, надо проѣхать 250 верстъ.

Изъ разспросовъ узнаемъ, что то, что казалось намъ разбросанными по долинѣ деревушками, и есть самое село Керчемъ, оно тянется съ перерывами на 6 верстъ. Село это со своею волостью, а также и сосѣдняя волость Усть-Немская, замѣчательны особымъ промысломъ, который здѣсь изстари существуетъ; промыселъ этотъ ни болѣе ни менѣе, какъ возведенное въ цѣлую систему нищенство; всю зиму Керчемцы и Усть-Немцы бродятъ по Пермской губерніи и собираютъ милостыню. Для этой цѣли семья посылаетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ и это вовсе не является здѣсь слѣдствіемъ нужды и средствомъ борьбы съ нею; посылаютъ нищенствовать своихъ дѣтей и зажиточные люди, и даже нерѣдко у ведущихъ торговлю дѣти на зиму уходятъ въ Пермскую губернію за подаяніемъ. Этотъ промыселъ называется по-зырянски „корышъ-ясъ". Весною всѣ эти нищіе возвращаются домой, нѣкоторые и на лошадяхъ, а остававшіеся дома

родные встрѣчаютъ ихъ торжественно, выѣзжая цѣлыми поѣздам
имъ навстрѣчу. Дѣвушки заработываютъ себѣ приданое, побираяс
по зимамъ, и „хорошая" нищая не засидится въ дѣвкахъ, а являетс
для Керчемскихъ и Усть-Немскихъ „дѣтинъ" завидною невѣстой. Уди
вительный промыселъ и было-бы очень интересно прослѣдить его про
исхожденіе; вѣроятно, онъ сложился вслѣдствіе какихъ-либо существо
вавшихъ когда-то причинъ, а теперь такъ и продолжается по инерці
благодаря своей выгодности, такъ какъ сейчасъ причинъ, которы
оправдывали-бы его существованіе, подыскать совершенно нельзя; во
лости эти, какъ говорятъ, не бѣдныя, да и вообще здѣсь живут
много побогаче центральной Россіи, а вѣдь и тамъ нигдѣ не суще

Впаденіе Кельтмы въ Вычегду.

ствуетъ нищенства въ видѣ общаго промысла. Набравъ дровъ, тро
нулись вверхъ, и опять вся толпа понеслась въ перегонки за нами
опять керчемская аристократія, смѣшавшись съ народомъ, галопи
руетъ по берегу, искусно беря препятствія.

Верстахъ въ двухъ за Керчемомъ проѣзжаемъ устье вливаю
щейся въ Вычегду среди безконечныхъ луговъ сѣверной Кельтм
заброшеннаго сейчасъ пути въ Волжскій бассейнъ; отсюда верстъ 15
до притока Камы, южной Кельтмы, и всего 335 верстъ и до само
Камы. Когда-то возможности соединенія Сѣверо-Двинскаго и Волж
скаго бассейновъ именно этимъ путемъ было придано большое зн
ченіе и въ 1785 году, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, был
начаты работы по соединенію Кельтмъ каналомъ. Каналъ строил
очень долго, войны съ Турціей, Швеціей и отечественная сильно з
тянули его постройку и онъ открытъ былъ только при Императо

Александрѣ I въ 1822 году. Сдѣланъ онъ былъ совершенно прямымъ около 18 верстъ длиною, шириною 4 сажени по дну, съ 3 шлюзами. У начала канала, въ деревнѣ Канавской, была выстроена даже церковь, уже давно перенесенная въ с. Ныробъ, въ 40 верстахъ отъ Чердыни на рѣкѣ Колвѣ.

При постройкѣ канала была допущена очень крупная ошибка: каналъ-то былъ устроенъ хорошо, а рѣки, по которымъ къ этому каналу надо было добираться, приведены въ порядокъ не были, и судоходство, совершенно свободное по каналу, по этимъ рѣкамъ возможно было только въ прибылую воду, въ меженную-же проходить къ каналу безпрепятственно могли только мелкія суда, слѣдствіемъ чего и явилась необходимость каналъ этотъ бросить, такъ какъ расходы по его эксплоатаціи, изъ-за малаго количества проходящихъ по нему грузовъ, совершенно не окупались, что и было сдѣлано при Императорѣ Николаѣ I, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Съ того времени каналъ этотъ не только остался безъ надзора, но даже постепенно приводился въ негодность самими жителями здѣшнихъ краевъ, засаривавшими его лѣсомъ при расчисткахъ. Такова историческая часть Екатерининскаго канала*).

Въ настоящее время эта, можно сказать, лазейка съ С. Двины на Волгу представляетъ изъ себя слѣдующую картину: р. Кельтма, притокъ Вычегды беретъ начало изъ мховаго болота „Гуменецъ", изъ котораго беретъ начало и южная Кельтма, притокъ Камы—обычное явленіе въ здѣшнихъ мѣстахъ: юго-восточная часть Усть-Сысольскаго уѣзда и сѣверо-восточная Чердынскаго съ протянувшимися по нимъ въ разныхъ направленіяхъ отрогами Урала и зачатками Тиманскаго хребта представляютъ собою площадь, дающую начало рѣкамъ трехъ бассейновъ: С. Двинскаго, Печорскаго и Волжскаго. Могучіе горообразовательные процессы, собравъ въ складки земную кору и выдѣливъ, среди множества мелкихъ, двѣ огромныя почти въ одномъ направленіи — Уралъ и Тиманъ, въ данной мѣстности образовали нѣсколько неправильныхъ хребтовъ, идущихъ въ разныхъ направленіяхъ между Ураломъ и началомъ Тиманскаго хребта и съ этихъ-то хребтовъ, почти безъ исключенія изъ громадныхъ болотъ, вмѣстилищъ скопившейся между складками воды, и берутъ начала рѣки трехъ огромныхъ бассейновъ: С. Кельтма, Немъ, Ю. Мылва — притоки Вычегды, Ижма, С. Мылва — притоки Печоры, Колва, Ю. Кельтма — притоки Камы. И сами Печора и Вычегда зарождаются на этомъ водораздѣлѣ.

С. Кельтма течетъ отъ канала до Вычегды 146 в., принимая въ себя нѣсколько притоковъ съ обѣихъ сторонъ. Ширина ея отъ 6 с. у канала до 50 с. у устья, а глубина ея лѣтомъ колеблется отъ 1 с. до

---

*) „Печорско-сѣверо-двинско-камскій водораздѣлъ и его пути сообщенія". Попова.

2 четвертей, весною же достаточна для прохода судовъ и Кельтма даже становится доступной для пароходовъ до устья притока ея р. Вочъ на 55-ой верстѣ. На ней есть селенія: въ 37 в: отъ канала починокъ „Кирда“ изъ 4 дворовъ и деревня Канавская изъ 20 дворовъ при самомъ устьѣ канала, да есть еще 2 избушки. По притокамъ Кельтмы Вочу и Прупу, также есть селенія, по Вочу въ 48 в. отъ устья два селенія, верхній и нижній Вочъ, по Прупу въ 70 в. отъ устья—верхній и нижній Прупъ.

Самый каналъ заплылъ обваливающеюся съ береговъ землею ширина его сажени въ 3, а въ 3-хъ мѣстахъ онъ съуженъ до $1^{1}/_{2}$ саж и глубина въ этихъ съуженныхъ мѣстахъ доходитъ до 2-хъ вершковъ при спадѣ же водъ общая ширина канала бываетъ аршина въ 4, а глубина около $^{1}/_{2}$ аршина. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ каналъ съуженъ обвалами, при плаваніи приходится его запруживать брезентами и скапливать воду, чтобы проѣхать; это возможно, такъ какъ въ каналѣ есть теченіе отъ р. „Джуридзь“ къ с. Кельтмѣ. Каналъ выведенъ не въ Ю. Кельтму, а въ притокъ ея съ лѣвой стороны Джуридзь, а самую Ю. Кельтму онъ пересѣкаетъ на половинѣ своего пути, очень узенькую—почти у ея истоковъ; Джуридземъ отъ канала до Ю. Кельтмы надо проѣхать 36 верстъ, и затѣмъ Кельтмой до Камы 172 версты, изъ которыхъ 2 версты отъ устья Джуридзя Кельтма течетъ по Вологодской губерніи, а остальныя уже по Пермской. По пути этому ходятъ все лѣто только лодки съ грузоподъемностью до 300 пудовъ, съ большими или меньшими затрудненіями, въ зависимости отъ горизонта воды.

Главнымъ камнемъ преткновенія при плаваніи по этому пути является С. Кельтма, а затѣмъ Джуридзь, на которыхъ, какъ обыкновенно бываетъ на лѣсныхъ рѣчкахъ, встрѣчается масса заваловъ и страшная засоренность потонувшимъ ломомъ; Ю. Кельтма, хотя и имѣетъ мели, но въ общемъ гораздо и глубже, и шире Сѣверной и плаваніе по ней совершенно не затруднено. Говорятъ, что по ней даже на пароходѣ возможно проѣхать. Всѣ эти подробныя свѣдѣнія о Кельтмахъ и каналѣ собраны отъ мѣстныхъ жителей, частью только бывавшихъ на этомъ пути, частью живущихъ въ расположенныхъ по Кельтмамъ деревняхъ.

Думается, что каналъ этотъ, если бы былъ устроенъ, какъ слѣдуетъ, и, дѣйствительно, давалъ бы возможность въ продолженіи всей навигаціи передвигать грузы изъ Камы въ Вычегду, не пришелъ бы къ такому печальному концу и не заплылъ бы; во всякомъ случаѣ онъ оказался бы удобнѣе настоящаго пути съ Камы на Вычегду черезъ волокъ между притокомъ Нема, р. „Немды“, и р. Волохомъ, притокомъ Березовки впадающей въ Чусовское озеро. Вопросъ о его возобновленіи возникалъ не разъ: въ 1875 г. горный начальникъ Вологодской и Архангельской губерній г. Хирьяковъ представлялъ докладъ о необходимости возобновленія Екатерининскаго канала, въ 1884 г. г. Фоминъ говорилъ

о пользѣ его возобновленія, въ 1895, 96 и 97 году объ этомъ-же говорили земскія собранія. Не надо-ли и въ самомъ дѣлѣ подумать объ его востановленіи? Конечно, чтобы рѣшать этотъ вопросъ, свѣдѣнія должны быть собраны самыя точныя, изслѣдованія должны быть произведены самыя серьезныя и обдумать его слѣдуетъ не какъ Пермь-Котласскую дорогу.

Надо замѣтить, что въ 1888 году министерствомъ путей сообщенія было ассигновано 1130 руб. „на производство рекогносцировки по р. Вычегдѣ и старому Сѣверо-Екатерининскому сообщенію", причемъ было поручено „собрать данныя для выясненія вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ Сѣверо-Екатерининское водное сообщеніе, по количеству и свойству могущихъ войти въ составъ его водныхъ путей водопитающихъ бассейновъ, можетъ, при надлежащемъ его устройствѣ, обезпечить приспособленіе этого воднаго пути для перевозки сибирскихъ и мѣстныхъ грузовъ, съ цѣлью заграничной отправки таковыхъ черезъ Архангельскъ". Это было 20 лѣтъ назадъ и интересно было бы узнать результаты этой рекогносцировки, но гдѣ ихъ искать – одному Господу Богу извѣстно.

Вычегда 75 в. выше Усть-Кулома.

Проѣхали мы за Керчемъ верстъ 10, и берега еще болѣе измѣнили свой видъ; положительно не вяжется сознаніе, что ѣдешь за тысячу съ лишкомъ верстъ къ сѣверо-востоку отъ Вологды, съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производятъ эти измѣнившіеся берега; пока ѣдешь по Вычегдѣ, глазъ уже успѣлъ привыкнуть къ обычному пейзажу песчаныхъ береговъ съ надвинувшимся къ самой рѣкѣ почти исключительно хвойнымъ лѣсомъ; уже къ Керчему Вычегда измѣняетъ свой характеръ и идетъ открытыми мѣстами, а здѣсь она становится совершенно похожей на южныя рѣки: хвойный лѣсъ пропалъ, купы лиственныхъ деревьевъ картинно раскинуты по открытымъ лугамъ, съ довольно высокихъ береговъ узкой уже здѣсь рѣки къ самой водѣ сползаютъ живописныя группы разнообразныхъ

кустовъ, а между кустами и деревьями лужайки, покрытыя великолѣп ной травой и только изрѣдка въ купахъ деревьевъ стройно поды маются къ небу высокія ели. Неугасающая заря горитъ впереди, и п лугамъ между деревьями, и по небу протянулись синія нити дыма днев ныхъ пожаровъ; они затихли на ночь, дымъ ихъ укладывается и воз духъ становится опять чистымъ и прозрачнымъ. Удивительно кар тинна Вычегда въ этомъ мѣстѣ своего теченія и просто не вѣрится, чт ѣдешь среди всей той же лѣсной пустыни и глуши.

Ѣдемъ мы очень не быстро: фарватеръ не извѣстенъ, часто прихо дится прибѣгать къ наметкѣ, а нерѣдкое скрежетаніе желѣзныхъ бортовъ парохода обо что-то такое заставляетъ идти съ большою опаской. Эт царапаютъ бока и дно нашего парохода, иногда заставляя его даж вздрагивать, карчи—затонувшія деревья; много валится ихъ въ рѣк вмѣстѣ съ подмываемыми медленно берегами, много ихъ несетъ весен няя вода, пока или не приткнутся они гдѣ-нибудь къ берегу, или н зацѣпятся своими корнями за дно рѣчное и не затонутъ, пропитавшис водою, и лежатъ такія деревья, всѣ скрытыя подъ водой, растопыривъ свои сучья. Лежитъ карча всегда по водѣ, такъ какъ зацѣпляется за дн корнями, и теченіемъ ее непремѣнно выправитъ по руслу рѣки; поэтому плыть внизъ по рѣкѣ съ карчами довольно безопасно—судно будетъ только пригибать карчу и ея сучья, при плаваніи же противъ воды всѣ карчи будутъ лежать навстрѣчу, и наѣхать на такую штуку н безопасно; иногда карча представляетъ собою совершенно острое крѣпко сидящее въ днѣ, замытое, длинное бревно и налетѣть на нег значитъ, рисковать minimum проткнутіемъ дна или бока судна; бывал случаи, что такая карча разворачивала желѣзный корпусъ парохода и какъ иглой пронизывала его почти до палубы. Хорошо, если глубин такая, что карча выставляетъ сверхъ воды, хотя маленькую свою вѣ точку; тогда отъ нея бѣгутъ по рѣкѣ вслѣдствіе теченія двѣ расходя щіяся стрѣлкой бороздки и издали еще можно замѣтить по этому признаку скрытую опасность и объѣхать, но часто она лежитъ вся в водѣ и узнавать о ея присутствіи приходится только тогда, когда он зачертитъ по дну, или по борту парохода.

Вотъ этими-то карчами и изобилуетъ Вычегда въ верхнемъ своем теченіи, и чѣмъ дальше мы подвигаемся, тѣмъ карчей этихъ попадаетс все больше и больше; пропорціонально все увеличивающемуся их количеству растетъ и осторожность капитана Зеленковича, которы уже не сходитъ съ вахты и стоитъ у штурвала и день, и ночь.

Пароходы выше Усть-Кулома не ходятъ, значитъ, и лоцманов нѣтъ, но нашъ капитанъ все-таки досталъ въ Усть-Куломѣ какого-т зырянина, знающаго рѣку, какъ рыболовъ, и вотъ теперь онъ ведет нашего „Самоѣда", толково, увѣренно и внушаетъ во всѣхъ нас полное къ себѣ довѣріе своею солидностью, неторопливостью и мо чаливостью; они вдвоемъ съ капитаномъ и не сходятъ сверху, зо

кіе глаза лоцмана далеко замѣчаютъ всякій намекъ на карчу, и мы благополучно минуемъ этихъ враговъ, покушающихся ткнуть насъ то съ того, то съ другого бока. Обидно становится, когда опущенная наметка показываетъ глубину 10—12 четвертей, значитъ, плыть тутъ можно бы было какимъ угодно ходомъ, отбросивъ всякія мысли о меляхъ, а въ дѣйствительности приходится идти ощупью, въ лучшихъ случаяхъ только среднимъ, а зачастую слышишь, какъ капитанъ командуетъ въ машину: „тихій ходъ“ и оттуда, какъ эхо, раздается „есть тихій ходъ“, а иногда и „самый тихій ходъ“ и тогда пароходъ, медленно ворочая колесами, начинаетъ едва выгребать противъ теченія, а впереди и съ той, и съ другой стороны бѣгутъ, искрясь на солнцѣ, длинныя струи отъ скрытыхъ подъ водою карчей. Капитанъ сердится на нихъ и съ злорадствомъ сообщаетъ, что казною уже ассигнованы деньги на 2 карче-подъемника; видимо, когда они будутъ у него въ рукахъ, онъ объявитъ безпощадную войну этому тормазу судоходства по Вычегдѣ. Боязнь за цѣлость ввѣреннаго ему парохода заставляетъ капитана не одинъ разъ намѣчать пункты, дальше которыхъ пароходъ не можетъ идти, но наши убѣжденія и свойственная русскому человѣку склонность къ риску дѣлаютъ то, что мы все ѣдемъ да ѣдемъ впередъ, несмотря даже на зловѣщія предсказанія встрѣтившихся намъ у устья Кельтмы рыбаковъ, которые говорили, что пароходу не пройти дальше какого-то острова, гдѣ Вычегда дѣлится на 2 рукава, отчего образуется мель да къ тому же оба рукава всѣ завалены карчами; мы было уже и духомъ упали и капитана перестали убѣждать пробовать двигаться дальше, да, къ счастью, утромъ попались зыряне изъ д. Жежимы, которые убѣдили, что идти можно еще далеко, миновавъ одно мелкое мѣсто, а тамъ опять будетъ саженная глубина: „Вотъ только карчи“, прибавляютъ они и эту фразу, что если бы не карчи, то хоть на броненосцѣ можно бы было ѣхать по Вычегдѣ, мы слышали много разъ, а впослѣдствіи и сами убѣди-

Деревня Жежима на Вычегдѣ.

лись, что, хоть не на броненосцѣ, а на обыкновенномъ пароходѣ со вершенно безопасно можно бы подняться въ меженную воду по Вы чегдѣ далеко за принятый предѣлъ судоходности, если бы не эт отвратительныя карчи.

Верстахъ въ 17 за Керчемомъ пароходъ проходитъ перекопью сдѣланною жителями этого села, которые, перекопавъ перешеекъ въ 100 саженъ, выкинули петлю Вычегды въ цѣлыя 4 версты. Характеръ Вычегды не мѣняется до деревни Жежимы—въ 35 в. отъ Керчема и въ 65 отъ Усть-Кулома; и все время идутъ тѣ-же великолѣпные луга съ разбросанными по нимъ группами лиственныхъ деревьевъ, все время радуютъ глаза и яркія, свѣже-зеленыя березы, и бархатныя ели, и свѣтлыя серебристыя ивы, склонившіяся къ водѣ. Небо съ утра глу, бокое, голубое, безъ одного облачка. Недалеко за Жежимой проѣз жаемъ перекатъ, четверти на 4, а дальше опять наметка показываетъ 8—10—12 четвертей, и пароходъ при ясномъ, радостномъ свѣтѣ утра оставляетъ мрачныя ночныя мысли объ опасности карчей и идетъ полнымъ ходомъ.

Верстахъ въ 8 за Жежимой пейзажъ мѣняется; открытые виды лужайки становятся рѣже, надвигается съ обѣихъ сторонъ лѣсъ, Вы чегда замѣтно суживается. Версты 3—4 дальше мы проѣзжаемъ и съ правой, и съ лѣвой стороны одновременно ея старицы; видимо, она виляла тутъ когда-то такъ, что почти описывала цифру 8, а теперь сама спрямила свой ходъ, перерѣзавъ перешейки въ узкой части этой цифры и образовавъ изъ правой петли озеро, по названію „Седвисъ лыва" (Песчаное озеро), а лѣвая петля до сихъ поръ сохраняетъ связь съ рѣкою и не заростаетъ, такъ какъ въ нее впадаетъ рѣчка „Виль-ю".

Въ 25 верстахъ за Жежиму лѣсъ опять разступается и видны деревни Лебяжская и недалеко за ней Парчевская. Здѣсь правый берегъ опять сталъ гористымъ и по гребнямъ этихъ горъ съ увалами между ними протянулась деревня Парчевская, состоящая изъ трехъ кыфтытъ-парча, шёръ-парча и катытъ-парча т. е. верхняя, средняя и нижняя, всѣ на вершинахъ холмовъ, а между ними увалы, а въ общемъ одна очень длинная деревня; за ней опять идетъ лѣсъ и по правому нагорному берегу, и по лѣвому низкому. Горы праваго берега, всѣ по крытыя лѣсомъ, видны выступами за каждымъ поворотомъ рѣки и вдали вырисовываются синимъ силуэтомъ.

Ясное и прозрачное, голубое съ утра небо теперь сѣро и непро зрачно, солнце видно на немъ желтымъ пятномъ безъ блеска, во кругомъ подернуто голубымъ туманомъ—это все затянулъ дымъ отъ лѣсныхъ пожаровъ, затихшихъ на ночь и опять разгорѣвшихся днемъ

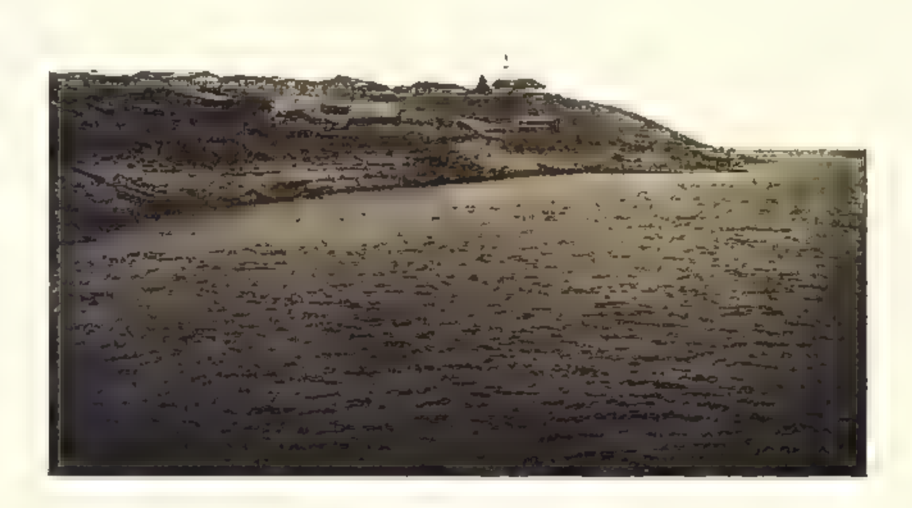
На одномъ изъ дальнихъ выступовъ горъ видна бѣлая церковь села „Усть-Немъ", къ которому мы и подъѣзжаемъ; и тутъ устроена встрѣча съ хлѣбомъ и солью, флагами, аркой. Село это огромно

Р. Вычегда 8 верст выше д. Жежима

поражающее своей длиной, протянулось горамъ по пяти съ перевалами между ними; въ немъ 1040 ревизскихъ душъ; при привычкѣ зырянъ селиться широко, село съ такимъ количествомъ жителей растянулось ужасно, выйдешь на берегъ и, насколько глазъ хватаетъ, все оно тянется вдоль берега. Разстояніе его отъ Усть-Кулома 130 верстъ.

Пока стоитъ пароходъ, мы разспрашиваемъ нѣкоторыхъ изъ собравшихся на берегу о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ.

С. Усть-немъ на Вычегдѣ.

Хмѣль, который мы видѣли въ огородахъ, какъ видно изъ разспросовъ, садятъ только для своего употребленія, для пива домашняго приготовленія и родится онъ хорошо, и вызрѣваетъ отлично. Также для своего употребленія сѣютъ ленъ и коноплю и съ такимъ-же успѣхомъ. Рожь, яровая пшеница и ячмень родится обыкновенно самъ 5 -6, но жители жалуются на недостатокъ пашни, и опять не отдѣлишь этихъ жалобъ отъ необходимости поземельнаго устройства зырянъ. Съ прошлаго года, говорятъ жители, стали брать земли подъ расчистку у казны и, значитъ, уже дѣло устройства начинаетъ осложняться, и чѣмъ далѣе оно будетъ отложено, тѣмъ осложненій этихъ будетъ все больше и больше. Скотъ въ У.-Немѣ весь камолый и малодойный; обыкновенный удой полведра, корова, которая доитъ ведро, считается рѣдкостью. Среднiй Усть-Немецъ держитъ 2 3 лошади, 3—4 коровы, 8—10 овецъ, въ общемъ, какъ можно заключить изъ разсказовъ Усть-Немцевъ, живется здѣсь недурно.

Усть-Немъ есть тотъ пунктъ до котораго проходили когда-то пароходы весной въ полую воду, далѣе-же по Вычегдѣ никогда ни одинъ пароходъ не поднимался, и появленіе нашего будетъ для многихъ жителей тамошней мѣстности положительнымъ чудомъ. Капитанъ рѣшается идти и дальше, такъ какъ мы и сами не видѣли и въ Усть-Немѣ не получили никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы предполагать, что дальнѣйшее плаваніе будетъ хуже.

Дымъ лѣсныхъ пожаровъ все болѣе сгущается, солнце свѣти какимъ-то желтымъ, даже красноватымъ свѣтомъ безъ блеска; слѣ парохода подъ солнцемъ уже не похожъ на расплавленное серебр не искрится и не сверкаетъ, а переливается безъ лучей, желтый, ка золото. Недалекія горы видны синими силуэтами, а подальше и с всѣмъ пропадаютъ въ дыму. Отъ Усть-Нема до с. Мыелдина, коне наго пункта нашей пароходной ѣзды, дальше котораго намъ и не на было ѣхать, на протяженіи 40 вер., попадаются среди лѣса три зас ленныхъ оазиса—деревни Курья-дорская, Киршигская и Козь-ю-до ская, а далѣе и само село Мыелдино.

Вычегда и въ этой части изобилуетъ лугами, раскинувшимися по обоимъ берегамъ, то по одному лѣвому, который все время остает низкимъ, и они составляютъ ея характерную особенность, ее мож назвать, начиная отъ Керчма, рѣкою луговъ. Между Усть-Немомъ Мыелдинымъ слѣдуетъ отмѣтить въ ея теченіи много попадающих старицъ, которыя, по большей части, становятся глухими, заболоченны заводями.

Самое село Мыёлдино, куда прибыли уже къ вечеру, часовъ въ 6-т отстоитъ отъ Усть-Кулома на 170 верстъ, и, такимъ образомъ, мы пр ѣхали въ меженную воду 170 верстъ далѣе того пункта, до котора Вычегда извѣстна, какъ судоходная рѣка, такъ сказать, изслѣдова возможность судоходства по неизслѣдованной части Вычегды на 170 верстъ. Оказалось, что судоходство вполнѣ возможно, глубина фарватера вездѣ совершенно достаточная, если же серьезнымъ препятствіемъ для судоходства являются карчи, то, вѣдь, ихъ выловить только одинъ разъ будетъ трудно, такъ какъ существующее сейчасъ количество ихъ является результатомъ долголѣтняго накапливанія, а потомъ надо будетъ только не запускать рѣку и вылавливать эти карчи ежегодно и тогда трудъ этотъ не будетъ очень великъ. Конечно, карчей около Мыёлдина или Усть-Нема врядъ-ли скоро доберется

Вычегда 90—100 в. выше Усть-Кулома.

итанъ Зеленковичъ въ своей войнѣ съ этими врагами, много у него ѣла предстоитъ и на низовьяхъ Вычегды да и медленно вообще движеніе всякихъ дѣлъ въ путяхъ сообщенія. Возьмите, напримѣръ, журалы Вологодскаго губернскаго земскаго собранія за старые годы, амъ съ 1872-го года каждый годъ земцы, еще не дошедшіе въ тѣ ремена до убѣжденія, что мелководье на Сухонѣ бываетъ отъ того, то въ Россіи нѣтъ конституціи, и смотрѣвшіе съ тогдашней точки рѣнія на мѣстныя пользы и нужды, все постановляли ходатайствовать бъ упорядоченіи водныхъ путей, связанныхъ съ Вологдою, да ходаайства эти повторять, а много ли сдѣлано этого упорядоченія за 5 лѣтъ. И до сихъ поръ по Сухонѣ лѣтомъ едва-едва можно проратьться, да и то только маленькими пароходиками, а большіе уже съ оня начинаютъ ходить внизу Двины только отъ и до Котласа. Впроемъ, все-таки болѣе, чѣмъ тридцатилѣтнія ходатайства подѣйствовали, теперь Двину, хоть по ночамъ, освѣщаютъ и, какъ кажется, собиаются освѣтить и Вычегду. Ясно, что тридцатилѣтнія ходатайства мотъ привести къ какимъ-нибудь результатамъ, но о расчисткѣ и эслѣдованіи верхняго теченія Вычегды никто не ходатайствуетъ, такъ о тутъ срокъ нельзя уже будетъ измѣрять такими малыми единицами ремени, какъ десятки лѣтъ.

Собственно говоря, своимъ проходомъ въ меженную воду на 70 верстъ далѣе конечнаго пункта судоходства по Вычегдѣ мы провели ту именно работу, которую давно бы слѣдовало произвести миниерству путей сообщенія, а произведена она, можно сказать, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ для этого понадобилось такое экстраординарное событіе, какъ поѣздка губернатора на пароходѣ съ осадкою коло аршина въ эти отдаленныя мѣста; не будь ея и, вѣроятно, еще деятки лѣтъ ни одинъ казенный пароходъ не сунулся бы дальше Усть-Кума. Да и пароходовъ, приспособленныхъ къ плаванію по сѣвернымъ елководнымъ рѣкамъ, у водяного управленія не имѣется: нашъ „Самоѣдъ" совершенно не приспособленъ, во-первыхъ, онъ и сидитъ глубоко, во-вторыхъ, въ немъ есть одинъ недостатокъ конструкціи, о чемъ уже упоминалъ: „Самоѣдъ"—пароходъ старый, не одинъ разъ передѣлывался и, благодаря этимъ передѣлкамъ, теперь сидитъ въ водѣ не овно—корма значительно глубже, чѣмъ носъ, и тамъ, гдѣ носъ проходитъ свободно, корма цапаетъ за дно. Мелко-же сидящаго судна, на которомъ экспедиція могла бы плыть и по рѣкамъ въ родѣ Мылвъ, Кельтмъ, лыча, не имѣется совершенно; по крайней мѣрѣ, на ходатайство о редоставленіи экспедиціи такого судна, былъ полученъ отвѣтъ, что, отя одно такое судно и имѣется, но находится въ такомъ состояніи, то безъ опасности развалиться не можетъ быть стронуто съ мѣста. І это въ той странѣ, въ которой весь сѣверъ не имѣетъ никакихъ ныхъ путей сообщенія, кромѣ водяныхъ, и въ то время, какъ въ Пеербургѣ возсѣдалъ международный конгрессъ рѣчного судоходства

Демчинскій въ одной изъ своихъ статей такъ характеризовалъ дяное вѣдомство: „знаетъ ли кто-нибудь изъ русскихъ граждан томъ, что такое „водяное сообщеніе". Течетъ рѣка—и слава Богу обмелѣла—и нѣтъ ея, вотъ тебѣ и вся наука о русскихъ водяныхъ общеніяхъ". Истинно такъ.

Какъ бы то ни было, все-таки до Мыёлдина мы добрались на емъ „Самоѣдѣ" и работу за министерство путей сообщенія сдѣла

Въ Мыёлдинѣ мы не медлимъ и сейчасъ-же принимаемся за регрузку багажа въ приготовленныя лодки. Пока мы выбираемъ и пробуя, и пока идетъ перегрузка, на берегу стоитъ все село, всѣ п шли посмотрѣть на губернатора, на поднесеніе ему хлѣба-соли и пароходъ; о послѣднемъ все-таки, хотя понятіе нѣкоторые имѣли, а п вый, конечно, для всѣхъ безъ исключенія являлся до сихъ поръ сов шенно отвлеченнымъ понятіемъ.

Мыёлдино стоитъ на правомъ берегу Вычегды, на довольно вы кой горѣ, почти въ 1400 верстахъ отъ Вологды. Сверху отъ цер открывается широкій видъ на зарѣчные луга, по которымъ вьется В чегда, но, къ сожалѣнію, все затянуто дымомъ и дали не видно, н сѣрое, тяжелое и солнце не свѣтитъ. Въ Мыёлдинѣ добывается извес которой оно и снабжаетъ всю здѣшнюю мѣстность, продавая ее р лей около 25 за кубическую сажень.

Теперь намъ предстояло, согласно намѣченному плану, перебрат изъ Вычегды въ Печору, пользуясь притоками той и другой—Сѣверн и Южною Мылвами. Намъ было извѣстно уже до нѣкоторой степен состояніи этого пути изъ дѣлъ управленія государственныхъ и ществъ, куда бывшимъ здѣсь когда-то лѣснымъ ревизоромъ Скак скимъ былъ представленъ даже проектъ соединенія Мылвъ канало и мы знали изъ него, что намъ предстоитъ подняться Южной Мыл до впаденія въ нее р. Иктыля около 70 верстъ, потомъ Иктылемъ переволока верстъ 20 и оттуда, перетащивъ свои лодки 4 версты Сѣверной Мылвы, спуститься по ней верстъ 250 до Печоры. Вотъ т путь, который намъ предстояло сдѣлать—340 верстъ на лодкахъ глухимъ лѣснымъ рѣчкамъ, путь, давно извѣстный и заброшенный; въ старыя времена двигались въ Сибирь сольвычегодскіе купцы, д жавшіе въ своихъ рукахъ всю сибирскую мѣховую торговлю и же, по слѣдамъ ихъ, собирались проѣхать и мы, задавшись цѣлью нести изъ этой поѣздки опредѣленное мнѣніе о возможности соеди нія Вычегды съ Печорой воднымъ путемъ.

Въ 8 часовъ перегрузка наша была кончена, мы сѣли въ лодк отправились къ устью рѣки Южной Мылвы, верстахъ въ 8 отъ Мы дина. Идемъ на шестахъ, пробираясь у самаго берега, и нашъ к ванъ изъ 8 лодокъ, извиваясь по всѣмъ его загибамъ, ползетъ редъ, какъ змѣя. Солнце въ видѣ краснаго шара, далеко еще не до до мглы, лежащей на горизонтѣ, начинаетъ тухнуть и исчезать,

кругомъ сине отъ заполнившаго весь воздухъ дыма. Отъѣхавъ немного отъ села, встрѣчаемъ рыбаковъ, у которыхъ въ садкѣ оказывается нѣсколько штукъ стерлядей, и, конечно, не упускаемъ случая купить такую привлекательную рыбину. Рыбаки продаютъ ихъ по 50 к. за ф., если стерлядь тянетъ фунта 3—4, когда-же мы прицѣнивались къ штукѣ фунтовъ на 9, то съ насъ запросили по 1 р. 30 к. за фунтъ, съ чѣмъ мы согласиться не могли, совершенно не видя основанія оплачивать втрое не вкусъ, а величину рыбы, и рѣшили взять лучше нѣсколько мелкихъ. Поздно уже подъѣхали мы къ Мылвѣ, вошли въ нее и остановились на ночлегъ.

ГЛАВА III.

Южная Мылва. Иктыль. Лѣсное хозяйство. Свѣдѣнія о Печорскомъ краѣ. Разсказъ о путешествіи Рабо.

Мылва впадаетъ въ Вычегду, хотя довольно глубокимъ, но оче узкимъ горломъ, и мы, не зная о томъ, что это узкое мѣсто только п устьѣ, приходимъ въ недоумѣніе, видя, что по такой маленькой р ченкѣ и думать нечего о плаваніи на пароходѣ, а въ представле нашемъ изъ проекта Скаковскаго сложилось объ этой рѣкѣ понят какъ о судоходной. Потомъ оказалось, что это она почему-то толь при устьѣ такъ съужена, ни дать, ни взять совершенная Вуква. мѣстѣ остановки оказался по старой выгари прекрасный лугъ, силь заросшій чемерицей и кустарниками, которые всѣ перевиты длинны плетями atragene съ ея разрѣзными листьями и дѣвственно-бѣлы цвѣтами.

Спать легли мы, какъ уже у насъ выработалась практика ѣз на лодкахъ въ прошломъ году, забравшись въ нихъ и принявъ мѣ предохраненія отъ казни египетской, пережившей тысячи лѣтъ,—о комаровъ. Пока мы ѣхали на пароходѣ, эти враги, способные отрав все существованіе, не давали себя особенно чувствовать: и дымъ и трубы парохода, и вѣтерокъ отъ его движенія, и удаленіе отъ бе говъ, все это не допускало ихъ въ полной мѣрѣ совершать на на свои нападенія; пробовали они предварительно насъ поѣсть тол когда мы выходили на берегъ, но стоило намъ перебраться въ лод какъ они начали давать себя знать, но все-же сначала мы еще бы въ состояніи отбиваться отъ нихъ, не прибѣгая къ накомарникамъ ѣхалъ въ одной лодкѣ съ И. М. Шемигоновымъ, преобразивъ въ маленькую комнату: по стѣнамъ у насъ были развѣшаны ба метръ, гигрометръ, термометръ, оружіе и фотографическіе аппара толстый слой соломы снизу прикрытъ кошмой, когда же мы ра нули пологъ и укрылись шубами, то почувствовали себя великолѣп совершенно не хуже, чѣмъ дома на кроватяхъ, а даже и мн лучше; чистый воздухъ былъ уже прямымъ преимуществомъ прот спанья дома, и заснули мы прекрасно подъ тихое, однообразное ж

Устье Ю. Мылвы

чаніе воды, омывающей струями нашу лодку, а когда проснулись утромъ и выглянули изъ-подъ своего полога, насъ сразу охватило и тепломъ, и солнечнымъ сіяніемъ, и раздающимися изъ лѣсу разнообразными птичьими голосами; ясное, прекрасное утро настраивало насъ жизнерадостно, но и комары своего не опускали и тотчасъ же открыли противъ насъ войну и заставили, не раздумывая долго, достать накомар-

Ю. Мылва на 4 чёмкасѣ отъ устья.

ики и облечься въ это спасительное, но не особенно пріятное приспо-эбленіе. Накомарники и перчатки пришлось не снимать все время, пока ы плыли по Мылвамъ.

Южная Мылва течетъ въ достаточно высокихъ берегахъ, покрыыхъ мѣшанымъ лѣсомъ; много березы, черемухи, рябины, смородины, алины; вездѣ, гдѣ луговинки, ростетъ превосходная трава; у самой оды берега всюду ею покрыты. Рѣка не похожа на ея впаденіе и ириною здѣсь саженъ 10, при глубинѣ 6—8 четвертей. Сейчасъ въ олномъ цвѣту черемуха и начинаетъ расцвѣтать рябина, стройные укеты которой съ ея ажурною листвою высятся среди мягко кругляцихся серебристыхъ прибрежныхъ купъ тальника. Среди лиственныхъ

породъ кое-гдѣ иглами вонзаются въ небо острыя стройныя ели. П
падается много шиповника и его нѣжно розовые цвѣты скромно в
глядываютъ изъ пышной береговой зелени.

Общее впечатлѣніе веселое и жизнерадостное, далекое отъ то
мрачнаго, какое произвела на насъ въ прошломъ году Вуква, и э
впечатлѣніе жизнерадостности и веселости такъ и осталось у насъ
всей Южной Мылвѣ до самаго впаденія въ нее ея мрачнаго притока
Иктыля. Наши зыряне разсказываютъ, что на Южной Мылвѣ мно
ягодъ, ловится много рыбы, главнымъ образомъ, харіусъ и сигъ, мно
сѣна и хорошій пушной промыселъ. С И. Турбинъ, какъ охотник
замѣчаетъ на прибрежномъ пескѣ слѣды выдры, и зыряне подтверждают
что ея здѣсь попадается много. Все это еще больше склоняетъ наш
симпатіи къ этой милой рѣчкѣ, и мы даже къ комарамъ относимся какъ-
снисходительнѣе; а они такъ и наровятъ какъ-нибудь впиться въ нас
чуть стоитъ прикоснуться носомъ или ухомъ къ сѣткѣ накомарник
какъ уже чувствуешь въ этомъ мѣстѣ уколъ ихъ острыхъ жалъ.

На днѣ рѣки лежитъ много карчей, берега также сильно завален
и всякимъ ломомъ, принесеннымъ рѣкою, и свалившимися тутъ ж
деревьями. Надо сказать, что Южная Мылва всѣмъ своимъ теченіем
проходитъ по совершенной пустынѣ, на ней нѣтъ ни одного посел
и человѣкъ бываетъ здѣсь только за рыбой или звѣремъ, да пріѣде
въ своей лодчонкѣ покосить травы, болѣе тутъ ему нечего дѣлать.

Зыряне, ѣдущіе съ нами, Южную Мылву хорошо знаютъ, быва
на ней не одинъ разъ, знаютъ и счетъ ея по чемкасамъ, мѣра кот
рыхъ здѣсь, какъ и на Ухтѣ, приблизительно та же, т. е. 6 верстъ. Пр
выкнувъ къ этому счету еще въ прошломъ году, мы спрашивае
зырянъ о разстояніяхъ по рѣкѣ и они, быстро сообразивъ, что э
намъ интересно для согласованія нашего счета верстъ съ ихъ счетом
начинаютъ уже сами объявлять о концѣ каждаго чемкаса и нача
другого. Намъ было извѣстно по промѣрамъ Скаковскаго, что
Ю. Мылвѣ надо ѣхать 70 верстъ и ея притокомъ, Иктылемъ, 50, а все
до переволока въ С. Мылву—90. На 2-омъ чемкасѣ сильная быстри
саженъ на 50, образовавшаяся изъ-за завала дна карчами, по назван
„Динъ-лӧвъ". („Лӧвъ" значитъ порогъ, образовавшійся изъ-за завало
а „кось"—каменистый порогъ).

Южная Мылва, а впослѣдствіи оказалось и всѣ эти сѣвер
лѣсныя рѣчки, представляютъ собою просто царство куликовъ;
парами поднимаются съ береговъ, летятъ посвистывая впереди лодо
перепархивая, какъ бабочки, надъ самой водой съ берега на берегъ
звонъ ихъ голосовъ слышенъ все время. Долго перелетаютъ они т
впереди каравана и, наконецъ, рѣшившись, какъ стрѣлы, проносятся
черезъ наши головы назадъ къ оставленному позади гнѣзду. А по бе
регамъ лѣсъ весь поетъ, такая въ немъ масса всякихъ птахъ, вд
слышно кукованіе кукушки, и все это радуется и живетъ, купаясь

жаркихъ лучахъ солнца, безконечно льющихся на землю; весь лѣсъ ими пронизанъ и самая густая глубина его сквозитъ ихъ свѣтомъ.

Удивительно картинный лѣсъ съ его самою природою распредѣленными купами деревьевъ, кустовъ и полянокъ. А пришлый человѣкъ и здѣсь свою руку прикладываетъ и, конечно, поганитъ и оскверняетъ природу: замѣтно по берегамъ много подпаленнаго лѣса; его жгутъ и рубятъ безъ толку, безъ смысла и нѣтъ возможности уберечь его, защитить отъ разрушительныхъ наклонностей людскихъ.

Ю. Мылва.

Вотъ мы ѣдемъ Южной Мылвой по Помоздинскому лѣсничеству, которое равняется полутора милліонамъ десятинъ, и всѣ эти полтора милліона находятся въ вѣдѣніи одного лѣсничаго. Это вѣдь надо сообразить, что такое представляютъ собою полтора милліона десятинъ. Впечатлѣніе такое, что очень много, а сколько же именно? Это будетъ 14.400 кв. верстъ, или 16.380 кв. километровъ. Вся Саксонія равняется 14.900 кв. километровъ, Эльзасъ-Лотарингія—14.500 кв. километровъ. Вотъ какими кусками приходится управлять у насъ одному лѣсничему, а для управленія этого у него имѣются 11 лѣсниковъ. Если мы сравнимъ съ нашими сѣверными лѣсничества германскія, то окажется вотъ что: въ Германіи самыя крупныя лѣсничества находятся въ восточной Пруссіи, изъ нихъ одно изъ крупнѣйшихъ, Шмальнигское, близь Тильзита, и равняется оно 67.000 гектаровъ, т. е. 61.120 десятинъ — въ сравненіи съ Помоздинскимъ лѣсничествомъ площадь въ 25 разъ меньшая, если-же сравнить его съ лѣсничествомъ Печорскимъ, равнымъ $5^1/_2$ милліонамъ десятинъ, то Шмальнигское лѣсничество будетъ составлять только $^1/_{90}$ часть Печорскаго. Устройство его и порядокъ, въ какомъ оно находится, уже не въ 25 разъ лучше нашего, а, можно сказать, ничего общаго съ порядкомъ нашихъ лѣсничествъ не имѣетъ: оно разбито на 300 кварталовъ, каждый кварталъ около 203 десятинъ. Какими микроскопическими являются эти кварталъчики по сравненію съ нашими въ тѣхъ

лѣсничествахъ, гдѣ лѣсъ, хотя разбитъ на кварталы, каждый въ 64 версты, т. е. 6.656 десятинъ.

Кварталы въ Шмальнигскомъ лѣсничествѣ раздѣлены просѣкам изъ которыхъ идутъ поочередно: 2 двухсаженныя, съ выкорчеванны пнями, съ дорогами для верховой ѣзды и пѣшеходными, третья четыре саженная шоссированная, съ мостами и выровненная, потомъ опять 2 пѣшеходныя, третья—шоссе и т. д. Такой порядокъ, конечно, для наши сѣверныхъ лѣсничествъ прямо немыслимъ, но сущность-то этого уди вительнаго порядка—доступность лѣса во всѣхъ его уголкахъ, нео ходимое условіе и для нашихъ недоступны сейчасъ лѣсовъ, ес есть намѣреніе вести нихъ хозяйство, кот рое давало бы побол 5 коп. съ десятины, и о хозяйствѣ этомъ тр буется теперь очень с рьезно подумать.

Ю. Мылва на 5 чёмкасѣ отъ устья.

Наши сѣверны лѣсничества стоятъ с вершенно въ особом положеніи и, какъ э ни странно сказать, лѣсъ въ нихъ долженъ быть на огромныхъ пл щадяхъ истребленъ Ему предстоитъ имен истребленіе, уничтож ніе, безъ котораго н мыслима здѣсь никак колонизація, и теперь передъ этимъ неизбѣжнымъ и неотвратимы явленіемъ слѣдуетъ озаботиться, чтобы надвигающееся истреблен не застигло врасплохъ и чтобы неизмѣримые здѣшніе лѣса, предст вляющіе собою огромную стоимость, вмѣсто того, чтобы при свое исчезновеніи влить свою цѣнность въ общую рѣку русскаго народна богатства, не улетѣли бы дымомъ къ небесамъ. Было бы дико, непр зволительно и преступно, если бы это случилось, и избѣжать это необходимо; какими мѣрами сдѣлать это—пусть думаетъ министерст пока еще есть время. Думается, что, при обсужденіи этого вопро первымъ выдающимся пунктомъ логически явится вопросъ о соедине Печоры съ Вычегдой и Камой.

Если считать работу лѣсничаго пропорціональною той площа лѣсовъ, которая ему поручается, то выйдетъ, что на нашего лѣснич

возлагается работа въ 30 разъ большая, чѣмъ на нѣмецкаго, т. е., другими словами, одинъ нашъ лѣсничій долженъ работать за 30 нѣмецкихъ лѣсничихъ. Тутъ, какая работоспособность ни будь въ человѣкѣ, все равно ему всей работы никогда не передѣлать, а потому и представляютъ изъ себя наши лѣса пустыню первозданную, потому и приносятъ они дохода около пятачка съ десятины.

На нашей лодкѣ ѣдетъ „ямщикомъ“ лѣсникъ Николай; вся Южная Мылва и Иктыль находятся въ его обходѣ, а всего у него въ обходѣ ни много, ни мало 85.806 десятинъ. Характерно какъ мы, путешествуя по сѣверу, привыкаемъ къ тамошнимъ грандіознымъ масштабамъ; когда Николай на вопросъ: сколько у него въ обходѣ десятинъ? сказалъ, что 8 тысячъ. „Врешь, врешь, самъ не знаешь, что-нибудь путаешь“,— сразу заговорили мы, такъ дико намъ показалось измѣреніе обхода не десятками и не сотнями тысячъ десятинъ и совсѣмъ сконфузили блѣднаго Николая, который, посображавъ немного, конфузливо поправился: „85 тысячъ“. Конечно, это не 278 тысячъ, какъ И. М. Шемитронову рапортовалъ о своемъ обходѣ лѣсникъ на Ухтинскомъ перевокѣ, а все-таки пространство недурное — почти 850 кв. верстъ. При томъ въ обходѣ нѣтъ не только дорогъ, но и тропъ, единственное сообщеніе по водѣ. Кто же при такомъ положеніи будетъ защищать здѣшніе лѣса отъ безсмысленнаго, безтолковаго истребленія ихъ человѣкомъ? И являются они и безпризорными, и беззащитными.

На 3-мъ чемкасѣ съ лѣваго берега впадаетъ въ Мылву ручей „Водья-іоль“, текущій изъ находящагося верстахъ въ 2—3 отъ берега озера, какъ разсказываютъ зыряне, каменистаго, со многими ключами и изобилующаго харіусами. Началомъ 5-го чемкаса зыряне считаютъ ручей „Шерлопъ-іоль“, недалеко отъ котораго на Мылвѣ опять очень длинная быстрина, образовавшаяся вслѣдствіе завала дна карчами. Зовутъ ее зыряне „Шерлопъ-лӧвъ“, т. е. порогомъ, но въ сущности порога она не представляетъ и даже ни малѣйшаго сходства не имѣетъ съ порогами Вымскими или Ухтинскими; здѣсь все ограничивается тѣмъ, что приходится посильнѣе попихаться шестомъ, а дальше опять тихое мѣсто и лодки быстро скользятъ по гладкой поверхности рѣки. На 5-омъ чемкасѣ, у самой рѣки, озеро „Югыдъ-тыкеля“ (Свѣтлое озеро), тянущееся версты на $1^1/_2$, очень мелкое и, какъ говорятъ, очень рыбное. Оно находится на лѣвомъ берегу и, судя по его расположенію, вѣроятно, представляетъ собою старицу Мылвы. Такихъ озеръ по берегамъ обѣихъ Мылвъ попадается не мало, всѣ они представляютъ собою старицы и нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ еще сохранили съ одного конца связь съ рѣкой и представляютъ собою глухія заводи. Отсюда же стали попадаться въ лѣсу первыя лиственницы.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ береговая растительность становится все пышнѣе: къ зарослямъ смородины, малины, шиповника, жимолости и другихъ кустовъ, мягко закругляющихся по высокимъ берегамъ, присоединились

еще кусты spirea surbifolia съ ея мелкою разрѣзною листвой, и все э
цвѣтетъ и нѣжится подъ солнцемъ, перевитое цѣпкими нитями ць
тущей atragene. Жара страшная, въ тѣни 21° R.

Общее пріятное впечатлѣніе, производимое Мылвой, порти
только полная непроходимость ея береговъ; они такъ заросли, так
масса на нихъ навалена всякаго лома, что положительно нѣтъ возмо
ности ступить шагу безъ риска переломать себѣ ноги. Выйдешь
берегъ, сдѣлаешь попытку пройти по нему и кончаешь тѣмъ, что опя
лѣзешь въ лодку. Для того, чтобы сдѣлать привалъ, приходится дол
ѣхать и выискивать мѣстечка, гдѣ бы можно было расположиться.

При впаденіи рѣчки „Мышеръ-іоль"—конецъ 6-го чемкаса и н
чало 7-го, т. е. какъ разъ должна быть половина пути по Ю. Мылв
а всего мы въ этотъ день проѣхали 9 чемкасовъ до р. „Пома-іолі
т. е. верстъ 50 — 55. На 9-мъ чемкасѣ на Мылву съ праваго бере
выходитъ очень высокая гора, вся покрытая лѣсомъ. Рѣка стала уж
но глубина остается все та же—аршинъ, 6 четвертей, у самаго бере
2 четверти. Берега ужасно крутые и довольно высокіе, не во всяком
мѣстѣ можно взобраться наверхъ и все также непроходимы, лѣсъ ве
заваленъ ломомъ, немного отступя отъ береговъ полоса прибрежны
болотъ, вездѣ кочки, покрытыя и свѣжей травой, и остатками никог
не косившейся, путающейся подъ ногами и не дающей ступить шаг

Я уже упоминалъ, что къ намъ въ Усть-Куломѣ присоединил
Печорскій урядникъ Е. А. Поповъ, заслужившій себѣ извѣстность, ка
неустрашимый проводникъ французскаго путешественника Рабо. Ра
сказъ Попова объ этомъ путешественникѣ такъ интересенъ и та
характеренъ, что я постараюсь привести его цѣликомъ. Поповъ—з
рянинъ и по-русски говоритъ съ особымъ акцентомъ, который не п
редашь на бумагѣ, и съ особыми оборотами рѣчи, что дѣлаетъ ра
сказъ его еще характернѣе.

- Ну такъ какъ же вы, Поповъ, путешествовали съ Рабо, ра
скажите-ка?—спрашиваемъ мы.

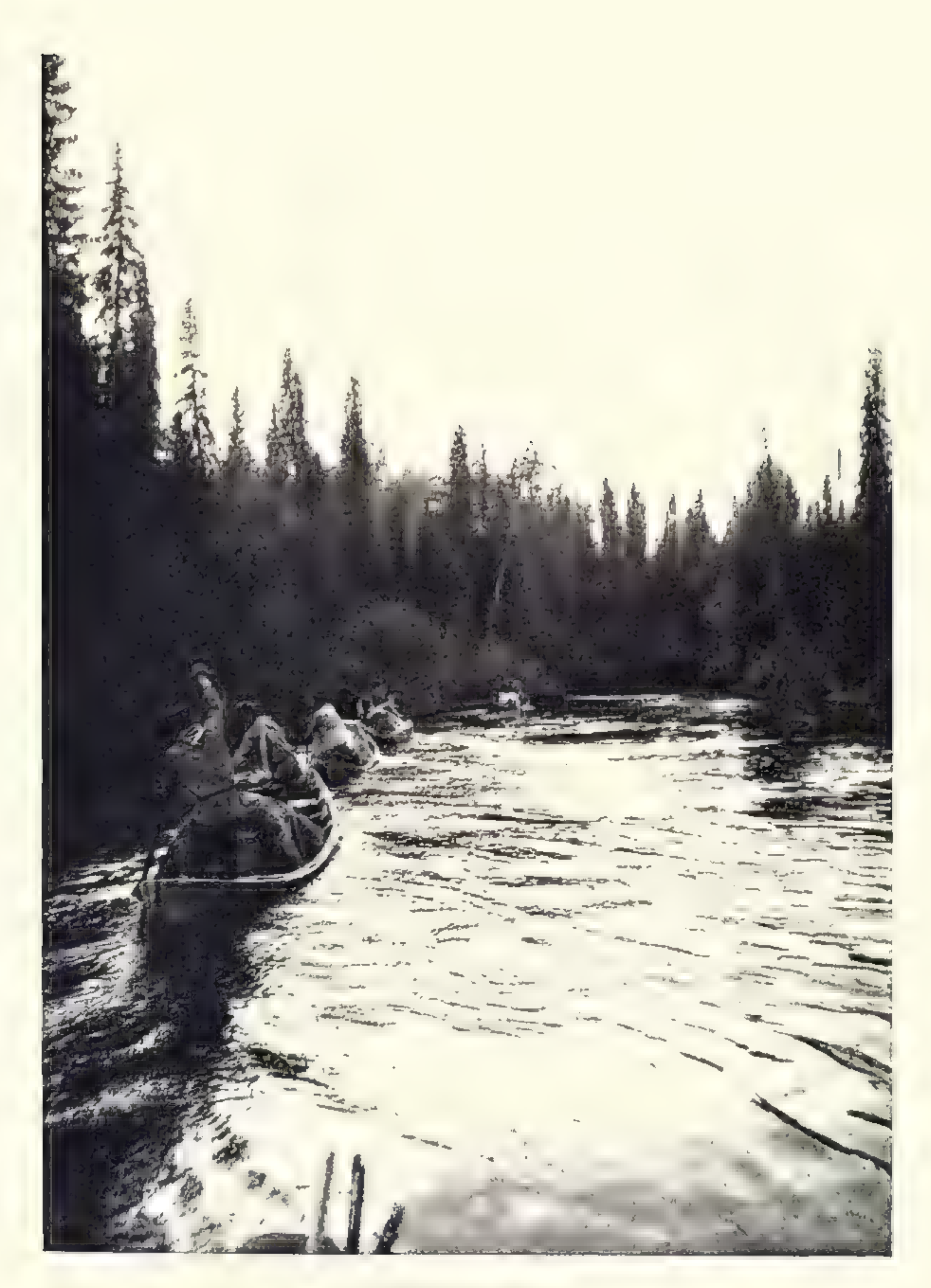
— Это было въ 1890 году,—началъ свой разсказъ Поповъ.—Въ
время я былъ уже 3½ года въ Печорскомъ краѣ урядникомъ, оди
на 3 волости. Получаю телеграмму отъ исправника, чтобы ѣха
на Якшинскую пристань, Чердынскаго уѣзда, и встрѣтить тамъ пу
шественниковъ. Тотчасъ же я поѣхалъ и встрѣтилъ тамъ путеш
ственника Рабо (Поповъ дѣлаетъ удареніе на первомъ слогѣ) и пер
водчика его, господина Баянусъ, русско-подданнаго студента, око
чившаго университетъ. Какъ только встрѣтились, они сейчасъ
заставили меня искать потерянныя въ пути 2 мѣста, которыя, на
быть, у нихъ украли; въ Якшѣ они хватились этихъ мѣстъ, а ихъ
нѣтъ. Была уже ночь и я не поѣхалъ тотчасъ искать пропавшихъ
щей, да и понятыхъ ночью негдѣ было взять, утромъ же сталъ иск
по дорогѣ, которою они ѣхали,—и на 7-ой верстѣ очутился въ оч

густомъ еловомъ лѣсу, и по лѣсу тому протекаетъ ручей; тутъ я замѣтилъ новыхъ лошадиныхъ слѣдовъ и пошелъ по нимъ, и нашелъ пропавшія 2 мѣста, висящими на ели, и съ радостью отправился обратно къ путешественникамъ. Это было въ 20 верстахъ отъ Якши, и я завтра поѣхалъ лодкой и возвратился къ нимъ. Очень обрадовались они, такъ какъ одно мѣсто было съ инструментами, другое съ разными форменными одеждами. Въ деревнѣ „Мамыль“, гдѣ я привезъ имъ найденныя мѣста, прожили они недѣлю, все производили свою работу, собирали насѣкомыхъ, рыбъ, разныя старыя вещи, потомъ поѣхали къ Троицко-Печорскому 120 верстъ лодкой, но тамъ пробыли малое время и поѣхали на пароходѣ въ Щугоръ. Съ Якши они начали снимать планъ и ѣхали, все снимали планъ. Со Щугора вздумали ѣхать въ Тобольскую губернію черезъ Уральскій хребетъ, сперва Щугоромъ 100 верстъ, а послѣ на лошадяхъ, для этого потребовали остяковъ съ лошадьми. Остяки прибыли съ 5 лошадьми изъ-за Урала на Щугоръ и долго дожидались Рабо и Баянуса, которые поѣхали отъ села Щугора верстъ 150 лодкой сперва, а потомъ уже, доѣхавши до остяковъ, поѣхали берегомъ верхомъ, а багажъ везли на парѣ на санкахъ; дорога зимняя и колесами ѣздить по ней нельзя, и лѣтомъ ѣдутъ на санкахъ. Наконецъ, на Уралѣ участокъ мой кончился и я отказывался ѣхать съ ними далѣе, въ чужую губернію, и хотѣлъ возвратиться, но Рабо меня не пустилъ, потому что другой полиціи не было. Два дня я не соглашался ѣхать съ ними въ чужой участокъ, опасался, а они два дня платили поденщину своимъ остякамъ и все дожидались, чтобы я согласился, уговаривая меня и убѣждая, что мнѣ ничего не будетъ за сопровожденіе ихъ и по чужому участку. Наконецъ, когда они мнѣ сказали, что если я не буду ихъ сопровождать, они возвратятся во Францію, ничего не сдѣлавъ, а меня за это уволятъ, я согласился. Поѣхали дальше и 2-го августа пріѣхали въ с. Ляпинское, и пробыли тамъ 2 сутокъ, покупали у

Ю. Мылва на 5 чёмкасѣ отъ устья.

остяковъ изъ бересты сдѣланныя вещества и кошельки изъ н
лимовыхъ шкуръ — и вообще покупали все негодное: старыя руж
и другія негодныя вещи. На третій день поѣхали вверхъ по р. Л
пину. Верстъ семь отъѣхали, вышли въ лѣсъ и саженяхъ въ 1
отъ берега нашли капище остяцкое. Нашли совершенно случайно
никто не зналъ, что тутъ оно есть. На сѣверной сторонѣ его сд
ланы прясла и на каждой чадинѣ (?) повѣшены ситцы, сукна разн
штаны, пояса зырянскіе и всякихъ издѣлій множество, а на нихъ мѣдн
кольца; на углахъ повѣшены платки и ситцевыя вязки и въ нихъ з
вязаны деньги, мѣдныя и серебряныя. Англицкихъ матерій и шелковы
не было. На правой сторонѣ стоитъ амбаръ на высокихъ ножкахъ,
запертой; отворили дверь и въ немъ увидѣли идола, красивый, н
ростъ человѣка, даже очень красивый. Глаза, какъ мнѣ показалос
серебряные, а лицо выкрашенное, борода волосяная, ростомъ съ н
стоящаго человѣка, одѣтъ хорошимъ суконнымъ пальтомъ, паль
ниже колѣна, опоясано синимъ кушакомъ, шаровары зеленоватаı
сукна, ноги и руки сдѣланы изъ желѣза. Въ этомъ же амбарѣ съ пр
вой стороны стоялъ еще идолъ. Тотъ толстый, здоровый, а этотъ как
мальчикъ 17 лѣтъ, одѣтъ похуже, также суконнымъ пальтомъ стара
фасона съ борами, сукно тоже похуже; по зырянски пальто такое н
зывается азямъ. Лице у этого идола блѣдное, руки и ноги тоже сдѣ
ланы желѣзныя. Съ лѣвой стороны также стоялъ идолъ, какъ мальчик
7 лѣтъ, одѣтъ только въ рубаху и шаровары. Противоположно это
амбара длинный столъ, какъ въ казармахъ у солдатъ, на столѣ 8—
мисокъ, а подъ мисками лежали ложки. По сторонѣ стола много ло
шадиныхъ костей: остяки болѣе всего любятъ и ѣдятъ лошадей. Н
переди вывѣшенныхъ платковъ висѣлъ барабанъ, подходящій военном
и 2 палочки. Рабо послалъ сейчасъ одного рабочаго въ лодку принест
брезентъ и въ него уложили 3-хъ идоловъ, барабанъ, 2 палочк
2 миски, 2 ложки. Рабо говорилъ, что за столомъ у нихъ спрятан
казна, но ее не взяли, а всѣ предметы сперва взяли на планъ фото
графіей и послѣ понесли въ лодку. Отплыли версты 3 обратно и усл
шали человѣческіе голоса, кричатъ что-то; смотримъ—плывутъ 2 лодк
и въ каждой по 6 человѣкъ, а насъ было всего 10 человѣкъ, и у тѣх
было по 3 ружья на лодку. Они остановили насъ и стали отбират
идоловъ; я не даю, а они отнимаютъ. У насъ лодка была больша
я говорю рабочимъ: „помогайте мнѣ“, но рабочіе-русскіе отказалис
и помогать мнѣ не стали. Мы болѣе полчаса спорили, наконецъ,
обнажилъ шашку и тогда, послѣ получаса, они стали просить добром
предлагали за идоловъ сколько угодно денегъ. Хотя мы и не зна
ихъ языка, но такъ можно было понять. Мы идоловъ не отдали и п
ѣхали, а они версты 2 гнались за нами и все просили, потомъ возвр
тились. Рабо сдѣлалъ ящикъ, уложилъ въ нихъ идоловъ и потомъ
Березова отправилъ посылку эту прямо въ Парижъ. Изъ с. Ляпинска

Ю. Мылва на 6 чёмкасъ.

Рабо и г. Баянусъ наняли ижемскихъ зырянъ и поѣхали лодкой сначала по Ляпину, потомъ по Сосвѣ и по Оби поднялись до пристани Самары, гдѣ бываютъ пароходы. Оттуда пароходомъ поѣхали въ Тобольскъ. Останавливались еще въ Березовѣ по р. Сосвѣ, тамъ тоже покупали разныхъ вещей по части географіи. Въ каждомъ городѣ жили трое сутокъ, пріѣхали въ Тобольскъ, тамъ была уже приготовлена квартира; къ губернатору ходили дважды и, навѣрное, по ихъ просьбѣ, губернаторъ призывалъ и меня къ себѣ и велѣлъ накормить обѣдомъ. Въ Тобольскѣ мы были 12-го августа и поѣхали оттуда на лошадяхъ. Губернаторъ далъ намъ до Тюмени свою повозку, а изъ Тюмени мы поѣхали по желѣзной дорогѣ въ Екатеринбургъ и Пермь. Въ Перми Рабо сталъ требовать, чтобы я проводилъ его до Москвы, обѣщаясь дать мнѣ для возвращенія до Троицко-Печорскаго пару лошадей, но я говорилъ ему, что если еще далѣе поѣду, то умру; мнѣ было ужасно тяжело все время ихъ сопровождать. „Ладно, говоритъ, отпустимъ". Стали просить открытаго листа, чтобы мнѣ ѣхать обратно, но полиціймейстеръ не далъ; пошли просить къ губернатору, тотъ тоже отказалъ; тогда дали мнѣ 50 рублей на дорогу, своихъ денегъ у меня не было. Когда мы прощались, Рабо и спрашиваетъ меня, что я болѣе желаю получить въ награду: французское двухствольное ружье или серебряную медаль; я и говорю: знаю, что французскія желѣзныя издѣлія очень хороши, значитъ, и ружье будетъ хорошо; но ружье будетъ любо мнѣ одному, а медаль будетъ люба и мнѣ, и всѣмъ моимъ роднымъ, поэтому желаю медаль. Такъ они и записали. Медаль, они говорили, пришлютъ черезъ годъ и успокаивали меня, что Россійское правительство не откажетъ мнѣ, чтобы получить ее. Ожидалъ я годъ, медали нѣту, ожидаю другой — нѣту, третій годъ уже не ожидаю, а медаль пришла и меня вызвалъ исправникъ и выдалъ мнѣ, но не серебряную, а золотую и при ней свидѣтельство отъ президента французской рес-

Ю. Мылва.

публики на наслѣдственное право въ моемъ семействѣ ношенія медали.

Много интереснаго въ этомъ разсказѣ: и та протокольная точн съ которой Поповъ указываетъ всѣ данныя, и спокойная защита однимъ противъ 12-ти остяковъ ограбленнаго у нихъ имуществ точка зрѣнія Попова на всѣ обстоятельства, но интереснѣе вотъ какой эпизодъ: когда ему предлагаютъ выборъ награды, онъ бираетъ не ту, которая дороже и, можетъ быть, даже нужнѣе, которая имѣетъ интересъ не только лично для него, но и для друг онъ принимаетъ въ соображеніе, что часть того удовольствія, к будетъ испытывать онъ отъ этой медали, несомнѣнно, перейдет его и родныхъ, и односельчанъ, и многіе съ гордостью будутъ г рить: „*нашему* Евлампію Арсеньевичу медаль дали",—и онъ выбир медаль, а не ружье.

Трудно точно формулировать то, что чувствуется въ этомъ зодѣ, но долженъ сказать, что это что-то, похожее на способность вз нуть на вещи повыше матеріальной точки зрѣнія, приходилось вс чать не у одного Попова, а и у другихъ зырянъ и настолько нерѣ что у меня это „что-то" даже какъ-то выдѣлилось въ характерную особенность. Поднимаешь, напримѣръ, камень съ какой-нибудь окам лостью, положимъ, на Сухонѣ; русскій человѣкъ хитритъ, подходу все старается выпытать, не представляетъ-ли такой камень какой- цѣнности и нельзя ли набрать такихъ камней да продать, какъ бы не продешевить, и все думаетъ, что вы его непремѣнно надува хотите такихъ камней побольше набрать да потомъ продать дорес а его лишить такого прибыльнаго заработка. Съ зырянами разгов по поводу такихъ находокъ принимаетъ совсѣмъ другое направл они спрашивали не о томъ, сколько такой камень можетъ стоить, томъ, что означаетъ на немъ этотъ отпечатокъ, отчего камень леж на сушѣ, а на немъ ракушки, какъ онѣ попали сюда, если и в близко нѣтъ, и приходилось имъ чуть на маленькую лекцію по геол читать.

Съ нами по Щугору ѣхалъ зырянинъ, у котораго былъ о недурной бинокль. Происхожденіе его оказывается таково: онъ ѣз въ качествѣ работника съ профессоромъ Берлинскаго универси Рихтеромъ и когда пришлось разставаться, попросилъ у него вм заработанныхъ имъ денегъ дать ему такую интересную и чуде вещь. Если вспоминать, можно подобрать и не одинъ еще прим подобнаго рода.

Весь предыдущій разсказъ Попова мы выслушали, сидя въ ло пока доѣзжали послѣдніе чекмасы до 9, проѣханныхъ въ этотъ Какъ самъ коренной Печорскій житель, да къ тому же изъѣзди этотъ край вдоль и поперекъ, когда былъ однимъ урядникомъ на три Печорскія волости, Поповъ является знатокомъ Печоры во в

отношеніяхъ и сообщаетъ намъ о ней много интереснаго. Мы узнали отъ него, что по Печорѣ зыряне—сплошные почти старовѣры, держатъ коровъ до 6—7, менѣе 2-хъ ни одинъ не держитъ, лошадей держатъ до 5—6 (Щугорской волости, деревня Позориха, село Подчерье), но обыкновенно 2, если же больше, то это въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ много сыновей, значитъ, работниковъ. Овецъ держатъ до 80 на дворъ (Позориха), въ среднемъ же головъ по 30. Изъ шерсти ихъ дѣлаютъ сукно, которое продаютъ чердынскимъ купцамъ по 60—80 коп. за аршинъ.

Хлѣбопашества на Печорѣ почти нѣтъ; въ Щугорской волости совсѣмъ его нѣтъ, въ Савиноборской и Троицко-Печорской сѣютъ рожь и ячмень въ очень маломъ количествѣ и далеко не всѣ. Отсутствіе хлѣбопашества Поповъ объясняетъ для Щугорской волости отчасти суровыми условіями климата, но, главнымъ образомъ, и для нея, и для двухъ остальныхъ, въ которыхъ условія климата вполнѣ допускаютъ земледѣліе, тѣмъ, что другіе промыслы хороши и гораздо выгоднѣе заниматься ими и покупать хлѣбъ, чѣмъ самому его выращивать. Рожь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сѣютъ ее, родится самъ 7, ячмень самъ 4—5. Кромѣ ржи и ячменя, ничего не сѣятъ, картошку уже садятъ на Печорѣ всѣ и православные, и старовѣры и она родится очень хорошо. Земли распахано у всѣхъ очень мало, высѣваютъ на дворъ пудовъ 6—10 ячменя и пуда 2—4 ржи, а нужный хлѣбъ покупаютъ у чердынцевъ, которые весной везутъ его по Печорѣ съ Якшинской пристани и продаютъ по средней цѣнѣ 15 р. за мѣшокъ въ 9 пудовъ, а сами скупаютъ мясо, рыбу, дичь, мѣха и пр. Цѣна на говядину въ Якшѣ стоитъ обыкновенно 4 руб. за пудъ.

Впаденіе р. Динъ-іоль въ Ю. Мылву.

Много даютъ Печорцамъ промыслы охотничій и рыбный; рыбакъ обыкновенно заработываетъ до 200 р. въ годъ, да охота даетъ порядочно; на нее идутъ въ концѣ августа или началѣ сентября и лѣсуютъ до Филипповскаго поста, когда возвращаются по домамъ. Подсѣкъ на Печорѣ не дѣлаютъ, не въ обычаѣ

это тамъ, и не умѣютъ. Работниковъ держатъ мало и взять ихъ негдѣ, стараются больше обходиться своей семьей, если же берутъ работниковъ и работницъ, то цѣна имъ держится такая: за 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ женщина получаетъ 25—30 руб., а мужчина 50—60 руб.

Отецъ есть глава семьи, мать и дѣти находятся въ полномъ у него подчиненіи. Отдѣляются отъ семьи по Печорѣ больше, чѣмъ по Вычегдѣ, и объясняется это тѣмъ, что на Печорѣ и легче и больше можно наживать, а, значитъ, и отдѣлившемуся легче устроиться. Отецъ воленъ дать или не дать отдѣляющемуся имущества, но, если есть владѣемая земля, то изъ нея обязательно выдѣляется часть. Наслѣдуютъ имущество поровну жена и дѣти, но опять же, если есть земля, она переходитъ цѣликомъ только сыновьямъ, жена и дочери земли не получаютъ. Пріимакъ пользуется тѣми же правами, какъ и сынъ.

Браки заключаются въ волостныхъ правленіяхъ, такъ какъ Печорскіе жители почти всѣ раскольники поморскаго толка, безпоповцы. Невѣста до вѣнчанія беретъ съ жениха, когда обручается съ нимъ, ведро вина, 10 фунтовъ кренделей, 15 ф. пряниковъ, разную закуску и деньгами рублей 10, а сама приноситъ съ собою мужу корову, самоваръ (если не старовѣры), одежду, а денегъ уже съ невѣсты не требуется. Конечно, если вступаютъ въ бракъ богатые люди, то и дары жениха бываютъ богаче и невѣста приноситъ съ собою больше. Пѣсни поютъ все старинныя, новыхъ совсѣмъ не поютъ.

Семьи по Печорѣ небольшія, такъ какъ тамъ очень большая смертность дѣтей, большею частью, отъ желудочныхъ заболѣваній. Въ 3-хъ волостяхъ есть по фельдшеру, но врача на Печорѣ нѣтъ; былъ прежде, но его пришлось упразднить, такъ какъ старовѣры къ нему совсѣмъ не обращались, прибѣгая въ случаѣ нужды къ своимъ лекарямъ, т. е. тѣмъ же начетчикамъ, которые пріѣзжаютъ къ нимъ изъ священниковъ изъ Архангельской губерніи. Прежде народъ былъ лучше, а за послѣднее время сталъ сильно портиться, что Поповъ приписываетъ вліянію ссыльныхъ, которые попадаютъ на Печору. Стали даже появляться случаи кражъ, чего на Печорѣ ранѣе не водилось. Въ 1905 году тамъ все было тихо и спокойно. Всѣ эти свѣдѣнія о Печорѣ и Печорцахъ впослѣдствіи нами провѣрялись, когда мы плавали сами лично по Печорѣ, и только въ одно изъ нихъ пришлось внести поправку, а именно въ разсказъ о причинахъ отсутствія врача въ Троицко-Печорскомъ. Я скажу объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Пока мы распрашивали Попова и получали отъ него на всѣ вопросы самые обстоятельные и точные отвѣты, 9 чемкасовъ кончились и мы останавливаемся на ночлегъ. Сегодня ѣхали весь день безъ этого противнаго, заволакивающаго все кругомъ дыма; ѣхали пустыней, гдѣ, кромѣ насъ, нѣтъ никого людей, а нѣтъ ихъ — нѣтъ и пожаровъ. Непроходимый, нетронутый и безпризорный лѣсъ сталъ между нами и людскими гнѣздами на Вычегдѣ.

На ночь мы опять забираемся спать въ лодки, а всѣ наши зыряне разбиваютъ цѣлый лагерь изъ пологовъ на берегу. Пологъ имѣетъ всякій ѣдущій зырянинъ, живо растягиваетъ его на 4-хъ кольяхъ и забирается подъ него, чѣмъ и спасается отъ тучъ комаровъ, по какому-то чутью сейчасъ же густо собирающихся тамъ, гдѣ остановились люди. Утро на другой день было превосходное, но и комары были настоящіе: съ трудомъ удалось умыться и тотчасъ же пришлось натягивать накомарникъ и перчатки.

Мылва чѣмъ выше, тѣмъ становится все быстрѣе, а на 10 чемкасѣ даже очень сильная быстрина „Пома-кось", образовавшаяся, какъ и

Остановка на Ю. Мылвѣ.

всѣ здѣшніе пороги, вслѣдствіе завала дна карчами. Навалитъ штуки 2 — 3 деревьевъ и начнетъ примывать къ нимъ песокъ и, наконецъ, образуется нѣчто въ родѣ маленькой плотины, черезъ которую съ журчаніемъ переливается рѣка. На „Пома-кось" плотина эта настолько высока, что на быстринѣ и на глазъ даже замѣтно паденіе воды.

Въ началѣ 12-го чемкаса на лѣвый берегъ Мылвы выходитъ очень высокая песчаная гора, покрытая ровнымъ и чистымъ сосновымъ боромъ, по названію „Мусильма-ягъ", а нѣсколько выше ея съ того же берега впадаетъ рѣчка „Мусильма". Гора поднимается почти отъ нея, образуя мысъ между Мусильмой и Мылвой. Рѣка все также обильна водой, все также высоки, картинны и недоступны ея берега, а лѣсъ, по мѣрѣ приближенія къ Иктылю, становится все глуше и глуше, хвойный начинаетъ преобладать надъ лиственнымъ, общая картина дѣлается мрачнѣе, но береговая растительность все также прекрасна, и прямо поражаетъ громаднымъ количествомъ черемухи, малины и смородины; послѣдняя лѣпится по самой крутизнѣ береговъ, красивыми кустами сползаетъ внизъ къ самой рѣкѣ и купаетъ въ вѣчно струящейся водѣ ея свои пониклыя вѣтви.

Картины все время оживляются куличками, безпрерывно перепархивающими, трепеща крылышками, съ берегъ на берегъ и звенящими какъ колокольчики. Жара страшная.

На 12-мъ чемкасѣ Мылва видимо прорѣзываетъ отроги той возвышенности, которая и составляетъ здѣшній водораздѣлъ. Горы подступаютъ съ обоихъ береговъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ тѣснятъ рѣку и дѣлаютъ ее узкой и извилистой; цѣлыя группы деревьевъ оползли и ростутъ по ихъ склонамъ, иныя доползли до самой рѣки и, обреченныя на гибель, стройно подымаются пока изъ воды. Лома на берегахъ становится все больше, веселая Мылва, съ ея лугами, купами лиственнаго лѣса и пышно покрытыми растительностью берегами осталась позади; мы ѣдемъ мрачной, угрюмой рѣкой. Жизнерадостная березка съ ея круглящейся листвой и колыхающимися от легкаго вѣтерка вѣтвями невольно напоминаетъ веселье, направляет мысли къ землѣ и къ земному, въ глухомъ еловомъ лѣсу мрачно и торжественно, какъ въ готическомъ полутемномъ храмѣ, строгія линіи котораго ель напоминаетъ и своимъ строеніемъ, и, какъ она сама стройно возносится къ небу, стрѣлой вонзаясь въ голубую высь, так и мысли человѣка въ мрачномъ еловомъ лѣсу стремятся къ небесамъ и самъ невольно становишься въ немъ серьезнѣе и торжественнѣе.

12-й чекмасъ кончился у рѣчки Свѣтлицы; удивительная вода в этой рѣчкѣ и недаромъ названа она Свѣтлицею; она, дѣйствительно освѣтляетъ все, на что смотришь сквозь ея воду, и дно, которое видишь какъ-будто тутъ и нѣтъ никакой воды, кажется свѣтлѣе, чѣмъ даже береговой песокъ. По поводу происхожденія такого впечатлѣнія мнѣнія членовъ экспедиціи раздѣлились: одни говорили, что вода э[тa] оставляетъ на всемъ бѣлый налетъ, другіе, что вода этой рѣчки абсолютно безцвѣтна, что впечатлѣніе, будто бы подъ нею песокъ и камни свѣтлѣе, чѣмъ тутъ же рядомъ на берегу, является только слѣдствіемъ контраста при сопоставленіи дна видимаго въ Свѣтлицѣ и дна Мылвы, также видимаго прекрас[но]

Р. Свѣтлица на 12 чѣмкасѣ Ю. Мылвы.

Впаденіе Пятыля въ Ю. Мылву.

Р. Иктыль на 1 чёмкасѣ.

сквозь ея желтоватую воду. Вопросъ этотъ такъ и остался нерѣшеннымъ, вѣроятно, до того времени, пока не будетъ сдѣланъ анализъ, для котораго взялъ воды И. М. Шемигоновъ. Течетъ эта рѣчка, какъ говорятъ зыряне, изъ лѣсу, версты двѣ; тамъ есть нѣсколько ключей, изъ которыхъ одинъ очень сильный, и вода изъ него бьетъ, значительно поднимаясь; отъ нихъ сразу же и образуется рѣчка.

Наконецъ, доѣхали и до устья притока Ю. Мылвы съ праваго берега Иктыля, по которому намъ предстоитъ ѣхать до переволока верстъ 20. У впаденія его зыряне считаютъ конецъ 13-го чемкаса, т. е. по ихъ счету Ю. Мылвой мы проѣхали примѣрно 78 верстъ.

Кончилась „Асланымъ-Мылва“, и мы въѣзжаемъ въ Иктыль. Это Вычегодскіе зыряне такъ зовутъ Ю. Мылву, и значитъ это: своя Мылва, а С. Мылву они зовутъ: „Мыдаръ-Мылва“, что значитъ чужая Мылва. Печорцы зовутъ наоборотъ; для нихъ С. Мылва — своя, а южная — чужая.

Иктыль ближе къ устью течетъ очень глухимъ лѣсомъ, берега его гораздо ниже Мылвинскихъ; тѣхъ пышныхъ кустовъ, которые дѣлали Мылву такой картинной и похожей на какую-то рѣчку въ паркѣ, стало мало и замѣнили ихъ наклонившіяся къ водѣ подмытыя ели да навороченный весеннею водою всякаго рода ломъ; но стоило намъ проѣхать этимъ мрачнымъ мѣстомъ около версты, какъ вдругъ весь этотъ глухой, непроходимый лѣсъ остался назади и Иктыль побѣжалъ, струясь и извиваясь, открытыми кочковатыми болотистыми полянами, заросшими ровными, какъ подстриженными, ивовыми кустами. Берега очень

низкіе, на полянахъ замѣтны изрѣдка купы березъ и осинъ, вѣроятно, ростущихъ, гдѣ выдается мѣсто посуше.

Какъ разъ на границѣ съ начавшимися открытыми мѣстами без-защитный лѣсъ горитъ; мы выходимъ на берегъ и добираемся до самаго пожара; горитъ очень сильно, ели вспыхиваютъ и съ ре-вомъ пылаютъ факелами, трещатъ березы, долго сопротивляющіяся огню, и, наконецъ, моментально вспыхивающія и черезъ мгновеніе печально качающія своими сразу оголенными вѣтками; вездѣ стоитъ трескъ и вой, кверху съ страшной стремительностью взлетаютъ клубы дыма, подбрасываемые снизу огромными красными языками пламени, которые бѣгутъ по завалившему весь лѣсъ лому и быстро подвигаются впередъ, смахивая на своемъ пути, не останавливаясь, молодыя деревца. Жутко стоять лицомъ къ лицу съ могучей стихіей, не знающей препятствій въ своемъ разрушительномъ наступленіи на несгорѣвшія еще пространства, и еще жутче становится, когда ви-дишь, что пожаръ бушуетъ и ни одного человѣка нѣтъ нигдѣ кру-гомъ, пожаръ одинъ здѣсь хозяинъ и некому хоть попробовать помочь беззащитному лѣсу. Отчего произошелъ пожаръ—Богъ его знаетъ; когда мы, тѣснимые огнемъ, вернулись къ лодкамъ и по-ѣхали дальше, то увидѣли, что видѣнное нами есть финалъ, а, мо-жетъ быть, только еще продолженіе огромнаго пожара, который го-ритъ, вѣроятно, не одинъ день; на доволь-но далекое простран-ство правый берегъ Иктыля выжженъ, все уже на немъ прогорѣло и даже не дымится, зна-читъ, горѣло уже нѣ-сколько дней назадъ, а теперь, можетъ быть, затухнувшій было уже пожаръ незамѣтно до-брался до благопріят-наго мѣста и вспыхнулъ съ новою силой. Кто зажегъ его—это знаетъ только лѣсъ, пожирае-мый теперь огнемъ, да струящійся Иктыль, а отъ нихъ ничего не узнаешь, и будетъ пожаръ этотъ занесенъ въ вѣдомость о пожарахъ подъ рубрику: „пожары отъ неизвѣстныхъ причинъ“.

Лѣсной пожаръ на Иктылѣ.

Иктыль течетъ очень извилисто, идя этой болотистой равниной, такъ что видны бываютъ заразъ нѣсколько его изгибовъ съ извивающимся по нимъ рядомъ нашихъ лодокъ; змѣей вьются онѣ какъ будто по луговинѣ и въ тактъ раскачиваются на нихъ рабочіе, пихающіеся шестами. Весною все это открытое пространство бываетъ залито сплошь водой и представляетъ собой озеро; теченія тогда здѣсь нѣтъ и вода стоитъ. Плоты гонятъ этимъ озеромъ прямо черезъ берега Иктыля и при проходѣ они задѣваютъ за отдѣльно стоящія деревья, сдираютъ съ нихъ кору и такимъ образомъ оставляютъ отмѣтки о весеннемъ горизонтѣ воды, судя по которымъ, мы видимъ, что вода весной стоитъ здѣсь очень высоко, аршина на 3 все бываетъ залито.

Иктыль на 3 чёмкасѣ отъ устья.

Пробѣжавъ это открытое мѣсто, Иктыль входитъ опять въ лѣсъ, но уже не глухой еловый, какъ при впаденіи его въ Мылву, а похожій на веселые лѣса по среднему ея теченію, большей частью, лиственный съ возвышающимися только кое-гдѣ елями. Лѣсъ все также непроходимъ, но не такъ уже налѣзаетъ къ водѣ и тѣснитъ рѣку, а по берегамъ опять тянутся все время кусты всякихъ сортовъ и породъ. Вездѣ густая трава, но берега, повидимому, торфяные, сильно болотисты; все время по нимъ тянется у воды черная, влажная полоса торфа подъ бахромой желтой прошлогодней травы, напитанная водой и ярко блестящая въ лучахъ солнца; здѣсь травы не косятъ—некому, да и безъ этой найдется, кому есть нужда.

Иктыль и тутъ извилистъ и удивительно красивы его изгибы среди нѣжащагося въ лучахъ солнца лѣса съ его еще юной листвой, со сползающими съ береговъ къ рѣкѣ красивыми группами кустовъ; черемуха, рябина, spirea, шиповникъ цвѣтутъ, и ихъ бѣлые и розовые цвѣты еще болѣе разнообразятъ эти группы, а у самой воды видны желтые цвѣты калужницы и изрѣдка нѣжно голубѣютъ незабудки.

Во многихъ мѣстахъ Иктыль заваленъ; гдѣ, видимо, завалъ обра зовался уже не одинъ годъ назадъ, укрѣпился и остался до тѣхъ пор пока его не расчистятъ; вода бурлитъ въ немъ, стремительно проры ваясь въ узенькій прорубленный проходъ, по которому едва-едва про тискивается лодка, а гдѣ видно, что принесены свѣжія деревья и, смѣ шавшись со старымъ ломомъ, перегородили совсѣмъ рѣчку и издал еще слышенъ ея недовольный плескъ среди этого препятствія.

Дно Иктыля завалено и старыми, и новыми карчами, совершенн заросшими водорослями. На выдающихся изъ воды ихъ концах сидятъ незамѣтные кулички и, неожиданно съ крикомъ срываясь пр приближеніи лодки, низко летятъ надъ водою, посверкивая своимъ бѣ лымъ брюшкомъ, и опять садятся впереди на торчащія изъ воды вѣтв покачивая хвостомъ и посвистывая. Мы довольно счастливо ухитряем проскакивать узенькими лазейками заваловъ и только въ одномъ мѣст должны были пріостановиться. Лѣсъ, по мѣрѣ того, какъ ѣдемъ далѣ становится постепенно глуше, но травы на луговинкахъ, кажется, ст новятся еще пышнѣе, еще могучѣе. Какіе сѣнокосы можно пре видѣть здѣсь, когда здѣшніе лѣса, уступая напору человѣка, начну неохотно, медленно отступать все далѣе и далѣе, а Мылва и Икты побѣгутъ, извиваясь, среди луговъ и пашенъ. А вѣдь, несомнѣн будетъ все это, только скоро ли?

На третьемъ чемкасѣ, упершись въ какой-то необычайный, дво ной завалъ, такъ ловко запрудившій рѣку, что по наваленнымъ дру на друга корягамъ и деревьямъ, какъ по мосту, можно переходить с берега на берегъ, весь нашъ караванъ остановился, рабочіе разсы лись по нему, застучали топоры, затрещали ломаемыя карчи и брев и черезъ нѣсколько времени лодки одна за другою стали проска вать сквозь прорубленный въ завалѣ ходъ и, покачиваясь, выплыва на свободную воду; двое выкупались при этой работѣ.

Сопровождавшій экспедицію околодочный надзиратель Поповъ с такою стремительностью кинулся рубить эти преградившіе намъ пу стволы, словно онъ вспомнилъ, какъ штурмовалъ японскія позиціи, пролетѣлъ вмѣстѣ съ другимъ работникомъ прямо въ воду. У нас были взяты съ собою 2 стражника и околодочный, всѣ трое—люди, в дѣвшіе виды въ Японскую войну, всѣ трое георгіевскіе кавалеры- стражники изъ матросовъ, участниковъ Цусимы и Портъ-Артурск осады, и околодочный Поповъ, получившій Георгія за то, что, буду унтеръ-офицеромъ, когда были выбиты всѣ офицеры, принялъ начал ство надъ ротой и долгое время удерживалъ позицію, на которую бы направлены отчаянныя атаки японцевъ.

Пока стояли у завала, пришлось выйти на берегъ, который ок зался совершенно непроходимымъ: весь край его состоитъ изъ стар замытаго пескомъ, лома, прибитаго водою. Кажется, что это земля, ступишь и проваливаешься между старыми стволами по колѣно;

Заваль на 6 чёмкасѣ р. Иктыла

лому этому, пробиваясь сквозь него, все заросло кустами, что дѣлаетъ берега еще непроходимѣе.

Иктыль за этимъ заваломъ производитъ впечатлѣніе, какъ бы онъ состоитъ изъ цѣлаго ряда озеръ, соединенныхъ протоками; все время приходится ѣхать то такимъ узкимъ мѣстомъ, что можно, раздвинувъ руки, касаться кустовъ, нависшихъ съ обоихъ береговъ, то лодка выплываетъ на широкое, довольно округленное озерко, изъ котораго гдѣ-нибудь въ боку открывается такой же узкій проходъ до слѣдующаго открытаго мѣста; по сторонамъ Иктыля видны тоже озерца и болота, заросшія камышомъ.

Видно, что Иктыль идетъ здѣсь уже самымъ водораздѣломъ, громадной заболоченной котловиной и ея озерки и болота, образуя между собой совершенно случайныя соединенія, даютъ начало рѣчкамъ, которымъ рѣшительно все равно, куда течь—въ Вычегду ли, въ Печору ли. Долго такая рѣчка, въ видѣ почти стоячей промоины, извивается и блуждаетъ по совершенно ровному болоту водораздѣла, направляясь во всѣ стороны, какъ бы сомнѣваясь и не зная, какое направленіе ей выбрать, но, наконецъ, рѣшается и начинаетъ бѣжать куда-либо, уже не уклоняясь. Таковъ Иктыль, таково начало и С. Мылвы, такова и неприличная рѣчка на Буквѣ, вѣроятно, таковъ и Джуридзь на Ю. Кельтмѣ,—общій типъ начала рѣкъ на водораздѣлахъ.

Намъ не суждено было добраться до переволока еще безъ приключенія: опять дорогу намъ преградилъ завалъ, который, казалось, возможно было отжать, уперевъ рычаги (конечно, цѣлыя бревна) въ дно рѣки и приложивъ къ нимъ силу съ довольно высокаго берега. Къ этой работѣ и приступили; нашъ отецъ-командиръ Ф. Д. Прокошевъ самъ взялся за работу и такъ понажалъ на рычагъ, что бревно не выдержало, съ трескомъ перелетѣло пополамъ, и онъ обрушился вмѣстѣ съ очутившимся у него въ рукахъ обломкомъ прямо въ рѣку. Тогда онъ, не долго думая, отжалъ весь завалъ отъ берега единолично и безъ рычаговъ, стоя по грудь въ водѣ, подперъ его всею своей могучей фигурою и пропустилъ всѣ лодки. Промокъ онъ, конечно, до нитки, даже фуражку и ту пришлось сушить послѣ этого приключенія. Въ особенности хороши были папиросы, которыя съ серьезнымъ видомъ выгружалъ онъ изъ кармановъ, выбравшись на берегъ, весь облипшій и, какъ русалка, перевитый водорослями.

ГЛАВА IV.

Переволокъ и Сѣверная Мылва. Изслѣдованіе лѣсовъ и съемка рѣкъ. Возможность по-средствомъ Мылвъ и Кельтмъ соединить Печорскій, Двинскій и Волжскій бассейны.

Вечеромъ поздно 16-го іюня пріѣхали мы къ переволоку. Иктыл пропадаетъ дальше, теряясь въ густыхъ заросляхъ ивняка на ровной пло-щади и принимая въ себя у самаго начала пути къ С. Мылвѣ какой-т незначительный притокъ; на берегу стоитъ избушка, отъ которо и начинается дорога. У избушки воткнута въ воду рейка, съ отмѣченно ревизоромъ лѣсоустройства Образцовымъ, производящимъ сейчас обслѣдованіе лѣсовъ по С. Мылвѣ, высотой горизонта воды, бывша здѣсь 30-го мая; сейчасъ противъ этой отмѣтки вода убыла около 2 аршинъ; какой же огромный подъемъ воды бываетъ здѣсь въ поло водье и какой громадный запасъ ея можно здѣсь остановить для пи танія рѣчекъ въ період спада водъ.

Переволокъ на Ю. Мылвѣ.

Дорога отъ избуш ки сейчасъ же начинает немного подниматься потомъ всѣ 4 верст 293 сажени до С. Мы вы идетъ то песчаны буграми, то спускаяс съ нихъ въ заболоче ныя долинки. Всюду п сокъ и сосна, а въ н зинахъ по болотамъ г сто разрослись куст тальника, ива и берез Растительности на б грахъ никакой нѣтъ сосны стоятъ прямо н голой землѣ, болота ж всѣ густо заросли тр вой и кажутся зелены

оазисами среди этого мертваго, печальнаго лѣса. Сосны некрупныя, хотя и немолодыя, всѣ почти ростутъ по старой, лѣтъ 15 назадъ образовавшейся, гари; часть ихъ пережила пожаръ и теперь это самыя крупныя деревья, вершковъ по 6, а между ними видны сосенки всякихъ возрастовъ, результаты естественнаго обсѣмененія лѣса.

Въ одномъ мѣстѣ дорога поднимается на бугоръ и повыше другихъ и болѣе другихъ оголенный, такъ что съ самой высокой точки его открывается къ сѣверу видъ на какую-то очень большую низину, настолько большую, что возвышенности другого края ея видны синими силуэтами; это и есть „Иктыль-нюръ", то болото, которое даетъ начало и Иктылю и притокамъ С. Мылвы, Вилесу, Сѣдь-іоль и др. („Нюръ" по-зырянски значитъ болото, клюквенное, мховое, поросшее рѣдкой, корявой, низкорослой сосной, иногда почти совсѣмъ открытое). Сама С. Мылва беретъ начало изъ болота „Мылъ-ивъ-кушъ". (Ивъ—вершина, кушъ—чистое болото), течетъ она отъ него до переволока верстъ 25, а напрямикъ тутъ всего 8 верстъ.

Дорога все время песчаная, кромѣ мокрыхъ низинъ, гдѣ настелены мосточки, наконецъ, она выводитъ на небольшую открытую площадку, за которой виденъ еловый, глухой лѣсъ, а на площадкѣ этой стоитъ керка и амбаръ. Оказывается, что это конецъ переволока, но С. Мылвы не видно и даже сперва и не подозрѣваешь, гдѣ она и есть-то и, только подойдя къ еловому лѣсу, видишь, что онъ ростетъ уже на другомъ берегу, а сама С. Мылва течетъ здѣсь у самаго его подножія въ видѣ узенькой, не шире аршинъ 5—6, и мелкой рѣчонки. Ночь была ужасно душная и жаркая; по небу стали бродить облака, и комары, пока мы шли дорогою, цѣлыми тучами насъ преслѣдовали и не давали покоя: стоило накомарникъ поднять на одну только секунду, какъ сейчасъ же сотни ихъ жалъ впивались въ открытое мѣсто; даже закурить спасительную папиросу не было никакой возможности.

Перевозка нашихъ лодокъ взяла почти всю ночь; сюда были пригнаны лошади изъ Мыёлдина, откуда до переволока есть прямая тропа въ 45 верстъ, по которой можно и пройти, и проѣхать верхомъ. Утромъ, когда мы проснулись, лодки были уже всѣ перевезены и стояли, вытянувшись, вдоль берега рѣчки. Ночь была жаркая и душная, а какъ только встало солнце, духота и жаръ въ лѣсу стали просто невыносимы. Облака тяжелыя, кучевыя все болѣе собираются и предвѣщаютъ грозу. Комары передъ ней прямо дошли до отчаянности, лѣзутъ и гудутъ нестерпимо, только накомарникъ да перчатки и спасаютъ отъ полнаго съѣденія ими.

Тронулись мы въ путь по С. Мылвѣ и опять рядъ нашихъ лодокъ вьется по глухой, узенькой и мелкой лѣсной рѣчонкѣ; ширина ея сначала всего аршинъ 5—6, глубина вершковъ на 8 и при томъ вся она ужасно завалена; лѣсъ наваливаетъ изъ году въ годъ, масса

его уже совершенно замыта пескомъ и образуетъ острова, изъ которыхъ только кое-гдѣ выставляются старые, ослизлые, гнилые концы

Переволокъ съ Ю. Мылвы на Сѣверную.

когда-то замытыхъ стволовъ. Никто никогда не потрудится удалить какое-нибудь упавшее дерево, а довольствуются тѣмъ, что прорубятъ въ завалѣ ходъ, чтобы лодку можно было бы какъ-нибудь только перепихнуть черезъ него; впослѣдствіи прибиваетъ къ завалу весной новыя деревья и, въ концѣ концовъ, рѣка оказывается до послѣдней степени засоренной. Нерѣдко рабочимъ приходится влѣзать въ воду и перетаскивать лодки.

Берега низкіе, всѣ заросшіе кустами, среди которыхъ, кажется, преобладаетъ надо всѣми смородина; лѣсъ мѣшаный, ель и береза, очень густой и сильно заваленный, но не производитъ впечатлѣнія глухости, благодаря часто встрѣчающимся полянкамъ съ травой, да и присутствіе березъ всегда какъ-то вноситъ въ впечатлѣніе, производимое лѣсомъ, струю чего-то живого и веселаго. Всѣ выдающіеся изъ воды концы замытыхъ бревенъ и островки примытаго къ нимъ песка заросли какими-то удивительно красивыми густыми ярко-зелеными растеніями, а къ стволамъ, затонувшимъ на дно, приросли длинныя водоросли, растянувшіяся по рѣчкѣ и отъ сильнаго теченія виляющія изъ стороны въ сторону. Теченіе здѣсь очень быстрое и температура воды ужасно низка.

Наши рабочіе, такъ хорошо знавшіе Ю. Мылву, по Сѣверной ѣдутъ въ 1-й разъ, поэтому счета чемкасовъ они не знаютъ и слѣдит

за тѣмъ, сколько мы проплываемъ, совершенно невозможно. Говорятъ они, наслышавшись отъ другихъ, что вся С. Мылва отъ переволока до Печоры—200 съ лишнимъ верстъ; откуда-то появилось среди насъ свѣдѣніе, что до Печоры отъ переволока 290 верстъ, а другое, что 189. Какое на самомъ дѣлѣ тутъ разстояніе, сказать нельзя до тѣхъ поръ, пока не будутъ окончены работы партіи, производящей нынѣшнимъ лѣтомъ изслѣдованіе здѣшнихъ лѣсовъ и наносящей Мылвы на планъ, но характерно тутъ колебаніе въ свѣдѣніяхъ, всего на 100 верстъ; это тоже въ здѣшнихъ масштабахъ; при поѣздкѣ нашей, мы видѣли впослѣдствіи нѣкоего человѣка, ѣдущаго на лошадяхъ въ гости за 225 верстъ, такъ что же можетъ значить тутъ какая-нибудь сотня ихъ.

Судя по картѣ генеральнаго штаба, длина С. Мылвы отъ переволока до Печоры должна близко стоять около 200 верстъ. О картѣ этой надо сказать, что она оказалась при провѣркѣ ея во время нашей поѣздки точнѣе, чѣмъ можно было ожидать; при проѣздѣ по р. Щугору, она вмѣстѣ съ компасомъ все время была передъ нашими глазами и мы слѣдили по ней за всѣми поворотами; оказалось, что не только всѣ изгибы рѣки, но даже острова на ней были нанесены очень точно, а вѣдь, казалось бы, кто же эти пустыни и когда снималъ? Переходя отъ частнаго къ общему, пожалуй, можно заключить, что и вся карта составлена съ такою же точностью; если такъ, то С. Мылва отъ переволока до Печоры течетъ примѣрно 230 верстъ.

С. Мылва

Верстахъ въ 7 отъ переволока съ праваго берега впадаетъ такая же глухая, заваленная ломомъ и такой же ширины рѣчка „Ягъ-ю“, но прибавка воды въ Мылву какъ-то незамѣтна, и она не дѣлается ни шире, ни глубже и все также вьется по лѣсу, изгибаясь на всевозможные манеры и образуя петли иногда съ почти сходящимися концами. Комарики дѣлаются все ужаснѣе, уже на нѣкоторыхъ лодкахъ прибѣгли къ защитѣ дыма: на носу поставлена какая-нибудь посудина, въ которой и жгутъ все время очень скверно горящіе и

очень хорошо дымящіе грибы съ деревьевъ, выбирая для этого еще наполовину гнилые, отчего дыма получается еще больше. Характерный смрадъ лѣсной гари, тотъ самый, который слышенъ при лѣсныхъ пожарахъ, много пріятнѣе комариннаго мученія, а они ужасно не любятъ этого ѣдкаго дыма.

Гроза намъ грозитъ съ самаго утра, а все ничего не выходитъ тучи облегли уже все кругомъ, громъ перекатывается надъ нашими головами съ одного края неба до другого, замирая вдали, какъ отдаленные пушечные выстрѣлы, а дождя все нѣтъ и стало абсолютно тихо ни малѣйшаго колебанія въ воздухѣ, ни одинъ листокъ не перемѣнитъ своего положенія, только тяжелыя, огромныя тучи быстро несутся одна за другой; душно и жарко, испаренія лѣса дѣлаютъ воздухъ тяжелымъ, никакъ не можешь глубоко вздохнуть, и становится еще душнѣе въ надвинутомъ на голову накомарникѣ, а комары, пользуясь наступившею тишиною, цѣлыми тучами съ гудѣньемъ толкутся надъ лодкой. Подвигаемся дальше все такимъ же лѣсомъ; стали попадаться среди стройныхъ елей и палкообразныхъ, сѣрыхъ, какихъ-то облѣзлыхъ пихтъ сосенки и чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ становится больше. Кустовъ здѣсь мало, а по самому берегу засѣло много чемерицы и таволги; и въ тѣни ея красивыхъ разрѣзныхъ листьевъ, и въ лѣсу все время тянется прозрачная дымка пушистыхъ, ажурныхъ хвощей.

Сама Мылва становится какъ будто пошире и почище отъ всякаго лома послѣ впаденія съ лѣваго берега рѣчки „Вилесъ“ и недалеко отъ нея ручья „Седъ-іоль“; и та, и другой берутъ начало изъ Иктыль-нюра, откуда течетъ и Иктыль. Мылва понемногу перестаетъ извиваться, чуть что не стараясь влиться въ самое себя, и пытается протекать нѣкоторыя пространства и прямо; въ лѣсу начинаютъ преобладать лиственныя деревья—береза, ива и рябина и онъ сразу становится веселѣе, опять показываются пышные кусты, сползающіе къ водѣ съ береговъ, опять бархатная, густая трава покрываетъ всѣ лужайки и полянки. Лѣсъ какъ-будто разступается, и передъ нашими глазами развертываются одна за другой чудныя панорамы.

Гроза прошла, тучи, едва только покропивъ дождикомъ, расходятся, надъ нами раскидывается бездонное голубое небо, и снова все тонетъ въ безконечно льющихся съ него солнечныхъ лучахъ; вся листва сквозитъ, пронизанная ими. Ѣдемъ мимо недавняго лѣсного пожара, поворотъ за поворотомъ и съ боковъ и впереди все видны характерныя сочетанія тоновъ лѣсного пожарища: чернаго, рыжаго и ярко-зеленаго. Горѣло на обоихъ берегахъ, еще и сейчасъ пахнетъ гарью, а кое-гдѣ даже и дымокъ вьется надъ какимъ-нибудь старымъ пнемъ или гнилымъ бревномъ. Совершенно черная земля и по ней тамъ, гдѣ почему-либо трава осталась цѣлою, рѣзко выдѣляются ярко зеленыя пятна, а надъ ними рыжія пятна подпаленной листвы; ели стоятъ до самой вершины, одѣтыя красной погибшею хвоей

на берегу видны остатки сгорѣвшей керки. Версты 2 идетъ это пожарище, то почти кончаясь и только кое-гдѣ по рыжимъ пятнамъ среди общаго зеленаго фона замѣтно, что тамъ пробирался огонь, то опять расширяясь и занимая оба берега. Лѣсъ здѣсь не важный и жалѣть его, какъ цѣнность, можетъ быть, и не приходится, но все-таки въ душѣ невольно закипаетъ злость противъ того животнаго, въ лучшемъ случаѣ, по неосторожности котораго отнято столько жизней. Удивительно, на какія рубрики разбилъ человѣкъ всѣ жизни въ природѣ: если по неосторожности кого-либо погибнетъ сотня людей—это кажется ужаснымъ, виновники нерѣдко не могутъ перенести послѣдствій своей неосторожности и гибнутъ, убитые раскаяніемъ; можетъ быть, почувствуетъ себя неловко и тотъ человѣкъ, по неосторожности котораго будетъ отнята жизнь у сотни лошадей или коровъ, а у того, изъ-за котораго смерть приберетъ къ себѣ какую-нибудь тысячу тоже живущихъ деревьевъ, вѣдь и не шевельнется совѣсть.

С. Мылва въ открытыхъ мѣстахъ.

На ночлегъ мы добирались долго, все ѣхали и выбирали удобное мѣсто, какую-нибудь площадку, на которой было бы удобно расположиться, а рабочіе наши очень стараются, чтобы ночевка пришлась у какой-нибудь керки; тамъ они имѣютъ надежную защиту и отъ ночного холода, и отъ комаровъ и нисколько не стѣсняются, что въ маленькую избушку заберется 2 десятка человѣкъ и что воздухъ тамъ въ скоромъ времени пріобрѣтаетъ всѣ качества матеріи вѣсомой и зѣло обоняемой носомъ. И сегодня мы добрались до какой-то керки, у которой и заночевали.

На другой день караванъ нашъ увеличился еще на одну лодку: къ намъ присоединился выѣхавшій навстрѣчу лѣсничій Печорскаго лѣсничества А. А. Гайдукъ—тотъ самый, лѣсничество котораго равняется 5-ти съ половиною милліонамъ десятинъ (52.800 кв. вер., 60.280 кв. килом.) и, что уже прямо удивительно, лѣсничество свое знающій. Онъ установилъ намъ и длину С. Мылвы отъ переволока до Печоры —

240 верстъ и потомъ съ точностью уже указывалъ разстоянія разныхъ пунктовъ рѣки отъ устья.

Рѣка становится все шире, лѣсъ все время мѣняется, то преобладаетъ хвойный, то лиственный, но въ общемъ хвойный все болѣе уступаетъ мѣсто лиственному. Отъ вчерашнихъ облаковъ не осталось и слѣда, только нѣсколько легкихъ перистыхъ пронизали въ неизмѣримой выси синюю глубину неба. Съ утра сегодня мы испытываемъ блаженство: его намъ доставляетъ и прекрасное ясное утро, и облитый солнцемъ пейзажъ, и возможность снять накомарники: дуетъ вѣтеръ и отгоняетъ этихъ враговъ нашихъ, а на смѣну имъ появилась масса оводовъ, но эти толстые нахалы тактику нападенія имѣютъ совершенно другую и отъ нихъ легко защищаться.

Обиліе травъ все болѣе бросается въ глаза; мѣста идутъ постепенно открытѣе, много полянокъ и лужковъ и всѣ они, покрытые густой высокой травой, представляютъ собою богатѣйшіе сѣнокосы, но пользуются ими мало: большая часть ихъ остается некошенной, и мы все время видимъ на самомъ берегу желтую бахрому прошлогодней травы, печально висящую подъ пышно разцвѣтшимъ новымъ поколѣніемъ; нѣкоторою частью пользуются въ тѣхъ случаяхъ, когда поблизости предполагается лѣсная заготовка; тогда какой-нибудь предусмотрительный зырянинъ и заберется въ такую даль, и поставитъ нѣсколько стожковъ отчасти для своей лошаденки, съ которой онъ намѣревается забраться сюда зимой поработать, отчасти и для продажи тѣмъ, которые предусмотрительности такой лишены, но въ общемъ эти использованные сѣнокосы составляютъ совершенно незамѣтную часть той площади, которая сейчасъ является самороднымъ покосомъ; если же разсматривать всю площадь, которая есть только заросшій покосъ и при малѣйшемъ приложеніи къ ней рукъ обратилась бы въ великолѣпные сѣнокосы, то можно сказать, что травою здѣсь совершенно не пользуются.

Удивительное впечатлѣніе остается отъ такого путешествія на лодкахъ по этой лѣсной пустынѣ: вся жизнь людская, со всѣми ея заботами и интересами осталась гдѣ-то позади, никакая волна этой жизни не можетъ докатиться сюда; все, что, лежа глубоко на днѣ души, тревожитъ въ обыденной жизни, отошло куда-то далеко; лицомъ къ лицу съ пустынной, дикой, неиспорченной еще природою, какъ мелокъ становится человѣкъ со всѣми своими треволненіями и потугами, одна она, вѣчная красота, царитъ здѣсь и малѣйшій штрихъ ея оставляетъ неизгладимый слѣдъ въ очищенной близостью предвѣчнаго Начала душѣ.

Теперь, когда я пишу эти строки, темная сентябрьская ночь смотритъ въ окно, шумитъ холодный порывистый вѣтеръ и, какъ вѣникомъ, хлещетъ по стекламъ струями льющагося дождя, береза печально треплетъ своими оголяющимися вѣтвями и тѣни ихъ скользятъ по

С. Мылва около впаденія р. Комины.

окну, но стоитъ только закрыть глаза и опять передо мной струятся и сверкаютъ вьющіяся дремучими, пронизанными солнечнымъ свѣтомъ, лѣсами рѣчки, опять раскидывается голубое небо, бѣлѣютъ вѣчные снѣга по синимъ силуэтамъ горъ, величавыя рѣки искрятся и переливаются, какъ расплавленное серебро, подъ отвѣсными лучами солнца, угрюмыя скалы смотрятся въ зеркало вѣка плывущихъ у ихъ подножія водъ, и рвется душа опять въ эти неизвѣстныя, далекія, необъятныя, суровыя и дивно-прекрасныя пустыни, благословенныя Богомъ и брошенныя человѣкомъ, хочется опять побывать тамъ, бродить по берегамъ таинственныхъ рѣчекъ, взбираться на горы, дѣвственную почву которыхъ еще ничья нога человѣческая не попирала, любоваться неугасающимися зорями, въ нѣмомъ восхищеніи останавливаться передъ еще никѣмъ невиданными красотами, чувствовать этотъ просторъ, равнаго которому нѣтъ на свѣтѣ. Никогда не изгладятся эти впечатлѣнія, врѣзавшіяся въ отрѣшившуюся ото всего житейскаго душу, и развѣ только смерть можетъ ихъ вырвать оттуда.

Рѣка становится все глубже, но все еще попадаются перекаты и карчи. Лѣсъ идетъ почти исключительно лиственный, среди котораго только изрѣдка видны оазисы бархатныхъ, темно-зеленыхъ елей. Съ праваго берега впадаетъ рѣчка по имени „Соболя“, названіе это наводитъ на мысль, не показываетъ ли оно, что тутъ когда-то водились эти звѣрки; въ настоящее время ихъ здѣсь давно уже нѣтъ, а попадается еще немного по восточному склону Урала, и соболиныя шкурки въ очень небольшомъ количествѣ, бываютъ иногда на сибирскихъ ярмаркахъ.

Старица на С. Мылвѣ.

Недалеко отсюда р. Мылву перегораживаетъ цѣлая плотина изъ всякаго лома, подъ которую она и уходитъ; завалъ этотъ настолько великъ, что разобрать его или прорубить нечего и думать, но, на счастье, здѣсь какъ разъ есть старое русло рѣки, которымъ и приходится воспользоваться. Оно мелко настолько, что лодки по нему приходится тащить; рабочіе вылѣзаютъ и волокутъ

ихъ по дну до настоящаго русла, заваленнаго у выхода въ него всякою дрянью, какъ плотиной, черезъ которую водопадомъ бѣжитъ вода.

До рѣчки „Комины", впадающей съ праваго берега, Мылва течетъ сплошь лиственнымъ лѣсомъ. Красиво круглятся березы, изящными линіями сбѣгаютъ къ водѣ кусты, пестрѣющіе розовыми цвѣтами шиповника, котораго становится все больше и больше, мягко падаетъ къ водѣ покрытый густою травою бархатный берегъ, и среди всего этого возвышаются стройныя стрѣлы мохнатыхъ, темныхъ елей. Лѣсъ полонъ птичьими голосами, надъ рѣкой все время звенятъ кулички, вѣтерокъ пробѣгаетъ по травѣ, покачиваетъ висячія вѣтки березъ и чуть-чуть рябитъ поверхность воды.

При каждомъ впаденіи рѣчки или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ много поворотовъ, раскидывается широкое пространство, заросшее ровными ивовыми кустами, среди которыхъ высокія деревья высятся только отдѣльными островами. Со дна ростетъ масса свѣтло-зеленой, очень длинной травы, стелящейся и пригибаемой теченіемъ, и мѣста, ею заросшія, издали уже замѣтны своею свѣтло-зеленою окраской. Ширина рѣки у впаденія Комины саженъ 15, берегъ дѣлается все выше, а сама рѣка течетъ длинными плесами, широкими и покойными, съ зеркальными отраженіями нависшихъ надъ рѣкою кустовъ и высящихся за ними деревьевъ.

Въ одномъ изъ такихъ плесовъ на высокомъ берегу пріютился лагерь ревизора лѣсоустройства, г. Образцова, производящаго изслѣдованіе и составляющаго описаніе лѣсовъ по Мылвамъ; разбиты палатки, лодки причалены къ берегамъ, вьются дымки надъ кострами, у которыхъ копошатся люди, вѣчная тишина здѣшнихъ лѣсовъ, нарушаемая только пѣніемъ птицъ, журчаніемъ воды да шумомъ вѣтра, теперь рѣзко нарушается людскими голосами.

Изслѣдованіе лѣса производится такимъ образомъ: партія двигается, слѣдуя теченію рѣки, и черезъ каждыя 5 верстъ, въ случаѣ же, если лѣсъ идетъ все одинаковаго качества, то черезъ каждыя 10 верстъ, дѣлаются просѣки перпендикулярно направленію рѣки, какъ это дѣлаетъ г. Образцовъ, или меридіану и параллели, на 10 верстъ въ каждую сторону отъ рѣки; такимъ образомъ, для сужденія о свойствахъ и качествахъ лѣса данными являются или 25 погонныхъ верстъ для сужденія о 50 квадратныхъ верстахъ лѣса, или 30 погонныхъ верстъ для сужденія о 100 квадратныхъ верстахъ лѣса. Если это есть изслѣдованіе, то такимъ образомъ будетъ въ концѣ концовъ, изслѣдована полоса лѣса по теченію рѣки въ 20 верстъ шириною. Можно ли 100 квадратныхъ верстъ лѣса изслѣдовать, зная только границы его съ 3-хъ сторонъ,—это вопросъ, вѣроятно рѣшенный спеціалистами въ положительную сторону, разъ уже подобное изслѣдованіе производится; но вотъ что показалось намъ страннымъ: почему линіей, къ которой перпендикулярно проводятся просѣки, могутъ

быть избраны не какія-нибудь постоянныя, а совершенно случайныя, каковыми являются безконечно разнообразныя направленія рѣки, и какимъ образомъ при такой системѣ возможно представить себѣ продолженіе этой работы? Вѣдь, если придется ее продолжать, не довольствуясь только лентами въ 20 верстъ шириною, то естественнѣе всего предположить, что изслѣдованіе это должно будетъ производиться продолженіемъ сдѣланныхъ уже просѣкъ. Въ какихъ же разнообразныхъ направленіяхъ пробѣгутъ онѣ по здѣшнимъ лѣсамъ и на какіе разнообразные куски ихъ разрѣжутъ. Иныя пересѣкутся недалеко отъ рѣки и затѣмъ пойдутъ по лѣсу, все болѣе расходясь между собою, иныя прямо отъ рѣки направятся въ разныя стороны, и какимъ образомъ будетъ возможно впослѣдствіи связать ихъ въ какую-нибудь систему,—даже и представить себѣ нельзя. Во всякомъ случаѣ, лѣсъ явится разрѣзаннымъ ими не на правильные кварталы, а на кусочки разнообразныхъ формъ и разнообразнѣйшихъ площадей. Это бросилось въ глаза намъ, неспеціалистамъ. О результатахъ, какіе дало подобное изслѣдованіе, я скажу ниже, когда буду описывать изслѣдованныя мѣста.

Отъѣхавъ не далеко отъ лагеря г. Образцова, проѣхали такой же лагерь военнаго топографа, производящаго съемку. Невольно приходитъ въ голову мысль: не было ли бы гораздо выгоднѣе, если бы обѣ эти работы соединить въ одно и образовать такую партію, которая и лѣса бы изслѣдовала, и съемку производила. У другого ревизора лѣсоустройства, Горна, въ отчетѣ значится, что имъ снято въ 1907 г. на планъ 490 верстъ рѣкъ; что же послѣ него придется дѣлать военному топографу. Странно какъ-то видѣть: идутъ двѣ партіи въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ одна отъ другой; одна снимаетъ рѣку на планъ, другая тоже снимаетъ рѣку и планъ и изслѣдуетъ ростущіе по ней лѣса.

Что-то тутъ чувствуется общее съ недавними еще работами въ столичномъ городѣ Москвѣ, когда съ одного конца улицы начинала свою работу партія по прокладкѣ подземныхъ телефонныхъ проводовъ, а съ другого конца той же улицы партія по прокладкѣ канализаціонныхъ трубъ. Идутъ, бывало, такія партіи навстрѣчу другъ другу, сойдутся на серединѣ улицы, разойдутся и телефонисты начинаютъ раскапывать то, что закопали и замостили канализаторы, а эти расковыриваютъ работу телефонистовъ. Хорошо выходило; недаромъ въ тѣ времена только съ особо крѣпкими рессорами экипажи выдерживали ѣзду по московскимъ улицамъ, и, вѣроятно, было выгодно, но врядъ ли экономно.

Характеръ Мылвы въ дальнѣйшемъ ея теченіи не мѣняется долго, только берега дѣлаются все выше. Шириною она становится саженъ 13—14, глубиною въ 2 ар. 10 в. —2 ар. 12 в. и течетъ длинными плесами; мысы при поворотахъ безлѣсны и покрыты необыкновенно гу-

стою и высокою травой. Въ одномъ мѣстѣ соединеніе 3-хъ такихъ мысовъ представляетъ собою очень большой, совершенно чистый лугъ и носитъ названіе „Торговище". Здѣсь когда-то, въ давнія времена, когда путь черезъ Мылвы представлялъ собою единственную возможность попасть изъ Вычегды на Печору и обратно и когда путемъ этимъ пользовались, какъ торговою дорогою и на Печору, и въ Сибирь, сюда съѣзжались Вычегодскіе, Печорскіе и Сибирскіе купцы, мѣнялись здѣсь товарами и перегружали привезенное въ большихъ печорскихъ лодкахъ въ маленькія вычегодскія. Здѣсь было дѣйствительно тогда торговище и сохранившееся до нашихъ дней названіе напоминаетъ о быломъ значеніи этого воднаго пути. Онъ теперь замѣненъ земскимъ трактомъ отъ Помоздина на Троицко-Печорское, но, если принять во вниманіе всѣ выгоды, какія даетъ водный путь по сравненію съ колеснымъ, сокращеніе пути, связанное съ возможностью попасть на Печору Мылвами и другія послѣдствія соединенія Вычегды и Печоры удобнымъ и дешевымъ сообщеніемъ, становится ясно, что вопросъ о возстановленіи и упорядоченіи этого пути нельзя игнорировать, какъ и вопросъ о возстановленіи Екатерининскаго канала.

Весь Печорскій край, несмотря на самыя благопріятныя условія, сейчасъ заброшенъ изъ-за отсутствія путей сообщенія съ нимъ, дайте ему только эти пути и онъ изъ заброшенной пустыни обратится въ земельный запасъ громадной емкости, готовый принять на себя сотни тысячъ ищущихъ работы людей, готовый дать просторъ всѣмъ тѣмъ, энергія и жажда дѣятельности которыхъ не можетъ найти приложенія въ тѣсныхъ рамкахъ, и дѣятельность ихъ будетъ направлена здѣсь не на разрушительную, а на плодотворную работу. Мылвы есть тоже путь сообщенія на Печору и, какъ таковой, должны обратить на себя вниманіе правительства.

Верстъ за 120 до Печоры въ Мылву впадаетъ рѣка „Рась-ю", пересѣкающая трактъ отъ Помоздина къ Троицко-Печорскому, берущая начало изъ болотъ, находящихся за нимъ. Рѣка эта довольно значительная и она сразу дѣлаетъ Мылву многоводнѣе и глубже; въ лѣсу стали попадаться кедры и чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ больше; они сразу бросаются въ глаза своею типичною круглой вершиной и густой, длинной хвоей. Какъ исключительное явленіе, они попадались и раньше, и мы съ особеннымъ вниманіемъ относились къ появленію ихъ среди береговыхъ лѣсовъ, и любовались этими необыкновенными для насъ стройными и красивыми деревьями, теперь же ихъ столько всякаго возраста попадается на берегахъ, что мы уже перестали выискивать ихъ среди сосенъ, елей и пихтъ и не обращаемъ болѣе на нихъ вниманія. Покосы отсюда становятся еще лучше; начиная съ этихъ мѣстъ, травы косятъ уже ежегодно, отчего качество ихъ становится значительно лучше и злаковыя замѣтно преобладаютъ среди другихъ породъ. Справа, среди береговъ, совсѣмъ заросшихъ шиповникомъ, чуть

С. Мылва въ 100 в. отъ переволока

не сплошь усыпаннымъ розовыми цвѣтами, впадаетъ рѣка „Лэпъ-та" 110 в. отъ устья. Зыряне считаютъ 80; разница всего 27%, т. е. болѣе четверти всего разстоянія.

Небо затянуло облаками, только вдали къ горизонту еще видна голубая полоска; лѣсъ посѣрѣлъ и не такъ рѣзко дѣлится безъ солнечнаго освѣщенія зелень кустовъ, березъ и елей, длинные плесы сократились, все приблизилось, куда дѣвалось все веселье и вся жизнерадостность открывающихся за каждымъ поворотомъ панорамъ. Гро-

Поселокъ „Марко-ласта" на С. Мылвы.

мадный лугъ раскинулся при впаденіи рѣки „Ворсъ-я". Съ урочища „Торговище" уже начались крестьянскія земли, и этотъ лугъ есть покосъ эксплоатируемый—онъ чистъ, трава на немъ превосходная, масса злаковъ среди обыкновенныхъ береговыхъ травъ, видны по лугу остожья.

Рѣка течетъ длинными плесами, на каждомъ заворотѣ мрачно чернѣютъ подмытые и обваливающіеся берега, въ которые вода съ силой ударяетъ съ прямого теченія, но стоитъ только рѣкѣ выравняться и пойти прямымъ плесомъ, какъ опять ея очень уже здѣсь высокіе берега пышно одѣваются кустами и травой до самой воды. Подальше отъ рѣки все время мѣняется то лиственный, то мрачный хвойный лѣсъ. Ширина рѣки здѣсь саженъ 15 и поверхность ея, въ наступившей тишинѣ, совершенно зеркальна; только слѣды нашихъ лодокъ переби-

ваютъ спокойныя ея отраженія. Все затихло и застыло въ нѣмомъ покоѣ, конечно, кромѣ бича Божьяго комаровъ, которымъ эта тишина-то и на руку. Верстъ за 6 до перваго на С. Мылвѣ поселка „Марко-ласта“ съ праваго берега впадаетъ рѣка „Ына“, сажени двѣ шириной; на мысу, который образуетъ она и Мылва, становятся уже замѣтны людскія руки, лѣсъ сведенъ и поставлена керка типа, похожаго на вымскія, такъ же, какъ и тамъ, съ чуланомъ на высокихъ ножкахъ; амбара нѣтъ, но зато есть собачникъ, чего на Вымѣ не встрѣчается. Немного подалѣе впадаетъ съ лѣваго берега ручей „Пикуль-іоль“.

Близость человѣка становится еще замѣтнѣе, весь склонъ берега раздѣланъ и представляетъ собою покосъ, чистый, безъ кустовъ, но лѣсъ за нимъ уже носитъ слѣды людского хозяйничанья и весь состоитъ изъ плохенькаго ельника.

Къ ночи мы прибыли и въ поселокъ „Марко-ласта“ (ласта, по-зырянски,—расчищенный подъ покосъ берегъ). Видимо, когда-то какой-то Маркъ раздѣлалъ здѣсь себѣ сѣнокосъ, потомъ, можетъ быть, и онъ самъ, а, можетъ, и другіе кто-нибудь облюбовали себѣ этотъ кусочекъ и поселились тутъ, что, говорятъ, было въ 1887 году, и положили тѣмъ начало будущему селенію. Теперь здѣсь уже 5 домовъ, и когда мы подъѣхали, на берегу собралась довольно большая кучка народа. Несмотря на то, что мы остановились у самой деревни и даже на то, что пошелъ дождь, мы все-таки предпочитаемъ ночевать въ лодкахъ. Дождь, надо сказать, шелъ не сильный и не долго, такъ что когда мы выѣхали утромъ далѣе внизъ по Мылвѣ, его уже не было. Отсюда до Печоры остается по зырянскому счету 11 чемкасовъ, какъ мы узнали отъ марко-ластинцевъ, на версты же намъ остается проѣхать до Печоры 60 верстъ и мы стараемся, во что бы то ни стало, пройти это разстояніе въ одинъ день, чтобы къ ночи быть въ Троицко-Печорскомъ. Характеръ рѣки не измѣняется верстъ на 30, до впаденія съ праваго берега рѣчки „Зе-болъ“. Немного не доѣзжая ея, на берегу

Зырянская изба.

Р. Сѣверная Мылва въ 20 в. ниже „Марко-ласты“.

Поселокъ „Педя-ставъ“ на р. С. Мылвѣ.

стоитъ „Зеболъ-керка“, а недалеко за этою керкою и впадаетъ рѣчка; она беретъ начало изъ болота, лежащаго близко къ Печорѣ, и изъ него же течетъ впадающая въ нее рѣчка „Разбойничья“ или „Разбойнишная“, какъ называютъ ее зыряне. Немного ниже, на правомъ же берегу, въ этомъ мѣстѣ очень крутомъ, обрывистомъ и сильно подмытомъ, среди сосноваго бора видна „Чумъ-порогъ-керка“. Здѣсь берега часто подмыты и въ этихъ мѣстахъ обнажается песокъ, кое-гдѣ они обвалились и тутъ обыкновенно образуются песчаныя отмели.

Попадаются старыя петли Мылвы, по-зырянски — „Щура“; онѣ представляютъ собою глухія, иногда очень длинныя заводи, сильно заросшія у концовъ осокой; весной ихъ заливаетъ и они составляютъ одно цѣлое съ рѣкой, тогда въ нихъ заходитъ рыба, а когда сообщеніе между ними и рѣкой прекратится, рыба такъ въ нихъ и остается, почему зыряне и говорятъ, что насчетъ рыболовства эти щуры очень добычливы. Большинство случаевъ исключенія этихъ петель изъ теченія рѣки явились результатомъ работы ея самой, но намъ пришлось видѣть и такую, которая выброшена изъ рѣки искусственнымъ образомъ, для чего, какъ говорятъ зыряне, достаточно было прокопать неширокую канаву, а всю остальную работу рѣка сдѣлала сама въ ближайшее половодье. Въ общемъ, теченіе С. Мылвы извилисто и, вѣроятно, въ очень многихъ мѣстахъ такое сокращеніе ея длины вполнѣ возможно и, судя по тѣмъ извилинамъ, которыя легко прослѣдить, сокращеніе это было бы очень значительно; работы партій, снимающихъ Мылвы, выяснятъ этотъ вопросъ.

Съ обоихъ береговъ въ Мылву впадаетъ много ручьевъ, большинство безъ названій; всѣ они идутъ изъ находящихся то ближе къ рѣкѣ, то дальше отъ нея озеръ, какъ говорятъ, съ уровнемъ воды выше, чѣмъ въ рѣкѣ; этому легко повѣрить, такъ какъ берега Мылвы все время идутъ высокіе, 2—4 сажени. По нимъ есть кусты, но смородина и малина, которыхъ такъ много въ верхнемъ теченіи Мылвы, исчезли.

За 1 чемкасъ до поселка „Ягъ-ты-динъ" съ лѣваго берега впадаетъ большая рѣка „Нюмылга", шириною въ половину Мылвы, которая, послѣ ея впаденія, сразу становится гораздо шире. Нюмылга течетъ издалека, она пересѣкаетъ трактъ отъ Помоздина на Печору, а откуда берется она—извѣстно одному Богу, на картѣ такъ она и до тракта не доведена.

Погода начинаетъ въ серьезъ портиться; сталъ накрапывать дождичекъ, облака все болѣе сгущаются и ртуть въ термометрѣ опустилась до 14°, а барометръ все идетъ кверху; при подобномъ нашему путешествіи судить, основываясь на его показаніяхъ, о предстоящей погодѣ нельзя: ѣхали мы по Ю. Мылвѣ—онъ все время падалъ, потому что мы поднимались къ водораздѣлу; ѣдемъ теперь по С. Мылвѣ—онъ все поднимается, такъ какъ мы съ водораздѣла опускаемся все ниже и ниже; и непріятное ожиданіе дождя при его паденіи, и пріятное предвкушеніе хорошей погоды при его поднятіи здѣсь не имѣютъ мѣста.

Прошли и поселокъ „Ягъ-ты-динъ" изъ 2-хъ домовъ, отъ котораго до Печоры остается всего 18 верстъ—3 чемкаса. На самомъ берегу видна довольно рѣдкая, уже выколосившаяся рожь. Верстахъ въ 8 за нимъ миновали устье рѣки „Сойвы", серьезнаго притока С. Мылвы, саженъ 8 шириною, впадающей съ лѣваго берега, знаменитаго тѣмъ, что на немъ много залежей алебастра и желѣзной руды: былъ даже когда-то чугунный заводъ, но почему-то брошенъ и сейчасъ на этомъ мѣстѣ стоитъ только чей-то заявочный столбъ.

Мылва здѣсь саженъ 30 шириною, берега все также покрыты то лиственнымъ, то хвойнымъ лѣсомъ, то одинъ побѣждаетъ, то другой, но они не мѣшаются; все также кусты то сбѣгаютъ по кругло опускающимся къ водѣ берегамъ, то лѣпятся по карнизамъ обрывистыхъ, высокихъ стѣнъ, подмытыхъ и оползающихъ. Покосы къ устью становятся все лучше, все больше по нимъ замѣтно злаковъ, тимофѣевки и остожьевъ, а по количеству послѣднихъ можно судить о томъ, сколько сѣна накашивается на этихъ покрытыхъ, какъ бархатомъ, сочной высокой травой луговинахъ.

Верстъ за 7 до устья правый берегъ представляетъ собою песчаный обрывъ, высокій и гладкій, какъ стѣна, сильно осыпающійся; по верху ростетъ мелкій и рѣдкій соснякъ, а далѣе опять подступаетъ къ берегамъ густой лѣсъ. За поселкомъ „Педя-ставъ" изъ 3—4 домовъ въ 6 верстахъ отъ устья, на берега Мылвы выходитъ глина и они

подмытые рѣкой, оборвались въ нее почти отвѣсно, красные и оползающіе. Сосновый лѣсъ съ возвышающимися среди него кедрами подошелъ къ самому обрыву и мѣстами, не удержавшись, оборвался вмѣстѣ съ верхнимъ слоемъ почвы; деревья и кусты торчатъ у самой воды и межъ ними видны красныя пятна глинистыхъ обрывовъ. Вдали видны уже поля поселка „Абаръ“—выселка изъ Троицко-Печорскаго. Рѣка дѣлается все шире, чувствуется приближеніе могучей Печоры. Лѣса, среди которыхъ извивалась Мылва, подернулись голубымъ туманомъ и отошли назадъ, въ обѣ стороны раскидывается широкая долина, вдали на лѣвомъ краю ея на высотѣ видна церковь села Троицко-Печорскаго; наконецъ, засинѣла впереди и запечорская даль и раскинулась ширь и водная гладь во всѣ стороны безъ конца. даже дышать какъ-то стало легче.

Наши лодки одна за другой вытянулись всѣ въ линію и, плавно дѣлая полукругъ, стали подходить по очереди къ пристани, а уже и на ней и по откосу берега, и по самому гребню расположилась громадная толпа народа, собравшаяся не только съ самаго села, но и изо всѣхъ лежащихъ въ окрестностяхъ его выселковъ и деревушекъ. Надъ пристанью возвышается арка, украшенная флагами, подъ нею группа степенныхъ печорцевъ, со старшиною во главѣ, съ хлѣбомъ и солью, поднесеніе которой губернатору было чинно исполнено, какъ только вышелъ онъ на берегъ, и затѣмъ мы съ пристани отправились прямо въ приготовленную для насъ въ зданіи женской школы квартиру. Нельзя сказать, чтобы намъ не было пріятно послѣ 330 верстъ въ лодкахъ сѣсть на стулья, за накрытый скатертью столъ, на которомъ въ облакахъ пара бурлилъ самоваръ, выпить чайку со сливками и разными превкусными печеньицами, издѣліями супруги о. благочиннаго, при уютномъ освѣщеніи всей нашей компаніи висящей надъ столомъ лампой. Осмотръ села мы отложили на завтра, такъ какъ и поздно уже было, да и спѣшить съ этимъ было некуда; парохода мы ожидали только черезъ 2 дня. Спать мы улеглись въ высокой просторной комнатѣ на свѣжемъ сѣнѣ, все-таки, для полной безопасности, раскинувъ свои испытанные благодѣтельные полога, хотя комары и считались удаленными изъ нашихъ аппартаментовъ.

Путь по Мылвамъ былъ оконченъ. Мы видѣли своими глазами, что представляетъ собою эта заброшенная сейчасъ лазеечка съ Вычегды на Печору. Что привело этотъ путь, бывшій когда-то торною дорогою съ Вычегды въ Печорскій край и Сибирь, къ упадку и заброшенности, сказать сразу нельзя, вѣроятно, тутъ многія причины играли роль, но, конечно, прямая, непосредственная и конечная причина заключается въ томъ, что вся торговля Печорскаго края, бывшая когда-то въ рукахъ русскихъ, жившихъ по Вычегдѣ, была у нихъ отнята и забрана торговцами Пермскаго края, а торговля Вычегодцевъ съ Сибирью совсѣмъ прекратилась и разбираться въ причинахъ этого явленія намъ, задав-

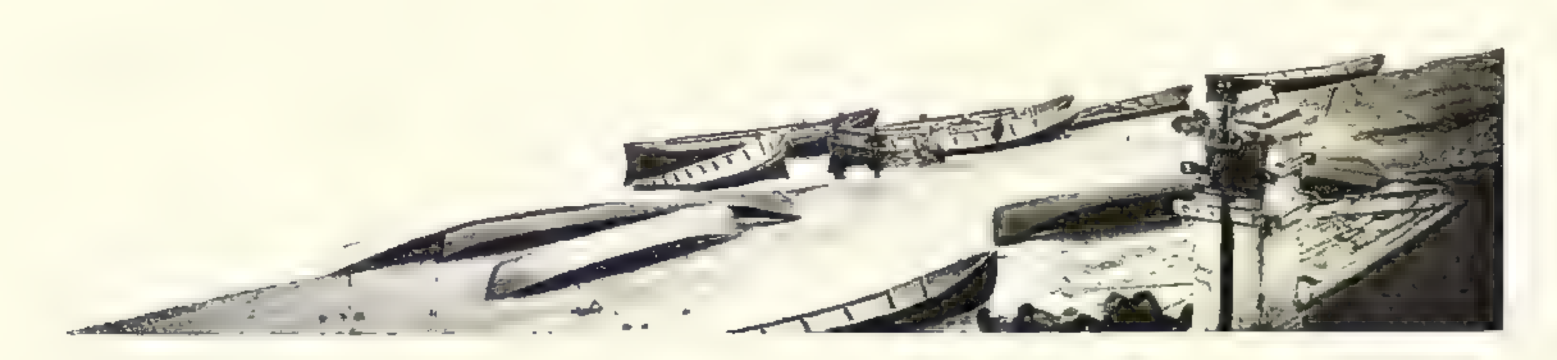
шимся цѣлью составить себѣ понятіе о настоящемъ состояніи путей, могущихъ оживить заброшенныя пустыни нашей губерніи, не приходится.

Когда мы ѣхали на Печору съ обязательнымъ заданіемъ попасть на нее непремѣнно Мылвами, мы, конечно, не считали, что ѣдемъ дѣлать открытіе: Мылвинскій путь не только не составляетъ какого-либо открытія, но даже и объ улучшеніи его давно лежатъ въ министерствѣ представленные проекты; о необходимости его думали люди, близко стоящіе къ дѣлу соединенія Печоры и Вычегды, лѣсные чины здѣшнихъ лѣсничествъ, заботившіеся о возможности поднять доходность печорскихъ лѣсовъ; какъ я уже говорилъ выше, лѣсной ревизоръ Скаковскій представилъ давно уже подробное обслѣдованіе Мылвъ и Иктыля и проектъ соединенія въ этомъ пунктѣ печорскаго и вычегодскаго бассейновъ каналомъ, но всю его работу постигла общая участь работъ спеціальныхъ, она не сдѣлалась общимъ достояніемъ, доѣхала до столовъ петербургскихъ канцелярій и спокойно улеглась подъ сукно. Теперь обстоятельства измѣнились: ухтинская нефть со дня на день можетъ рвануться изъ глубины земли на свѣтъ Божій и поневолѣ уже приходится подумать о томъ, чтобы ей на этомъ Божьемъ свѣтѣ не пришлось изливаться безполезно, моря рыбу въ печорскихъ притокахъ, а, напротивъ, чтобы ея притокъ на русскій рынокъ далъ бы Россіи новыя силы, новые источники народнаго богатства; надо заранѣе приготовить ей путь, по которому она могла бы течь по всей Россіи, сокрушая на пути своемъ ужасныя препятствія, ставимыя теперь всей нашей промышленности недопустимой монополизаціей бакинской нефти. Вздутыя цѣны на нее, установленныя теперь бакинцами, вызываютъ явленія, совершенно ненормальныя; стоитъ вдуматься хотя бы только въ передѣлку волжскихъ пароходовъ на дровяное отопленіе, чтобы придти въ ужасъ отъ дикости послѣдствій, вызываемыхъ ненормальнымъ положеніемъ нашей нефтяной промышленности.

Зырянскій амбаръ.

Впаденіе С. Мылвы въ Печору.

Ухтинское нефтяное дѣло еще только нарождается и можетъ быть поставлено на совершенно иныхъ основаніяхъ; правительство имѣетъ полную возможность, *если оно захочетъ*, создать такія условія, при которыхъ и искусственныя вздутія цѣнъ, и непомѣрныя ихъ колебанія станутъ совершенно немыслимыми. Одною изъ первыхъ задачъ не будетъ, а уже сейчасъ является подготовка для нефти тѣхъ путей, которыми она должна будетъ течь на центральный русскій рынокъ и однимъ изъ нихъ является, конечно, и путь черезъ Мылвы. Мы видѣли уже, что Вычегда тотчасъ представитъ собою удобный путь, какъ только ее исправятъ отъ тѣхъ ея недостатковъ, которые явились результатомъ полнаго пренебреженія, оказываемаго ей до сего времени водянымъ управленіемъ; нашъ „Самоѣдъ", несмотря на свои дифференты и осадку въ 4 четверти, прошелъ до самаго Мыёлдина, нигдѣ не сѣвъ на мель, а только угрожаемый карчами; уничтожить-то карчи, вѣроятно, водяное управленіе съумѣетъ, и тогда Вычегда дастъ возможность свободнаго доступа до самой Мылвы. Значитъ, Кельтмы и Мылвы будутъ соединены, т. е. будетъ соединена Волга и Печора. Допустятъ ли возможность судоходства сами Мылвы? Кажется, что допустятъ. Мы — не инженеры и такихъ изслѣдованій, которыми можно было бы руководствоваться для проэктированія канала, мы не производили, да эта работа производится и помимо насъ и была уже произведена ранѣе Скаковскимъ, но мы видѣли и то, что обѣ Мылвы текутъ въ такихъ высокихъ берегахъ, что сами по себѣ представляютъ естественные каналы и допускаютъ всевозможную шлюзовку и то, что по сторонамъ ихъ имѣются огромные запасы воды въ видѣ озеръ и рѣкъ, могущіе питать Мылвинскій путь водою, и то, что рѣки эти раздѣляются такимъ болотомъ, по которому въ полую воду проѣзжаютъ на лодкахъ изъ Иктыля въ С. Мылву черезъ ея притокъ Вилесъ безъ всякаго переволока, а, слѣдовательно, соединеніе здѣсь даже можно считать уже существующимъ и только требующимъ приведенія его въ состояніе, допускающее судоходство не только въ полую, но и въ меженную воду. Все это такія данныя, которыя позволяютъ предполагать полную возможность соединенія Мылвъ каналомъ.

Наша поѣздка, во-первыхъ, позволитъ намъ разбираться въ вопросѣ о Мылвахъ и ихъ соединеніи, а, во-вторыхъ, можетъ быть, она дастъ толчекъ этому вопросу, залежавшемуся, вопреки требованій жизни, подъ сукномъ министерскихъ столовъ. Вотъ что преслѣдовали мы, ставя себѣ задачей пробраться на Печору этимъ забытымъ путемъ. Онъ забытъ, но не мертвъ; воднаго пути не убить никакимъ другимъ существующимъ путямъ сообщенія, не сравняются съ нимъ никогда дорого стоющія и въ постройкѣ, и въ эксплоатаціи, и фрахтѣ желѣзныя дороги, изъ-за тяготѣнія къ которымъ русскіе водные пути находятся сейчасъ въ такомъ печальномъ забросѣ.

Оживить путь по Мылвамъ пробовало и само населеніе печорское да ни умѣнія, ни средствъ у него на это не хватило, а помощи оно, конечно, ни отъ кого не дождалось. Былъ въ Троицко-Печорскомъ учитель, по фамиліи Сергачевъ, который задумалъ завести пароходъ, устроить почтовое сообщеніе по верхней Печорѣ и ходить на Вычегду по Мылвамъ; пропагандировалъ онъ эту свою идею, какъ только могъ, внушилъ къ ней довѣріе и набралъ кое-какія и средства для осуществленія; всякій внесъ свою лепту: и духовенство, и крестьяне, и купцы, и чиновники, всѣмъ ясны были выгоды, которыя дало бы это сообщеніе пароходъ этотъ уже строился въ Устюгѣ и, какъ разсказываютъ, долженъ былъ быть съ осадкою на 8 вершковъ, 7—8 саженъ длины и пудовъ 400 вѣсомъ; были приготовлены уже люди для перетаскиванія его черезъ переволокъ, за что брался крестьянинъ изъ села Мыёлдина Вас. Григ. Барсуковъ съ 50 рабочими, былъ нанятъ уже машинистъ, да въ концѣ концовъ денегъ на достройку парохода не хватило, взять ихъ было неоткуда, такъ все предпріятіе и лопнуло.

ГЛАВА V.

Село Троицко-Печорское, его исторія. Условія жизни на Печорѣ. Печора отъ Троицко-Печорскаго до Щугора. Остяки. Печорскіе лѣса и Печорская бездорожица.

Троицко-Печорское очень большое село, болѣе 120 домовъ; расположилось оно по склонамъ высокихъ береговъ Печоры и С. Мылвы и улицы его идутъ по нимъ въ нѣсколько ярусовъ. Географическое положеніе его 62° 42′ сѣв. широты и 3h 74′ 52″ вост. долготы отъ Гринвича. Высота надъ уровнемъ моря 112 метровъ. На самой высшей точкѣ стоитъ церковь съ кладбищемъ и отъ нея черезъ оврагъ, по которому проходитъ дорога внизъ къ берегу, идетъ, немного понижаясь, улица съ училищами, домомъ благочиннаго и больницею. Это, такъ сказать, центръ и вмѣстѣ съ тѣмъ край села, а отъ него по скатамъ къ Печорѣ и къ Мылвѣ идутъ протянувшіяся параллельно берегамъ улицы, застроенныя типичными зырянскими домами съ плоскими крышами, амбарами на курьихъ ножкахъ и т. п. Среди построекъ выдаются

С. Троицко-Печорское и впаденіе С. Мылвы въ Печору.

нѣкоторые дома съ балконами, двухъэтажные, на окнахъ которыхъ вездѣ видны цвѣты, висятъ занавѣски, общее впечатлѣніе получается не худое. Берегъ къ самымъ рѣкамъ обрывается круто и высоко, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для спуска устроены лѣстницы.

При впаденіи Мылвы довольно мелко и по Печорѣ видна масса отмелей изъ наносимаго сюда Мылвой песка. На одной изъ нихъ находится ключъ, который въ большую воду скрывается подъ водой, когда же отмель обнажается, онъ бьетъ на ней и отъ него бѣжитъ по песку въ Печору ручей очень холодной воды. Мы ѣздили туда на лодкѣ и осматривали этотъ ключъ; вода его бьетъ изъ нѣсколькихъ отверстій съ такою силой, что опущенный съ усиліемъ въ самый ходъ ключа шестъ отъ лодки, аршинъ 5 длиною, выбрасывается ею весь наружу. Вода тогда начинаетъ идти мутная, зеленовато-бѣлая и такого же цвѣта осадокъ она оставляетъ на днѣ ручейка. Судя по температурѣ и вкусу, вода эта минеральная, и Ив. Мих. Шемигоновъ взялъ съ собою образцы ея для анализа. Съ высокаго берега открывается широкій видъ на таинственное Запечорье, въ которомъ бывали только охотники-зыряне, бродящіе по нескончаемымъ пріуральскимъ лѣсамъ, да селятся старовѣрческіе отшельники, ищущіе уйти отъ людей; тамъ не найти человѣка, если онъ самъ не захочетъ показаться.

Печора у Троицко-Печорскаго дѣлаетъ пологую дугу и уходитъ въ синюю пропадающую на горизонтѣ даль къ сѣверу и къ югу. Отсюда до Усть-Сысольска трактомъ 382 версты, лѣтомъ же можно ѣхать 209 верстъ трактомъ до Усть-Кулома и оттуда 247 верстъ пароходомъ. До желѣзной дороги не доскачешь, до нея около 600 верстъ. Почта ходитъ одинъ разъ въ недѣлю, а телеграфа совсѣмъ нѣтъ. Вотъ это послѣднее, т. е. отсутствіе на Вологодской Печорѣ телеграфа, въ равной мѣрѣ съ отсутствіемъ путей сообщенія, съ большимъ успѣхомъ достигаетъ того, что богатѣйшій край сейчасъ находится въ совершенномъ забросѣ. Ближайшій телеграфъ въ Усть-Сысольскѣ и с. Красноборскомъ Архангельской губерніи, значитъ, чтобы какому-нибудь, положимъ, лѣсопромышленнику дать депешу, что коммерческимъ людямъ зачастую бываетъ необходимо, надо посылать нарочнаго верстъ за 400—500. Нечего и доказывать, что это неудобно, и, конечно, пора уже подумать о проведеніи сюда телеграфа.

Село Троицко-Печорское, или по-зырянски „Мылъ-динъ", представляетъ собою центръ всего Печорскаго края и уже имѣетъ свою исторію. По преданію, церковь села была основана одновременно съ просвѣщеніемъ печорскихъ зырянъ свѣтомъ христіанства, что имѣло мѣсто уже послѣ Стефана Пермскаго. По тому же преданію, просвѣщены печорскіе зыряне были преемникомъ Св. Стефана, епископомъ Исакіемъ, которымъ и была заложена церковь, по разсказамъ однихъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь бьетъ ключъ на отмели, и тогда это мѣсто приходилось на берегу и росъ тутъ лѣсъ дикій, по разсказамъ дру-

гихъ, на другомъ берегу С. Мылвы, на мысу, который теперь тоже уже смытъ, наконецъ, по разсказамъ третьихъ, Исаакіемъ былъ заложенъ цѣлый Троицкій монастырь, существовавшій долгое время на стрѣлкѣ между Печорой и С. Мылвой, не той, гдѣ стоитъ сейчасъ село, а противоположной, теперь уже смытой. По нѣкоторымъ даннымъ, можно полагать, что событіе это было въ 1416 году. О печорцахъ упоминается и въ лѣтописи Нестора: „сказа Роговичъ Новгородецъ, яко посла отроки свои на Печору—людіе, яже дань дающе Новгороду“.....; извѣстно о походѣ новгородца Улѣба къ желѣзнымъ воротамъ (на р. Шугорѣ) въ 1032 году и изъ упоминаній этихъ видно, что еще и въ тѣ времена Печора была извѣстна и состояла въ сношеніяхъ съ русскими на Вычегдѣ. Обитателей по Печорѣ было мало, почему приходъ былъ одинъ и, вѣроятно, не былъ особенно большимъ, такъ какъ все населеніе жило не раскиданно и отдаленныхъ поселковъ тогда еще не было. Вѣроятности и преданія кончаются въ 1780 году и съ того времени начинаются точныя свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что церковь была въ то время деревянная изъ двухъ зданій, холодная, построенная въ 1764 году, и теплая съ колокольней, построенная въ 1794 году. Приходъ со временемъ разросся на 380 верстъ внизъ по Печорѣ и на 130 верстъ вверхъ по Илычу и причтъ состоялъ изъ двухъ священниковъ, діакона, двухъ дьячковъ и двухъ пономарей, но все-таки справляться съ приходомъ, раскинувшимся на громадное пространство, и такому причту было не подъ силу, да къ тому же и расколъ среди населенія все болѣе и болѣе распространялся, не встрѣчая, благодаря разбросанности населенія, никакой задержки, а, напротивъ находя, для себя въ этой разобщенности населенія и отсутствіи священническаго вліянія благодарную почву. Все это побудило въ 1858 г. въ селеніяхъ Савиноборскомъ и Щугорскомъ учредить особые причты съ подвижными церквами, а затѣмъ въ 1862 году тамъ были построены на казенный счетъ и постоянные де-

Церковь въ Троицко-Печорскомъ.

ревянные храмы, такимъ образомъ, съ этого времени Печорскій край раздѣлился на 3 прихода, а теперь есть еще и четвертый въ Усть-Ылычѣ. Съ 1854 года по 1862 произведена перестройка Троицко-Печорской церкви изъ деревянной въ каменную, которая вскорѣ сгорѣла, но опять была отстроена на средства, пожертвованныя чердынскими купцами, ведущими постоянную торговлю на Печорѣ, а, пожалуй, можно сказать, закабалившими Печору и держащими ее въ такомъ положеніи, передъ которымъ крѣпостное право покажется свободой.

Въ настоящее время въ селѣ Троицко-Печорскомъ жителей 425 мужчинъ и 461 женщина, а во всей Троицко-Печорской волости съ ея 18 населенными пунктами мужчинъ 1.107 и женщинъ 981. Въ селѣ почти всѣ православные, внизъ же по Печорѣ всѣ жители старовѣры. Хлѣбопашествомъ занимаются очень мало, но не потому, что это по климатическимъ условіямъ не подходитъ, а частью потому, что земель подъ пашню мало, а расчищать изъ подъ лѣса нѣтъ никакой охоты, частью потому, что время, употребленное на земледѣліе, принесетъ гораздо большую выгоду, будучи употреблено на какой-нибудь другой промыселъ. Все-таки, хоть и немного, но сѣютъ рожь, ячмень, ленъ, коноплю, послѣдніе два въ очень небольшемъ количествѣ, только для домашняго своего употребленія. Не худо растетъ въ Троицко-Печорскомъ и капуста, а нѣкоторые любители выращиваютъ и огурцы при луночной культурѣ. Урожаи всегда порядочные, самъ 7—8, но бываютъ и гораздо лучше, иногда родится и самъ 15. Кто занимается землей, высѣваетъ пудовъ 10 ржи и ячменя. Унавоживаютъ землю обильно, какъ говорятъ, настолько, чтобы по всей пашнѣ лежалъ слой навоза не менѣе вершка; навоза довольно, такъ какъ коровъ держатъ помногу, менѣе 3-хъ никто не держитъ, а все болѣе по 5—6, лошадей держатъ не менѣе 2-хъ, одну для дома, другую для работы на лѣсныхъ заготовкахъ. Скотъ весь камолый, доитъ изъ рукъ вонъ плохо, считается хорошимъ удоемъ, если корова даетъ 4 крынки. Такая плохая удойливость при томъ обиліи кормовъ, какое здѣсь есть, была для насъ фактомъ, трудно объяснимымъ. Впослѣдствіи нѣкоторыя указанія на то, чѣмъ можно объяснить этотъ фактъ, далъ главный инструкторъ молочнаго хозяйства Вологодской губерніи К. Х. Риффесталь; онъ, разспросивъ подробно о всѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится скотъ на Печорѣ, предположилъ, что причиною малой удойливости при обиліи кормовъ въ значительной мѣрѣ можно считать то безпокойство, какое испытываетъ скотъ въ продолженіе всего лѣта отъ комара, овода и мошки. Не ставя себя въ зависимость отъ земледѣлія, зыряне нужныя имъ средства добываютъ промыслами—охотничьимъ, рыболовнымъ и главнымъ образомъ, работою на лѣсныхъ заготовкахъ. Этотъ послѣдній даетъ болѣе всего, а, значитъ, и является для печорскихъ жителей наиболѣе привлекательнымъ; прежде всѣ почти ходили лѣсовать за бѣл-

кой и рябкомъ, теперь идетъ на охоту развѣ четверть населенія, а остальные всѣ идутъ на лѣсныя заготовки. Какъ разсказываютъ зыряне, лѣсуетъ теперь только тотъ, у кого есть страсть къ охотѣ и лѣсу, кто не можетъ усидѣть дома съ наступленіемъ охотничьяго сезона, кого тянетъ бродить по безконечнымъ неизвѣстнымъ печорскимъ лѣсамъ. Ходятъ къ Уралу, и даже за Уралъ въ два раза, первый разъ идутъ съ Успенія до ноября мѣсяца за рябчиками, второй разъ—съ Крещенія до Благовѣщенія за бѣлкой. Бѣлка за Ураломъ крупнѣе и

Видъ на Печору изъ села Троицко-Печорскаго, внизъ.

цѣнится дороже. Бѣличьихъ хвостовъ идетъ на фунтъ печорскихъ—120, а зауральскихъ—85—90, зато рябчикъ тамошній хуже и опереніе его рыжее. На пай приходится обыкновенно до 300 бѣлокъ (по 25 к.), да другого звѣря попадетъ сколько-нибудь такъ, что заработокъ получается рублей въ 100. Работа на лѣсныхъ заготовкахъ даетъ гораздо болѣе: напримѣръ, нашъ ямщикъ Тибуртій съ лошадью заработалъ прошлый годъ 220 р. да весной за сплотку получилъ 95 р., всего, значитъ, лѣсная заготовка дала ему 315 р. Говорятъ, что иные съ работникомъ и 2 лошадьми заработываютъ р. до 500. Прежде заработки на лѣсныхъ заготовкахъ были еще лучше, когда на Печорѣ ими занимались двѣ фирмы—Ульсенъ и „Stella polaris", въ настоящее время вторая фирма не работаетъ и Ульсенъ понизилъ заработную плату. Рыболовствомъ занимаются въ Троицко-Печорскомъ менѣе другихъ промысловъ и оно даетъ сравнительно ничтожный заработокъ. Въ общемъ жители села

живутъ зажиточно, не нуждаются, слѣдствіемъ чего и является страшная дороговизна на все: сажень дровъ, напримѣръ, стоитъ 2 рубля, это тамъ-то, гдѣ лѣсъ прямо гніетъ изъ-за того, что его дѣвать некуда, масло—43 коп. фунтъ, яица 15—25 к. десятокъ и т. п. Не могу не упомянуть еще объ одной особенности, очень характерной для Троицко-Печорскаго: обыкновенная ворона—тутъ птица прилетная, и, какъ у насъ близость весны показываетъ прилетъ грачей, такъ тамъ показываетъ ее прилетъ воронъ. Прилетѣли вороны—значитъ дороги скоро рушиться будутъ,—говорятъ на Печорѣ.

Насколько можно судить по разнымъ интервью съ троицко-печорскими жителями, всѣ они живутъ не худо и жизнью своей довольны. Жалуются только на нѣсколько ненормальное положеніе своихъ отношеній съ собственницей здѣшнихъ лѣсовъ—казною, которая, строго придерживаясь своихъ правилъ, доходитъ будто бы иногда до несправедливостей, секвеструя оплаченный уже лѣсной матеріалъ, по какимъ-либо причинамъ не вывезенный до истеченія установленнаго срока. Намъ даже указывали на случаи подобнаго рода и называли имена потерпѣвшихъ изъ-за такого строгаго и буквальнаго исполненія правилъ, можетъ быть, нѣсколько не согласованныхъ съ практикой жизни и здѣшними условіями. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ сказать и о томъ, что мы всюду почти наблюдали скрытое стремленіе жителей поэксплоатировать казну; вездѣ они не довольствуются и такъ очень дешевыми таксами на лѣсъ, и всегда стремятся выхлопотать себѣ еще болѣе пониженныя оцѣнки; не удовлетворяются они тѣмъ, что и по обыкновеннымъ таксамъ весь матеріалъ на постройку обширнаго дома обходится имъ въ казнѣ въ 40 р. и стремятся получить его еще дешевле. Если такое настойчивое ихъ стремленіе сопоставить еще съ тѣмъ, что намъ приходилось слышать о причинахъ пожаровъ въ казенныхъ лѣсахъ, о которыхъ я буду говорить ниже, пожалуй, останется придти къ заключенію, что жалобы ихъ на казну и не выдержатъ строгой критики и причиной этой невывозки заготовленнаго лѣса къ установленному сроку окажется не одна только случайность.

Живя въ общемъ зажиточно, печорцы, какъ говорятъ, очень не любятъ выказывать, насколько кто изъ нихъ обладаетъ капиталомъ и хранятъ свои деньги въ строгой тайнѣ, слѣдствіемъ чего и является выставляемый наружу ровный уровень благосостоянія всѣхъ здѣшнихъ жителей: и богатые, и бѣдные живутъ тутъ одинаково, бѣдные по необходимости, богатые по нежеланію показывать, что они богаты, но такъ какъ бѣдность здѣсь только относительная, то этотъ видимый общій уровень жизни даетъ впечатлѣніе обезпеченности и зажиточности.

Въ Троицко-Печорскомъ намъ впервые пришлось столкнуться съ тою мѣрою, какую выработало само населеніе въ обезпеченіе удовлетворенія своей нужды въ хлѣбѣ: продовольственный капиталъ волости

и большая часть мірского употребляется тутъ на покупку годового запаса муки для продажи ея жителямъ волости по заготовительной цѣнѣ. Этотъ порядокъ, какъ оказалось потомъ, существуетъ по всей Печорѣ и на Вычегдѣ, въ верхнемъ ея теченіи, до Небдинской волости; вездѣ на свои распросы объ обезпеченіи хлѣбомъ мы получали отвѣты, что для этой цѣли служатъ населенію продовольственные и мірскіе капиталы, давая возможность закупать годовые запасы муки и отпускать ее по заготовительной цѣнѣ, гдѣ въ ссуду (надо сказать, чрезвычайно аккуратно пополняемую), большею частью, только по приговорамъ схода, гдѣ только за наличный разсчетъ. Выдача въ ссуду обсуждается сходомъ всегда крайне детально и составляются подробные списки кому и сколько надлежитъ выдать муки.

Въ Троицко-Печорскомъ мы встрѣтили очень интереснаго человѣка: А. Ф. Вроблевскій 20 лѣтъ уже живетъ въ Печорскомъ краѣ, изучилъ его въ своихъ двадцатилѣтнихъ странствованіяхъ по нему и знаетъ и его и Зауралье къ Оби, какъ свои пять пальцевъ. 20 лѣтъ назадъ онъ пріѣхалъ сюда съ извѣстнымъ Сибиряковымъ, который такъ много сдѣлалъ для здѣшняго края и собирался сдѣлать и еще больше, да всѣ его начинанія остановились, благодаря такъ много повредившему экономическому положенію Россіи—1905-му году. Сибиряковъ сейчасъ живетъ за границей; бросилъ всѣ свои дѣла, гдѣ нужны были его иниціатива и его средства, и не думаетъ возвращаться въ Россію. А. Ф. Вроблевскій, по порученію Сибирякова, провелъ дорогу съ Печоры, вдоль ея притока, Щугора, черезъ Уралъ на притокъ Оби, Сосву, и дѣлалъ изысканія для проведенія другой дороги черезъ Илычъ на ту же Сосву. Объ этихъ дорогахъ я скажу потомъ подробнѣе. Въ своихъ скитаніяхъ по уральскимъ пустынямъ, А. Ф. въ пяти мѣстахъ наткнулся на золото, но заявокъ не дѣлалъ, а довольствуется пока знаніемъ этихъ мѣстъ, изъ которыхъ три въ Вологодской губерніи и 2 въ сосѣдней Тобольской; золото во всѣхъ почти мѣсторожденіяхъ разсыпное, частью чистое, частью съ примѣсью платины. Тѣ пріиски, которые находятся въ Вологодской губерніи, расположены по верховьямъ притоковъ Илыча и Щугора; болѣе подробно, конечно, А. Ф. не указываетъ, да и такое указаніе слѣдуетъ считать необычно яснымъ.

Образцы золота онъ намъ показывалъ и И. М. Шемигоновъ даже опредѣлялъ его химически. Изъ собственнаго золота А. Ф. Вроблевскій носитъ массивную часовую цѣпочку. Намъ и ранѣе приходилось слышать о томъ, что Императрица Екатерина II носила кольцо изъ устьсысольскаго золота. Теперь мы воочію убѣдились въ его существованіи и даже узнали отъ Вроблевскаго, что это историческое кольцо Императрицы было изъ золота съ когда-то существовавшаго у верховьевъ Печоры въ Устьсысольскомъ уѣздѣ пріиска нѣкоего Калашникова.

Знаетъ Вроблевскій и мѣдныя руды, и колчеданы, и топазы на Уралѣ въ Вологодской губерніи, но знанія эти у него пропадаютъ даромъ, такъ какъ средствъ на то, чтобы начать разработку извѣстныхъ ему богатствъ, онъ не имѣетъ. Учившійся въ лѣсномъ корпусѣ, онъ является человѣкомъ по образованію своему подготовленнымъ къ изученію края и, дѣйствительно, знаній края во всѣхъ отношеніяхъ у него запасъ огромный. А. Н. Хвостовъ предложилъ ему сопутствовать намъ въ нашей дальнѣйшей поѣздкѣ по Печорѣ и Вроблевскій съ удовольствіемъ это предложеніе принялъ, былъ потомъ нашимъ спутникомъ на пароходѣ все время и много интереснаго намъ пришлось отъ него узнать. Въ селѣ Вроблевскій занимаетъ амплуа совершенно не по своей спеціальности: онъ замѣняетъ здѣсь доктора; видя нужду населенія во врачебной помощи, онъ сталъ самъ учиться медицинѣ, понемногу началъ лечить, а теперь у него ежедневный амбулаторный пріемъ, какъ въ большой лечебницѣ. Это показываетъ, что, вѣроятно, причина неимѣнія врача въ Троицко-Печорскомъ лежитъ не въ томъ, что населеніе не обращалось къ врачу, какъ намъ разсказывалъ урядникъ Поповъ. Въ Троицко-Печорскомъ волостномъ правленіи есть приговоръ, это подтверждающій, которымъ постановлено дать Вроблевскому за его медицинскую помощь вознагражденіе, значитъ, само населеніе, своей оцѣнкою его медицинской помощи, ясно показываетъ, что противъ обращенія за ней къ врачу оно ничего не имѣетъ. Потомъ мы узнали, что Устьсысольское земство просто не можетъ найти врача на этотъ пунктъ, а жалованья, которое привлекло бы сюда на службу, назначать не желаетъ, такъ и остается вся Вологодская Печора (55.000 кв. верстъ) безъ врачебной помощи.

Парохода мы ожидали дня черезъ два, но онъ совершенно неожиданно пришелъ на другой день нашего пріѣзда. Пароходъ этотъ былъ нанятъ губернаторомъ спеціально для того, чтобы провезти нашу экспедицію по Печорѣ, Щугору и Илычу; наемъ его удалось совершить съ большимъ трудомъ и за очень порядочную плату, по 100 р. въ сутки, да и то слава Богу; другіе пароходовладѣльцы, къ которымъ обращался губернаторъ съ предложеніемъ отдать на нѣкоторое время внаймы пароходъ, или совершенно отказывались, или желали взять такія деньги, что чуть что ни купить на нихъ свой пароходъ было бы выгоднѣе. Только Ижемская артель предложила условія пріемлемыя: она предложила предоставить въ наше распоряженіе свой пароходъ „Межень" на 15 дней за 1.500 р., на что губернаторъ и согласился. Самое лучшее было бы, конечно, воспользоваться казеннымъ пароходомъ для цѣлей экспедиціи, но, къ несчастію, на Печорѣ нѣтъ никакой организаціи, блюдущей водные пути, а потому на ней нѣтъ и казеннаго парохода; порядки здѣсь, несмотря на то, что изрѣдка печорскую гладь теперь прорѣзаютъ и пароходы, находятся совершенно въ томъ же положеніи, какъ было, когда Улѣбъ съ отро-

ками ходилъ обирать дань съ Печорцевъ. Вообще во всю нашу поѣздку мы ни одного дня не были свободны отъ мыслей, насколько она могла бы быть удачнѣе и продуктивнѣе, если бы у насъ въ рукахъ было какое-нибудь мелкосидящее судно съ моторомъ; все то, что намъ оказалось недоступнымъ съ нашими огромными „Меженью" и „Самоѣдомъ"—Илычъ, верхнее теченіе Печоры, Екатерининскій каналъ, все бы это было нами проѣхано. А теперь, когда приходится платить за каждые сутки по 100 р., да и за эту плату удалось получить пароходъ только на 15 дней, временемъ можно располагать въ очень ограниченныхъ рамкахъ и волей-неволей пришлось программу поѣздки сократить и по этой причинѣ, не говоря уже о томъ, что судно съ моторомъ дало бы возможность проникнуть гораздо далѣе того, куда можетъ добраться большой глубокосидящій пароходъ. Для нашихъ сѣверныхъ рѣкъ, большинство которыхъ мелководно, давно бы пора перейти къ типу мелкосидящихъ моторныхъ судовъ, оставивъ въ сторонѣ тяжелые громадные пароходы; ни у кого не хватаетъ смѣлости ввести такое новшество, и мы, по старинѣ, все еще коптимъ небо, сжигая наши лѣса, и давимъ пароходомъ раковъ во время мелководья; хоть бы перенять намъ это съ Голландіи или Бельгіи, гдѣ барки и всякаго рода суда съ Дизель-моторами, легкія, удобныя, сидящія въ водѣ всего на нѣсколько вершковъ, совершенно вытѣснили во внутреннемъ судоходствѣ пароходы. Нефть-то вѣдь будетъ скоро своя, неужели и тогда мы будемъ жечь ее въ огромныхъ котлахъ пароходовъ, а не въ легкихъ Дизель-моторахъ. Вѣдь вотъ до чего въѣлась въ насъ эта боязнь всякаго новшества: пишешь о такой безспорно полезной и принятой уже вещи, какъ Дизель-моторы, и слышишь въ воображеніи насмѣшливые голоса: „это на Печорѣ-то Дизель-моторы"! Да, именно на Печорѣ, и нѣтъ никакихъ причинъ отчего имъ не быть на Печорѣ, а, напротивъ, будущая ухтинская нефть даетъ имъ здѣсь преимущественныя права. Стоитъ вспомнить только недавнее прошлое, когда всякій велосипедистъ останавливалъ на себѣ вниманіе и каждый проходившій считалъ своимъ долгомъ посмотрѣть ему въ слѣдъ, приговаривая: „ишь его, какъ ногами-то сучитъ", а теперь вѣдь велосипеды имѣются даже въ деревняхъ и никто уже не думаетъ сомнѣваться въ ихъ полезности; такъ и моторныя суда. Будь-ка у насъ такое судно, Илычъ былъ бы нами проѣханъ, намъ бы и времени хватило, и пробраться могли бы, а осмотрѣть его до самого Урала было бы намъ весьма желательно, это вѣдь главная жила, по которой Ухта погонитъ нефть на Уралъ и проведетъ къ нему жизнь и энергію.

Пароходъ за нами пришелъ за 1,600 верстъ, этимъ отчасти и объясняется кажущаяся такой высокой плата, какую взяли за него съ экспедиціи, и на немъ пріѣхалъ одинъ изъ заправилъ Ижемской артели, Н. И. Поповъ, которому былъ онъ ввѣренъ артелью на время опаснаго плаванія въ меженную воду по неизслѣдованной и не состоя-

щей ни въ какомъ завѣдываніи у вѣдомства путей сообщенія Печор. по крайней мѣрѣ, Вытегорскій округъ путей сообщенія, къ райо- котораго относится Печора, заявилъ своимъ отношеніемъ на запрос о свѣдѣніяхъ относительно нея, что „по р. Печорѣ никакихъ изслѣд- ваній не производилось и карты фарватера этой рѣки въ Правлен Округа не имѣется“.

Собственникъ парохода—Ижемская артель, состоящая изъ жителе богатаго села Усть-Ижмы, ведетъ громадное торговое дѣло на нижн Печорѣ, сюда же пароходъ ея заходитъ въ первый разъ и здѣсь рѣка имъ совершенно неизвѣстна, и весь край представляетъ собо terra incognita, но, вѣроятно, такое положеніе продолжится недолго этотъ удивительно умный, развитой, смѣлый и энергичный народъ- ижемцы, заберетъ въ свои руки и верхнюю Печору, вытѣсни оттуда чердынскихъ торговцевъ, во власти которыхъ она находит въ настоящее время. Артель имѣетъ теперь уже нѣсколько парох довъ, обслуживающихъ ея торговыя нужды, и страшно занята мысль устроить на Печорѣ срочные рейсы, что и будетъ ея первымъ эт помъ на пути завоеванія верхней Печоры.

Н. И. Поповъ говоритъ о томъ, что срочные рейсы вызывают все возростающей потребностью и на возраженія, будетъ ли кого что возить на Верхней Печорѣ, разсказываетъ, какъ заводился Нижней Печорѣ и по морю первый пароходъ и всѣ предсказыва тогда, что возить будетъ нечего и некого, а теперь бѣгаютъ тамъ у девять пароходовъ и на всѣхъ ихъ хватаетъ работы. Артель соб рается просить у Правительства субсидіи на устройство проэктир мыхъ ею срочныхъ рейсовъ, и, конечно, этотъ ея проэктъ, какъ и вс кій проэктъ, клонящійся къ оживленію мертваго сейчасъ края, имѣе полное право на вниманіе и поддержку правящихъ сферъ.

Несомнѣнно по самымъ качествамъ ижемцевъ, что, когда о проникнутъ на верхнюю Печору и начнутъ на ней свою торгов дѣятельность, это оживитъ весь край; ихъ предпріимчивость и энер внесутъ въ жизнь его именно то, чего въ ней недостаетъ, не гово уже о томъ, что срочное пароходство само по себѣ должно ожив всю Печорскую торговлю, находящуюся сейчасъ въ скованныхъ е въ старыя времена чердынцами цѣпяхъ.

На пароходѣ служащіе, начиная съ капитана и кончая посл нимъ матросомъ, всѣ ижемцы и всѣ участники артели; это дѣлае конечно, то, что пароходъ каждому свой и они относятся къ не какъ къ своему. Удивительное дѣло: то, что, послѣ долгихъ и б плодныхъ опытовъ, оказалось мало примѣнимо для русскаго крест нина—артель, оказалось такимъ легкимъ и устойчивымъ для иж скихъ зырянъ.

Н. И. Поповъ сообщаетъ намъ интересныя свѣдѣнія: оказывает что наша „Межень“, какъ и всѣ другіе Печорскіе пароходы, смазыва

ухтинской нефтью. Добраться до нея пароходъ все-таки не можетъ; верстъ за 40 до села Усть-Ухты онъ принужденъ останавливаться, такъ какъ по Ижмѣ съ этого мѣста начинаются пороги, не допускающіе плаваніе на большихъ судахъ. По словамъ Н. И., пороги эти расчищать нельзя, такъ какъ тогда скатится вся вода, питающая рѣку, а если и возможно избѣжать препятствій, образуемыхъ ими, то только шлюзовкой Ижмы. Самъ Н. И. Поповъ является горячимъ сторонникомъ заселенія Печорскаго края, считая, что онъ представляетъ собою необыкновенно пригодный для этого матеріалъ и что стоитъ только провести къ нему пути, какъ это заселеніе и начнется само собой.

Съ пароходомъ пріѣхалъ и С. П. Межаковъ-Каютовъ, который изъ Усть-Кулома на лошадяхъ проѣхалъ въ Троицко-Печорское, далѣе на лодкѣ въ Щугоръ и, проревизовавъ по дорогѣ всѣ волостныя правленія, дожидался тамъ шедшаго снизу Печоры за нами парохода, но такъ и не дождался и отправился на лодкѣ. Только въ 30 верстахъ до Троицко-Печорскаго пароходъ обогналъ его и ему удалось сѣсть на него послѣ 500 верстнаго путешествія на лодкѣ. Отсюда онъ долженъ былъ на лошадяхъ направиться въ Усть-Сысольскъ. Онъ привезъ съ собою массу разсказовъ о Печорскомъ краѣ и его жителяхъ, результатъ наблюденій, которыя успѣвалъ сдѣлать въ короткіе промежутки между ревизіями. Общее впечатлѣніе, полученное имъ изъ всей поѣздки, пріятное и отъ населенія, и отъ природы. По его разсказамъ, населеніе по всей Печорѣ—старовѣры поморскаго толка, православныхъ почти нѣтъ, а результатомъ этого является ненормальное положеніе всѣхъ представителей православія и церквей; старовѣры прямо заявляютъ, что имъ церкви не нужны, въ церкви не ходятъ, и, несмотря на это, въ Щугорѣ только недавно упраздненъ при 2-хъ прихожанахъ второй причтъ; въ селѣ Подчерьѣ есть церковь и причтъ тамъ даже безъ одного прихожанина. Такое совершенное отпаденіе раскольниковъ отъ церкви особенно рельефно обнаружилось въ послѣдніе годы, послѣ 17-го октября, а ранѣе это не било такъ въ глаза.

Тамъ же въ Щугорѣ ему пришлось выслушать жалобы жителей на то, что земство почему-то прекратило поддерживать Сибиряковскую дорогу на Ляпинъ, притокъ Сосвы; дорога эта необходима имъ, какъ маленькая хотя возможность поосвободиться отъ кулака чердынскихъ торговцевъ; земство, отказавшись ее поддерживать, въ то же время затратило капиталъ на постройку огромной школы, которая стоитъ заколоченная за полнымъ отсутствіемъ учениковъ, а въ то же время въ томъ же селѣ существуетъ неоффиціально небольшая старообрядческая школа; видно, что мѣстныя условія бывшему предсѣдателю уѣздной земской Управы Бѣляеву, строившему эту школу, были совершенно неизвѣстны.

Дѣло въ волостныхъ правленіяхъ ведется хорошо, чего нельзя было ожидать въ такихъ захолустьяхъ, гдѣ надлежащаго надзора за ними быть не можетъ изъ-за полной невозможности посѣщать ихъ болѣе 3—4-хъ разъ въ году (чтобы съѣздить въ Щугорское волостное правленіе Земскому Начальнику надо сдѣлать 1018 верстъ).

Намъ приходилось слышать немало о чрезвычайной распущенности нравовъ въ Печорскомъ краѣ. С. П. Межаковъ-Каютовъ, проѣхавъ всю Вологодскую Печору изъ конца въ конецъ, интересовался этимъ вопросомъ и много о немъ распрашивалъ; по его мнѣнію, разсказы о здѣшней необычайной легкости нравовъ сильно преувеличены, чему причиной онъ считаетъ то обстоятельство, что церковнаго вѣнчанія здѣсь нѣтъ, браки представляютъ собою не болѣе, какъ сдѣлку, заключаемую даже не всегда въ волостномъ правленіи, а такъ какъ сдѣлки не всѣ оформливаются, то и браки не всѣ региструются, откуда и пошло это ходячее мнѣніе о печорскомъ развратѣ; на самомъ дѣлѣ разврата нѣтъ, а есть много не вѣнчанныхъ и не регистрованныхъ браковъ. Но и ему приходилось слышать о случаяхъ мѣны женами. Мнѣніе С. П. Межакова-Каютова не совсѣмъ согласуется съ тѣмъ, что намъ говорилъ о печорскихъ нравахъ о. благочинный; онъ прямо приписываетъ малый ростъ населенія на Печорѣ глубоко вкоренившемуся разврату, каковымъ онъ считаетъ то обстоятельство, что дѣвушкѣ, выходящей замужъ, не ставится въ укоръ ея жизнь до замужества, какова бы она ни была. Случаи мѣны женами и онъ подтверждаетъ, но смотритъ на нихъ, какъ на исключеніе.

Что особенно поразило С. П. Межакова-Каютова—это отсутствіе въ волостныхъ судахъ дѣлъ о кражахъ и объясненіе этого, полученное имъ отъ жителей: кражъ оказывается нѣтъ оттого, что, благодаря малому количеству жителей, они такъ хорошо знаютъ другъ друга, что каждому извѣстны даже вещи всѣхъ другихъ, и если бы кто-нибудь укралъ какую-либо вещь, онъ не могъ бы никакимъ образомъ ею воспользоваться безъ того, чтобы фактъ кражи не сталъ сейчасъ же всѣмъ извѣстнымъ и, такимъ образомъ, вору оставалось бы украденную вещь только уничтожить, ну а для этого красть, конечно, не стоитъ.

Количество дѣлъ въ волостныхъ судахъ даетъ само по себѣ интересную характеристику печорскихъ зырянъ: въ Троицко-Печорской волости, какъ самой обширной, въ судѣ за 1907 годъ было 38 дѣлъ гражданскихъ и 9 уголовныхъ; въ Щугорской—всѣхъ дѣлъ и гражданскихъ, и уголовныхъ—24, а въ Савиноборской количество дѣлъ даже прогрессивно уменьшается; тамъ было въ 1905 году 19 дѣлъ, въ 1906—12 и въ 1907—10 дѣлъ. Интересно сопоставить это съ южными уѣздами губерніи, гдѣ Земскому Начальнику приходится разбирать за каждый свой выѣздъ дѣлъ по 60—80.

О природѣ Печоры С. П. Межаковъ-Каютовъ также поразсказалъ намъ кое-что: онъ уже взглянулъ на голубые силуэты Урала съ е

Печора въ 40 в. ниже Троицко-Печорскаго.

снѣгами и дразнилъ своими разсказами наше стремленіе поскорѣе увидѣть ихъ самимъ.

Мы выѣхали изъ Троицко-Печорскаго 21-го іюня къ вечеру. Съ нами на пароходѣ поѣхали и отецъ благочинный, и акцизный контролеръ, живущій въ селѣ, у которыхъ оказались вдругъ самонужнѣйшія дѣла въ Щугорѣ. При той замкнутой, отрѣзанной ото всего міра жизни, какую приходится вести здѣсь нѣсколькимъ интеллигентнымъ лицамъ, заброшеннымъ сюда судьбою, вполнѣ понятно, что поѣздка на пароходѣ, да еще съ новыми людьми, страшно ихъ манила, и ничего нѣтъ удивительнаго, что къ этому именно времени у нихъ и оказались дѣла, потребовавшія ихъ личнаго присутствія въ Щугорѣ.

Печора у с. Покчи.

Погода была довольно мрачная съ низкими быстро бѣгущими облаками и ровно дующимъ вѣтромъ. Печора течетъ среди кажущихся низкими, однообразныхъ, покрытыхъ сплошь лѣсомъ береговъ, широкая, гладкая, плавная и уходитъ впереди къ синѣющему горизонту. Справа подходитъ какая-то возвышенность, на берегу замѣтны, свѣтлѣющіе на фонѣ лѣса, ея песчаные или глинистые обрывы, а за нею впадаетъ въ Печору рѣчка „Пидзь", противъ устья которой на лѣвомъ берегу стоитъ село „Покча", въ которой есть церковь съ присланнымъ сюда единовѣрческимъ священникомъ, но жители села, старовѣры поморскаго толка, не признаютъ и единовѣрческаго священника и церковь совершенно не посѣщаютъ. За Покчей и ея полями видна впереди совершенно синяя полоса лѣса, съ голубоватыми пятнами обрывовъ. Ширина вида поражающая; Печора здѣсь не менѣе 250 саженъ и при такой-то ширинѣ идетъ почти прямымъ плесомъ, насколько хватаетъ глазъ.

А. Ф. Вроблевскій разсказываетъ намъ, что только за нѣсколько дней до нашего пріѣзда въ Троицко-Печорское, оттуда уѣхали остяки, которые ежегодно пріѣзжаютъ туда около этого времени изъ-за Урала Илычемъ для закупки жертвенныхъ лошадей. По-зырянски остяки зо-

вутся „егра“ и относятся къ нимъ зыряне очень презрительно, называя ихъ инородцами. Съ ними А. Ф. Вроблевскому приходилось имѣть много дѣла въ своихъ странствованіяхъ и онъ ихъ знаетъ хорошо. По его словамъ, это—совершенные дикари; они покупаютъ жертвенныхъ лошадей въ Троицко-Печорскомъ, платя за нихъ очень дорого, въ особенности за бѣлыхъ и пѣгихъ. Эта торговля дѣлаетъ то, что здѣсь всякая самая старая лошадь всегда найдетъ себѣ сбытъ и даже по хорошей цѣнѣ. Потомъ они гонятъ ихъ за Уралъ, направляясь по Илычу и его притоку „Егра-ляга“, т. е. Остяцкая—ляга, названному такъ именно потому, что имъ всегда проѣзжаютъ остяки, направляясь на Печору. На Уралѣ они лошадей кормятъ мѣсяцъ и потомъ уже гонятъ ихъ къ капищамъ, гдѣ и приносятъ въ жертву. Вроблевскому удалось видѣть капищъ пять, но идоловъ ни въ одномъ изъ нихъ не было; тѣ которыхъ увезъ Рабо, были единственные. Капища видѣть не легко. остяки не поведутъ туда, гдѣ они есть. Когда однажды Вроблевскій шелъ съ Сосвы на Илычъ, то остяки старались вести его не прямой дорогой, которая шла между болотъ, а самыми болотами. Онъ пошелъ, вопреки ихъ стараніямъ, между болотъ и нашелъ тамъ кумирню. Туда собираются остяки въ какіе-то свои праздники около Ильина дня, для благодарственныхъ жертвоприношеній, и Покрова, для испрошенія хо-

Остяки

рошихъ промысловъ и гаданій о нихъ. Начинается съ того, что всякій подскакиваетъ къ выведенной и привязанной лошади и легко ее подкалываетъ ножомъ, затѣмъ, когда ее уже достаточно исколятъ, при-

рѣзываютъ, сдираютъ шкуру и мясо варятъ. Въ это время шаманъ сперва кричитъ въ небо, оповѣщая Бога, что ему сейчасъ будетъ жертва и чтобы онъ приготовился ее принять, а затѣмъ бьетъ въ бубенъ съ натянутой кожей по одному краю обруча и съ 2-мя струнами изъ оленьихъ кишекъ на другомъ; на одной изъ струнъ надѣта металлическая фигурка. Бубенъ гудитъ, а шаманъ прислушивается, наконецъ, заслушивается до того, что впадаетъ въ изступленіе и начинаетъ предсказывать. Всѣ приходящіе приносятъ съ собою своихъ божковъ, которыхъ въ обыкновенное время берегутъ въ запертыхъ шкатулкахъ, и дары: мѣха, между которыми попадаются и чернобурыя лисицы и соболя, шелковыя матеріи, сукно и т. п. Изъ одного капища Вроблевскій взялъ попавшій туда въ числѣ даровъ кусокъ горнаго хрусталя въ пудъ вѣсомъ. Въ довершеніе празднествъ сваренную лошадь остяки съѣдаютъ, причемъ шкура остается въ пользу шамана.

У остяковъ есть много заказныхъ охотничьихъ и рыболовныхъ мѣстъ. Заказными они дѣлаются потому, что они „Священныя рощи" и „Священныя озера", и никакой остякъ не рѣшится ни бить въ нихъ звѣря или птицу, ни ловить рыбу. Видимо, князья, устанавливавшіе эти священныя мѣста, были народъ неглупый и заботились о сохраненіи неприкосновенности разсадниковъ дичи и рыбы, только благое ихъ начинаніе вконецъ испорчено болѣе культурною народностью: зыряне, разворовывающіе остяцкія кумирни, не боятся разгнѣвать ихъ боговъ охотою и рыбною ловлей въ „священныхъ" мѣстахъ и великолѣпно хищнически разоряютъ эти ихъ разсадники.

Остяки управляются тремя княжескими родами: Обдорскимъ, Сосвинскимъ и Палимскимъ, изъ которыхъ старшій—Обдорскій. На княжество это у нихъ имѣется грамота царей Петра и Іоанна, которая цѣла до сихъ поръ и страшно ими бережется. Живутъ остяки лѣтомъ въ берестяныхъ чумахъ, зимой въ рубленыхъ четырехстѣнныхъ избахъ, безъ потолка, съ двускатной крышей изъ рубленаго теса въ 2 ряда, съ проложенной между рядами берестой. Посреди избы камелекъ—плетень, обмазанный глиною, а надъ нимъ труба, затыкаемая набитой сѣномъ рогожей. Остяки держатъ оленей и скотъ, лошадей же всѣхъ съѣдаютъ, такъ какъ страшно любятъ лошадиное мясо. Народъ очень хорошій, гостепріимный, честный, крѣпкій въ словѣ; очень обижаютъ ихъ зыряне и русскіе, всячески надувая и обирая, и даже разворовывая ихъ кумирни. Вспоминаемъ при этомъ кстати и Рабо, ограбившаго ихъ, повидимому, главную кумирню. Остяки сильно вымираютъ, почему-то у нихъ и дѣтей, и женщинъ очень мало; женятся они, уплачивая за жену рублей 200, а жена потомъ нерѣдко переходитъ отъ одного къ другому. Живутъ они рыболовнымъ и звѣринымъ промыслами, причемъ нерѣдко попадаются шкурки серебристыхъ и чернобурыхъ лисицъ и соболей; звѣриный промыселъ по восточной сторонѣ Урала вообще богатый и въ Пелымскихъ болотахъ до сего времени

С. Савиноборское на Печорѣ.

можно добыть соболя, пропавшаго уже почти повсемѣстно въ Западной Сибири. Хлѣбъ покупаютъ на Сосвинской пристани на р. Ляпинѣ по цѣнѣ самой дорогой 1 р.—1 р. 5 к., а обыкновенно 70—65 коп.

Вспомнивъ путешествіе Рабо, увезшаго остяцкихъ идоловъ, кстати, думаемъ и о томъ, какъ это у насъ всегда такъ случается, что всѣ свѣдѣнія о чемъ-нибудь приходится почерпать совсѣмъ не тамъ, гдѣ, казалось бы, ихъ слѣдовало искать: свѣдѣнія о судоходствѣ мы находимъ не въ округѣ путей сообщенія, а у зырянъ; о метеорологическихъ данныхъ узнаемъ не изъ физической обсерваторіи, а изъ записей какого-нибудь батюшки, ведущаго ихъ изъ любви къ искусству; о путешествіи Рабо—у урядника Попова. Путешествовалъ человѣкъ, собиралъ коллекціи всякихъ „ненужныхъ", по мнѣнію Попова, вещей, изслѣдовалъ и все это кануло въ вѣчность, какъ ключъ ко дну, никакихъ слѣдовъ не сохранилось, а вѣдь слѣды-то эти были бы весьма драгоцѣнны при той бѣдности въ свѣдѣніяхъ, какая у насъ есть. Географическое общество сообщаетъ, напримѣръ, что въ его ученомъ архивѣ не имѣется ничего, касающагося Печорскаго края въ предѣлахъ Вологодской губерніи. Изъ книгъ библіотеки общества есть только одна: Гофмана „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой, 2 тома изданія 1853—56 годовъ", касающаяся Вологодскаго Урала. Куда же задѣвался весь тотъ матеріалъ, который какъ ни какъ, а все таки гдѣ-то долженъ имѣться.

Проѣзжаемъ д. Скаляпъ на правомъ берегу, въ 22-хъ верстахъ ниже Покчи. Печора идетъ все въ такихъ же берегахъ, вода ея зеленаго цвѣта и чиста настолько, что на 8 четвертяхъ все дно видно и, надо замѣтить, не при солнечномъ освѣщеніи, а въ пасмурный день, да еще къ вечеру. За Скаляпомъ останавливаемся брать дрова и когда мы, воспользовавшись остановкою, вышли на берегъ, И. М. Шемигоновъ сосчиталъ годы срубленной тутъ же на берегу сосны 6-ти вершковъ, и оказалось ей отъ роду 210 лѣтъ; чрезвычайно моложавая наружность при столь почтенномъ возрастѣ.

Печора у с. Савиноборскаго

На слѣдующее утро, часовъ въ 10, мы уже подъѣзжали къ с. Савиноборскому; за ночь мы проѣхали, такимъ образомъ, мимо нѣсколькихъ деревень. Утро было пасмурное, низкія, тяжелыя облака грядами бѣгутъ надъ Печорой и туманятъ уходящіе въ даль лѣса; сама Печора непривѣтлива и ея свинцовая вода вся дрожитъ мелкою рябью; сѣетъ дождь и все подъ нимъ сдѣлалось какимъ-то мрачнымъ, скользкимъ и темнымъ.

Самое село не велико и не длинно протянулось вдоль рѣки; на самомъ краю его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ стоитъ церковь, въ которую мы прежде всего и направились, а оттуда побывали у батюшки, и на наши распросы, услыхали отъ него объ условіяхъ хозяйства то же самое, что и въ Троицко-Печорскомъ, но о жизни здѣшней услышали кое-что и новенькое: здѣсь жители уже сплошь старовѣры и прихожанъ у Савиноборской церкви всего 5—6. Вся волость, съ ея 12 селеніями, въ которыхъ жителей 373 мужчины и 425 женщинъ,—безпоповцы и всячески избѣгаютъ занесенія въ книги и регистраціи въ волостномъ правленіи своихъ рожденій, смертей и браковъ, отчего происходитъ большая путаница. Полюбовались мы изъ домика батюшки видомъ на величественную, непривѣтливую сегодня рѣку и пошли отъ него къ уряднику Попову, живущему здѣсь въ Савиноборскѣ, посмотрѣть высланный ему изъ Франціи съ медалью дипломъ, въ которомъ онъ названъ „отважнымъ, безстрашнымъ и опытнымъ проводникомъ и защитникомъ французскаго путешественника"; зашли въ волостное правленіе, гдѣ узнали, что тутъ мірской капиталъ идетъ, кромѣ закупки хлѣба, также и на закупку пороха, необходимаго для охотниковъ, которымъ выдается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и мука.

По дорогѣ къ пароходу видѣли огороды, въ которыхъ прекрасно ростетъ картошка, лукъ, конопля, и небольшіе кусочки земли, засѣяные рожью; ее еще сѣютъ и ниже верстъ на 40, далѣе же къ Сѣверу никто уже ничего не сѣетъ, конечно, не потому, чтобы мѣстныя условія не позволяли снимать урожаи, а именно по той причинѣ, о которой я уже упоминалъ: выгоднѣе купить хлѣбъ на деньги, добытыя болѣе прибыльными промыслами. Рожь и въ Савиноборскомъ родится обыкновенно самъ 6—7, какъ намъ говорилъ священикъ, при самыхъ примитивныхъ пріемахъ земледѣлія; предполагать же о томъ, какіе урожаи могла бы давать она здѣсь при интенсивномъ хозяйствѣ, нѣтъ никакихъ данныхъ, а, между тѣмъ, судить о возможной культурѣ, какъ это обыкновенно принято, по тому, что въ данной мѣстности есть, конечно, неосновательно. Громадная разница между тѣмъ, что есть и тѣмъ, что можетъ быть; часто то, что есть—очень плохо вслѣдствіе полнаго незнанія, нежеланія, дикости. Для того же, чтобы узнать, что можетъ быть, необходимы опытныя станціи, которыя однѣ только и могутъ дать данныя для сужденія о возможностяхъ. Вѣроятно, возможности

эти откроютъ намъ на Печорѣ огромные горизонты для прокормленія обѣднѣвшаго землею народа и для продуктивнаго использованія избытка напряженныхъ въ другихъ мѣстахъ, не имѣющихъ сейчасъ приложенія, силъ.

Весь берегъ отъ той возвышенности, на которой стоитъ село, и до рѣки покрытъ мелкимъ камнемъ; въ полую воду эта площадь скрыта подъ водой, въ малую обнажается и по ней можно судить о томъ, что, вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ и дно Печоры въ значительной

Село Савиноборское.

своей части покрыто такими же, скругленными за много лѣтъ пребыванія въ водѣ, камнями; вода отступаетъ по этой пологой площадкѣ и у берега въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ мелко, что лодки стоятъ, далеко отступя отъ него, привязанныя къ воткнутымъ въ дно рѣки приколамъ.

Далѣе отъ Савиноборска Печора идетъ сплошнымъ лѣсомъ; безконечный ельникъ протянулся назадъ и ушелъ впередъ, пока не слился съ тяжелыми нависшими тучами. При большой ширинѣ рѣки, онъ весь сливается по сторонамъ въ сплошныя зеленыя стѣны, а при приближеніи къ нимъ, начинаютъ различаться и выступать изъ общаго фона и горки, обрѣзанныя рѣкой, обнаженныя глины и пески которыхъ торчатъ наружу, и покрытые великолѣпной травой луга на свободныхъ отъ лѣса мѣстахъ. Печора не глубока: 7—8—9 четвертей, и мы нерѣдко царапаемъ дно, задѣвая за отдѣльные крупные, возвышающіеся со дна камни.

Проходимъ, стоящія въ сплошномъ лѣсу, небольшія деревеньки, домовъ изъ 4—5: Возимъ или Пырегинскую, Кузьди-божъ, Дутово и

Деревня Вятскій-порисъ на Печорѣ.

удивительно красиво расположенный на обрывающемся концѣ горы поселокъ „Вятскій Норисъ“, а за нимъ недалеко, миновавъ нѣсколько острововъ, представляющихъ изъ себя дивные луга, плывемъ мимо деревни „Лемъ-ты“, при впаденіи въ Печору р. „Лемъ“. По этой рѣкѣ, по рѣкѣ „Велъ-ю“ и по лѣвому берегу Печоры расположена та часть казенныхъ лѣсовъ, которая обслѣдована въ продолженіи прошлаго 1907 года ревизоромъ лѣсоустройства Горномъ, въ количествѣ 417.286 десятинъ (4.012 кв. верстъ). Результаты этого обслѣдованія дали слѣдующее: въ общей обслѣдованной площади заключается лѣсной почвы 400.983 дес. и нелѣсной 16.303, т. е. 4%; изъ лѣсной почвы пригодно для выращиванія лѣса, имѣющаго сбытъ, 159.246 дес., т. е. 39,7% или 38% всей обслѣдованной площади. Изъ 16.303 десятинъ нелѣсной почвы находится подъ угодьями крестьянъ 1.578 дес., подъ болотами — 5.578 дес. и подъ водными пространствами, главнымъ образомъ рѣками,—9.147 дес.; такимъ образомъ, болотъ оказывается всего 1,3% нелѣсной площади и 16% всей изслѣдованной, если принять во вниманіе, что всего болотъ 5.578 дес. на площади нелѣсной, 34.449 дес. подъ лѣсомъ типа 7-го и 27.688 дес. подъ лѣсомъ типа 3-го. Самъ изслѣдователь г. Горнъ считаетъ возможнымъ принять, что сейчасъ болота составляютъ 30% всей площади казенныхъ лѣсовъ Печорскаго лѣсничества.

Лѣсъ раздѣленъ на 7 главныхъ типовъ: первый — сосна по бору высокому, хорошо дренированному, съ песчаной почвой, — самый важный и составляющій предметъ хозяйства,—занимаетъ 33% всей лѣсной площади; второй — сосна суболоть, переходъ къ соснѣ на болотѣ, занимаетъ 26%, изъ нихъ 7% показаны съ пиловочнымъ лѣсомъ; третій — сосна на болотѣ, достигающая размѣровъ только жердняка, занимаетъ 7%; четвертый — лиственница на высокихъ мѣстахъ, и пятый—ель на поймѣ рѣкъ и по заливнымъ мѣстамъ, занимаютъ по 1%; шестой — ель ровнядь, занимаетъ 23%, и, наконецъ, седьмой—ель по торфяному болоту—9%. Изъ всѣхъ этихъ группъ 41% общей площади лѣса можно считать съ пиловочнымъ матеріаломъ, настоящимъ и будущимъ, но эти насажденія не представляютъ собою сплошныхъ площадей, а вкраплены среди другихъ, причиною чего является то обстоятельство, что лѣсъ неоднократно выгоралъ и старыя деревья (старше 200 лѣтъ только 9%) попадаются только случайно уцѣлѣвшія отъ пожаровъ, и если встрѣчаются группы такихъ насажденій, то это только при болотахъ и низинахъ, гдѣ пожаръ прекращался благодаря влажности почвы. Пожарами за послѣднія 30 лѣтъ повреждено 34.000 десят., т. е. 25% всей площади съ пиловочнымъ лѣсомъ. Можно думать, что въ 120 лѣтъ выгораетъ вся площадь съ пиловочнымъ матеріаломъ. Въ общемъ, все-таки 41% всей площади лѣса, т. е. 164.403 дес. можетъ служить предметомъ эксплоатаціи при нынѣшнихъ условіяхъ, при измѣнившихся же, если бы, напримѣръ, Печорскій лѣсъ получилъ возможность

сплава въ Вычегду, ⁰/₀ этотъ со временемъ долженъ значительно повыситься, такъ какъ тогда представилась бы возможность сбыта всего того лѣсного матеріала, въ которомъ такъ нуждаются центральные лѣсные рынки и который здѣсь, на Печорѣ, изъ-за неимѣнія возможности на эти рынки пробраться, пропадаетъ сейчасъ даромъ. Здѣсь берется фирмами только то, что изъ ряда вонъ выходитъ, все же остальное - не заслуживаетъ никакого ихъ вниманія: имъ этого не нужно, а кому бы это и было нужно тотъ не можетъ ничего вывезти отсюда.

Вся изслѣдованная площадь представляетъ собою волнистую равнину, прорѣзанную въ иныхъ мѣстахъ логами, высшая точка которой надъ уровнемъ моря 90 с. (192 метра) и низшая 25 с. (53 метра), съ песчаной валунной почвой, русла же рѣкъ состоятъ изъ плотной глины. Ростъ деревьевъ констатированъ весьма медленный. Эксплоатируется обслѣдованная площадь такимъ образомъ, что казна получаетъ съ нея ежегодно 2140 р., т. е. немного болѣе полукопѣйки съ десятины, но при полной эксплоатаціи лѣса, возможнаго къ отпуску, доходъ будетъ равняться, какъ высчитываетъ г. Горнъ, 4.632 р. 3 к., это будетъ съ десятины 1,15 коп. Нельзя такое хозяйство назвать интенсивнымъ. Въ отчетахъ г. Горна есть одно мѣсто, которое я позволю себѣ привести цѣликомъ въ подтвержденіе того, что говорилъ уже раньше о невозможности оставлять долѣе весь Вологодскій Печорскій край безъ телеграфа. Онъ пишетъ: „не мало затрудненій представляетъ для веденія дѣла (лѣсопромышленнаго) отсутствіе казенной почты и телеграфа; ближайшій телеграфъ въ Устьсысольскѣ въ 382 верстахъ отъ Троицко-Печорскаго, а отъ мѣстъ заготовки лѣса телеграфъ еще дальше— до 600 верстъ. Если даже не считаться съ интересами предпринимателя, для котораго почта и телеграфъ имѣютъ важное значеніе, то слѣдовало бы позаботиться объ интересахъ населенія — рабочихъ, которымъ компанія переплачиваетъ

Печора

ежегодно за 100 тысячъ бревенъ, по 1 р. 20 к. за каждое, 120.000 рублей. Почта съ сберегательными кассами обезпечивала бы пришлому населенію правильный и своевременный переводъ семьямъ заработка, а мѣстному населенію хрансніе".

Ознакомившись съ результатами изслѣдованія, пожалуй, нельзя согласиться съ ходячей остротой о Печорскомъ лѣсничествѣ, дескать, все оно „велика Федора, да дура". Не такая уже оно дура, если въ немъ почти половина годна къ эксплоатаціи даже при настоящихъ условіяхъ, когда все, что не годно въ пиловочный матеріалъ, считается не имѣющимъ никакой цѣнности.

Если мы возьмемъ тѣ свѣдѣнія, которыя основаны не на результатахъ изслѣдованія менѣе, чѣмъ 1 10 части всего лѣсничества, хотя бы и очень точныхъ, но на томъ, хотя бы не особенно точномъ впечатлѣніи, какое вынесли изъ этого лѣсничества люди, довольно хорошо его знающіе, то и тогда мы не будемъ имѣть права считать его нецѣннымъ. По этому впечатлѣнію окажется, что почти всѣ здѣшніе лѣса могутъ быть употреблены въ дѣло, если измѣнить условія сбыта печорскаго лѣса, давъ ему возможность выхода на Вычегду, при теперешнихъ же условіяхъ могутъ быть пущены въ дѣло около 50% всѣхъ лѣсовъ, частію какъ пиловочный матеріалъ, частію какъ матеріалъ для целлюлозы.

Верстахъ въ 60 ниже Савиноборскаго на лѣвомъ берегу стоитъ деревня Лебяжская, противъ которой Печора образуетъ нѣсколько заросшихъ лѣсомъ острововъ; отсюда начинаютъ быть видны пармы, каменистые горные кряжи, покрытые еловыми лѣсами. Это уже начало тѣхъ складокъ, въ которыя когда-то здѣсь могучія силы собрали земную кору. Онѣ, увеличиваясь все болѣе и болѣе и въ размѣрахъ и въ числѣ по направленію къ Уралу, сливаются, наконецъ, въ одну огромную складку—въ самый Уральскій хребетъ.

Несмотря на тучи, далеко, далеко впереди синѣетъ какой-то холмъ, очень внушительныхъ размѣровъ; это—„Тима-изъ (Тимофеевъ камень), вершина пармы верстахъ въ 60 по прямому направленію, между рѣкою Подчеремомъ и верховьями Илыча, которыя сходятся тутъ всего на какія-нибудь 5—6 верстъ.

Начинаетъ какъ-будто разъяснивать, гряды облаковъ уже не бѣгутъ такою плотною массой, чувствуется, что слой ихъ сталъ тоньше и свѣтъ сверху становится яснѣе, дождь пересталъ и его сѣтка не закрываетъ далей; синими силуэтами встаютъ на горизонтѣ горы. Въ бинокль можно различить и отдѣльные хребты, пологіе, синіе, туманные. Отсюда мы уже все время видимъ за правымъ берегомъ Печоры пармы, иногда концы ихъ такъ близко подходятъ къ рѣкѣ, что можно различать на нихъ еловые лѣса и плѣшины голыхъ мѣстъ.

Проѣхавъ впадающую съ правой стороны р. Вуктыль и стоящую противъ нея деревеньку Вуктылдинъ или, какъ ее называетъ нашъ

лоцманъ, „Ляка“, проѣзжаемъ с. Подчерье и недалеко за нимъ устье р. Подчерема. Село стоитъ на высокомъ пологомъ берегу, на противоположномъ отъ рѣки краю видна деревянная церковь. Отсюда до Щу-

С. Подчерье.

гора 60 верстъ. Въ 10 верстахъ за Подчерьемъ на лѣвомъ берегу деревня „Боярскій-ягъ“, а иные зовутъ ее „Солдатъ“, противъ которой Печора образуетъ большой островъ, совершенно заросшій еловымъ лѣсомъ, густымъ и дикимъ; рѣка заворачиваетъ налѣво, а направо виднѣется, какъ шапка, какая-то синяя гора; это—парма по названію „Ышъкымесъ“ (Бычій лобъ) и она кажется вершиною потому, что видна намъ въ проэкціи, а на самомъ дѣлѣ это тоже хребетъ, уходящій прямо отъ насъ, довольно длинный, верстъ на 20 и доходящій до р. Щугора.

Облака разорвались и сквозь отверстія въ нихъ проглянуло голубое небо и брызнули лучи солнца; по берегамъ и по отдаленнымъ пармамъ ползутъ свѣтлыя пятна, ярко зеленѣютъ въ нихъ луга, которые безъ этого освѣщенія сливались совершенно съ общимъ фономъ лѣса, желтѣютъ прибрежные пески и пестрятъ лѣса красноватою зеленью ельниковъ и серебристою березъ, по водѣ въ этихъ свѣтлыхъ мѣстахъ вспыхиваютъ быстро мѣняющіяся искры. На самомъ горизонтѣ по чуть уловимымъ синимъ силуэтамъ горъ также медленно и незамѣтно движутся свѣтлыя голубыя пятна.

Уже отъ д. Ляки по лѣвому низкому берегу начинаетъ попадаться все болѣе и болѣе лиственницы; эти своеобразныя деревья съ ихъ нѣжной пушистой свѣтло-зеленой хвоей стройно возвышаются, прозрачныя и легкія, надъ стѣной мѣшаннаго лѣса и, чѣмъ дальше ѣдемъ,

тѣмъ гуще становится ихъ сѣтка, а за земскимъ домомъ весь лѣвый берегъ покрытъ исключительно лиственничнымъ лѣсомъ. Домъ земства это избушка, выстроенная на лѣвомъ берегу Печоры для остановокъ ѣдущихъ по рѣкѣ, такъ какъ отъ Боярской до Щугора разстояніе верстъ 50—60 и нѣтъ ни одной деревни, гдѣ ѣдущій могъ бы найти пріютъ отъ всякихъ дорожныхъ напастей и отогрѣться зимою.

Лѣтомъ здѣсь нѣтъ никакихъ дорогъ, все сообщеніе происходитъ по рѣкѣ на лодкахъ, весь этотъ край безъ дорогъ въ немъ самомъ и къ нему. Если говорить о томъ, что Печорскій край, покрытый сплошными лѣсами и самородными лугами, богатый всякими промыслами и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющій собою пустыню, приведенъ сейчасъ, благодаря Ухтинской нефти, къ необходимости выступить на сцену и играть роль въ жизни Россіи, прежде всего надо говорить, конечно, о дорогахъ—безъ нихъ этотъ край никогда не выйдетъ изъ состоянія заброшенности и пустынности. Ухтинская нефть пробьетъ себѣ дорогу сама, ну а о Печорскомъ краѣ нужно приложить заботы, если не желаютъ, чтобы такое колоссальное поле для переселенія, такой прекрасный районъ для продуктивнаго приложенія направленныхъ нынѣ къ какимъ-то безплоднымъ потугамъ силъ нашей молодежи пропадалъ даромъ; соединить этотъ край дорогами съ Россіей и Сибирью—это первое, что надо сдѣлать.

Бездорожица вызываетъ здѣсь такія условія, которыя у всякаго отнимутъ охоту сюда переселяться и заняться тутъ какою-нибудь дѣятельностью; благодаря ей вся Печора находится чуть что не въ крѣпостной зависимости у чердынскихъ кулаковъ; только они,

Печора въ 50 верстахъ выше Щугора

изъ за счастливой для нихъ возможности воспользоваться естественнымъ путемъ на Печору, везутъ сюда свои товары и продаютъ ихъ по произвольной, ужасной, ими устанавливаемой цѣнѣ; только имъ можетъ продать печорецъ все, что добудетъ онъ, опять же по низкимъ, произвольнымъ, устанавливаемымъ чердынцами, цѣнамъ, и нѣтъ возможности безъ дорогъ выйти изъ этого положенія. Сколько промысловъ гибнетъ, не успѣвая разцвѣсть, изъ-за той же бездорожицы; само золото лежитъ нетронутое по верховьямъ Печоры оттого, что рабочіе на пріискахъ умрутъ съ голоду,—нѣтъ тамъ хлѣба и нѣтъ возможности безъ дорогъ его туда придвинуть, а хлѣба этого въ рядомъ лежащей за Ураломъ Сибири сколько угодно. Сибиряковъ понялъ это и началъ было создавать связь Печоры съ Сибирью, да не пришлось довести дѣло до конца, но и то, та дорога, которую ему довелось почти устроить, имѣетъ для населенія огромное значеніе и даетъ ему уже возможность хоть немного выйти изъ своего крѣпостного положенія; когда Щугорцы прослышали, что Чердынцы будутъ брать за куль муки (въ 9 пудовъ) по 17 р., они зимой, только благодаря Сибиряковской дорогѣ, поѣхали на Сосву и купили тамъ хлѣбъ по 9 руб. за куль, да доставка имъ обошлась съ куля по 2 р., итого они имѣли хлѣбъ по 11 р. и у Чердынцевъ по 6 р. съ куля ухитрились урвать; не будь дороги, высосали бы изъ нихъ Чердынцы по 6 руб. за куль лишнихъ. А и дорога-то эта только зимняя, лѣтомъ по ней никакого груза провезти нельзя, и, если бы ее сдѣлать годною и для лѣтней ѣзды, много бы пошло товара на Печору изъ Сибири.

Какъ и кѣмъ проводить здѣсь дороги—это не представляетъ собою неразрѣшимаго вопроса: у насъ есть достаточно силы, работа которой могла бы быть здѣсь использована, а въ настоящее время пропадаетъ даромъ; наши саперы могли бы здѣсь учиться своему искусству на настоящемъ, полезномъ дѣлѣ и это была бы, дѣйствительно, наука, а не то безплодное, угнетающее своею безцѣльностью копаніе и закапываніе ямъ въ какой-нибудь подгородной мѣстности, которое сейчасъ считается за обученіе. Дорого мы заплатили и подъ Мукденомъ, и подъ Ляояномъ за него: ни знаній, ни находчивости, ни пониманія не даётъ оно солдату и нечего удивляться, что вздули насъ японцы, обучающіе сейчасъ своихъ саперовъ дѣлу не подъ Токіо въ подгородныхъ имѣніяхъ, а на прокладкѣ дорогъ въ Сахалинскихъ дебряхъ. Передвинуть сюда воинскія части, конечно, возможно, отъ нихъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи требовать и поболѣе того, что показалъ губернаторъ, пробравшись на Печору по Мылвамъ. Живое дѣло дало бы и живые результаты и въ обученіи солдатъ, и въ практикѣ офицеровъ, и въ упорядоченіи края. Вѣдь это не анекдотъ, а взятая съ натуры сцена, когда саперъ, на вопросъ: какъ надо строить мостъ? отвѣчалъ, что прежде всего надо вырыть ровъ; такіе отвѣты у части, работавшей мосты черезъ дѣйствительные рвы, проводившей дороги въ настоящихъ лѣ-

Печора близъ Щугора.

сахъ, не могли бы уже встрѣчаться и было бы хоть однимъ меньше изъ тѣхъ фактовъ, на которыхъ строятся доводы о полномъ неразвитіи нашего солдата.

Дороги здѣсь необходимы, нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, Ухтинская, неотложны; но вотъ иронія судьбы, она-то и попала на тотъ путь, которымъ дѣло двигается медленнѣе стяжавшей своею медленностью вѣчную славу черепахи: вопросъ объ Ухтинской дорогѣ разрабатывается коммиссіей, а ужъ коммиссіи вѣдомственныя и междувѣдомственныя извѣстно что такое. Не дай, Господи, вопросу о Печорскихъ дорогахъ навлечь на себя такую немилость, какъ назначеніе коммиссіи для его разработки; тогда долго еще Чердынцы будутъ держать въ кабалѣ Печорцевъ, долго еще Печорскій край будетъ представлять настоящую пустыню, нѣчто въ родѣ пустынь западной Канады, куда только туристы, да и то не боящіеся никакихъ лишеній и неудобствъ, забираются любоваться чудными красотами природы, а имъ въ Печорскомъ краѣ нѣтъ конца.

ГЛАВА VI.

Село Усть-Щугоръ. Рѣка Щугоръ. Сибиряковская дорога съ Щугора на Обь. Горы

Подъ лиственничнымъ лѣсомъ, о которомъ я говорилъ выше, лѣвый берегъ Печоры незамѣтно все повышается и къ селу Щугору поднимается саженъ до 20 высотой, а затѣмъ начинаетъ опять опускаться; видимо, здѣсь перебросился черезъ рѣку одинъ изъ отроговъ горъ, все время идущихъ вдали за правымъ берегомъ Печоры и иногда подступающихъ совсѣмъ близко къ ней.

Къ селу мы подъѣхали, миновавъ устье Щугора, уже къ вечеру; Щугоръ впадаетъ въ Печору съ праваго берега среди ровныхъ, низкихъ береговъ, представляющихъ собою сплошные луга, и образуетъ при впаденіи островъ, тоже покрытый травою. лѣвый же берегъ противъ его устья очень высокъ и смѣнилъ уже свой покровъ изъ лиственничнаго лѣса на преобладающій здѣсь вездѣ неважный ельникъ; на самой высшей точкѣ берега выстроена деревянная небольшая церковь, точная копія Савиноборской; строились онѣ вмѣстѣ, значитъ, и шаблонъ былъ взятъ одинъ и тотъ же. выстроена она на значительномъ разстояніи отъ села; здѣсь церковь не представляетъ собою

Печора у с. Щугоръ.

Устье Щугора.

центра и крестьянскія избы не стекаются къ ней подъ защиту, какъ располагаются села въ Россіи, а представляетъ собою что-то обособленное, сразу получается впечатлѣніе, что село само по себѣ, а церковь сама по себѣ, и нѣтъ между ними никакой связи, да оно и на самомъ дѣлѣ такъ: можно сказать почти всѣ жители раскольники, и, если и числится на бумагѣ сколько-нибудь православныхъ, то это только на бумагѣ, а въ дѣйствительности въ церковь идутъ какіе-нибудь 5—10 человѣкъ.

На берегу и тутъ была устроена арка съ національными флагами и устроена встрѣча. По выходѣ съ парохода губернатору была поднесена старшиною хлѣбъ-соль и, по мѣстному обычаю, семга. Тутъ же мы испытали maximum комаровъ во всю нашу поѣздку; мы—Турбинъ, Поповъ и я, втроемъ отправились въ село съ фотографическими цѣлями и намъ почему-то показалось, что комаровъ не особенно много, такъ что мы имѣли неосторожность пойти безъ накомарниковъ и перчатокъ и, хотя насъ и предупреждали собравшіеся на берегу Щугорцы, чтобы мы не ходили къ церкви, будто даже и по ихнему тамъ комаровъ много, но мы не обратили должнаго вниманія на ихъ предупрежденіе и направились именно къ церкви. Столько комаровъ намъ еще не при-

водилось видѣть: пока мы шли, куртки наши и шапки отъ массы насѣвшихъ на нихъ комаровъ обратились изъ черныхъ въ сѣрыя. Стоило провести рукой по шапкѣ, чтобы съ нея сыпался цѣлый дождь комариныхъ труповъ, но черезъ мгновеніе она опять становилась сѣрою; все, не закрытое одеждой, горѣло, какъ на угольяхъ, отъ укусовъ, надъ головой съ гудѣніемъ стояла сѣтка изъ нихъ. Никакое отмахиваніе не уменьшало количества ихъ жалъ, впивающихся въ тѣло. Мои спутники бѣжали, бросившись внизъ подъ гору къ рѣкѣ, я, вооружившись терпѣніемъ, снялъ два вида, все время истязаемый комарами, и, не сложивши даже аппарата, пустился самымъ настоящимъ образомъ бѣжать отъ этого маленькаго, но ужаснаго врага и насилу добѣжалъ до парохода; все мое лицо, шея, руки горѣли, какъ обожженныя, и долго еще нестерпимый зудъ не давалъ опомниться отъ полученной бани. Щугорскихъ комаровъ мы трое, вѣроятно, никогда не забудемъ; и на пароходѣ-то они не давали никому покоя, такъ что приходилось въ каютахъ натягивать полога, хотя на ночевку пароходъ даже нарочно отошёлъ отъ берега и сталъ посреди рѣки.

На другой день, утромъ, мы осматривали село, составляющее центръ волости, съ 10-ю селеніями и съ населеніемъ въ 375 мужчинъ и 419 женщинъ, а всего въ Щугорской волости 794 жителя; домовъ въ немъ 36—40, всѣ по обыкновенію растянулись параллельно рѣкѣ по высокому берегу. Доминирующее зданіе въ селѣ — земская школа, къ несчастью, заколоченная и пустая; недавно еще она процвѣтала и въ ней было учениковъ 40, но число ихъ теперь сошло до 2-хъ или 3-хъ. Объясняется это тѣмъ, что прежде при школѣ было общежитіе, а теперь оно земствомъ закрыто, условія же здѣсь таковы, что дѣти изъ другихъ деревень, отброшенныхъ на десятки верстъ отъ села, конечно, вынуждены жить при школѣ; хорошо, если у кого-нибудь изъ нихъ найдутся въ селѣ знакомые или родственники, которые могутъ взять къ себѣ на квартиру, такихъ, конечно, очень немного, а большинство могло бы жить только въ общежитіи—нѣтъ его и нѣтъ возможности жить въ селѣ и учиться. Тотъ фактъ, что при общежитіи было въ школѣ до 40 учениковъ, противорѣчащій сложившемуся на Печорѣ мнѣнію, будто бы въ школахъ мало ребятъ оттого, что старовѣры не желаютъ учить дѣтей въ православной школѣ, объясняютъ тѣмъ, что бывшіе въ школѣ 40 учениковъ были почти всѣ православные изъ очень многихъ и отдаленныхъ селеній, большинство даже, будто бы, изъ Архангельской губерніи.

Полей кругомъ села не видно, хлѣбопашествомъ не занимаются здѣсь совсѣмъ, но огородными растеніями занимаются, кажется, тѣмъ болѣе; видѣли мы и картофель, и капусту, рѣдьку, рѣпу, а у одного дома даже небольшой парникъ—совершенно неожиданное явленіе въ такой глуши. Еще въ Троицко-Печорскомъ мы все обращали вниманіе на цвѣты на окнахъ въ зырянскихъ домахъ, видѣли ихъ и въ Савино-

борскомъ, и въ Щугорѣ тоже самое многія окна домовъ заставлены цвѣтами, а на одномъ балконѣ видны были даже выведенные лѣтники; это явленіе мы отмѣтили себѣ, какъ типичное для Печоры, а потомъ, когда пришлось возвращаться отсюда, перенесли его въ явленіе, типичное для зырянъ; по всему пути нашему въ селахъ и деревняхъ цвѣты на окнахъ обращали на себя наше вниманіе, совершенно не привыкшее къ этому въ русскихъ селахъ и деревняхъ.

Утромъ же мы побывали въ церкви и отслужили тамъ молебенъ. У насъ уже выработался и хоръ, который пѣлъ за этими молебнами въ церквахъ печорскихъ селъ, и даже объявились такіе любители этого дѣла, что на пароходѣ нерѣдко устраивались спѣвки и печорскія воды оглашались звуками православныхъ пѣснопѣній.

Въ каждомъ селѣ, гдѣ мы останавливались, къ И. М. Шемигонову является лѣсникъ или, гдѣ есть, и объѣздчикъ съ докладомъ, что все обстоитъ въ казенныхъ лѣсахъ благополучно. И въ Щугорѣ явился лѣсникъ, а діалогъ, происшедшій между ними, стоитъ того, чтобы быть записаннымъ:

— Сколько же у тебя десятинъ въ обходѣ?—спрашиваетъ Иванъ Михайловичъ.

— У насъ, ваше превосходительство, на десятины не мѣряютъ, а на версты.

— Ну, такъ сколько же у тебя верстъ?

— Восемьдесятъ.

— Это куда? По Щугору?

— Такъ.

— А въ ширину?

— А въ ширину? Богъ его знаетъ, никто не бывалъ.

И все-то здѣсь больше Богъ знаетъ, очень мало знаютъ люди изъ того, что ихъ окружаетъ.

Еще когда мы были въ Савиноборскомъ, мы уже дѣлали попытки увидѣть Уралъ, до него оттуда по прямому направленію верстъ 140—150; говорили, что онъ виденъ весною, когда воздухъ бываетъ особенно чистъ и прозраченъ, но мы надѣялись увидѣть его и теперь. Въ Щугорѣ мы опять напрягаемъ свои глаза, желая разсмотрѣть эти таинственныя горы на горизонтѣ, всего уже верстахъ въ 80—90 напрямки. И тутъ, говорятъ, въ хорошую погоду видны вершины, но мы ничего не можемъ увидѣть—сегодня пасмурно, прохладно и низкія облака тянутся грядами по небу, хотя дождя и нѣтъ. Комары просто ужасающіе, но все-таки maximum ихъ уже прошелъ вчера вечеромъ.

Подходя на обратномъ пути къ пароходу, мы увидѣли на берегу партію рыболововъ, вернувшуюся съ семужьяго лова; ѣздило ихъ 35 человѣкъ и рыболовили они около мѣсяца, добычу ихъ составляютъ 320 пудовъ семги, по здѣшнимъ цѣнамъ 3200 руб., т. е. на каждаго участника партіи приходится заработка, положимъ, даже въ мѣсяцъ

болѣе 90 руб. Вотъ каковъ тутъ рыболовный промыселъ, хотя, по разсказамъ зырянъ, это далеко не исключительно удачный ловъ; бываетъ, что на пай приходится и по 25 пудовъ семги. Мы не преминули купить изъ этого улова одну рыбину въ 35 фунтовъ для собственнаго продовольствія, чтобы внести въ него мѣстный оттѣнокъ. Если подсчитать, что съѣздитъ Печорецъ рыбку половить—заработаетъ сотенку, пойдетъ на брусяную гору—по 4 руб. въ день добудетъ, проработаетъ на лѣсныхъ заготовкахъ—рублей 250—300 принесетъ домой, поколотитъ дичинки — опять сотенку соберетъ — въ общемъ-то и выйдетъ, что онъ только сливочки со всѣхъ промысловъ снимаетъ; да оно на самомъ дѣлѣ такъ и есть: насъ поражало все время на Печорѣ обиліе кормовъ и несоотвѣтствующее ему мизерное и никуда негодное скотоводство и мы все старались выяснить причину этого явленія. И вотъ что изъ распросовъ нашихъ выяснилось: держатъ мало скота потому, что мало сѣна (это среди безконечныхъ-то печорскихъ луговъ!), сѣна мало потому, что не успѣваютъ косить, косятъ только, сколько нужно въ обрѣзъ для скотины и лошадей, а не успѣваютъ косить потому, что призываютъ другіе, гораздо болѣе выгодные, промыслы. А о нихъ получаются тѣ же отвѣты: на брусяной горѣ каждый выработываетъ въ день по 3—4 рубля. Спрашиваемъ: отчего же не работаете все лѣто на ней? А оказывается оттого, что рыбу ловить становится выгоднѣе, а потомъ и это бросается для болѣе выгодной охоты или лѣсныхъ заготовокъ. Такъ и переходятъ они съ одного на другое, распредѣливъ все на тѣ промежутки времени, когда есть съ чего снять самыя густыя сливки. И живетъ вся Печора, купаясь въ разныхъ промыслахъ, съ одного кусочекъ схватитъ, отъ другого отщипнетъ и хватаетъ съ этого съ избыткомъ, да такимъ, о которомъ русскій мужикъ и въ мечтахъ никогда не думаетъ.

Въ Усть-Илычѣ священникъ такъ описывалъ намъ жизнь своихъ прихожанъ: живутъ богато, проживаютъ въ годъ рублей до 500. Ѣдутъ мимо чердаки (чердынскіе торговцы) съ товарами, останавливаются и происходитъ нѣчто въ родѣ ярмарки и покупаетъ у нихъ каждый разнаго товару рублей на 200, да на январской ярмаркѣ въ Якшѣ каждый накупитъ рублей на 200—300. Сколько-же народу могутъ прокормить здѣшніе промыслы, если бы ихъ использовать не хищнически, но цѣликомъ?

Надо сказать, что впечатлѣніе зажиточности и обезпеченности получается не только отъ печорскихъ зырянъ, оно одинаково для всѣхъ тѣхъ зырянскихъ селъ и деревень, въ которыхъ намъ приходилось быть, а если принять во вниманіе, что по всему Усть-Сысольскому уѣзду всѣ денежные сборы всегда поступаютъ безнедоимочно, что въ томъ-же Щугорѣ всѣ они уплачиваются заразъ въ іюлѣ мѣсяцѣ при продажѣ выработанныхъ на брусяно-точильной горѣ брусковъ и точилъ, что по волостямъ, лежащимъ по Сысолѣ, всѣ сборы уплачиваются на

Р. Щугоръ у впаденія ручья „Катя-іолъ“.

селеніемъ за годъ впередъ въ январѣ мѣсяцѣ, то можно будетъ вывести вполнѣ справедливое заключеніе объ общей зажиточности и обезпеченности населенія Усть-Сысольскаго уѣзда. Единственно, чего еще не достаетъ его жителямъ, это земли; ея дѣйствительно у нихъ ужасно мало. Я уже упоминалъ, что по волостямъ около Усть-Сысольска пахоты приходится на душу менѣе 400 кв. саж. и сѣнокосовъ около 700 кв. саж. Оставаться при такомъ ея количествѣ, конечно, придется имъ до самаго того времени, пока, наконецъ, правительство не найдетъ нужнымъ приступить къ устройству крестьянъ въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ нашей губерніи, а между тѣмъ стремленіе имѣть землю у здѣшняго населенія огромное; лучше всего оно доказывается тѣмъ крайне серьезнымъ отношеніемъ его къ своимъ микроскопическимъ полямъ и сѣнокосамъ, какое наблюдается здѣсь при всякаго рода измѣненіяхъ въ землепользованіи. Съ какой тщательностью вымѣряется тогда ихъ выборными, самыми умными и уважаемыми стариками да къ тому же еще давшими присягу по чистой совѣсти исполнить возложенное на нихъ порученіе, всякій самый малѣйшій клочокъ земли, дающій возможность пахать на немъ или косить, какъ обстоятельно дѣлится такимъ образомъ вымѣренная земля на разряды по своимъ качествамъ, какъ подробно записывается все это въ берегущуюся, какъ святыня, земельную книгу. Стоитъ только немного познакомиться со всѣмъ этимъ, чтобы увидѣть насколько цѣнятъ здѣшніе безземельные крестьяне свои маленькіе поля и сѣнокосы, съ такимъ трудомъ отвоеванные у суровыхъ, неподатливыхъ, родныхъ имъ лѣсовъ. Увеличивать ихъ, при всемъ желаніи имѣть побольше земли, нѣтъ охоты, такъ какъ нѣтъ увѣренности, что при будущемъ устройствѣ, которое всѣ все-таки предвидятъ, не пропадетъ задаромъ огромный трудъ, положенный на борьбу съ лѣсомъ, и это опасеніе вмѣстѣ съ желаніемъ имѣть свою собственную неотъемлемую землю въ результатѣ даютъ факты, совершенно на первый взглядъ необъяснимые: изъ Усть-Сысольскаго уѣзда бывали случаи переселенія въ Сибирь. Взявъ фактъ этотъ самъ по себѣ, прямо теряешься въ подыскиваніи причинъ, которыя могли бы заставить усть-сысольскаго зырянина переселяться за тысячи верстъ въ Сибирь; всѣ условія для него при сравненіи всегда будутъ въ пользу родины, а онъ, между тѣмъ, все-таки переселяется. Причины-то эти именно и кроются въ томъ, что онъ предпочитаетъ лучше, хоть за тысячи верстъ отъ родины, имѣть свой документально надѣленный кусокъ земли въ такихъ же точно лѣсахъ, чѣмъ жить дома на землѣ, которую ни считать своей онъ не можетъ, ни приложить труда къ ней охоты не имѣетъ, не будучи увѣренъ, что трудомъ этимъ не воспользуются другіе.

Немного пониже села на правомъ низкомъ берегу Печоры видно нѣсколько построекъ, большая жилая изба, амбары, сараи, около нихъ лежитъ на берегу большая лодка или маленькая барка. Это началь-

ный пунктъ Сибиряковской дороги съ Печоры, черезъ Уралъ, на Сосву, притокъ Оби; зданія эти—пристань, гдѣ, по мысли Сибирякова, должны бы были складываться товары, перевозимые по этой дорогѣ зимой, или частью по водѣ, частью по дорогѣ—лѣтомъ, Сибирь и Печора обмѣнивались бы здѣсь своими произведеніями.

Дорога, начинаясь отсюда, идетъ по направленію къ Уралу, пересѣкая четыре раза Щугоръ; одинъ разъ въ 10—12 верстахъ отъ устья, другой уже въ совершенной пустынѣ, у подножія выходящихъ на берегъ Щугора скалъ „Вой-вылъ-пармы", и затѣмъ дважды у р. Волоковки, притока Щугора, на которомъ такъ же, какъ и на Щугорѣ у „Вой-вылъ-пармы", устроена пристань.

Щугоръ 10 в. отъ устья.

До Волоковки отъ села Щугора по дорогѣ 100 верстъ. Отъ Волоковки дорога направляется черезъ коренной Уралъ, до котораго оттуда верстъ 18—20, и идетъ отъ него 56 верстъ, пересѣкая рѣки „Чертынь-я" и „Щекурь-я", до р. Ляпина (на картахъ зовется Сыгва), гдѣ также устроена пристань, по названію Ляпинская, въ 4 верстахъ отъ села Ляпинскаго или, какъ его зовутъ тамъ, „Саранъ-пауль" (по-остяцки значитъ —зырянская деревня). Рѣка Ляпина впадаетъ уже въ Сосву, судоходный притокъ Оби (см. карту III). Вотъ тотъ путь, которымъ Сибиряковъ связалъ Печору съ Обью, сейчасъ понемногу приходящій уже въ упадокъ; Усть-Сысольское земство ежегодно тратило на поддержаніе этой дороги 470 р., но за послѣдніе годы ассигнованіе это почему-то прекратило, а, между тѣмъ, населеніе Христомъ Богомъ проситъ поддержать необходимую для него дорогу и даже составило приговоръ, которымъ постановило просить губернатора опротестовать постановленіе земскаго собранія о прекращеніи этого ассигнованія.

Вмѣсто того, чтобы дорогу эту не только поддержать, но и улучшить, обративъ ее въ годную для движенія круглый годъ (сейчасъ она только зимняя), земство обрекаетъ ее на гибель, несмотря на то,

что стоило бы только прислушаться къ голосу населенія, чтобы понять, какъ оно на нее смотритъ.

Наконецъ, мы отваливаемъ отъ села и направляемся въ устье Щугора, питая надежду подняться по нему на пароходѣ, какъ можно далѣе; зыряне говорятъ, что воды въ немъ много, и предсказываютъ, что мы пройдемъ чуть что не до самаго Урала, значитъ, верстъ на 150, но мы такихъ смѣлыхъ надеждъ не питаемъ и забираемъ съ собой лодки, чтобы ѣхать въ нихъ далѣе по Щугору, отъ того мѣста, куда будетъ въ состояніи дойти пароходъ, поставивъ себѣ непремѣнною задачей добраться до Урала и, пользуясь случаемъ, кстати, подняться на вершину „Тэлъ-позъ-изъ".

Щугоръ имѣетъ всей длины около 300 верстъ, изъ которыхъ приблизительно половина идетъ на то, чтобы пройти ему отъ Урала до Печоры, а другою половиною онъ течетъ совершенно параллельно коренному Уралу, пробираясь между его хребтовъ. Истоки его почти совершенно сходятся съ истоками другого притока Печоры—Илыча, который совершенно также течетъ половину своего протяженія параллельно коренному Уралу, а другой половиною проходитъ отъ него до Печоры; устья ихъ раздѣлены по Печорѣ разстояніемъ въ 340 в., по прямой же линіи въ 190 верстъ. Такимъ образомъ получается четыреугольникъ, одной стороной котораго является Печора, двумя другими—Щугоръ и Илычъ тѣми своими частями, которыми идутъ отъ Урала до Печоры, и четвертой стороной—тѣ же Щугоръ и Илычъ, текущіе параллельно Уралу, начинаясь по срединѣ этой стороны и расходясь въ разныя стороны. Эта четвертая сторона захватываетъ 170 вер. Вологодскаго Урала по прямой линіи, слѣдовательно, если бы Ухтинская нефть могла быть подана на Уралъ съ Печоры Щугоромъ и Илычемъ, они обслуживали бы 170 вер. его, на 170 вер. приливали бы ему жизни и энергіи. Вотъ почему задачей себѣ мы и поставили проѣхать этими двумя рѣками.

Лѣвый берегъ Щугора низкій, правый повыше; возвышенности

Щугоръ около устья.

эти гдѣ поднимаются прямо отъ воды, гдѣ сперва идетъ ровная площадь, а за нею уже начинаютъ онѣ полого подниматься, а гдѣ и совсѣмъ онѣ прерываются и образуютъ долины, повидимому, сливающіяся съ долиною Печоры, но очень быстро оба берега становятся гористыми, пармы подходятъ съ лѣваго берега и перебрасываются на правый.

Берегъ Щугора у Ульдоръ-кырты.

Въ незапамятныя еще времена Щугоръ прорѣзалъ эту возвышенность и обнажилъ въ сдѣланныхъ имъ обрѣзахъ, ея внутренность; вывелъ на свѣтъ Божій изогнутые во всевозможныя складки, образовывавшіяся милліоны лѣтъ, слои камней. Тамъ же, гдѣ возвышенность эта выдѣляла изъ себя серьезныя хребты, Щугоръ, прорѣзавъ ихъ, образовалъ совершенно отвѣсныя стѣны скалъ, надвинувшіяся съ обѣихъ сторонъ, стѣснившія его и подымающіяся прямо изъ его стремительно несущихся у ихъ подножія водъ.

Весь берегъ представляетъ собою обнаженія слоистаго камня насколько можно судить съ парохода, известковаго песчаника и доломитовъ. Въ одномъ мѣстѣ оно достигаетъ очень большихъ размѣровъ, цѣлыя громады этихъ растресканныхъ, рѣзко раздѣленныхъ на изогнутые слои камней, поднимаются почти отвѣсно изъ воды; въ углубленіяхъ ихъ мракъ и сырость. Эта скала называется „Большой Юмачъ". Зыряне говорятъ, что въ его трещинахъ гнѣздится много утокъ, и яйца ихъ составляютъ хорошую добычу для собирателей изъ года въ годъ уничтожающихъ этимъ способомъ утиные выводки. Сверху и Юмачъ и всѣ другіе утесы заросли густымъ еловымъ лѣсомъ, съ примѣсью кедра, спускающимся по инымъ расщелинамъ, заполненнымъ продуктами разрушенія горъ, до самой воды. У впаденія ручья „Шокаръ-іоль" проходимъ между двухъ острововъ, за которыми открывается видъ на перерѣзанный Щугоромъ горный кряжъ. Это „Ульдоръ-кырта" (ульдоръ—нижній, кырта—ворота), первая серьезная складка, прорѣзанная рѣкою, съ обрывающимися въ рѣку скалами

Ульдоръ-кырта на р. Щугоръ.

Съ обоихъ береговъ надвинулись на рѣку, покрытыя, какъ шапкой, густымъ, бархатнымъ ельникомъ, хребты горъ и обнажили надъ самой водой свои каменныя нѣдра, ярко свѣтлѣющія на темномъ фонѣ глухого лѣса. Совершенно отвѣсныя скалы образуютъ все подножіе этихъ горъ, крутыхъ, мягкихъ, щетинящихся плотнымъ еловымъ лѣсомъ. Рѣка въ этихъ воротахъ сразу съуживается, ужасно стремительно проскакиваетъ съ болѣе широкаго русла передъ воротами, затѣмъ успокоившись, опять плавно течетъ по широкому плесу; эти ворота торчатъ, какъ-то особнякомъ, а до нихъ и послѣ нихъ идутъ совершенно ровные берега, правый горный, а лѣвый на нѣкоторое время становится даже прямо низкимъ, образуя долину, по которой течетъ впадающій тутъ ручей „Иджедъ-катя-іоль" и почти рядомъ впадаетъ тоже текущій по своей долинѣ „Ичетъ-катя-іоль", а между ними горы подходятъ къ берегу Щугора острымъ угломъ. Далѣе правый берегъ высокій, скалистый, весь состоитъ изъ наклонно подымающихся рѣзко обозначенныхъ слоевъ камня; углы паденія ихъ совершенно ясно показываютъ, въ какія складки и синклинальныя и антиклинальныя собрали тутъ когда-то земную кору могучія силы, и легко можно представить себѣ, что это были за исполины, когда складки эти были еще цѣлыя; милліоны лѣтъ вѣтеръ и вода стачивали ихъ вершины и теперь наверху образовалось ровное плато и только эти случайно доступные глазу человѣка пласты даютъ ему возможность заглянуть въ безконечно далекое прошлое этихъ горъ, и пытается человѣкъ возстановить передъ мысленнымъ взоромъ своимъ видъ этихъ скалъ въ ихъ молодости, когда еще не коснулось ихъ время своей разрушительной рукою, какъ иногда по чертамъ лица старухи стараются мысленно уловить былую красоту.

Щугоръ у Ульдоръ-кырты.

Немного не доѣзжая Катя-іолей, на правомъ берегу, на мѣстечкѣ, оставленномъ горами свободнымъ, заросшимъ ельникомъ, березой и травою, пріютился поселокъ изъ 2-хъ домовъ по названію „Мича-бичевникъ" (Мича-пра-

вый). Нѣсколько родственныхъ семей, кажется, тетка и 2 племянника, переселились сюда и зажили припѣваючи, занимаясь охотой, рыбной ловлей, да работая на лѣсныхъ заготовкахъ; держать они 12 коровъ и 6 лошадей. Нѣкоторые наши рабочіе, которые должны будутъ везти насъ по Щугору на лодкахъ, изъ этого поселка; они забираютъ съ собою всякой провизіи, и мы удивляемся, какіе у нихъ въ погребахъ громадные запасы рыбы во всѣхъ видахъ.

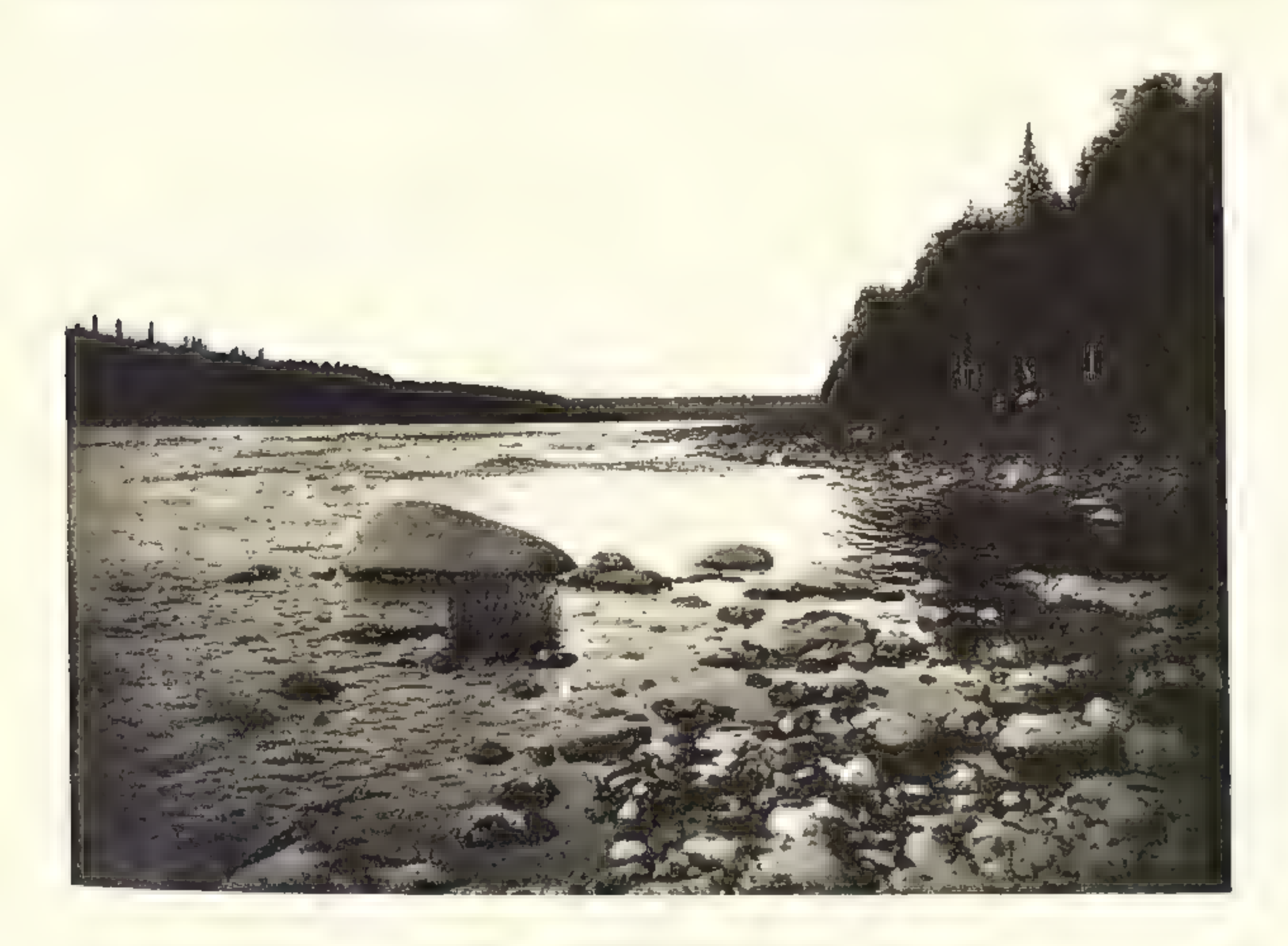
Поселокъ „Мича-бичевникъ" на Щугорѣ.

Пока они нагружаютъ свои кадушки и забираютъ всякіе аманатки, мы любуемся чудной водой Щугора: она настолько прозрачна, что на глубинѣ 2—3 арш. все дно видно совершенно ясно; все оно покрыто круглыми камушками разнообразнѣйшей величины и окраски; каждый изъ нихъ виденъ совершенно отчетливо, ну и сейчасъ же ясно, что течетъ Щугоръ со снѣговыхъ горъ: термометръ, опущенный въ воду, показалъ только 8° С (6,4 R), температура, несмотря на теплую погоду, не располагающая къ купанью.

Чѣмъ дальше мы подвигаемся по Щугору, тѣмъ чуднѣе, величественнѣе и красивѣе картины развертываются передъ нами одна за другой. Немного отъѣхали мы отъ поселка, и Щугоръ, раздвинувъ свои высокіе берега, показалъ намъ одинъ изъ своихъ прекраснѣйшихъ видовъ. Изъ-за линіи лѣсовъ всталъ синѣющій вдали „Патокъ-изъ" —гора верстахъ въ 50 отъ насъ по прямому направленію. Воздушный силуэтъ ея весь покрытъ бѣлыми нитями снѣговъ, выполняющихъ лощины и разсѣлины на ея вершинѣ. Когда ѣдешь по Щугору, прибрежныя горы не даютъ простора взгляду, прикованному къ чудно-красивымъ его берегамъ и не ищущему даже проникнуть за эти мрачныя, подмытыя скалы, но иногда вдругъ берега какъ-то разступятся, засинѣютъ вдали пармы, и блеснутъ въ голубой дали воздушные силуэты снѣговыхъ вершинъ, а тамъ опять берега надвинутся и заградятъ жаднымъ взорамъ дальніе горизонты. Щугоръ сильно извилистъ, и эти неописуемыя панорамы синѣющихъ вдали горъ открываются то съ одной

стороны, то съ другой, то впереди, а то и сзади, и кажется тогда, что не къ нимъ, а отъ нихъ ѣдешь, и невольно на мгновеніе испугаешься, что проѣхалъ что-то замѣчательное и не видѣлъ.

За этимъ чуднымъ мѣстомъ Щугоръ несется, именно несется, такъ быстро его теченіе, между островами, густо заросшими лѣсомъ, разбросанными по широкой долинѣ; съ лѣваго берега горы значительно отступаютъ, съ праваго все время идутъ у самой рѣки, затѣмъ и онѣ отступаютъ и долина Щугора сливается съ долиною очень большого притока его, берущаго начало съ самаго Урала, р. „Большого Патока", который впадаетъ въ Щугоръ среди низкихъ и заросшихъ мѣшанымъ лѣсомъ береговъ, и опять далеко, далеко по долинѣ Патока, на самомъ горизонтѣ, едва уловимымъ силуэтомъ, съ замѣтными полосами и пятнами снѣговъ, видна „Сабля". Зыряне съ почтеніемъ указываютъ на нее и разсказываютъ о ней разныя легенды; страхъ къ таинственности горъ есть и у нихъ, какъ у всякаго народа, поставленнаго условіями жизни въ необходимость видѣть ихъ и бывать въ ихъ мрачныхъ и дикихъ ущельяхъ; и у нихъ есть свой Рюбецаль — Саблинскій хозяинъ, строгій, жестокій и недоступный; его видятъ иногда смѣльчаки, рискнувшіе подниматься на „Саблю", несущимся по горамъ въ видѣ крутящагося столба; но бѣда тому, кто рѣшится идти туда не съ почтеніемъ и уваженіемъ къ хозяину, а съ смѣхомъ и безъ вѣры: горькая участь приготовлена ему и пропадетъ онъ безъ вѣсти въ никому неизвѣстныхъ горныхъ ущельяхъ; называютъ даже какой и откуда промышленникъ

Р. Щугоръ. Вдали „Патокъ-изъ".

Р. Щугоръ.

погибъ такимъ образомъ. На коренномъ Уралѣ есть озеро, принадлежащее Саблинскому хозяину, изъ котораго текутъ рѣки и къ Печорѣ, и въ Сибирь; рыбу ловить въ немъ нельзя; одинъ промышленникъ, не вѣря въ Саблинскаго хозяина, наловилъ въ озерѣ рыбы, но не успѣлъ продать, какъ уже умеръ. Пока мы слушали эти разсказы, пароходъ нашъ вбѣжалъ въ новый поворотъ Щугора, и опять горы скрыли отъ насъ недоступную „Саблю". У „Большого-Патока", при самомъ его устьѣ, стоитъ на Щугорѣ второй и послѣдній поселекъ „Патокъ-Устье" тоже изъ 2-хъ домовъ; дальше по Щугору селеній нѣтъ никакихъ, а въ настоящее время нѣтъ и людей, только мы одни будемъ все дальше и дальше забираться въ эту пустыню, съ полной увѣренностью, что не встрѣтимъ ни одного человѣка.

Погода испортилась, стало холодно, облака, еще съ утра грозившіе непогодой, наконецъ, разразились дождемъ, частая сѣтка котораго закрыла туманомъ горы, то подступающія къ самому берегу, то отходящія за густые ельники и великолѣпные луга. Вскорѣ за Патокомъ, впереди опять обрисовался прорѣзанный Щугоромъ горный хребетъ, еще картиннѣе перваго: весь правый берегъ представляетъ здѣсь изъ себя совершенно гладкую отвѣсную стѣну, наверху которой ростетъ кажущійся маленькимъ снизу еловый лѣсъ; лѣвый берегъ выдался скалою, вывѣтренною, растрескавшеюся, наклонившеюся надъ рѣкой. Жутко становится, когда проходишь подъ этими мрачными нависшими камнями, съ чернѣющими глубокими трещинами, съ просачивающеюся изъ разсѣлинъ и со звономъ капающею въ рѣку во-

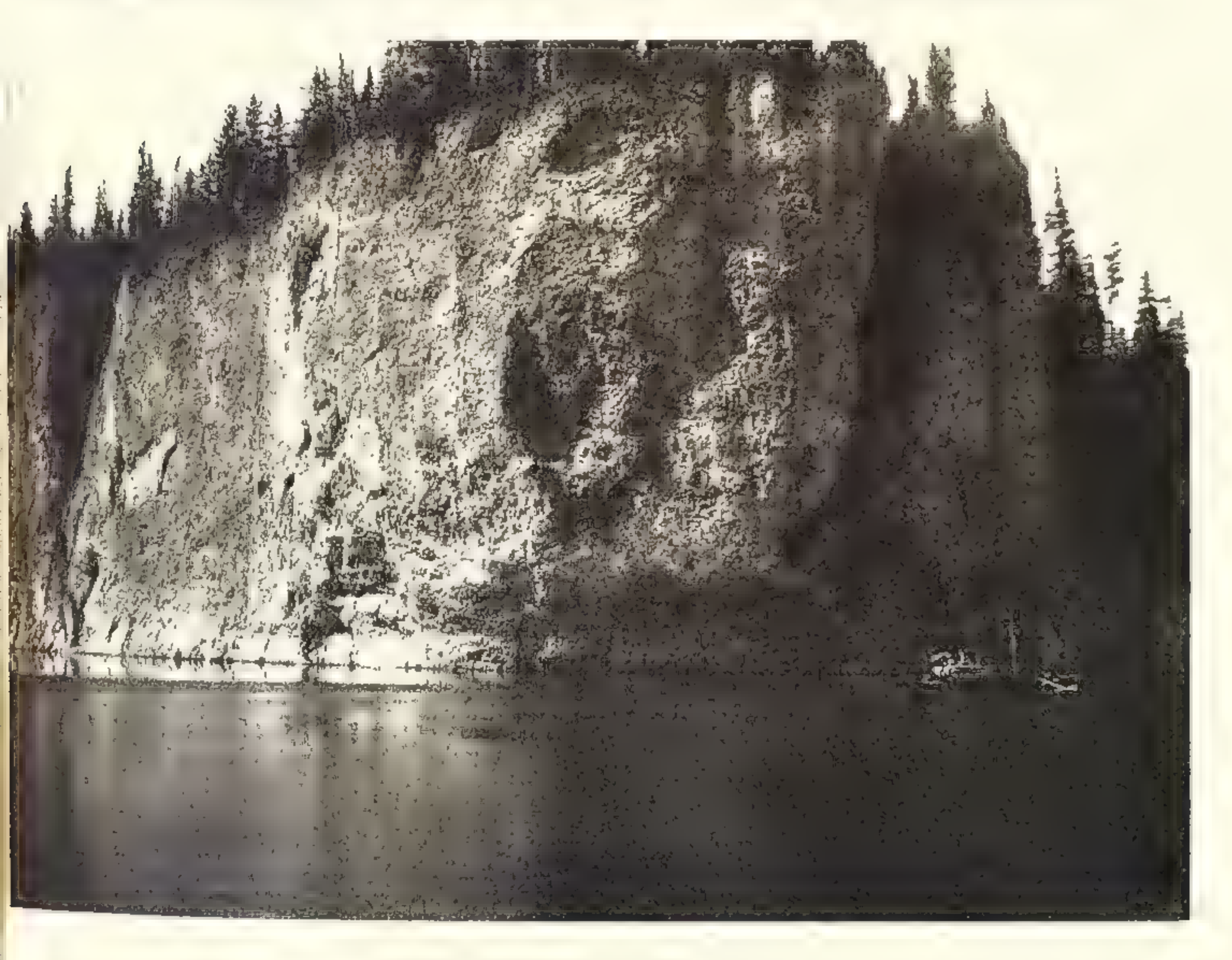

„Шёръ-кöарта“ на Щугоръ

дой. Мракъ и сырость царятъ въ таинственныхъ углубленіяхъ этой скалы, подернутой снизу зеленымъ мохомъ; сверху она обросла вся лѣсомъ, нѣкоторыя ели ростутъ по ея склонамъ отдѣльно, спускаясь къ водѣ. А за скалами этими Шугоръ опять спокойно идетъ широкимъ плесомъ, съуживаясь и стремительно бросаясь только въ узкомъ мѣстѣ. Названіе этимъ вторымъ воротамъ — „Шёръ-Кырта" (шёръ. средній).

Только что проѣхали мы ихъ, какъ пришлось пароходу остановиться и оставить всякія мечты ѣхать дальше; лоцманъ или, вѣрнѣе, тотъ субъектъ, котораго мы безъ предварительнаго условія всѣ считали за лоцмана, Ванька-Зинька, что по-русски означаетъ Иванъ Зиновьевъ, кругленькій небольшой старичокъ, заявилъ намъ, что дальше ѣхать нельзя, такъ какъ впереди теперь будутъ камни, много камней. Капитанъ и Николай Ивановичъ держали его руку, и намъ волей-неволей пришлось, конечно, согласиться съ невозможностью.

Дождь лилъ все время; холодъ и вѣтеръ, да къ тому же еще разрушенныя мечты подвигаться далѣе на пароходѣ—все это вмѣстѣ страшно портило наше настроеніе; только стоило представить себѣ испытанное нами уже въ прошломъ году на Вишерѣ удовольствіе пу-

Скала „Шёръ-кырты" на Щугорѣ.

тешествовать въ такую погоду въ лодкѣ, чтобы настроеніе портилось все больше и въ результатѣ оказалось, что ѣхать далѣе въ лодкахъ не всѣ рѣшались, вслѣдствіе чего экспедиція наша раздѣлилась и выдѣлила изъ себя маленькую подъэкспедицію изъ четырехъ членовъ, рѣшившихся добраться до Урала, несмотря на перспективу ѣхать на лодкахъ нѣсколько дней въ сырую, холодную погоду, да еще подъ примочкой.

Утесъ на Щугорѣ около „Шѣръ-кырты".

Облака не предвѣщали ничего хорошаго; длинными, рваными грядами, свинцовыя, они быстро неслись съ востока, деревья гнулись подъ напоромъ вѣтра, по рѣкѣ все время бѣжали волны и температура упала до 6°.

Пароходъ нашъ остановился у лѣваго берега, приткнувшись подъ какой-то очень высокой скалой, совершенно отвѣсной. Глазомѣръ относительно высоты страшно обманываетъ; казалось бы, что она уже не такъ высока, но пароходъ съ ея верхушки, во-первыхъ, и найти-то трудно, потому что все ищешь его въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя, а онъ оказывается совершенно подъ ногами, когда, рискуя сорваться, выберешься къ самому карнизу скалы, а во-вторыхъ, виденъ онъ оттуда совершенно непривычно для глаза, не пароходомъ съ каютами, трубой и мачтой, а въ планѣ, и кажется такимъ маленькимъ, что невольно проникаешься уваженіемъ къ этой высотѣ. Если прикинуть скалу къ масштабу колокольни Ивана Великаго, то скала ни въ какомъ случаѣ не будетъ ниже, а, скорѣе, превыситъ колокольню. Часовъ въ 12 ночи дождь пересталъ, но все еще зловѣщія облака быстро несутся отъ Урала, и все такъ же рветъ и шумитъ вѣтеръ.

Утромъ, перегрузивъ свое имущество въ двѣ лодки, мы оставили пароходъ, напутствуемые добрыми пожеланіями, и медленно потащились на бичевѣ вверхъ по Щугору. Онъ такъ быстръ и такъ много на немъ перекатовъ и пороговъ, что идти вверхъ только и возможно на бичевѣ, а шесты и, тѣмъ болѣе, весла тутъ непримѣнимы. Паро-

Отправленіе части экспедиціи къ Уралу

ходъ салютуетъ свистками отдѣлившимся отъ его дружной семьи и отправляющимся въ тѣ страны, гдѣ бродятъ только зыряне-охотники да заходятъ кочующіе самоѣды, а кто не изъ нихъ побывалъ тутъ, тѣ всѣ наперечетъ извѣстны. Мы знали, что людей мы не увидимъ вплоть до нашего возвращенія на пароходъ, если насъ не нанесетъ совершенно случайно на самоѣда Ванойту, который, какъ говорили въ Щугорѣ, кочуетъ гдѣ-то около „Тэлъ-позъ-иза". Пароходъ долженъ былъ уйти отъ мѣста своей стоянки внизъ, такъ какъ вверхъ забрался онъ довольно далеко и ему было рисковано оставаться здѣсь; можно было обсохнуть при спадѣ воды; уйдя отсюда, онъ долженъ былъ провести ядро нашей экспедиціи внизъ по Печорѣ далѣе за Щугоръ до Архангельской губерніи, а затѣмъ вернуться обратно и попытаться подняться обратно по Щугору какъ можно выше, навстрѣчу намъ.

Когда мы отъѣхали отъ парохода настолько, что могли однимъ взглядомъ обнять всю картину отвѣсныхъ скалъ съ бѣгущими откуда-то сверху гремучими ручьями, съ приткнувшимся гдѣ-то у ихъ подножія пароходомъ, такимъ мизерненькимъ, поражаешься ихъ величественностью и благоговѣйно склоняешься передъ этою нерукотворенною красотой.

Иныя изъ скалъ представляютъ слоистое строеніе, другія высятся въ видѣ каменныхъ столбовъ растрескавшихся, обваливающихся и вывѣтривающихся, но уже не слоистыхъ. Слои поднимаются изъ воды подъ всевозможными углами, почти до 90°, вся кора земная, уже успѣвшая выработать эти многочисленныя напластованія осадочныхъ породъ, была когда-то собрана здѣсь въ тысячи складокъ всякихъ величинъ и, вѣроятно, страшное внутреннее давленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорывало эту корку и выдавливало наружу расплавленное внутреннее содержимое земли. Такія безмолвныя рѣчи говорятъ эти мрачныя скалы проѣзжающему мимо нихъ въ утлой лодочкѣ человѣку, и въ трепетъ приводятъ его разсказы ихъ о тѣхъ ужасныхъ силахъ и

Берегъ Щугора.

грандіозныхъ переворотахъ, которые подняли эти слои почти до вертикальнаго положенія; вѣдь это „дно морское“ поднято и поставлено на ребро.

„Вельдоръ-кырта“ на Щугорѣ.

Проѣхавъ немного, мы убѣждаемся, что лоцманъ нашъ Ванька-Зинька былъ правъ и не изъ нежеланія ѣхать дальше говорилъ, что пароходу выше не пройти; еще съ мѣста ночлега, съ горы слышенъ былъ выдѣляющійся изъ шума вѣтра въ лѣсу какой-то ровный, непрекращающійся ревъ. Теперь мы видимъ, что это голосъ порога „Чупля-кось“. Лѣвый берегъ здѣсь весь состоитъ изъ почти вертикальныхъ слоистыхъ скалъ, горы на правомъ отошли отъ берега и изогнулись подъ острымъ угломъ, видимо, рѣка шла раньше подъ ними и понемногу отступаетъ влѣво и все стачиваетъ и стачиваетъ выдавшуюся ихъ гряду, но не можетъ еще прорыть себѣ здѣсь глубокаго хода и вся кипитъ, шумитъ и плещетъ, перекатываясь черезъ ихъ остатки въ видѣ сточенныхъ закругленныхъ камней, во множествѣ торчащихъ изъ воды. Страшно трудно подниматься по этой быстринѣ, голова кружится и отъ несущейся кругомъ плещущей, покрытой пѣною воды, и отъ оглушительнаго шума. Далеко, уже проѣхавъ за порогъ, все еще слышишь позади его грохотъ.

Только что мы миновали „Чуплю-кось“, какъ опять впереди встаютъ прорѣзанныя рѣкой пармы, опять каменныя ворота, чудныя, красивѣе всего, что мы успѣли уже увидѣть, поднимаются съ обоихъ береговъ. Это третьи ворота „Вельдоръ-кырта“ („Вельдоръ“—верхній). Отвѣсныя скалы праваго берега прорѣзаны мрачнымъ ущельемъ, изъ котораго вытекаетъ рѣчка „Вельдоръ-кырта-іоль“, а край его, вслѣдствіе вывѣтриванія и размыванія, обратился въ подобіе какой-то закругленной башни; и онъ, и отвѣсная стѣна берега всѣ расщелялись, часть отдѣлившихся камней вывалилась и образовалась масса чернѣющихъ углубленій и пещеръ, изъ которыхъ текутъ ручейки. Зыряне говорятъ, что нѣкоторыми пещерами возможно проникнуть сквозь эту каменную стѣну со Щугора на другую сторону къ самому ручью

„Вельдоръ-кырта-іоль". Всю громадность составляющихъ эти отвѣсы скалъ только тогда понимаешь, когда видишь стоящаго человѣка у ихъ подножія или скользящую у самаго берега лодку. Боже мой, какими маленькими кажутся люди у этихъ величественныхъ, вѣка стоящихъ въ своей неизмѣнности, задумчивыхъ скалъ! Сотни вѣковъ стоятъ онѣ, гордыя, неприступныя, проносятся надъ ними зимы, убирающія вершины ихъ бѣлымъ покровомъ, и лѣта, украшающія чело ихъ яркою зеленью и пестрыми цвѣтами, и когда человѣчество, можетъ быть, будетъ жить на совершенно новыхъ началахъ, когда и праха нашего не останется на землѣ, онѣ все будутъ стоять, все такія же гордыя, неприступныя, молчаливыя, будутъ смотрѣться въ плывущую у подножія ихъ рѣку, также будутъ нѣжиться въ лучахъ солнца, ласкаемыя легкимъ вѣтеркомъ, или будутъ слушать завыванія вѣтра, проносящагося надъ ихъ старыми головами въ непроглядныя осеннія ночи. Какъ онѣ стары для насъ, и какъ онѣ далеки еще отъ старости!

Тянутся скалы эти по правому берегу, то отступая отъ него, то опять рѣзко обрываясь къ самой водѣ, но понемногу становятся все ниже, а тамъ, гдѣ разступаются онѣ, на нѣсколько минутъ открывается намъ видъ на долину Щугора и вдали, возвышаясь надъ лѣсомъ, видна, въ видѣ длиннаго поперечнаго хребта, синяя „Мертвая парма", близко подходящая къ рѣкѣ южнымъ концомъ, а сѣвернымъ уходящая въ пустыню верстъ на 25.

Щугоръ. Вдали „Мертвая парма".

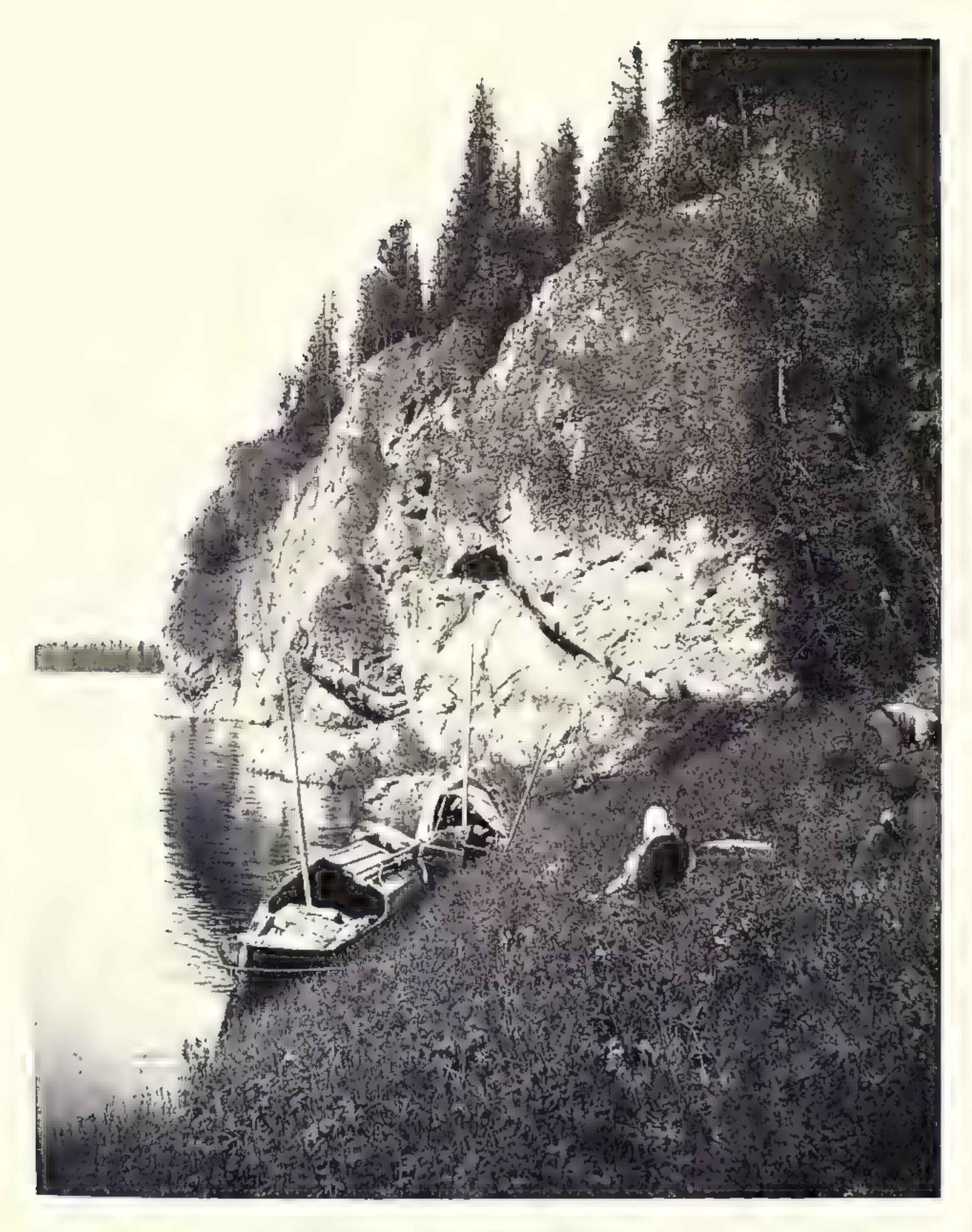
Пасмурно и низкія, нависшія облака несутся черезъ нее, оставляя на щетинистыхъ ельникахъ, засѣвшихъ на ея вершинѣ, разорванные куски клубящагося тумана. Рѣка въ этомъ мѣстѣ образуетъ опять довольно серьезный, очень бурный порогъ „Узкій - бöжъ"; камни тутъ взбороздили все дно рѣки въ нѣсколько поперечныхъ рядовъ такъ, что собственно здѣсь образуется цѣлый рядъ очень близкихъ пороговъ разныхъ видовъ, начиная съ быстрины и кончая бѣшено рвущейся среди камней рѣкою. Недалеко

отъ этого порога на правомъ берегу мы замѣтили удивительно странные камни: бѣлые снизу и черные сверху, какъ бы покрытые какимъ-то темнымъ налетомъ. Мы вылѣзли на берегъ, чтобы посмотрѣть поближе на нихъ, и что же, это оказалось ни болѣе, ни менѣе, какъ остатками льда, нагроможденнаго на берега весеннимъ ледоходомъ и занесеннаго сверху иломъ; медленно таетъ онъ, и вотъ, до сегодня еще лежатъ запоздавшія его кучи, а сегодня 24-ое Іюня. Недалеко отъ этого снѣга замѣтили на берегу совершенно свѣжую тропу, только что проложенную въ густой высокой травѣ; по виду можно было съ полной увѣренностью сказать, что тутъ только что передъ нами прошли люди, но людей здѣсь нѣтъ никого, тропу эту не люди проложили, ею прошелъ медвѣдь; ихъ, говорятъ зыряне, здѣсь очень много.

Проѣхавъ еще немного, останавливаемся у ручья „Мертвый-іоль", бѣгущаго съ недалекой отсюда „Мертвой-пармы". Дождя нѣтъ, но все небо затянуто ровной, свинцовой пеленой облаковъ, и вѣтеръ все такъ же порывисто налетаетъ на мрачные еловые лѣса; холодно, всего 6°. Непривѣтливо смотритъ свинцовая рѣка, и только на самомъ горизонтѣ, на западѣ какъ-будто начинаетъ чуть-чуть разъясняться, облака тамъ окрасились въ какіе-то теплые тоны. Вода въ Щугорѣ сдѣлалась еще прозрачнѣе и буквально каждый самый маленькій камень на днѣ его совершенно отчетливо виденъ. Недалеко отъ „Мертваго-іоля" съ лѣваго-берега впадаетъ „Рублевый-іоль", и около него на Щугорѣ опять порогъ „Рублевый-кось". Собственно говоря, Щугоръ въ этой части теченія, начиная съ „Чупля-кось", представляетъ собою одинъ сплошной порогъ, или страшную быстрину, а носятъ названія пороговъ только особенно выдающіяся его части.

На утро погода нѣсколько измѣнилась къ лучшему, стало тише и теплѣе; безпросвѣтная пелена облаковъ разорвалась кое-гдѣ и сквозь эти образовавшіеся просвѣты [проглядываетъ голубое небо, далекіе лѣса запестрѣли солнечными пятнами, и ближній пейзажъ нѣтъ-нѣтъ да и освѣтится имъ, и заиграетъ онъ тогда яркими красками, станетъ тепло и весело на душѣ. Мы проѣзжаемъ мимо малаго Патока, и отсюда „Мертвая-парма" видна намъ съ узкаго ея конца вдоль; какъ какая-то синяя шапка высится она надъ прибрежными еловыми лѣсами, мрачная и суровая.

Недалеко отсюда Щугоръ пересѣкаетъ Сибиряковская дорога; тутъ на берегу выстроена была когда-то пристань, но теперь она уже почти разрушена; ремонтировалась еще зимовка, когда земство дорогу эту находило нужнымъ поддерживать, но теперь и она брошена и понемногу приходитъ въ упадокъ. Отъ рѣки видна поднимающаяся въ гору просѣка, которая и представляетъ собою дорогу. То здѣсь, то тамъ на берегъ выходятъ каменные отвѣсы. Но въ общемъ они стали гораздо ниже, и горы становятся все положе и положе.

Шугоръ у Сибиряковской пристани

Сибиряковская пристань на Щугорѣ.

Недалеко за Сибиряковскою пристанью подходитъ съ праваго берега „Вой-вылъ-парма“, но она не врѣзывается въ рѣку, а еще далеко отъ нея начинаетъ опускаться и подходитъ къ ней совершенно пологимъ скатомъ. Вблизи находится островъ, остатокъ размытаго когда-то кряжа, и отъ него по Щугору протянулся опять порогъ „Пущевищекось“.

Съ этого мѣста вдали видны замѣчательно красивыя пармы: „Овинъ-парма“ на лѣвомъ берегу и „Няня-вочъ-парма“, служащая продолженіемъ „Овинъ-пармы“, на правомъ берегу. Обѣ онѣ спускаются къ рѣкѣ совершенно полого, видимо, ихъ Щугоръ промылъ много раньше, чѣмъ всѣ кырты, и успѣлъ уже здѣсь образовать широкую съ пологими краями долину, результатъ работы его въ продолженіе тысячелѣтій. „Овинъ-парма“ называется такъ потому, что тутъ на серединѣ рѣки торчитъ огромный камень, остатокъ разрушеннаго рѣкой кряжа, напоминающій видомъ своимъ овинъ. Откуда взялось это названіе, когда здѣшніе зыряне и хлѣба-то не сѣютъ, сказать трудно, но нѣкоторый свѣтъ на это проливаетъ часто упоминаемое зырянами при разсказахъ указаніе времени: „это еще—когда тутъ русскіе рыбу ловили или охотились“... Вѣроятно, и названіе „овинъ“ происходитъ изъ тѣхъ временъ, „когда здѣсь русскіе рыбу ловили“.

На „Овинъ-释пармѣ“ высятся двѣ вершины: „Пилипъ-чукъ“ и „Пыче-чукъ“ („Пыче“—бабушка, „чукъ“—бугоръ), лѣсъ не покрываетъ уже ихъ каменистую рыжую поверхность, граница растительности здѣсь стоитъ ниже этихъ вершинъ. Когда смотришь на эти удивительно красивыя горы, становится понятно, какъ совершенно естественнымъ путемъ могутъ складываться фантастическія легенды о нихъ и ихъ хозяевахъ. Какъ видѣнія, показываются онѣ вдали, засинѣютъ

надъ далекими лѣсами, дадутъ полюбоваться своими чудными очертаніями, своей воздушностью и пропадутъ, опять скрытыя надвинувшимися съ береговъ ближними горами и лѣсами. Таинственная мрачность и трудная доступность ихъ вблизи, и фантастичность ихъ далекихъ видѣній и даютъ основанія для всякихъ легендъ.

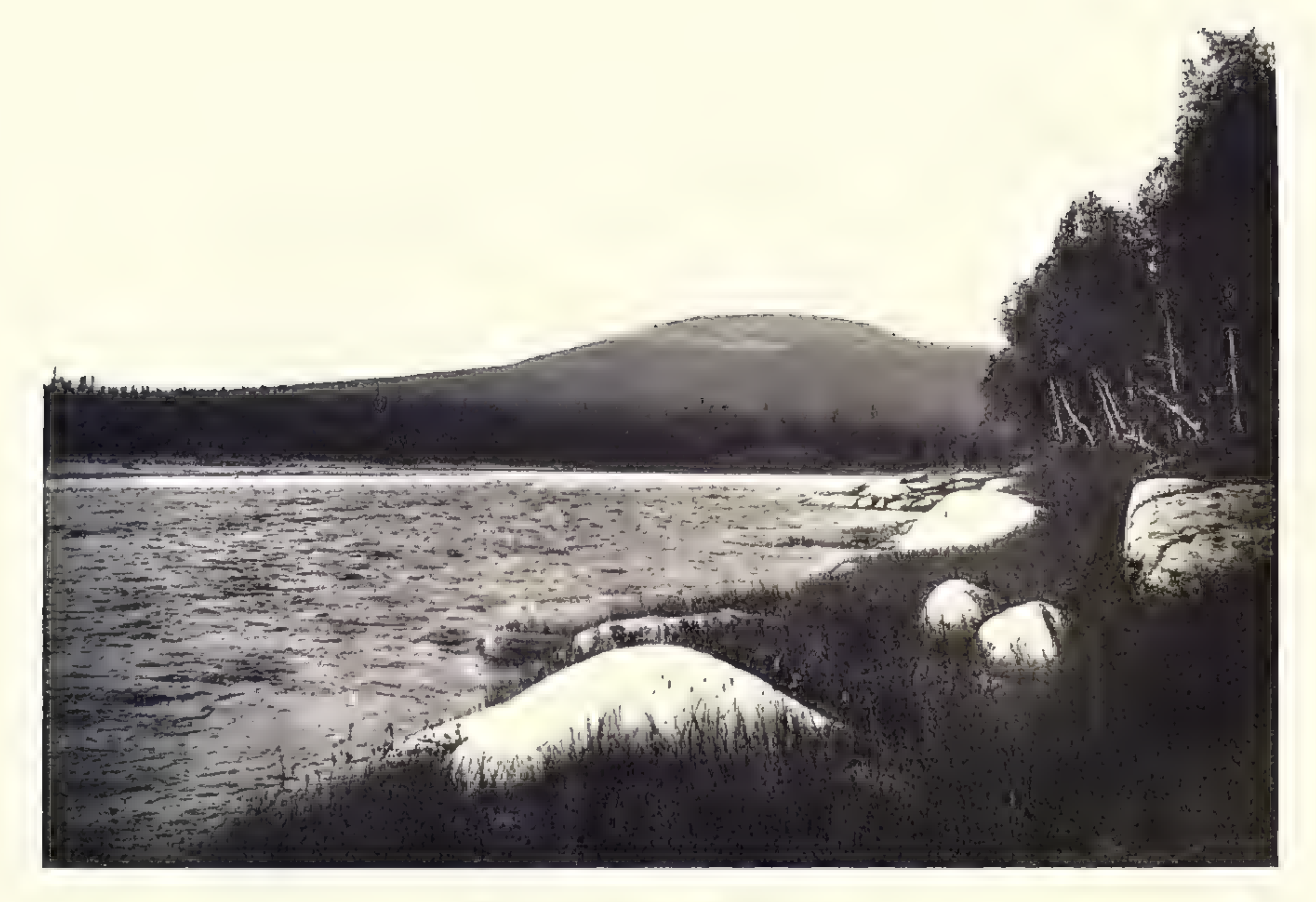
Погода совсѣмъ разъяснилась, только остатки облаковъ, бѣлые, пушистые, кое-гдѣ плывутъ по небу; стало жарко; лѣса, рѣка и прибрежные камни заиграли яркими красками и ушли далеко, весь пейзажъ сдѣлался воздушнѣе, шире. Какъ-то вдругъ на горизонтѣ передъ нами выросла голубая громада „Тэлъ-позъ-иза", а далеко сзади его показались вершины Уральскихъ горъ. Воздушные силуэты ихъ всѣ испещрены бѣлыми пятнами вѣчныхъ снѣговъ, облака цѣпляются за „Тэлъ-позъ-изъ" и пріостанавливаются на немъ. Много правѣе видна еще какая-то острая вершина, названія которой зыряне не знаютъ, но говорятъ, что она находится на другомъ концѣ хребта „Тэлъ-позъ-иза", верстахъ въ 50, около рѣчки Семидырки, притока р. „Тэлъ-позъ"; вѣроятно, это вершина „Хесте-нэръ", третья по высотѣ послѣ „Тэлъ-позъ-иза".

Подвигаясь къ югу, мы совершенно ушли отъ горъ и плывемъ между совсѣмъ низкихъ береговъ, покрытыхъ мѣшанымъ лѣсомъ; тутъ идетъ уже не сплошной ельникъ, а начинаетъ преобладать береза, а тамъ, гдѣ лѣса отступаютъ, опять раскидываются великолѣпные луга.

Идти на бичевѣ вверхъ по Щугору становилось все труднѣе, рабочіе, видимо, очень напрягались, а въ иныхъ мѣстахъ, выбившись изъ силъ на какой-нибудь быстринѣ, частенько и пріостанавливались, а мы нерѣдко выходили изъ лодокъ и, для облегченія рабочихъ да

Первый видъ на „Тэлъ-позъ-изъ" со Щугора.

„Овинь-парма“ съ вершиною „Пилинь-чукъ“

и для своего удовольствія, проходили нѣсколько верстъ пѣшкомъ. Самый берегъ для ходьбы очень плохъ, онъ весь состоитъ изъ камней и идти по немъ страшно неудобно, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти камни всѣ заросли травой, да къ тому же почти сплошь съ береговъ просачивается вода, вездѣ безъ исключенія, съ ржавымъ осадкомъ окиси желѣза, и идти чрезвычайно сыро. Но зато при этихъ пѣшихъ хожденіяхъ нашихъ мы любовались необыкновенными картинами здѣшнихъ луговъ. Стоило только подняться на гребень берега и перебраться черезъ чащу ростущихъ по нему березъ и кустовъ, какъ передъ нами раскидывался великолѣпный лугъ, покрытый густою, сочной, высокой травой, а среди нея высоко подымаются яркіе, красные цвѣты дикихъ піоновъ. И въ прошломъ году, при поѣздкѣ на Ухту, по тамошнимъ мѣстамъ мы много видѣли ихъ, но тогда это было до цвѣтенія, теперь же какъ разъ они въ полномъ разцвѣтѣ и лугъ, покрытый ихъ яркими цвѣтами, представляетъ удивительно красивую картину, а по окаймляющему его лѣсу и по прибрежной полосѣ кустовъ засѣла масса шиповника, и онъ также сплошь осыпанъ сейчасъ розовыми цвѣтами.

„Тэлъ-позъ-изъ“.

Солнце склоняется, и весь правый берегъ потемнѣлъ, лѣвый ярко освѣщенъ его краснѣющимъ свѣтомъ. Косыя, длинныя тѣни протянулись отъ береговъ на рѣку, лиловыя пармы встаютъ впереди, а за ними далеко, далеко видны лиловатыми силуэтами, съ сверкающими въ лучахъ солнца пятнами снѣговъ, горы, дикія и невѣдомыя; мало кто ходилъ по нимъ, не осквернена еще ихъ дѣвственная почва; онѣ не то, что опоганенныя и опошленныя человѣкомъ европейскія горы, только вѣтеръ да небо глядятъ на нихъ и знаютъ, что дѣлается на ихъ таинственныхъ вершинахъ.

Небо безоблачно, солнце сѣло и заря пылаетъ, на востокѣ подымается блѣдная луна. Стало очень холодно, по рѣкѣ фантастическими

фигурами плывутъ туманы, сходятся и высокими, колеблющимися столбами устремляются къ холодному свѣтлому небу. Тихо, только какой-то неопредѣленный шумъ доносится издали—то сердится рѣка, задержанная въ своемъ стремительномъ бѣгѣ порогами. И такъ пылаетъ заря и клубятся туманы недолгое время, а тамъ опять брызнутъ солнечные лучи изъ-за горъ, и опять весь пейзажъ изъ однотоннаго сѣроватаго сразу обращается въ блещущій разнообразными красками: жизнерадостное утро вступаетъ въ свои права, солнце сметаетъ съ рѣки остатки ночного тумана, каждая травка, каждое дерево стряхиваетъ съ себя тяжелыя капли росы и радостно тянется къ нему. Это чувство жизнерадостности, какое вливаетъ въ душу пробуждаемая утромъ природа, эти чудныя картины позолоченныхъ первыми лучами солнца дальнихъ горъ и лѣсовъ, положительно не позволяютъ лечь спать; жалко забираться отъ нихъ внутрь лодки и плотно укрываться шубой, а холодъ ночью такой, что вода въ котлѣ замерзла на палецъ, но стоитъ только подняться солнцу, какъ сразу становится жарко—обычный переходъ на сѣверѣ.

„Тэлъ-позъ-изъ".

Теперь „Тэлъ-позъ-изъ" уже все время у насъ на виду и, чѣмъ больше приближаемся къ нему, тѣмъ грандіознѣе становится его каменная громада; онъ виденъ намъ противъ солнца, гряда облаковъ съ ярко освѣщенными краями все время стремится изъ-за него, но остановленная вершиной, заворачивается на ней, клубится и отбрасываетъ отъ себя оторванныя отдѣльныя тучки, насквозь пронизанныя солнечнымъ свѣтомъ. Самъ „Тэлъ-позъ-изъ" высится темнымъ туманнымъ силуэтомъ съ выдѣляющимися на немъ пятнами и линіями снѣговъ, только подножіе его освѣщено, тѣнь клубящейся на его вершинѣ гряды облаковъ прикрыла всю верхнюю часть, а рѣка противъ него вся серебрится и сверкаетъ на своей быстринѣ. Оглянешься назадъ—тамъ встаетъ надъ лѣсомъ „Овинъ-парма" однообразно зеленаго цвѣта, со своими голыми рыжими вершинами

„Овинъ-парма" и „Тэлъ-позъ-изъ" съ р. Щугора.

тѣни облаковъ ползутъ по ней отъ подошвы къ верху, и на ея однообразномъ, затуманенномъ дальностью разстоянія фонѣ рѣзко выдѣляется яркая зелень ближайшихъ лѣсовъ.

Мы въѣхали уже въ самыя горы, онѣ и впереди насъ, и съ боковъ, и только взглядъ назадъ не упирается въ ихъ каменныя громады; „Тэлъ-позъ-изъ" все время стоитъ справа: ѣдемъ мы ѣдемъ, поворачиваемъ то вправо, то влѣво, а онъ какъ-будто и не приближается; слѣва тоже горы съ снѣгами на вершинахъ, „Патокъ", какая-то вершина, которую зыряне называютъ „Хатемалъ-изъ", или „Торговый-изъ, „Порогъ-изъ" и вершины кореннаго Урала—всѣ они насъ совершенно обступили.

Медленно начинаемъ огибать „Тэлъ-позъ-изъ" по лукѣ Щугора; тутъ онъ страшно быстръ, мелокъ и прозраченъ, при самомъ концѣ луки опять порогъ „Молебный-кось". Тутъ молились русскіе, занимавшіеся здѣсь рыбною ловлей, въ тѣхъ случаяхъ, когда стремительно несущаяся съ горъ рѣка, набѣжавъ съ размаху на эти камни, кипѣла между ними и не давала ихъ лодкамъ подниматься далѣе вверхъ. Опять русское названіе, остатокъ тѣхъ временъ, когда здѣсь были русскіе люди. Какой-то Пилипъ (Филиппъ) со своей бабушкой стяжали даже особую память: и вершины на „Овинъ-пармѣ" названы въ его и его бабушки честь, и омутъ на Щугорѣ зовется его именемъ, и ручей, текущій съ „Тэлъ-позъ-иза", носитъ названіе „Пилипъ-іоль". Зыряне разсказываютъ, что Пилипъ этотъ былъ русскій, былъ очень умный, зналъ много промысловъ и жилъ осѣдло около „Тэлъ-позъ-иза", только было это очень ужъ давно. Судя по указу, который находится въ с. Троицко-Печорскомъ, воспрещавшему русскимъ ловить рыбу и промышлять звѣря въ зырянскомъ Печорскомъ краю, они были понемногу вытѣснены отсюда еще при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и, вѣроятно, съ тѣхъ поръ и сохраняются до сего дня эти преданія о русскихъ и русскія названія.

ГЛАВА VIII.

„Тэлъ-позъ-изъ“ и восхожденіе на него. Возвращеніе по Щугору. Водопадъ „Вельдоръ-кырты“. Богатства Вологодской Печоры.

Сейчасъ же за „Тэлъ-позъ-изомъ“ видна сосѣдняя съ нимъ гора, которая въ солнечномъ освѣщеніи имѣетъ совершенно своеобразный, какой-то зеленовато-серебристый цвѣтъ. Впослѣдствіи мы нашли ему объясненіе, но пока любуемся ей, какъ явленіемъ необычнымъ; видно, какъ лѣса взбѣгаютъ на нее, но въ безсиліи скоро останавливаются и не смѣютъ подняться къ ея вершинѣ. Совершенно нѣтъ возможности судить о громадахъ этихъ горъ, только, когда обратишь вниманіе на какую высоту взбираются эти лѣса и сопоставишь линію ихъ съ линіей на „Овинъ-пармѣ“, масштабъ нѣсколько выясняется и невольно поражаешься грандіозностью и величіемъ горнаго вида.

Могила у подножія „Тэлъ-позъ-иза“.

Наконецъ, мы останавливаемся на такомъ мѣстѣ, откуда, повидимому, до подножія „Тэлъ-позъ-иза“ ближе всего, причаливаемъ лодки, выбираемся на берегъ и разбиваемъ свой лагерь, т. е., говоря попросту, раскладываемъ костры и начинаемъ кипятить что-нибудь, а главнымъ образомъ чай. На по-

Уральскія горы на Щугорѣ

лянкѣ, гдѣ мы остановились, валяются двое самоѣдскихъ саней-нартъ, и немного далѣе видно мѣсто бывшаго тутъ чума—самоѣдскаго кочевого жилья; видимо, тутъ оставилъ свои слѣды Ванойта. Отсюда протянулось моховое болото до лѣсу, который идетъ версты на 2 и взбѣгаетъ на подножіе „Тэлъ-позъ-иза"; на бугоркѣ среди этого болота, въ виду вѣчныхъ горъ, среди ярко освѣщеннаго солнцемъ грандіознаго пейзажа пріютилась какая-то забытая могила; деревянный крестъ съ врѣзанной мѣдной иконкой стоитъ, печально покосившись, около нѣсколько досокъ; охотникъ ли зырянинъ окончилъ здѣсь свои скитанія по безконечнымъ лѣсамъ, кочующаго ли самоѣда застигла смерть вдали отъ людей, Богъ вѣсть; ничего не говоритъ эта безвѣстная могила, никто не знаетъ, что за человѣкъ успокоился вѣчнымъ сномъ у

У подножія „Телъ-позъ-иза".

подножія величественной горы, громадный массивъ которой съ облаками, обтекающими его вершину, величаво высится изъ-за яркой зелени лѣсной полосы. И поэтическое же имя дали зыряне этой горѣ „Тэлъ-позъ-изъ" -каменное гнѣздо вѣтровъ. („Тэлъ"—значитъ вѣтеръ, „позъ"—гнѣздо, „изъ"—камень. Зыряне какъ-то обижаются, когда кто-нибудь произноситъ названіе это неправильно; многіе говорятъ: „Тэль-посъ-исъ", а это кореннымъ образомъ мѣняетъ значеніе: „позъ" значитъ гнѣздо, „посъ"—лѣстница, „изъ" значитъ камень, а „исъ" вонь, такъ что при такомъ произношеніи изъ поэтическаго названія горы получается какая-то гадость).

Мы уже заранѣе рѣшили, что на „Тэлъ-позъ-изъ" обязательно должны взойти; еще когда мы цѣлое утро ѣхали въ лодкахъ въ виду его и долгое время огибали луку, образованную, несомнѣнно, его

подножіемъ, мы все время разсматривали его склоны и простымъ глазомъ и въ бинокль, выглядѣли всѣ долины и ложбинки и составили самый точный планъ восхожденія, пользуясь всякими возможностями подниматься по наиболѣе удобнымъ мѣстамъ; мы рѣшили воспользоваться долиной ручья, текущаго съ горы, подъ названіемъ „Дурной-іоль", а потомъ, когда она кончится, съ рѣки въ бинокль былъ виденъ замѣчательно заманчивый пологій уступъ, которымъ, казалось, такъ легко было бы подниматься.

Все это мы разработали, ѣдучи въ лодкахъ, превосходно и рѣшили, пообѣдавъ и вооружившись палками, начать восхожденіе. Съ нами должны были пойти четверо зырянъ, ѣхавшій съ нами стражникъ Ивановъ и урядникъ Поповъ, всѣ не по принужденію, а по личному желанію; все равно никто на горѣ не бывалъ и взять съ собою кого-либо, какъ бы проводникомъ, намъ не представлялось возможности, а значитъ, и принуждать кого-либо подниматься съ нами не было нужды, набрался народъ, непремѣнно желающій идти для собственнаго удовольствія.

Первую часть программы мы выполнили съ точностью, т. е. пообѣдали, вооружились палками и пошли, это и было все, что мы сдѣлали по обдуманной заранѣе программѣ, далѣе уже все наше восхожденіе съ нею окончательно разошлось и было совершенною импровизаціей. Вошли мы въ лѣсъ и отправились гуськомъ, придерживаясь направленія къ горѣ и стараясь выйти на долину „Дурного-іоля", остававшуюся отъ мѣста нашей стоянки нѣсколько влѣво. Лѣсъ оказался доступнѣе, чѣмъ мы предполагали, и только ручьи, текущіе намъ навстрѣчу, болотистые и вязкіе, нѣсколько затрудняли нашъ ходъ; все время идетъ ель въ маломъ количествѣ, въ еще меньшемъ кедръ, сосна, ольха, по ручьямъ лиственица и, главнымъ образомъ, береза.

Граница распространенія лѣса на „Тэлъ-позъ-изъ".

Шагали мы, шагали по заполонившимъ всю землю папоротникамъ и, чѣмъ далѣе шли, тѣмъ болѣе начинало попадаться камней; сперва они только кое-гдѣ чувствовались, заросшіе

мохомъ, [потомъ стало замѣтно, что уже вездѣ подъ толстымъ покровомъ мха и наносной почвы находятся камни, обнажающіеся въ рус-

Хаосъ изъ камней на „Тэлъ-позъ-изѣ".

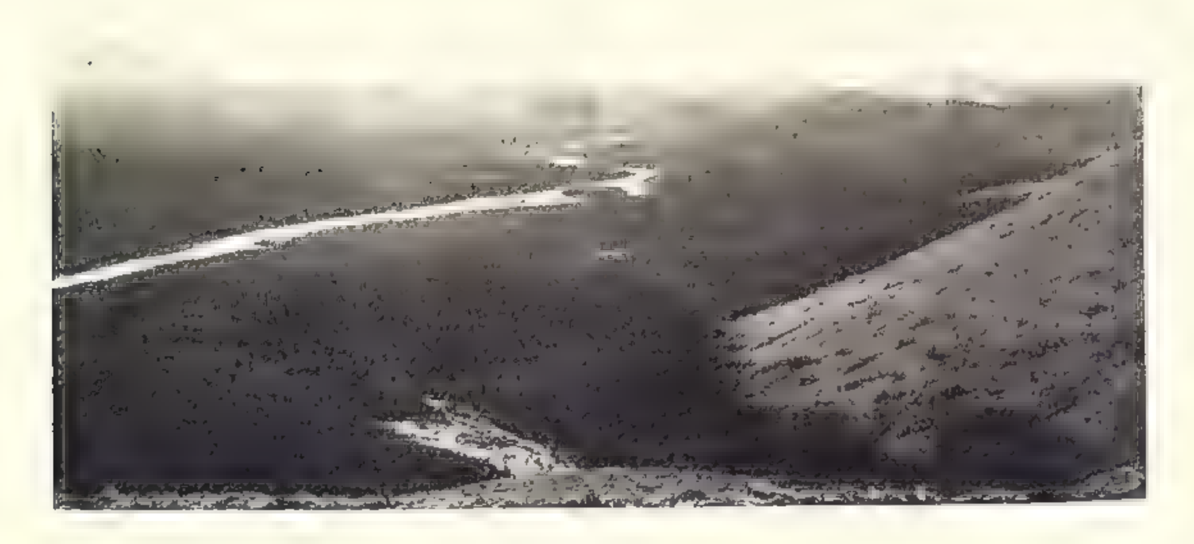
лахъ текущихъ ручейковъ, затѣмъ покровъ этотъ сталъ все болѣе и болѣе утончаться, разорвался и, наконецъ, пропалъ; голые камни, только кое-гдѣ прикрытые чуть-чуть мхомъ или съ пробивающейся между ними какой-нибудь жиденькой травкой, покрыли всю поверхность; лѣсъ какъ-то сразу оборвался и впереди было только нѣсколько рѣдкихъ, невысокихъ, корявыхъ деревьевъ.

Когда мы вышли на открытое мѣсто и оглянулись назадъ, намъ стало ясно, что мы незамѣтно уже начали восхожденіе: вершины пройденнаго нами лѣса были уже ниже насъ, и мы находились именно на той границѣ, которая издали производила на насъ впечатлѣніе, какъбудто лѣсъ съ разбѣгу взбѣгаетъ снизу на гору, ползетъ по ней все медленнѣе и медленнѣе и, наконецъ, останавливается, потерявъ весь свой запасъ инерціи; вотъ мы и находились именно на той линіи, до которой успѣлъ доползти лѣсъ. Значительно лѣвѣе насъ видна долина „Дурного-іоля", по которой мы собирались подниматься, а прямо передъ нами первозданный хаосъ изъ камней всякихъ размѣровъ и во всякихъ положеніяхъ, очень круто подымающійся кверху; то, что издали производило впечатлѣніе пологаго склона, когда мы очутились лицомъ къ лицу съ нимъ, предстало намъ совершенно въ другомъ видѣ, но спускаться опять къ долинѣ „Дурного-іоля" казалось уже очень незаманчивымъ, да еще при полномъ невѣдѣніи будетъ ли тамъ лучше, и мы, не долго думая, начинаемъ лѣзть по этому хаосу камней прямо кверху, по направленію къ предполагаемой, но невидимой нами теперь вершинѣ: ее скрылъ находящійся передъ нами подъемъ. Лѣзть было ужасно трудно, камни, на которые приходилось ступать, были во все-

возможныхъ положеніяхъ: то они расположатся въ видѣ какихъ-то террасъ, и тогда живо пускаешься шагать по нимъ, какъ по лѣстницѣ, только съ огромными ступеньками, примѣрно въ аршинъ, то вдругъ идутъ всѣ, поставленные на ребро, такъ что вверхъ торчатъ только ихъ острые узкіе края, и начинаешь осторожно выбирать мѣсто, куда бы поустойчивѣе поставить ногу, чтобы не скользнула, а то, только что переставишь ногу на этакую глыбу пудовъ въ сотню, а она подъ ногой-то и закачается, а иногда и опустится, и тогда этакій казусъ надолго придастъ осторожности.

Тѣ члены нашего отряда, которые поретивѣе, уже успѣли понабить себѣ синяковъ, а стражникъ Ивановъ, при одномъ изъ неудачныхъ движеній, полетѣлъ и сильно помялъ бывшее съ нимъ охотничье ружье. Это карабканье по камнямъ, само по себѣ достаточно уже трудное, сдѣлало то, что мы въ скоромъ времени уподобились, какъ говорится, мокрымъ мышамъ, а къ тому же и свободно дышать нельзя было, потому что ползли мы наверхъ не одни, а вмѣстѣ съ комарами, которые совершенно насъ облѣпили внизу въ лѣсу и теперь надъ каждымъ изъ насъ вилась туча ихъ, норовящая садиться и летѣть съ подвѣтренной стороны; они насъ преслѣдовали и не хотѣли отстать, несмотря на довольно сильный здѣсь вѣтеръ, и приходилось спасаться отъ нихъ накомарниками, отчего дышать было еще труднѣе.

Удивительно пріятно было, когда, послѣ нѣкотораго времени страшныхъ усилій, случайно приходилось попасть на небольшую ровную площадку и сдѣлать по ней десятокъ шаговъ по-человѣчески, а не на манеръ горнаго барана. Нѣсколько разъ мы останавливались, и тутъ

Долина Щугора съ „Тель-позъ-иза".

„Таль-посъ-изъ".

картина, открывавшаяся сзади, вознаграждала насъ за всѣ труды, такъ дивно хороша она была. Взятый съ собою въ бутылкахъ чай мы выпили очень скоро, жажда мучила ужасно, и мы стали уже пользоваться незримыми ручьями, которые то тутъ, то тамъ гремятъ гдѣ-то глубоко подъ этимъ хаосомъ; кое-гдѣ они проглядываютъ наружу, и тутъ мы всѣ съ жадностью припадаемъ къ нимъ и пьемъ ихъ снѣговую холодную воду; дальнѣйшее восхожденіе и производимый имъ страшный жаръ сдѣлали то, что никто изъ насъ не простудился, несмотря на такое опасное питье.

Поднимаешься, поднимаешься, а когда посмотришь вокругъ, все кажется, что и сзади много пройдено, а впереди все столько же остается. Наконецъ, замѣтно вверху, какъ-будто какой-то край, прямо

Вершина „Телъ-позъ-иза".

вырисовывающійся на небѣ; вотъ, думается, и конецъ; навѣрное, за нимъ ровное мѣсто, а на немъ уже самая вершина, и съ удвоенной энергіей начинаешь добираться до этого края. Доберешься и тутъ видишь, что это никакой не край, а просто изломъ склона, а вверхъ до края-то еще столько же, сколько и внизъ до лѣсу; опять лѣзешь, лѣзешь туда, долѣзешь и опять та же исторія; первый обманувшій изломъ уже исчезъ гдѣ-то внизу въ этой каменной пустынѣ и опять кажется, что до рисующагося вверху на небѣ края и до подошвы одинаково далеко, и такъ раза 3 мы обманывались, а сзади насъ, по мѣрѣ подъема, развертывалась панорама все шире и шире, видъ дѣлался все красивѣе и красивѣе.

Наконецъ, ожидая опять такого же обмана за однимъ изъ изломовъ склона, мы очутились почти на площадкѣ, т. е. подъемъ-то и на ней былъ, но значительно положе, такъ что идти по нему, казалось, уже совершенно легко не въ смыслѣ, конечно, скаканія съ камня на

Граниты и кварцы на вершинѣ „Тэлъ-позъ-иза".

камень. Хаосъ былъ тутъ, кажется, даже еще хуже, но, по крайней мѣрѣ, не приходилось съ каждымъ шагомъ напрягаться для подъема, а, пройдя немного, пришлось даже нѣкоторое пространство спуститься подъ гору, что было уже совершенно какъ-то непривычно и казалось идти такъ легко, словно на крыльяхъ несешься.

Вершина отсюда была уже видна, выставляясь изъ-за находившагося все еще выше насъ края горы; наконецъ, мы и это одолѣли и вышли на громадную площадь, то спускающуюся, то подымающуюся, но въ общемъ представляющую изъ себя широкую долину, огибающую самую вершину горы, почти отвѣсную съ сползающими сверху до низу полосами снѣговъ.

Только тутъ, на этомъ сравнительно плоскомъ пространствѣ, начинаешь понимать, что за громаду представляетъ собою гора, только тутъ начинаешь привыкать къ этому масштабу; люди, разбредшіеся по долинѣ, кажутся, положительно, микроскопическими, затерявшимися совершенно среди безконечныхъ камней, а снизу и вся-то вершина не казалась особенно велика; до подымающейся передъ нами стѣны вершины оказалось идти надо еще около версты, кое-гдѣ по ровно выстилающимъ гору сланцамъ, гдѣ опять же по безобразно набросаннымъ камнямъ, а иногда, рѣже всего, и по заросшему мхомъ ровному мѣстечку; вездѣ сырость и мохъ ростетъ совершенно на болотѣ, кое-гдѣ видны пятна выдавливаемой, повидимому, постоянно изъ горы глины, ясно замѣтны на нѣкоторыхъ такихъ пятнахъ и отверстія, изъ которыхъ она выдавилась и расплылась кругомъ, въ иныхъ мѣстахъ уже и высохла, въ другихъ еще совершенно жидкая. Нигдѣ никакого живого существа, кромѣ проклятыхъ комаровъ, которые все еще держатся около насъ, но въ замѣтно уменьшившемся количествѣ; вѣтеръ и холодъ уже погубили большую часть ихъ. Кое-гдѣ травки и цвѣты, очень многіе, даже большинство, неизвѣстные.

Долина вся состоитъ изъ камней, представляющихъ собою 3 главныхъ породы: граниты и кварцы, —таковы же всѣ камни по склонамъ горы, и какая-то осадочная порода, кажется, грифельный сланецъ; въ иныхъ мѣстахъ эти сланцы выстилаютъ большія пространства, въ иныхъ они поставлены какимъ-то процессомъ на ребро и стоятъ, вывѣтривающіеся и постепенно разрушающіеся, въ видѣ заборовъ.

Покрытые лишайниками камни на „Тэлъ-позъ-изѣ".

Бѣлый кварцъ попадается и цѣлыми огромными камнями, и, въ видѣ жилъ, вкрапленный въ гранитъ и облегающій громадныя глыбы послѣдняго въ видѣ оболочки; сами граниты, сильно подвергшіеся дѣйствію вывѣтриванія и эрозіи, сплошь почти покрыты какими-то зеленовато-сѣрыми лишайниками; ими-то и объясняется тотъ удивительный зеленовато-серебряный тонъ, въ который окрашиваются здѣсь горы при солнечномъ освѣщеніи. Это смѣшеніе осадочныхъ и изверженныхъ породъ невольно уноситъ мысль къ тѣмъ безконечно далекимъ временамъ, когда Уралъ еще только въ видѣ острововъ выступалъ въ сред-

Сланцы на вершинѣ „Тэлъ-позъ-иза".

недевонскомъ морѣ; думается о тѣхъ переворотахъ, какіе были вызываемы еще болѣе ранними ужасными процессами, поднявшими все это сложенное въ складки морское дно, разорвавшими его по всей длинѣ теперешняго хребта и выдавившими изъ нѣдръ земли всѣ эти могучіе массивы, разрушающіеся милліоны лѣтъ и все еще не разрушившіеся.

Молчатъ старыя угрюмыя горы, спокойныя и безстрастныя, не повѣдаютъ онѣ ничего изъ своей бурной и долгой жизни, и много надо труда и знаній человѣку, чтобы прочесть по ихъ полуразрушеннымъ временемъ лицамъ хотя нѣкоторыя страницы изъ ихъ юности, неохотно дѣлятся онѣ съ нимъ своими воспоминаніями и предоставляютъ ему, маленькому и слабому, только догадываться.

Вершина „Тэлъ-позъ-иза".

У подножія отвѣсныхъ стѣнъ самаго пика „Тэлъ-позъ-иза", покрытаго почти сплошь полосами и пятнами снѣговъ, отъ таянія ихъ образовалось въ углубленіяхъ долины озеро; вотъ ужъ именно мертвое озеро: ни травинки, ни кустика, никакого живого существа не видно около него, одинъ голый сѣрый камень да снѣгъ лежатъ вокругъ, а само оно частью замерзло сверху, частью наполнено затонувшимъ льдомъ, отчего кажется совершенно голубымъ; изъ озера множествомъ ручейковъ вода сбѣгаетъ по долинѣ внизъ и пропадаетъ въ какомъ-то ущельѣ, вѣроятно, ею же прорытомъ въ продолженіе тысячъ лѣтъ. Поднимающійся за озеромъ, давящій своею грандіозностью и массивностью, пикъ еще очень высокъ, но взойти на него съ той стороны, съ которой мы подошли, невозможно, онъ почти отвѣсенъ; можетъ быть, возможно было бы подняться на него, обойдя кругомъ, но сдѣлать это намъ было невозможно: и времени, и запасовъ у насъ не было, да и силъ поубавилось, а вслѣдствіе этого лѣни поприбавилось. Высота, на которой мы находились, если считать, что до самой высокой точки горы еще было около ста саженъ, приблизительно саженъ 700.

Озеро на верху горы „Тэль-позъ-изъ".

„Тэлъ-позъ-изъ" представляетъ собою самую высокую точку всего Урала и его высота 790 саж. („Сабля" 772 с., „Хесте-нэръ"— 770 с.). Видъ съ этой семисотсаженной высоты не поддается описанію; какъ бы ни описывать его, все это будетъ слабо и не передастъ и сотой доли того впечатлѣнія, какое вынесли мы изъ пребыванія на этой горѣ.

На „Тэлъ-позъ-изѣ".

Передъ нами раскинулась вся долина Щугора, какъ на ладони, и тѣ части, гдѣ онъ течетъ открытыми мѣстами, и тѣ, гдѣ онъ пробилъ перегородившіе ему путь каменные кряжи; далеко, къ самому горизонту, уходитъ онъ отъ насъ, и лента его извивается по долинѣ, образуя въ иныхъ мѣстахъ острова, а въ самой дали только кое-гдѣ проблескивая свѣтлыми пятнами средь надвигающихся тамъ горъ. Ниточкой виденъ вливающійся въ него „Патокъ", а между нимъ и Щугоромъ и по всей долинѣ свѣтлѣютъ пятна озеръ; все это видно намъ совершенно, какъ на картѣ.

Видъ Уральскаго хребта съ „Тэлъ-позъ-иза".

Къ сѣверо-востоку и востоку горизонтъ замыкается вершинами Урала, длинною цѣпью протянувшимися передъ нами и уходящими все дальше и дальше; всѣ онѣ испещрены по-

лосами и пятнами залегающихъ по нимъ снѣговъ; еще дальше, только голубымъ силуэтомъ, видна „Сабля“, заканчивающая этотъ рядъ вершинъ. Пармы пропали, онѣ слились съ долиной и почти не выдѣляются изъ нея; кажется, какъ-будто какой-то холмъ, вглядишься и видишь, что это та самая парма, которая казалась снизу и высокой, и внушительной. „Овинъ-парма“ кажется чуть возвышающейся длинной грядой, а ея вершины даже не выступаютъ изъ нея и различить ихъ можно только благодаря тому, что онѣ не покрыты лѣсомъ и цвѣтъ ихъ свѣтлѣе и не неопредѣленно зеленоватый, какимъ кажутся отсюда лѣса, а какой-то рыжеватый; а вѣдь какъ эти вершины казались намъ грандіозны, когда мы ѣхали мимо нихъ.

Вся долина покрыта какимъ-то бархатнымъ зеленымъ ковромъ,— это лѣсъ кажется такимъ, словно лугъ, покрытый травою; никакого раздѣленія на деревья нѣтъ, видны только ихъ верхушки, и кое-гдѣ бѣгутъ по нему темныя полосы ельниковъ; свѣтлой полосой идетъ изъ-подъ „Тэлъ-позъ-иза“ къ Щугору русло „Дурного-іоля“, по которому мы думали было взбираться, оно теперь далеко вправо отъ насъ.

Если внимательно приглядѣться къ этому раскинувшемуся у нашихъ ногъ ковру лѣсовъ, по которому бѣжитъ Щугоръ, можно разглядѣть на берегу его небольшое четыреугольное пространство посвѣтлѣе: это то самое моховое болото, у котораго мы остановились и откуда вошли въ лѣсъ; микроскопической бѣлой точкой видно озеро около нашей стоянки. Какъ-то необычайно подумать, что отъ начала лѣса на горѣ и до этого болота версты 2, а съ горы кажется, при всемъ желаніи примѣниться къ масштабу, что тутъ всего-то не болѣе какихъ-нибудь 150—200 саженъ.

Видъ съ „Тэлъ-позъ-иза“.

Всѣ эти горы, поднимающіяся, кажется, сейчасъ же за долиной извивающагося Щугора, вовсе не даютъ впечатлѣнія отдаленности, и никакъ не можетъ уложиться въ представленіи, что онѣ отдѣлены отъ насъ десятками верстъ и сама „Сабля“, до

На вершинѣ „Тэлъ-позъ-иза".

которой по прямому направленію отъ насъ верстъ 80—90, кажется отсюда, какъ-будто стоитъ только пройти, спустившись съ горы, вотъ эту долину, перейти за ней холмъ, обогнуть за нимъ горку и вотъ тутъ-то она и будетъ, и не укладывается въ мозгу представленіе, что весь этотъ путь не пройдешь и въ 2 дня, такъ это не сообразно кажется съ видимымъ разстояніемъ.

Никакъ не можешь дойти до настоящаго отношенія между маленькимъ, страшно маленькимъ „я", по сравненію съ этими каменными громадами, холмами и долинами; все еще это „я" представляется больше, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, словно, слившись съ этими громадами, и самъ дѣлаешься больше, а, между тѣмъ, стоитъ только посмотрѣть на своихъ сотоварищей, чтобы тотчасъ же поразиться, до чего малымъ и ничтожнымъ становится человѣкъ въ сравненіи съ каменнымъ колоссомъ, котораго онъ попираетъ ногами; онъ даже совсѣмъ незамѣтенъ на его громадѣ и стоитъ только ему отойти подальше, чтобы какъ-то сразу и неожиданно потеряться въ пространствѣ и слиться съ горой.

А все-таки отъ впечатлѣнія, что до всего отсюда близко, никакъ не можешь отдѣлаться, словно самъ, поднявшись на гору, проникся ея духомъ, смотришь на все съ ея точки зрѣнія и кажутся съ нея эти отдаленные, подернутые туманомъ силуэты горъ, „Патокъ", мимо котораго мы ѣхали третьяго дня, сливающіеся съ облаками горизонты

совсѣмъ близкими, какъ кажутся здѣсь мгновеніями безконечныя для насъ, краткія для горъ, сотни вѣковъ.

Оторваться отъ созерцанія этой необозримой панорамы положительно нѣтъ силъ; сколько ни ходимъ мы по горѣ, а все останавливаемся и смотримъ на разстилающуюся у ея подножія долину и встающія за ней цѣпи горъ.

Мы долго, увлеченные этими картинами, бродили по горѣ, подавленные впечатлѣніями и отъ этихъ необозримыхъ панорамъ, и отъ мрачной вершины, прикрытой облаками, и отъ этого мертваго озера, и не замѣчали, что находимся уже въ совершенно другихъ условіяхъ. Солнце сѣло, когда мы еще подымались, но, конечно, и сейчасъ совершенно свѣтло; „каменное гнѣздо вѣтровъ" начало оправдывать свое названіе: восточный вѣтеръ изъ-за Урала свиститъ и воетъ среди камней, вмѣсто страшной жары, какую мы испытывали при восхожденіи, мы мерзнемъ, самый настоящій морозъ обращаетъ въ корку нашу намокшую одежду; стоитъ взглянуть на зырянъ или на Иванова: ихъ мало трогаютъ красоты природы, но зато тѣмъ сильнѣе трогаетъ морозъ; видимо, раскаяніе, что они пошли на гору, уже закралось въ ихъ души и они только и думаютъ теперь, какъ бы поскорѣе уйти, а одинъ изъ зырянъ отошелъ за какой-то камень и прилегъ тамъ, чтобы хоть немного защититься отъ вѣтра. Глядя на нихъ, и насъ стало пробирать порядкомъ, и мы задумали вскипятить чаю. Чайникъ и чай у насъ были, вода, самая чистая и прекрасная, была кругомъ въ изобиліи, топливомъ же мы рѣшили употребить бѣлый мохъ ягель, пріютившійся здѣсь между нѣкоторыхъ камней. Собираніе его и подноска къ маленькому мѣстечку, гдѣ удалось найти защиту отъ вѣтра, представляли собою все-таки работу, за которой мы думали незамѣтно скоротать самое худое время—полночь, а тамъ уже опять выглянетъ солнышко и станетъ тепло.

Ямщикъ Гриша на берегу Щугора.

Принялись мы за работу и стали, пробираясь по камнямъ, бродить кругомъ, отыскивая ягель. Массы пережгли его, но топливо это оказалось очень плохимъ и чайникъ, хотя и сдѣлался теплымъ, но кипѣть желанія все еще не обнаруживалъ. Ф. Д. Лиховидовъ въ видѣ топлива употребилъ тогда одно изъ топорищъ отъ бывшихъ съ нами двухъ топоровъ, конецъ палки Турбина, которая для того была слишкомъ длинна, собирался уже пустить въ дѣло и свой фотографическій треножникъ, но чайникъ удовольствовался этими жертвами и вскипѣлъ. Стали мы сами отпаиваться горячимъ чаемъ и отпаивать зырянъ. Бодрость духа поднималась сейчасъ же, какъ только человѣкъ вливалъ въ себя кружку кипятку, но, и несмотря на это, тяготѣніе къ отходу становилось все больше.

Первый лучъ солнца на вершинѣ „Тэлъ-позъ-иза".

Когда мы, напившись, хватились зырянина, который улегся за камнями, онъ оказался уже начинающимъ замерзать. Разбудить его никакимъ способомъ было нельзя, поднимали его, но онъ сейчасъ же падалъ, какъ мертвое тѣло, сознанія уже не было; пришлось принять энергичныя мѣры, и Ф. Д. Лиховидовъ принялся за оттираніе его, и столь усердно, что черезъ нѣкоторое время зырянинъ заговорилъ, а еще немного спустя удалось влить въ него кружки 2 чая, послѣ котораго онъ уже оправился совсѣмъ. Этакій эпизодъ оказалъ такое дѣйствіе, что Ивановъ съ наиболѣе озябшимъ нашимъ ямщикомъ Гришей сейчасъ же отправился внизъ, немного спустя пошли къ дому и другіе наши спутники, и на горѣ дожидаться солнца остались мы съ Лиховидовымъ, урядникъ Поповъ—отважный спутникъ Рабо и зырянинъ Федоръ, или по зырянскому произношенію „Пэдоръ".

Облака все время сплошной массой надвигаются изъ-за горы съ востока, но никакъ не могутъ перевалить вершину, разрѣзываются объ нее и закручиваются. Самъ острый пикъ горы прикрытъ ими и они понемногу спускаются по нему все ниже и ниже; иногда какой-

нибудь кусочекъ преодолѣваетъ его сопротивленіе, оторвется отъ гряды и быстро побѣжитъ по голубому, безоблачному небу надъ широкимъ пространствомъ долины. И по другимъ вершинамъ тоже стараются проникнуть въ Европу сибирскія облака, но Уралъ, какъ стражъ охраняющій, не пускаетъ ихъ и они разбиваются объ его каменныя преграды, клубятся, уплотняются, и только маленькіе ихъ отряды успѣваютъ прорываться въ Европу. Заря уже разгорѣлась и солнце поднялось надъ горизонтомъ, но не можетъ еще пробить пелену сгустившихся облаковъ. Вся долина тонетъ въ голубомъ туманѣ, особенно плотномъ надъ Щугоромъ и надъ болотами. Становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе и, наконецъ, верхушки горъ и облака, клубящіяся на нихъ, начинаютъ одни за другими загораться въ первыхъ брызнувшихъ лучахъ, долина становится еще темнѣе, еще синѣе кажутся залегающіе по ней туманы.

Вершина „Тэлъ-позъ-иза" въ облакахъ.

Сдѣлавъ нѣсколько снимковъ, и мы начинаемъ думать о возвращеніи, тѣмъ болѣе, что облака начинаютъ спускаться все ниже, одолѣвая сопротивленіе вершины; ихъ края уже облизываютъ старые, исчерченные временемъ ея отвѣсы, иногда они опускаются почти до самаго озера. Если они опустятся настолько, что мы очутимся въ туманѣ, пожалуй, спускъ съ горы будетъ и очень намъ затрудненъ, а Федоръ прямо предсказываетъ, что мы всѣ погибнуть должны, если облака насъ закроютъ. Спускъ, какъ и обыкновенно бываетъ, показался намъ гораздо труднѣе подъема; какъ мы ни выбирали мѣстечки, чтобы пользоваться, гдѣ можно, пологими долинками, поросшими мохомъ, и гдѣ было бы поменьше камней, всѣ наши усилія не приводили ни къ чему: долинки эти кончались и приходилось выбирать—или идти, Богъ знаетъ куда, выискивать опять пологихъ спусковъ, или уже рѣшаться лѣзть прямо внизъ, иногда даже не видя, куда дальше придется опускаться, настолько крутыя попадались мѣста. Попадались зато и длинныя площадки, какъ асфальтомъ, вымощенныя

сланцами, и тутъ мы шли, будто на крыльяхъ летѣли, по пологому спуску, но при концѣ оказывался сюрпризъ или въ видѣ почти отвѣснаго обрыва, или такой хаосъ изъ камней, что прежде, чѣмъ рѣшиться вступить на него, невольно пріостановишься и мелькнетъ мысль, нельзя ли какъ-нибудь обойти; но все-таки мысль о подъемѣ назадъ мы всегда откидывали и рѣшались лучше спускаться, хотя бы это было и не безопасно.

А картины, окружающія насъ, съ каждымъ шагомъ становились прекраснѣе: солнце медленно подымается и его лучи, перекинувшись черезъ горные хребты, ползутъ все ниже и ниже по горамъ; мрачная вершина и облегающія ее облака уже окрашены розовымъ свѣтомъ, а долина все еще темна и туманна, только далеко, далеко гдѣ-то загорѣлись пармы, на которыя упали изъ-за горъ солнечные лучи, да нѣсколько верхушекъ ближайшихъ пармъ окрасились красноватымъ тономъ и ярко выдѣляются на общемъ сизомъ фонѣ потонувшей въ туманахъ долины.

Съ „Тэль-позъ-иза". Утро

Постепенно освѣщаются пармы все ближе и ближе, наконецъ, почти вся долина освѣщена солнцемъ, и туманы какъ-то незамѣтно исчезаютъ; когда мы добрались до границы деревьевъ, уже вся долина купалась въ солнечныхъ лучахъ и только „Тэль-позъ-изъ" клалъ на нее отъ своего подножія колоссальное темное пятно тѣни. Надъ нами раскидывалось голубое небо, а изъ-за горъ все также напирали и отступали, не одолѣвъ ихъ сопротивленія, облака.

Едва мы добрались до лѣса, какъ пришлось натягивать накомарники, отчего стало душно, а солнышко, только что поднявшись, сдѣлало то, что стало и жарко.

При спускѣ мы попали въ лѣсъ лѣвѣе того мѣста, гдѣ мы поднялись, и ходьба по нему отсюда была гораздо хуже: онъ весь росъ на камняхъ, едва прикрытыхъ мхомъ, и все время приходилось двигаться такъ же, какъ по горѣ, выискивая мѣсто, куда бы поставить

ногу, чтобы не полетѣть. Какъ бы то ни было, въ скоромъ времени мы вышли и къ нашему моховому болоту, немного только забравъ влѣво. Оглянулись назадъ, и опять „Тэлъ-позъ-изъ" возвышается надъ полосой раскинувшагося у его подножія лѣса, величественный, неизмѣнный, и опять масштабъ измѣняется—не кажется онъ снизу такимъ колоссомъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Добрались мы до стоянки и съ удивленіемъ узнали, что Ивановъ съ Гришей вернулись почти одновременно съ нами; они, оказывается, заблудились и спустились версты за четыре ниже по Щугору, пробродивъ по лѣсу все время. Надо замѣтить при этомъ, что Гриша ни одного слова по-русски и не понимаетъ, и не говоритъ, Ивановъ обладаетъ такими же познаніями въ зырянскомъ языкѣ; заблудившись, они, вѣроятно, дѣлали попытки какого-нибудь разговора, невольно вѣдь хочется вмѣстѣ обсудить положеніе, но какъ они обходились своими запасами знаній—представить трудно. Чай, вскипяченный сейчасъ же, былъ для насъ, сломавшихъ этакое путешествіе, вкуснѣе всякаго нектара и пили мы его страшное количество, пока утолили нестерпимую жажду; утомленіе сильно сказывалось.

Съ тяжелымъ чувствомъ собирались мы къ отъѣзду; все какъ-то казалось, словно еще намъ надо побывать на горѣ, не насмотрѣлись мы чудныхъ пейзажей, открывающихся съ нея, и не хотѣлось оторваться отъ ея подножія. Собственно, чувство это не имѣло основанія то, что предстояло сдѣлать, было сдѣлано нами и мы вынесли самое опредѣленное понятіе о Щугорѣ, какъ о водномъ пути на Уралъ, по которому туда могла бы быть подана нефть и придвинуты рабочія руки со всѣми необходимыми для нихъ жизненными припасами.

Уралъ въ этой своей части, т. е. на томъ протяженіи, какое онъ проходитъ по Вологодской губерніи, чрезвычайно мало изслѣдованъ,

Щугоръ у впаденія р. „Седь-ю". Вдали—пармы.

есть только кое-какія геологическія данныя, далеко не такія полныя, какъ объ Уралѣ нижнемъ и среднемъ, изслѣдованій же о полезныхъ ископаемыхъ на немъ никогда не производилось, если же когда-либо

Гора „Тать-посьнёръ"

и были сдѣланы, то они пропали совершенно безслѣдно, погребенныя въ какихъ-нибудь спеціальныхъ журналахъ въ лучшемъ случаѣ, или въ архивахъ, на съѣденіе мышамъ, въ худшемъ. Тѣ свѣдѣнія, какія имѣются объ этихъ ископаемыхъ, являются результатомъ случайныхъ открытій немногихъ лицъ, которыхъ судьба привела въ эти чудныя, но негостепріимныя страны, и потому свѣдѣнія эти и скудны, и отрывочны, и разбросаны. А вѣдь мы не имѣемъ положительно никакого основанія предполагать, что на сѣверномъ Уралѣ этихъ ископаемыхъ богатствъ меньше, чѣмъ на среднемъ и южномъ *).

Впаденіе р. „Седь-ю" въ Щугоръ.

Есть на Уралѣ и золото, платина, серебро, мѣдь, колоссальное количество желѣза, ртуть, свинецъ, мраморъ, драгоцѣнные камни и пр., пр., и если мы нанесемъ на карту всѣ эти рудники, пріиски, заводы, мѣсторожденія, то мы увидимъ, что весь Уралъ густо покроется этими знаками въ предѣлахъ Оренбургской, Уфимской и Пермской губерній и останется почти въ полной неприкосновенности въ губерніи Вологодской; но это вовсе не значитъ, что никакихъ полезныхъ ископаемыхъ на Вологодскомъ Уралѣ нѣтъ. Геологическое строеніе всего Уральскаго хребта одинаково, слѣдовательно, всѣ шансы за то, что и обусловленныя извѣстными геологическими данными ископаемыя также должны быть для всего Урала одинаковы, и на Вологодскомъ Уралѣ также бы карта была покрыта отмѣтками мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ, а если этого нѣтъ, то не потому, чтобы этихъ ископае-

*) Здѣсь слѣдуетъ внести поправку. Оказывается, что въ 1847, 48 и 50 годахъ сѣверный Уралъ былъ детально обслѣдованъ экспедиціей Гофмана, результатомъ которой было изданіе 2-хъ большихъ томовъ, заключающихъ въ себѣ подробнѣйшія данныя о сѣверномъ Уралѣ, и составленіе превосходной его карты. Изданіе это представляетъ собою *библіографическую рѣдкость* и попало оно ко мнѣ въ руки, къ несчастію, при концѣ уже печатанія настоящей книги, почему малое ознакомленіе съ нимъ не даетъ мнѣ возможности на него ссылаться, что, вѣроятно, придется дѣлать при описаніи слѣдующей нашей поѣздки.

Авторъ.

мыхъ не было, а потому, что они не разработываются вслѣдствіе полной неосвѣдомленности о нихъ. Причины и самой неосвѣдомленности этой, и неразработки того малаго количества мѣсторожденій, какое случайно извѣстно, коренятся, конечно, въ полной почти недоступности Вологодскаго Урала; для того, чтобы сдѣлать его похожимъ на Уралъ, лежащій къ югу отъ Вологодскаго, необходимо прежде всего сдѣлать его доступнымъ, другими словами, дать ему пути сообщенія.

Вотъ однимъ изъ такихъ путей сообщенія и могъ бы служить Щугоръ, такъ казалось намъ, и мы проѣхали его до самаго Урала именно съ цѣлью ознакомиться съ нимъ, какъ съ воднымъ путемъ на Уралъ, какъ съ артеріей, могущей подать къ нему ту жизненную силу, которая вывела бы его изъ вѣкового сна и заброшенности. Щугоръ, какъ оказалось, такой артеріей быть не можетъ, а если и можетъ, то только послѣ такихъ грандіозныхъ работъ по приведенію его въ состояніе судоходной рѣки, что поневолѣ приходится перенести всѣ свои мысли о водномъ пути на Уралъ на другой притокъ Печоры— Илычъ, предоставивъ Щугору играть роль въ ея жизни довольствуясь пока разработкой растущихъ на его берегахъ лѣсовъ. Онъ каменистъ, быстръ, мелокъ, онъ весь отъ самой „Шёръ-кырты“ и до

Рѣка Щугоръ.

Урала представляетъ сплошной рядъ быстринъ и пороговъ, все дно его покрыто камнями, повсюду выступающими изъ воды, глубина его. въ части теченія ближе къ горамъ, незначительна и во многихъ мѣ-

„Шёръ-кырта“ на р. Щугоръ.

стахъ на самомъ фарватерѣ не превышаетъ аршина, надо замѣтить, что это въ такое время, когда, какъ говорятъ зыряне, въ Щугорѣ воды много больше, чѣмъ бываетъ обыкновенно.

Скалы на Щугорѣ.

При такихъ условіяхъ разсчитывать, что онъ можетъ быть воднымъ путемъ на Уралъ, способнымъ подать туда и людей, и нефть, и машины, словомъ, все, что требуется для оживленія этихъ молчаливыхъ пустынныхъ горъ, нельзя, и приходится отказаться отъ мысли воспользоваться его благопріятнымъ положеніемъ по отношенію къ Уралу и удовольствоваться однимъ Илычемъ. Вѣроятно, и Щугоръ можетъ быть приведенъ въ состояніе судоходной рѣки, но на это должны быть затрачены такія средства, окупить которыя результаты этихъ работъ, вѣроятно, не будутъ въ состояніи, по крайней мѣрѣ, на очень долгое время; во всякомъ случаѣ, эта работа всегда можетъ быть сдѣланной и впослѣдствіи, и ставить ее на ближайшую очередь въ то время, когда имѣется находящійся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ Илычъ, изъ котораго всѣ сибирскіе грузы пойдутъ по Печорѣ внизъ по теченію, нѣтъ основанія.

Такія мысли занимали насъ, когда мы отваливали отъ подножія величаваго „Тэлъ-позъ-иза“ съ тѣмъ, чтобы пуститься обратно внизъ по Щугору. Этотъ путь, благодаря быстрому теченію рѣки, мы предполагали сдѣлать гораздо скорѣе и уже мечтали о томъ, какъ встрѣтимъ пароходъ и будемъ взаимно дѣлиться впечатлѣніями съ остававшимися

на немъ. Лодки наши представляли собой необычайную картину, крыши ихъ всѣ завалены оленьими рогами, которые топорщатся въ разныя стороны. Этихъ оленьихъ роговъ мы нашли на горѣ очень много; сперва, когда попался первый, конечно его сейчасъ же подняли, какъ какую-нибудь рѣдкость, потомъ попался второй, за нимъ третій и, наконецъ, ихъ стало попадаться столько, что всѣ первые мы уже побросали, какъ очень плохіе, и стали собирать только самые крупные и хорошо сохранившіеся.

Много оленей ходитъ по горѣ; говорятъ, и съ рѣки видны они въ жаркое время въ видѣ черныхъ пятнышекъ, двигающихся по полосамъ снѣговъ, на которые они уходятъ спасаться отъ комаровъ, оводовъ и мошки, но намъ не удалось видѣть ихъ, такъ какъ погода стоитъ холодная. Много и домашнихъ оленей пасется на склонахъ „Тэлъ-позъ-иза" у самоѣда Ванойты. Одинъ изъ нашихъ рабочихъ служилъ у него когда-то и разсказываетъ объ ужасной катастрофѣ, постигшей въ то время Ванойту: у него снѣговымъ обваломъ завалило цѣлое стадо оленей въ 50 штукъ и двоихъ сыновей, которые это стадо пасли. Нашъ рабочій ходилъ тогда съ Ванойтой разыскивать пропавшихъ и, только послѣ долгихъ поисковъ, они нашли погребенные подъ снѣгомъ трупы двоихъ его сыновей и 48-ми оленей: изъ всего стада спаслось только 2.

Итакъ, мы ѣдемъ обратно; не тянутъ уже насъ бичевой рабочіе, съ трудомъ двигающіеся вдоль по камнямъ берега, влегши въ лямку, наклонившись впередъ, и не пихаемся мы шестами на быстрыхъ мѣстахъ, а легко несемся внизъ по теченію на веслахъ самою серединою рѣки.

Очень вѣтрено. Еще вчера вечеромъ на вершинѣ горы мы по красной зарѣ предполагали вѣтреный день, и это оказалось вѣрнымъ. До „Овинъ-пармы" Щугоръ все идетъ ровными мѣстами, даль раскидывается во всѣ стороны и глазъ все время ласкаютъ гармоничныя сочетанія яркихъ тоновъ подъ яркими лучами солнца. Ѣдешь по солнцу, и вдаль уходитъ синяя рѣка въ желтой рамкѣ прибрежныхъ камней, съ пятнами островов; зеленѣютъ лѣса, бархатныя, темныя ели стрѣлами возносятся къ небу, серебрятся кусты, дальнія пармы синѣютъ у самаго горизонта; повернешь противъ солнца, и темной полосой кажется тогда лѣсъ, а рѣка вся засеребрится и засверкаетъ. А тамъ опять начались скалы по берегамъ, отвѣсныя, мрачныя, исчерченныя и временемъ, и водою, и весенними льдами. Прямой стѣною спускаются онѣ въ рѣку съ проточенными въ нихъ темными щелями и струящимися оттуда ручьями.

Солнце сѣло, загорѣлась заря на безоблачномъ небѣ и опять морозъ клубитъ туманы надъ рѣкой и холодной бѣлой росой покрываетъ пышные травы и кусты. Бѣлая сѣверная ночь недолга и чуть поднялось солнце, какъ опять стало тепло. Небо чистое, и только нѣсколько перистыхъ облачковъ стоятъ въ выси. Вѣтеръ стихъ, чуть-чуть подуваетъ и ласково обвѣваетъ насъ.

По Щугору на бичевѣ.

Утромъ мы проплываемъ мимо „Вельдоръ-кырты" и останавливаемся у нея, чтобы осмотрѣть ущелье, прорѣзанное въ скалахъ ручьемъ „Вельдоръ-кырта-іоль", и находящійся въ концѣ его на этомъ ручьѣ водопадъ. О немъ намъ разсказывали зыряне еще въ то время, когда мы здѣсь поднимались вверхъ, но мы отложили осмотръ его до возвратнаго пути, и не худо сдѣлали: погода намъ теперь очень ужъ благопріятствуетъ, а тогда было и пасмурно, и сыро. Весь этотъ ручей заваленъ камнями настолько, что проѣхать по нему на лодкѣ совершенно невозможно, самое большее, что можно ей приткнуться въ его устьѣ. Немного пройдя берегомъ, приходится изыскивать обходный путь, чтобы идти далѣе, такъ какъ ручей течетъ между двухъ совершенно отвѣсныхъ скалъ, не оставляющихъ у своего подножія и такого мѣстечка, чтобы можно было поставить хотя только ногу. Стремительно несется вода этимъ ущельемъ и успокоивается, только выскочивъ изъ него на болѣе широкое мѣсто, шумъ водопада уже сильно слышенъ. Вооружившись палками, съ трудомъ карабкаемся мы кверху и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, когда приходится проходить мимо сквозныхъ трещинъ въ отвѣсной стѣнѣ выходящей на рѣку „Вельдоръ-кырты", сквозь эти отверстія, какъ черезъ бойницы, мы видимъ струящійся глубоко внизу Щугоръ и его противоположный берегъ, наконецъ, выбираемся по камнямъ наверхъ и идемъ вдоль ущелья. Удивительное явленіе: лѣсъ внизу по берегамъ Щугора весь трудно проходимъ, заваленъ ужаснымъ вѣковымъ ломомъ, массы камней и болота не очень поощряютъ къ прогулкамъ по нему, но стоитъ только выбраться наверхъ, на вершины этихъ отвѣсныхъ скалъ, что мы дѣлали во многихъ мѣстахъ, какъ попадаешь въ лѣсъ, именно располагающій походить по немъ, просто прогуляться и поразмяться послѣ долгаго сидѣнья въ лодкѣ; весь онъ растетъ здѣсь на толстомъ, мягкомъ мховомъ коврѣ, и лома въ немъ совершенно нѣтъ, только кое-

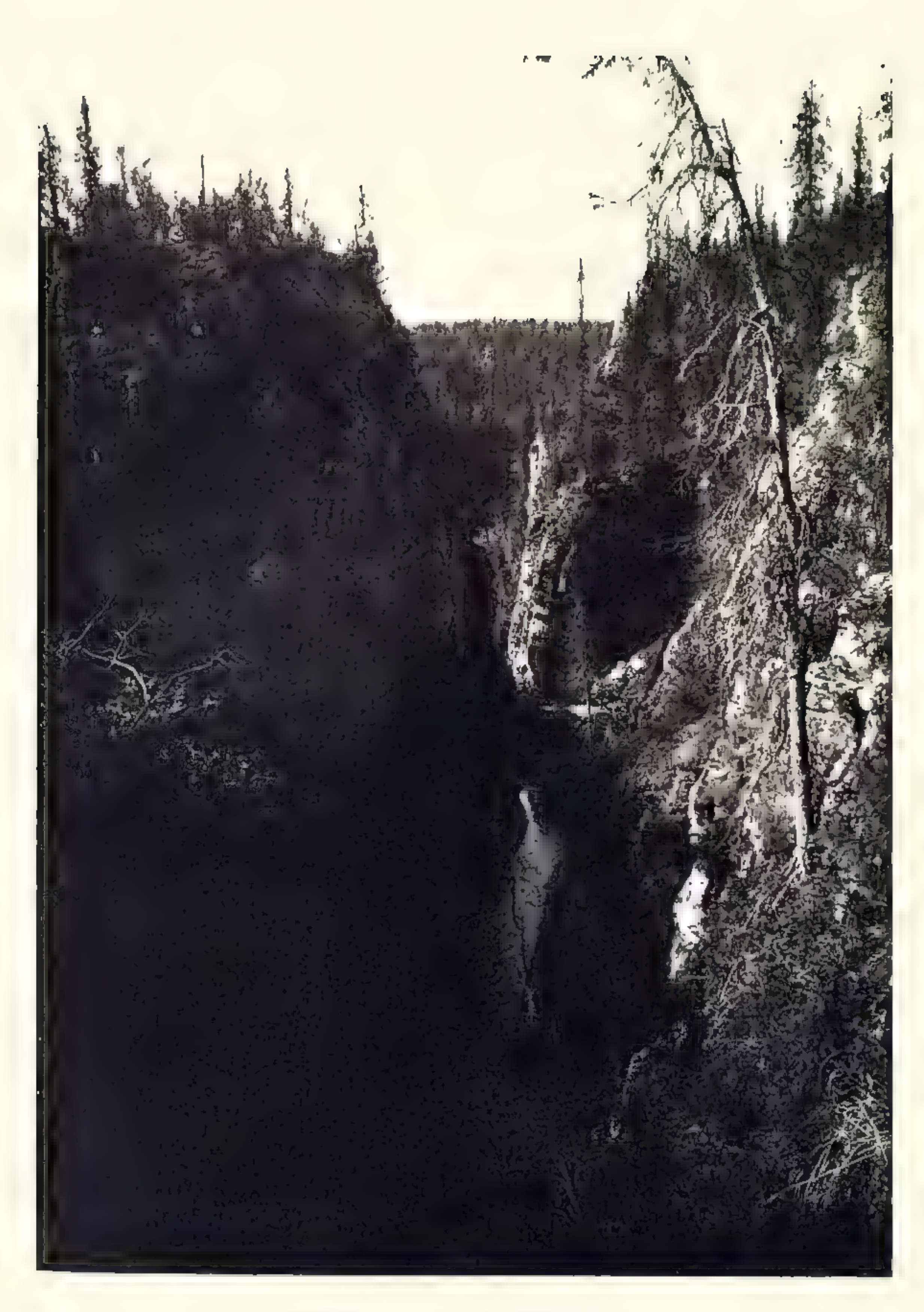
„Вельдоръ-кырта" на Щугорѣ.

гдѣ попадется старое свалившееся дерево, иногда успѣвшее уже зарости мхомъ, перешагнешь его, и опять идетъ чистый, прекрасный лѣсъ. Чѣмъ объяснить это—не знаю; вѣроятнѣе всего, что заваливаютъ лѣсъ, главнымъ образомъ, не буреломникъ, а тѣ деревья, которыя валитъ весенняя вода; это подтверждается и тѣмъ, что обыкновенно maximum непроходимости лѣса идетъ именно у береговъ широкою полосою, если же углубляться въ него отъ рѣки, эта непроходимость падаетъ по мѣрѣ удаленія.

Рѣки здѣсь обыкновенно скатистыя и, значитъ, держатъ недолгое половодье, но съ быстрымъ и чрезвычайно высокимъ подъемомъ воды, и, вѣроятно, лѣсъ заливается тутъ на очень большое пространство; на Иктылѣ, напр., какъ я уже говорилъ выше, на самомъ водораздѣлѣ вода весной поднимается выше межени болѣе 3 арш. Съ какой же ужасной стремительностью несется она по Мылвамъ и на какія пространства должна заливать ихъ берега въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они низки. На Щугорѣ массы воды должны быть еще больше, онѣ образовываются здѣсь отъ таянія громаднаго количества снѣговъ, заваливающихъ зимою всѣ горныя долины и увалы. Какіе это огромные запасы воды, даруемые самой природой, сколько каналовъ и шлюзовъ могутъ питать они, расходуемые постепенно.

Лѣсъ на берегахъ Щугора.

Взобравшись наверхъ, мы пошли самымъ краемъ ущелья, и, наконецъ, очутились передъ водопадомъ. Ручей „Вельдоръ-кырта-іоль“ течетъ здѣсь вверху параллельно Щугору съ лѣвой стороны прорытаго имъ хода съ запада на востокъ и обрывается въ него прямо про-

Ущелье водопада „Вельдоръ-кырты".

Привалъ на Щугорѣ.

тивъ насъ. Видимо, и ущелье-то это выбито его водопадомъ, который былъ когда-то на самомъ Щугорѣ и въ теченіе многихъ сотенъ вѣковъ все отступалъ, оставляя передъ собою образованное паденіемъ воды пространство. Сколько вѣковъ наполнялъ онъ своимъ вѣчнымъ грохотомъ окрестныя пустыни дикихъ здѣшнихъ лѣсовъ, сколько вѣковъ нарушалъ немолчный шумъ его тишину долгихъ осеннихъ ночей и несся далеко-далеко надъ Щугоромъ среди нѣмого безмолвія окрестныхъ горъ, прежде чѣмъ онъ, линію за линіей, вершокъ за вершкомъ, проточилъ это ущелье въ сплошной каменной глыбѣ.

Ручей, повидимому, текъ ранѣе не такъ, какъ теперь: ходъ, выбитый имъ, проходитъ далѣе того мѣста, гдѣ онъ свергается въ него; потомъ онъ почему-нибудь повернулъ и оборвался въ него сейчасъ прямо съ отвѣснаго берега и съ грохотомъ летитъ внизъ саженъ 15 въ выбитый имъ круглый водоемъ, изъ котораго пѣнистая вода съ плескомъ и брызгами устремляется въ узкій, проточенный въ скалѣ проходъ.

Водопадъ уже успѣлъ и здѣсь сточить своимъ русломъ верхній край обрыва и теперь сливается въ два пріема, сперва по этому сточенному мѣсту до преградившаго ходъ огромнаго камня, а потомъ уже, пробиваясь нѣсколькими струями подъ и съ боковъ его, низвергается въ мрачное, мокрое, никогда не видящее солнечнаго свѣта ущелье.

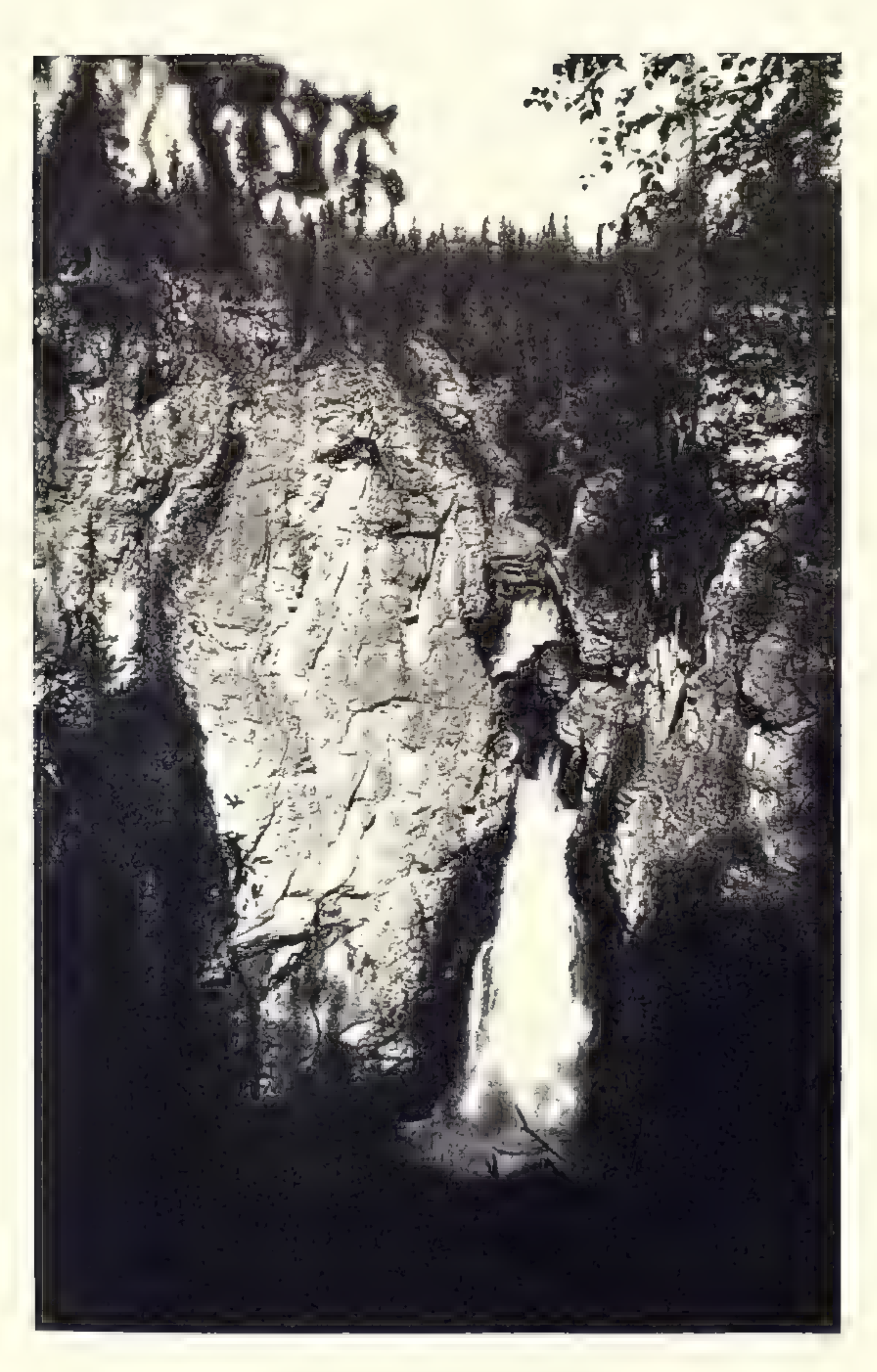
Насмотрѣвшись досыта на водопадъ, мы тѣмъ же путемъ, пробираясь по камнямъ, спустились назадъ, но долго еще немолчный гро-

хотъ его стоялъ въ ушахъ и все чувствовалось, какъ будто воздухъ содрогается отъ массы воды, падающей въ каменный колодезь.

За „Вельдоръ-кыртой" пороги становятся все чаще, быстрины почти сплошныя и, наконецъ, „Чупля-кось", первый для насъ въ тотъ путь и послѣднiй теперь. Шумъ его далеко еще слышенъ, да онъ и, дѣйствительно, внушительный. Наши лодки несетъ по нему страшно быстро среди пѣны и валовъ, только и гляди, чтобы не хватило о какой-нибудь изъ торчащихъ во множествѣ изъ воды камней. Удивительно интересное впечатлѣнiе получается, когда, почти со скоростью поѣзда, проносишься по сравнительно спокойному мѣсту мимо такого камня: свое быстрое движенiе становится тогда незамѣтнымъ, а отъ него бѣгутъ длинныя, пѣнящiяся струи и кажется, какъ будто этотъ камень съ страшной быстротой летитъ вамъ навстрѣчу, разсѣкая воду и клубя пѣну въ своемъ стремительномъ бѣгѣ, словно какое-то чудовище съ каменною головою бросается на лодку; скользнетъ оно мимо лодки, оглянешься, и сейчасъ же иллюзiя пропадаетъ и видишь опять его, неподвижно торчащимъ изъ воды, и разбивающуюся о него рѣку.

Днемъ останавливаемся и дѣлаемъ привалъ на берегу, устраиваемъ себѣ столъ на колышкахъ, кладемъ на камни доски вмѣсто скамеекъ разводимъ кругомъ нѣсколько костровъ дымящихъ, и залъ для обѣда у насъ готовъ. Ѣдемъ все время въ накомарникахъ, а чтобы принять пищу, приходится ихъ приподнять, что и возможно только при такой искусственной защитѣ, какъ эти костры; мы наваливаемъ въ нихъ всякой сырой гнили, тогда образуется страшный дымъ, отгоняющiй толкущихся тучами надъ нами комаровъ, и мы можемъ наслаждаться свободнымъ вдыханiемъ не воздуха, а этого дыма; что лучше сказать трудно.

Зыряне тоже разложили костры и варятъ себѣ обѣдъ, а пока они, поѣвши, спѣшатъ воспользоваться хотя небольшимъ клочкомъ времени и, завернувшись наглухо, вздремнуть нѣсколько минутъ, мы, сидя въ дыму костровъ, слушаемъ разсказы стражника Иванова о Цусимскомъ боѣ, за участiе въ которомъ онъ получилъ Георгiя. Онъ былъ на крейсерѣ „Свѣтлана", и имъ удалось выскочить изъ охватившаго русскiй флотъ японскаго кольца, когда наши броненосцы гибли одинъ за другимъ. Съ ними выскочилъ также и миноносецъ „Грозящiй", съ сильно попорченной машиной. На другой день крейсеръ и миноносецъ медленно уходили къ Владивостоку, непрiятеля нигдѣ не было видно, и они уже, было, стали надѣяться и совсѣмъ уйти, какъ вдругъ на горизонтѣ показались дымки: это японцы преслѣдовали ихъ, чтобы добить и остатки нашего флота. „Свѣтлана" могла бы, пожалуй, и уйти, но „Грозящiй" шелъ очень медленно, а бросить товарища въ такомъ положенiи, конечно, было нельзя; снарядовъ было только три, которые они и выпустили по японцамъ. Тѣ очень скоро подошли къ крейсеру и миноносцу, разстрѣляли ихъ, затопили и ушли. Весь эки-

Водопадъ на „Вельдоръ-кыртѣ“.

пажъ заплавалъ по водѣ океана, и плавалъ такъ въ продолженіе 7 часовъ; было это миляхъ въ 8 отъ берега. Потомъ пришелъ японскій крейсеръ, забралъ всѣхъ, оставшихся еще въ живыхъ, и отвезъ ихъ въ плѣнъ въ Японію. Сильное впечатлѣніе производитъ разсказъ Иванова о тѣхъ часахъ ожиданія, которые провели они отъ момента, когда замѣтили, при входѣ въ Цусимскій проливъ, сторожевыя японскія суда и до того, какъ весь горизонтъ покрылся дымами непріятельскаго флота; какъ они, готовясь къ бою, переодѣвались во все чистое и го-

Р. Щугоръ.

товы были встрѣтить смерть въ безпощадной бойнѣ, какъ гибла „Свѣтлана", разстрѣлянная японцами, и вмѣстѣ съ нею гибъ, не желавшій спасаться, старшій офицеръ ея Зуровъ.

Разсказываетъ онъ и о ночной атакѣ нашей эскадры въ Гуллѣ неизвѣстно кѣмъ: японцами ли, русскими ли революціонерами при содѣйствіи англичанъ, въ хвостѣ которыхъ почему-то начинаетъ идти наша дипломатія. Въ наивности своей, Ивановъ и не подозрѣваетъ, что она сдѣлала эту атаку фактомъ несуществовавшимъ и обратила миноносцы въ невинныя рыболовныя суда, и разсказываетъ, какъ онъ собственными глазами видѣлъ и атакующіе миноносцы, и пролетающія, къ счастью, мимо „Камчатки" мины.

И не гармонировали съ этими разсказами о человѣческомъ звѣрствѣ мирныя картины, раскидывавшіяся передъ нами, и встающія на горизонтѣ Уральскія вершины, среди которыхъ величаво рисуется „Тэлъпозъ-изъ", испещренный снѣгами. Это прощальный уже видъ на нихъ,

еще разъ у „Патока“ обрисуется вдали воздушнымъ силуэтомъ „Сабля“ и горы скроются отъ насъ совсѣмъ.

Позже облака начали набираться все больше и больше, и солнце стало свѣтить только урывками. „Шёръ-кырту“ мы проѣзжаемъ безъ его освѣщенія, только у горизонта облака горятъ и сіяютъ; такъ они и не закрылись тамъ до самаго вечера, сквозь нихъ пробились лучи склонившагося уже солнца и дали заиграли зелеными пятнами свѣтовъ и голубыми тѣнями, дальнія горы стали красновато-лиловыми, а ближнія ощетинились бархатно-темными своими ельниками.

Вѣтеръ упалъ, рѣка совершенно спокойна и только чуть-чуть переливается, а подъ солнцемъ, прикрытымъ краемъ какого-то облака, она блеститъ и искрится тоненькой ниточкой: тамъ солнечные лучи ударили и заиграли на ея поверхности.

Подъѣзжая къ скалѣ „Юмачъ“, мы замѣтили вдали какую-то лодку и долго ломали голову, что такое это за лодка на Щугорѣ, кто это направляется въ него и зачѣмъ, но и въ мысли намъ не приходило, что это лодка съ „Межени“; только, когда неожиданно, за однимъ изъ поворотовъ, мы увидѣли приткнувшійся къ берегу у самаго подножія „Юмача“ пароходъ, мы поняли, что это за лодка.

Оказывается, и оттуда замѣтили ожидаемую уже подъэкспедицію и шлютъ намъ привѣтъ, посылая одинъ за другимъ свистки. Скоро мы добрались и до парохода, перегрузились на него и, прицѣпивъ

„Шёръ-кырта“ на Щугорѣ.

лодки за кормой, не долго думая, отправились внизъ по Щугору къ его устью. Хотя мы пробыли въ отлучкѣ и очень недолго, всего

Видъ на Уральскія вершины со Щугора.

5 дней, но при путешествіи въ такихъ пустыняхъ, среди всякихъ случайностей и новыхъ впечатлѣній, и этотъ промежутокъ времени является продолжительнымъ, и мы спѣшимъ подѣлиться результатами своихъ поѣздокъ и изслѣдованій.

Остававшіеся на пароходѣ за это время побывали по всей Печорѣ до самой Архангельской губерніи и плавали по Щугору, въ ожиданіи

Берега Щугора.

насъ. И. М. Шемигоновъ говоритъ, что онъ нашелъ у самой скалы „Юмача" сѣро-водородный источникъ съ сильнымъ запахомъ и температурою всего въ 3° С., воду котораго взялъ для анализа, показывалъ окаменѣлости, какія ему удалось найти на Щугорскихъ берегахъ среди обломковъ скалъ, состоящихъ изъ известковыхъ и песчаниковыхъ сланцевъ, а также и алебастръ, найденный тоже на Щугорскихъ берегахъ.

Мы, съ своей стороны, полные еще впечатлѣній отъ дивныхъ картинъ Урала, разсказываемъ о нихъ и стараемся хотя слабыми красками изобразить видѣнныя нами красоты. Передаемъ и слышанные во время ѣзды отъ зырянъ разсказы объ уральскомъ золотѣ— какъ многіе изъ охотниковъ, бродящихъ по Уралу, знаютъ случайно открытыя ими мѣсторожденія его, тщательно скрываютъ ихъ другъ отъ друга, но сами понемногу приносятъ оттуда золотоносный песокъ и продаютъ его тайно чердынскимъ купцамъ.

Оказывается, и на пароходѣ тоже шли разговоры о томъ же золотѣ. Щугорскій старшина разсказывалъ, какъ онъ еще 50 лѣтъ назадъ ходилъ въ числѣ другихъ рабочихъ, среди которыхъ былъ и нашъ лоцманъ Иванъ Зиновьевъ, съ Бѣсковымъ, Смоляковымъ и Могильниковымъ искать золото на Уралъ. Отправлялись они съ Подчерья и плыли по Щугору, прибыли на десятый день въ мѣстность „Вель-

доръ-ворга", гдѣ и рыли ямы; самаго золота старшина не видалъ, такъ какъ, когда Бѣсковъ съ компаніонами промывали взятый песокъ, рабочихъ близко не подпускали. И Иванъ Зиновьевъ подтверждаетъ этотъ разсказъ, но добавляетъ, что послѣ промывки находили въ ведрѣ отъ 4 до 6 золотинокъ. Хотѣли промывать и дальше, но должны были уѣхать, потому что провизіи не хватило и пришлось такъ спѣшно уѣзжать, что даже весь инструментъ бросили, такъ онъ и пропалъ тамъ. Бѣсковъ пріѣзжалъ еще разъ лѣтомъ, но тогда ни старшина, ни лоцманъ съ нимъ уже не ходили. Лоцманъ же сообщилъ, что на „Пилипъ-іолѣ" у „Тэлъ-позъ-иза" стоитъ заявочный на золото столбъ, поставленный еще лѣтъ за 6 до ихъ похода какимъ-то Золотиловымъ.

Обидно слушать такіе разсказы: вотъ въ нихъ и въ подобныхъ имъ заключаются всѣ свѣдѣнія о мѣсторожденіяхъ золота на Вологодскомъ Уралѣ. Возьмите сосѣднюю съ нами Пермскую губернію; о ней можно достать подробныя свѣдѣнія, чуть что ни въ какой казенной дачѣ какія мѣсторожденія имѣются, а о Вологодской приходится довольствоваться только такими свѣдѣніями.

Понадобилось мнѣ познакомиться съ геологическими изслѣдованіями нашего Урала, и, въ поискахъ за источниками, мнѣ удалось узнать, что по изслѣдованію сѣвернаго Урала въ геологическомъ и по отношенію къ золоту отношеніи, съ 94 по 900 годъ, 6 лѣтъ работала правительственная экспедиція подъ начальствомъ Лебединскаго и результатомъ этого изслѣдованія была книга и геологическая карта. Досталъ я и книгу, и карту, но былъ жестоко разочарованъ: всѣ изслѣдованія сѣвернаго Урала ограничивались къ сѣверу границею Пермской и Вологодской губерній. Также и записки геологической экспедиціи Федорова. Нашъ Вологодскій Уралъ въ немилости: его не только бросили безъ путей сообщенія и не хотятъ даже посмотрѣть, что на немъ есть, но и тѣ изслѣдованія, которыя были произведены 50 лѣтъ назадъ экспедиціей Гофмана, совершенно забыты и лежатъ подъ спудомъ въ видѣ библіографическихъ рѣдкостей, достать которыя почти нѣтъ возможности.

ГЛАВА VIII.

Печора ниже Щугора. Ея луга и скотоводство. Брусяно-точильная гора. Возвращеніе въ Троицко-Печорское.

Вечеромъ поздно мы пріѣхали въ село Щугоръ съ тѣмъ, чтобы утромъ на другой день попасть на брусяно-точильную гору на рѣкѣ Воѣ, верстъ 35 ниже Щугора по Печорѣ. Смущало насъ немного то, что завтра, 29-го іюня,—большой праздникъ и, значитъ, работъ на горѣ мы не увидимъ, да дѣлать было нечего, время не позволяло откладывать поѣздку и терять совершенно непроизводительно цѣлый день.

Ниже Щугора по Печорѣ идутъ сплошные луга, необозримые, заброшенные; косится изъ нихъ ничтожная часть,—некогда всѣ ихъ косить, да и нужды нѣтъ: хватаетъ и того, что успѣваютъ накосить, пока не отвлекаютъ другіе промыслы.

Глядя на этакое богатство, пропадающее даромъ, невольно думается о томъ нелѣпомъ положеніи, которое, кажется, только у насъ можетъ создаться: въ центральной Россіи мужика можно подвинуть на что угодно, включительно до разбойнаго разоренія помѣщичьихъ усадьбъ и открытаго бунта, играя на его малоземельи, а тутъ, рядомъ, земли этой сколько угодно, да вѣдь какой земли: ни лѣсовъ тутъ сводить не надо, ни раздѣлывать изъ-подъ нихъ подъ пашни, прямо приходи, ставь себѣ домъ и начинай жить, какъ тебѣ угодно; желаешь хлѣбопашествомъ заниматься, бери плугъ, поднимай любую луговину и сѣй, желаешь молочнымъ дѣломъ заняться—кормовъ кругомъ сколько угодно, желаешь промышлять рыбу, охотиться—все это готово, все подъ руками.

Казалось бы, какъ просто начать сюда переселеніе, да не такое, какъ оно ведется у насъ въ Сибири, или какъ мы предполагали въ прошлую поѣздку возможнымъ переселеніе на Синдорскую низменность по р. Вишерѣ, Нившерѣ и ихъ притокамъ, гдѣ всякаго переселенца придется правительству первые годы непремѣнно поддерживать; тутъ же переселенецъ прямо попадалъ бы въ условія, дающія ему сразу

возможность существованія; тѣми богатствами, которыя здѣсь природа щедро разсыпала передъ человѣкомъ, онъ не пользуется и въ малой-то ихъ долѣ, все это здѣсь лежитъ, почти нетронутое, и мало, слишкомъ мало прилагается рукъ для ихъ использованія.

Сколько народу могли бы прокормить здѣшніе промыслы и земли, если бы дать сюда доступъ переселенію, т. е., другими словами, открыть для него здѣшнія казенныя земли и дать Россіи тѣ пути сообщенія, которыми она могла бы направить свой избытокъ населенія въ недоступныя сейчасъ пустыни Печорскаго края. Безъ этихъ путей ни переселенія, ни оживленія его, ни самаго ознакомленія съ нимъ—ничего не можетъ быть и будетъ оставаться въ забросѣ земельный запасъ колоссальной емкости, а въ центрахъ все будутъ раздаваться лицемѣрные вопли о безземельи бѣднаго русскаго мужичка. Откройте-ка этотъ необъятный земельный фондъ для безземельнаго крестьянства и посмотрите, какія силы привлечетъ онъ къ себѣ; вѣдь сюда не пойдетъ никто изъ слабодушныхъ, неподвижныхъ людей, которымъ только мѣсто на обсиженной собственной печкѣ,—сюда пойдутъ люди смѣлые, рѣшительные, съ иниціативой, силы которыхъ всегда найдутъ приложеніе на здѣшней нетронутой еще почвѣ.

Много этихъ силъ потребуется здѣсь для того, чтобы обратить настоящій Печорскій край въ будущій богатый и промышленный, и всѣ шансы за то, что онѣ не пропадутъ даромъ, не будетъ здѣсь избытка ихъ. Вотъ куда бы слѣдовало направить свои силы и нашей молодежи, вмѣсто того, чтобы растрачивать ихъ на безплодныя мечтанія, загребая жаръ своими руками для тѣхъ, кому это выгодно; здѣсь слѣдовало бы ей на живомъ дѣлѣ учиться жизни, которой она не знаетъ совершенно; для нея вся жизнь видима только черезъ брошюры, газетныя статьи да безплодные нескончаемые разговоры, какъ черезъ какое-то искажающее стекло; пора отбросить его и взглянуть на жизнь своими собственными глазами, увидѣть ее такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ, не искаженная умышленно, пора бросить безплодную, ничего общаго съ жизнью не имѣющую болтовню.

Вонъ въ Троицко-Печорскомъ врача нѣтъ нѣсколько уже лѣтъ и весь Печорскій край можетъ умирать, сколько ему положено, и негдѣ ему взять врача, а врачъ ни одинъ не идетъ потому, что жалованья мало. Вяжется ли это съ тѣмъ, что каждый проповѣдуетъ, пока находится въ школѣ? Конечно, нѣтъ, и никогда не будетъ вязаться, потому что нельзя проповѣдывать о томъ, чего самъ не знаешь, а жизни наша молодежь не будетъ знать, пока не выйдетъ изъ-подъ чужой указки и не осмѣлѣетъ настолько, что рѣшится не то, чтобы сбросить, а хоть приподнять только удивительно ловко надвинутыя ей на носъ очки и взглянуть на все окружающее своими глазами.

Въ Печорскомъ краѣ поле дѣятельности велико, есть гдѣ изучить жизнь на живомъ дѣлѣ и къ чему приложить энергію съ полною

увѣренностью, что не пропадетъ она даромъ. Вотъ и сейчасъ: великолѣпные нескончаемые луга идутъ все время по берегамъ, и по всей Печорѣ луговъ этихъ колоссальное количество, самородныхъ, которыхъ и трогать-то не надо, а скотъ вездѣ прескверный, мелкій и не мясной, и не дойный, и ни у кого не хватаетъ смѣлости, хотя бы взять только готовый уже примѣръ съ недалекой отсюда Двины, луга которой дали возможность создать цѣлую самостоятельную породу скота—Холмогорскую, заслужившую себѣ извѣстную репутацію. Неужели для такихъ задачъ надо быть Петромъ Великимъ и онѣ недоступны обыкновенному смертному.

Насколько лучше здѣсь условія для молочнаго хозяйства, чѣмъ въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ оно процвѣтаетъ, и, тѣмъ не менѣе, никого

Печорскій скотъ

нѣтъ, кто бы попробовалъ создать здѣсь маслодѣльный заводъ, и придется, вѣроятно, правительству насаждать здѣсь маслодѣліе и заботиться объ улучшеніи породы рогатаго скота, а въ существѣ-то дѣло правительства дать доступъ къ этому краю, дать пути для сбыта, а ужъ наживать деньги маслодѣліемъ есть дѣло частной инціативы. Конечно, можно сказать, что дайте дороги, тогда и частная инціатива на Печорѣ заведется, и это будетъ правда, но сѣтовать о томъ, что и до сихъ поръ ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи, все-таки можно, такъ какъ здѣсь есть мѣстный органъ, инціатива котораго могла бы сказаться,—земство, и, несмотря на это, печорскіе луга все-таки продолжаютъ пропадать непроизводительно.

Добрались мы, наконецъ, и до „Усть-вои“, маленькой деревушки на лѣвомъ берегу Печоры у впаденія въ нее рѣчки Вои. Брусяно-то-

Печора у деревни „Усть-воя“.

чильная гора находится по ней верстахъ въ двухъ отъ деревни, въ сторону отъ Печоры. Брусяно-точильная гора предоставлена во владѣніе крестьянамъ 4-хъ волостей: Щугорской, Савиноборской, Троицко-Печорской и Усть-Немской, сперва еще царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, потомъ царями Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичами, и въ послѣдній разъ право это подтверждено Яренской воеводской канцеляріей, по указу Императрицы Елизаветы Петровны, въ 1748 г. Указъ этотъ хранится въ селѣ Троицко-Печорскомъ. Изъ него видно, что Войская гора никогда и не была предоставлена крестьянамъ, а была имъ отведена въ возмѣщеніе недостатка пахотныхъ земель брусяная гора на р. Соплясѣ; но по какимъ-то причинамъ, изъ которыхъ намъ указывали зыряне одну, что на Сопляcской горѣ камень хуже качествомъ и доставать его труднѣе, разработывалась не Соплясская, а Войская гора, и такъ шло до 1875 года, когда было возбуждено дѣло о такомъ неправильномъ владѣніи, но въ 1877 г. Министръ государственныхъ имуществъ оставилъ Войскую гору за крестьянами впредь до выдачи имъ владѣнныхъ записей. Такимъ образомъ, здѣсь на Печорѣ, имѣется двѣ брусяныхъ горы, изъ которыхъ раздѣлывается какъ разъ та, что не отдана крестьянамъ, на другой же разработка почти не производится.

Поѣхали мы на гору на лошадяхъ, на тѣхъ самыхъ телѣгахъ, на которыхъ вывозятъ съ нея готовыя точила; нельзя сказать, чтобы это были

покойные экипажи, но доѣхали мы благополучно, благодаря хорошей дорогѣ, идущей сплошь по песчаному грунту, да къ тому же и погода была очень хороша: несмотря на то, что вчера весь вечеръ заунывно стонали на рѣкѣ гагары, что служитъ предвѣстіемъ ненастья, сегодня солнечно и жарко, хотя и бродятъ по небу тревожныя облака.

Брусяная гора представляетъ собою одинъ изъ отроговъ Урала, далеко отбросившійся отъ главнаго хребта; она является, кажется, конечнымъ пунктомъ тѣхъ пармъ, которыя прорѣзалъ Щугоръ, образовавъ свои чудныя кырты, а этотъ отрогъ прорѣзала и Печора, но такъ какъ она была когда-то неизмѣримо могущественнѣй теперешней Печоры, то она еще въ тѣ доисторическія времена сточила своимъ могучимъ русломъ отвѣсы прорѣзанныхъ пармъ и сдѣлала ихъ совершенно пологими, такъ что съ береговъ ея даже и незамѣтно почти ихъ подъемовъ. Вся эта гора идетъ вдоль лѣваго берега Вои и состоитъ сплошь изъ брусяного камня, но и правый, довольно возвышенный ея берегъ также не лишенъ его, и разработка ведется и на немъ.

Дорога подходитъ прямо къ церкви, которую выстроили здѣсь собирающіеся на работу крестьяне съ помощью арендовавшихъ у нихъ эту гору лицъ; отъ нея по склону горы къ рѣкѣ и на противоположномъ берегу разбросаны жилища для рабочихъ, маленькія избушки, низенькія, многія безъ оконъ, аршина по 4—5 по сторонѣ и аршина 3 высотою; у каждой такой каморки противъ двери устроенъ таганъ, на которомъ варится пища. Внизу у самой рѣки нѣсколько домиковъ по-

Брусяно-точильная гора на р. Воѣ

больше, жилища довѣренныхъ арендаторовъ горы, и амбары, въ которые складываются вырабатываемые бруски и точила, рядомъ вѣсы для ихъ взвѣшиванія, и около нихъ лежитъ и принимаемый товаръ— точила, всѣ помѣченныя иниціалами сдающихъ работу крестьянъ. Домики для рабочихъ хоть и очень малы, но все-таки и защитятъ отъ непогоды, и дадутъ спокойно поспать безъ комаринаго истязанія, а для временнаго жилья, пожалуй, ничего больше и не требуется. Самая разработка производится на противоположномъ берегу, и онъ представляетъ изъ себя обнаженные склоны, заваленные обломками кам-

Точильные камни, выработанные на брусяно-точильной горѣ.

ней до самой воды, съ насыпанными въ иныхъ мѣстахъ кучами, ямами, вьющимися по нимъ тропками, а наверху надъ этимъ склономъ поднялся очень неважный лѣсокъ.

Если посмотрѣть на эту разработку издали такъ, чтобы однимъ взглядомъ обнять всю гору, невольно поражаешься, какая незначительная часть ея разработывается, несмотря на то, что начало этого дѣла восходитъ, по крайней мѣрѣ, до временъ царя Михаила Ѳеодоровича, и какіе же, значитъ, огромные запасы брусяного камня остаются еще нетронутыми. Разработка производится непростительно скверно, безпорядокъ, дальше котораго идти некуда; всякій работаетъ, гдѣ ему угодно, и безъ милосердія заваливаетъ обломками камня и все кругомъ себя, и рѣчку; никому и въ голову не приходитъ, что эти отбросы слѣдуетъ куда-нибудь удалять. Результатомъ такой постановки является

Разработка брусяно-точильной горы на р. Воѣ.

то, что самый-то нужный для разработки камень лежитъ подъ толстымъ слоемъ обломковъ и добраться до него нѣтъ возможности; для того, чтобы приступить къ его добыванію, требуется предварительно употребить довольно долгое время совершенно непроизводительно на расчистку заваленныхъ другими ямъ, изъ которыхъ онъ выламывается.

Вотъ примѣръ, какъ можно изгадить дѣло, поставленное самою природою въ особенно выгодныя условія. Какъ бы можно было тутъ воспользоваться хоть рѣкой, текущей въ высокихъ берегахъ; что стоило бы, запрудивъ ее, поставить у плотины турбины и заставить ихъ приводить въ движеніе машины, которыми давно пора бы вытѣснить архаическіе пріемы работы,—а тутъ, вмѣсто того, и рѣку-то самую завалили отбросами, да и камень обдѣлываютъ все тѣми же пріемами, какими обдѣлывали при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и никто съ самыхъ тѣхъ поръ не потрудился улучшить производство, даже и сохранить того, что само въ руки дается, не съумѣли. Надо бы поставить тутъ начальство, да и удивительно, какъ сами работающіе на горѣ не додумались еще до сихъ поръ до этой простой мысли, какъ додумались до нея выбившіеся изъ силъ съ своимъ солеваренным заводомъ Леденгскіе крестьяне. Арендаторы сосали тутъ полвѣка кровь изъ Печорцевъ и даже малѣйшей частицы своихъ барышей не пожертвовали для упорядоченія промысла, а сами крестьяне очень скоро сведутъ всю разработку на нѣтъ.

Для того, чтобы хватило силъ расчистить какое-нибудь мѣсто, рабочимъ приходится соединяться въ артели человѣкъ по 10, и, вотъ, нынѣшній годъ расчистили 2 ямы. Хорошо и то, а вѣдь возможно, что и совсѣмъ не будутъ расчищать, исковыряютъ всю гору по поверхности, завалятъ всю ее обломками, и тогда уже приступить къ расчисткѣ ея будетъ прямо невозможно. Мы ходимъ по горѣ и осматриваемъ эти ямы, въ которыхъ выламывается камень. Обыкновенно отдѣляютъ кусокъ камня отъ всей породы посредствомъ взрыва порохомъ, примитивнѣйшій способъ, да и съ нимъ не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, управляться, по крайней мѣрѣ, разсказываютъ, что нерѣдко весь зарядъ пропадаетъ даромъ и камень раскалывается на никуда не пригодные куски.

Для демонстраціи работъ дѣлаютъ взрывъ и при насъ: проколотили въ камнѣ дыру, засыпали въ нее фунта $1^{1}/_{2}$ пороху, вставили сверху ружейный стволъ, имъ же наполненный, и заколотили свободное пространство вокругъ него щебенкой, а наверхъ ствола положили трутъ и зажгли. Насъ предупредили, что при взрывѣ осколки могутъ разлетѣться далеко, съ большою силой, и мы отошли къ сторонѣ, откуда и наблюдали дѣйствіе взрыва; всѣ также разбѣжались отъ заряженной ямы; довольно долго ждали мы, пока огонь трута дойдетъ до пороха, наконецъ, въ ямѣ что-то грохнуло, бѣлое облако взвилось надъ нею и со всѣхъ сторонъ устремился туда народъ. На этотъ разъ

Ломка камня на брусяно-точильной горѣ

взрывъ былъ чрезвычайно удаченъ, камень отдѣлился именно такъ, какъ было надо. Такой оторванный камень разбиваютъ затѣмъ на куски нужной величины клиньями и балдой, здоровымъ кузнечнымъ молотомъ, и раздѣляютъ, въ концѣ концовъ, на пласты. Эти-то пласты и обдѣлываются въ точила и бруски при помощи небольшого топора такой же формы, какъ обыкновенный колунъ.

Въ старосты артели выбирается человѣкъ, который знаетъ и какъ надо взрывать, и какъ раскалывать камень и дѣлить его на пласты, и уже всѣ подчиняются въ этомъ его авторитету. На долю остальныхъ членовъ остается обдѣлка точилъ и выдѣлка брусковъ изъ мелкихъ камней. Въ общемъ, и при такихъ примитивныхъ способахъ выдѣлки, обходясь болѣе балдой, сохранившей свои права со временъ царя Михаила Өеодоровича, все-таки выработывается здѣсь точилъ и брусковъ на солидныя суммы; если принять данныя земской управы, что точилъ ежегодно выдѣлывается отъ 10 до 15 тысячъ пудовъ и брусковъ отъ 300 до 350 тысячъ штукъ, то это выйдетъ на сумму отъ 17 до 22 тысячъ, такъ какъ точила продаются по цѣнѣ 60 коп. за пудъ крупныхъ точилъ и 70 коп. за пудъ мелкихъ, а бруски по 3—4 коп. штука. Конечно, при такой богатой и огромной залежи брусяного камня могло бы выработываться его на гораздо большія суммы, если бы бросить клинья да балды и обратиться къ современнымъ машинамъ, но самимъ крестьянамъ до этого не дойти долгое еще время, а между тѣмъ, камень и бруски, выработываемые здѣсь, отличаются очень высокимъ качествомъ и большая часть ихъ идетъ за границу, вся же Россія, обладательница этой горы, пользуется искусственными брусками заграничной выдѣлки.

Сейчасъ гора съ 1903 года, какъ называютъ ее здѣсь, „вольная", т. е. всякій изъ крестьянъ вышеупомянутыхъ четырехъ волостей имѣетъ право приходить сюда и работать, сколько и гдѣ ему угодно, конечно, и цѣна получается, вслѣдствіе этого, тоже вольная и колеблется въ зави-

симости отъ количества выработаннаго продукта; ранѣе же гора сдавалась въ аренду и цѣны тогда устанавливались постоянныя, но, въ общемъ, условія, заключавшіяся съ арендаторами, предоставляя послѣднимъ всѣ права и льготы, собственникамъ горы предоставляли одно единственное право—работать. Слѣдствіемъ такихъ ловкихъ договоровъ и явилась порча горы заваливаніемъ отбросами и безпорядочная ея разработка.

Камень, выламываемый изъ горы, раздѣляется на 2 сорта—поверхностный и почвенный, глубже лежащій; онъ по качествамъ, какъ говорятъ, много лучше заграничнаго, и, къ несчастію, заваливаніе горы, главнымъ образомъ, препятствуетъ добыванію именно этого почвеннаго камня. Судя по характеру этихъ ломокъ и по качествамъ Печорскихъ брусковъ, они тождественны съ Арканзасскими, и весьма вѣроятно, что на большихъ глубинахъ и здѣсь будутъ попадаться тѣ прослойки, изъ которыхъ выдѣлываются извѣстные „Арканзасскіе бруски", продаваемые по 5 руб. за фунтъ.

Заработокъ рабочаго въ лѣтній день, какъ сами они разсказываютъ, доходитъ до 4 рублей. Выработанный матеріалъ вывозится на берегъ Печоры въ „Усть-вою" и грузится тамъ на баржи скупающихъ въ настоящее время всѣ продукты горы чердынскихъ купцовъ Алиныхъ съ тѣмъ, чтобы осенью отвезти его на Якшу. За вывозку платится по 5 коп. съ пуда, такъ что на хорошей лошади заработываютъ въ день до 5 руб.

Слыша о такихъ заработкахъ, невольно зарождается въ головѣ мысль о Соплясской горѣ, которая въ настоящее время совершенно не разработывается, вѣроятно, потому, что работать на ней некому. Теперь было бы совершенно умѣстно возвратиться къ положенію, созданному указомъ Императрицы Елизаветы, и вернуть работающихъ въ Войской горѣ на Соплясскую, а первую слѣдовало бы отдать въ пользованіе будущихъ переселенцевъ сюда—и это было бы имъ такимъ подспорьемъ, которое совершенно освободило бы правительство отъ обязанности поддерживать ихъ на первое время. А такъ-то, какъ сейчасъ, Соплясская гора пропадаетъ совершенно задаромъ. Начинать разработку Соплясской горы и продолжать на Войской на такихъ основаніяхъ, какъ производится это въ настоящее время, конечно, не слѣдуетъ, необходимъ надзоръ за горами, чтобы избѣжать постепеннаго сведенія всего дѣла на нѣтъ, какъ это происходитъ теперь на Воѣ.

Пробираясь по горѣ между кучъ мусора и ямъ, мы забрались въ уголъ ея, куда особенно ударяли лучи солнца и накаливали камни до того, что о нихъ можно было обжечься. Тутъ насъ поразилъ странный запахъ не то нефтью, не то асфальтомъ, который нисколько не удивлялъ сопровождавшихъ насъ. Оказывается, запахъ этотъ—явленіе тутъ обычное, и они сейчасъ показали намъ, откуда

онъ и происходитъ: тутъ находятся залежи горючаго сланца, пропитаннаго какою-то густою жидкостью темнаго цвѣта, собирающеюся каплями между слоями; камни эти горючи, мы зажигали ихъ и они горѣли, коптя и съ сильнымъ запахомъ. Нѣсколько штукъ ихъ мы взяли съ собою на пароходъ, но такъ и не могъ И. М. Шемигоновъ съ помощью очень скромной походной лабораторіи опредѣлить, что это такое; при накаливаніи пропитывающее ихъ вещество перегонялось и на концѣ трубки выдѣлялся газъ съ сильнымъ нефтянымъ запахомъ, загоравшійся отъ спички, а на стѣнкахъ трубки осаживались капли какой-то желтоватой и гораздо менѣе густой жидкости. Болѣе мы ничего сказать не можемъ, взять же съ собою камней побольше для серьезнаго изслѣдованія было нельзя— пропитывающая ихъ жидкость какъ-то весьма быстро испарялась, и И. М. Шемигонову пришлось, забравши съ собой порядочно этого сланца, удовольствоваться для опыта какими-нибудь нѣсколькими ея каплями.

Между тѣмъ, изслѣдованіе этого горючаго сланца существенно необходимо. Дѣло въ томъ, что одна изъ партій экспедиціи инженера Попова, обслѣдовавшей нынѣшнимъ лѣтомъ водные пути нефтеноснаго и смежныхъ съ нимъ районовъ, нашла горючіе сланцы на р. Вымѣ и изслѣдовала ихъ, причемъ, по анализу профессора Шредера, въ нихъ оказалось 30,24% парафина, а это—такой продуктъ, присутствіе котораго даетъ этимъ сланцамъ право на полное вниманіе къ себѣ. Въ настоящее время вездѣ, гдѣ требуется парафинъ хорошаго качества, приходится пользоваться шотландскимъ, обходящимся 10—12 руб. за пудъ, а, можетъ быть, нашъ парафинъ съ Выма или съ Войской горы и качествомъ ничѣмъ не хуже шотландскаго, и находится въ количествѣ совершенно достаточномъ для русской промышленности. Возможно, что въ результатѣ изслѣдованія этихъ сланцевъ окажется необходимость ихъ разработки для того, чтобы не переплачивать намъ за заграничный продуктъ, когда у самихъ находятся огромныя его залежи. Вопросъ объ этомъ является, такимъ образомъ, существенно важнымъ и его надо бы рѣшить, по возможности, скорѣй.

Около горы, въ одной верстѣ по р. Воѣ, находится интересный источникъ, о которомъ мы раньше еще слышали, что будто бы грязь, собирающуюся около него, зыряне употребляютъ для отравы крысъ и мышей, почему мы заинтересовались имъ и взяли съ собой пробу воды и грязи его для анализа. Потомъ взяли, для той же цѣли, воду и грязь изъ источника у самой брусяной горы. Анализъ, произведенный впослѣдствіи управляющимъ Вельскимъ казеннымъ лѣсотехническимъ заводомъ, инженеръ-технологомъ г. Киблеръ, далъ слѣдующіе результаты; кстати, уже приведу и результаты анализа воды, взятой изъ источника у скалы Юмачъ на Щугорѣ, произведеннаго Киблеромъ же.

№№	Вещества	Химическая формула.	Миллиграммы на одинъ литръ:		
			Вода изъ источника съ Щугора № 1.	Вода изъ источника у брусяной горы № 2.	Вода изъ источника въ одной верстѣ отъ горы № 3.
1	Сѣроводорода	H_2S	Нѣтъ.	Нѣтъ.	37,4
2	Амміака	NH_3	Нѣтъ.	1	Нѣтъ.
1	Хлористаго натрія	$NaCl$	165,9	473,09	1354,94
2	„ калія	HCl	41,6	220,66	451,31
3	Углекислаго кальція	$CaCO_3$	155,19	—	—
4	„ магнія	$MgCO_3$	109,62	—	216,30
5	Извести	CaO	—	108,9	
6	Магнезіи	MgO	·	90,0	—
7	Сѣрнокислаго кальція . . .	$CaSO_4$	—	—	268,29
8	„ магнія	$MgSO_4$	—		102
9	Силикатовъ	SiO_2	—	—	12,3
10	Глинозема.	Al_2O_3	—	—	20
	Общая жесткость воды . .	—	16°	23,49°	26°
	Кислорода требуется для окисленія органическихъ веществъ	—	3,58	5,2	23,91

Изъ этихъ данныхъ можно вывести слѣдующія заключенія: вода № 1 не особенно загрязнена и не особенно жестка, № 2 содержитъ много органическихъ веществъ, известь и магній находятся въ соединеніи съ органическими веществами, вода плохого качества; № 3 очень жесткая, содержитъ много минеральныхъ веществъ и сѣроводорода. При качественномъ анализѣ грязи подъ № 2, найдены *Fe*, *Ca*, *Mg*, *Na* и *K* и изъ минеральныхъ кислотъ: соляная HCl и слѣды H_2SO_4, другихъ же металловъ и кислотъ не было найдено. Главная масса грязи состояла изъ органическихъ веществъ и желѣза, причемъ было какое-то органическое вещество съ весьма сильнымъ непріятнымъ запахомъ, растворимое въ водѣ и соляной кислотѣ съ темно-желтымъ цвѣтомъ и проходившее черезъ весь систематическій анализъ. При раствореніи грязи въ азотной кислотѣ это органическое вещество разлагалось. Опредѣлить его средствами завода было нельзя и, кромѣ того, количество грязи для этого оказалось бы мало.

При качественномъ анализѣ грязи № 3, найдены *Fe, Al, Ca, Mg, Na* и *K* и кислоты: сѣрная H_2SO_4, соляная HCl и угольная CO_2, сѣроводорода H_2S, очень много сѣры *S* и небольшое количество органическихъ веществъ. Главная масса грязи состояла изъ свободной сѣры съ примѣсью небольшого количества указанныхъ минеральныхъ веществъ. Этимъ большимъ количествомъ свободной сѣры и объясняется, вѣроятно, употребленіе этой грязи для отравы мышей.

Осмотрѣли мы гору и отправились обратно въ Усть-вою на пароходъ, рѣшивъ доѣхать до границы Архангельской губерніи еще верстъ 40 внизъ по Печорѣ. Луга все болѣе отвоевываютъ себѣ мѣста у лѣса, онъ почти совсѣмъ отошелъ отъ рѣки, и по берегамъ ея раскидываются все луга, гдѣ совершенно чистые, гдѣ заросшіе кустарниками и купами деревьевъ. Самая рѣка страшно широка, громадное водное пространство протянулось далеко впередъ, а берега со своими лугами и отдаленными лѣсами тянутся по бокамъ какими-то тоненькими полосками.

Проѣзжаемъ деревни Березовку и Позориху, а у послѣдней деревни нашей губерніи „Борисъ-динъ-костъ“ долго любуемся открывающеюся отсюда дивной картиной: далеко за лугами и кустами, идущими за деревней, синіе лѣса замыкаютъ горизонтъ, а за ними голубыя въ тѣняхъ и лиловатыя на солнцѣ встаютъ испещренныя полосами снѣговъ цѣпи горъ, среди которыхъ величаво поднимается остроконечная вершина „Сабли“. И безъ конца протянулись горы эти къ югу, всѣ вершины Уральскія видны отсюда, и самъ „Тэлъ-позъ-изъ“ далеко-далеко едва обозначается синимъ воздушнымъ силуэтомъ.

Доѣхали мы до границы и, медленно завернувшись, пошли обратно вверхъ по Печорѣ, наслаждаясь впечатлѣніемъ шири и свободы, какое производитъ здѣсь эта могущественная рѣка. Противъ самой деревни „Борисъ-динъ-костъ“ раскинулся на ней очень длинный островъ, покрытый лугами по берегамъ и лѣсомъ по срединѣ, и вообще здѣсь по Печорѣ много песчаныхъ острововъ, частью луговыхъ, частью лѣсныхъ, что дѣлаетъ ее еще шире и величественнѣе, а долина ея тутъ прямо поражаетъ своею шириной: ея возвышенные края чуть видимы вдали, а въ иныхъ мѣстахъ совершенно теряются. На правомъ берегу долина Печоры, повидимому, сливается съ долиной „Патока“, текущаго съ хребта „Сабли“ почти параллельно Печорѣ и навстрѣчу ей; по крайней мѣрѣ, тутъ до самыхъ встающихъ на горизонтѣ горъ никакихъ возвышенностей незамѣтно.

Къ вечеру почти все небо затянуло облаками, только на самомъ горизонтѣ къ сѣверу оставили они ярко-красную чистую полосу да немного выше ея въ нѣсколькихъ разрывахъ облаковъ проглядываетъ желтое, холодное, далекое сѣверное небо. Величественная, могучая рѣка тиха и спокойна; чуть-чуть переливается она за пароходомъ лѣнивою зыбью, потревоженная ударами его колесъ, и въ этой зыби

Печора.

медленно колеблются и красные, и золотые, и лиловые тоны заката. Еловые лѣса по берегамъ, темные на фонѣ зари, почти черные, вонзились стрѣлами въ рѣку и ихъ перебитыя волнами парохода отраженія качаются на водѣ и длинными полосами бѣгутъ за нами. Лента коричневаго дыма протянулась надъ нашимъ слѣдомъ и медленно расходится въ неподвижномъ воздухѣ.

На кормѣ собрались матросы и стражники, и Антоновъ разсказываетъ имъ о своемъ пребываніи въ Портъ-Артурѣ. Онъ служилъ на эскадренномъ броненосцѣ „Побѣда" и въ злополучный выходъ эскадры,

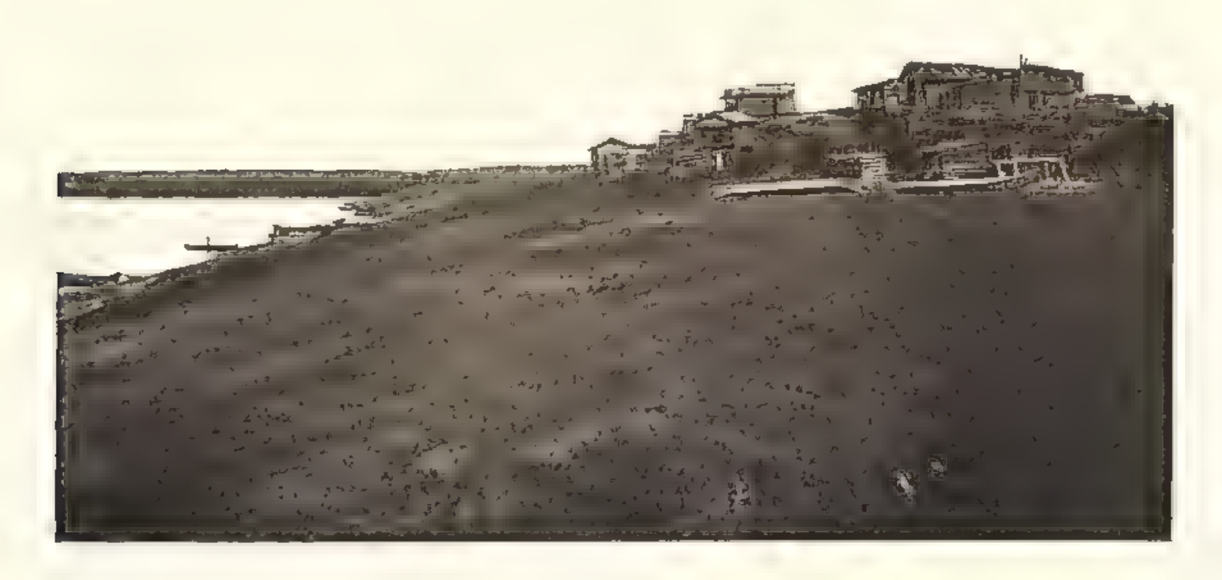

Печора у границы Архангельской губерніи.

когда погибли Макаровъ и Верещагинъ, ихъ броненосецъ шелъ непосредственно за „Петропавловскомъ". На его глазахъ осѣлъ этотъ колоссъ, взорванный неизвѣстно чьей миною, носомъ въ волны и черезъ нѣсколько минутъ лишь воронка воды показывала то мѣсто, гдѣ только что шелъ, гордо разсѣкая волны, могущественный броненосецъ. Антоновъ участвовалъ и въ томъ несчастномъ выходѣ эскадры, когда мы сами ушли отъ своей побѣды, пробылъ всю осаду, видя гибель родныхъ судовъ, и былъ въ плѣну.

Умирающій день и всегда располагаетъ человѣка къ невеселымъ думамъ, а закатъ съ затянутымъ мрачными облаками небомъ, среди безконечной водной глади, въ безмолвной пустынѣ, да еще разсказы Антонова и прямо наводятъ тоску на душу; тѣмъ радостнѣе встрѣчаешь тихое, теплое, жизнерадостное утро, отъ котораго всѣ вечернія мрачныя мысли уходятъ куда-то далеко-далеко; не даютъ имъ оставаться облитые солнечнымъ свѣтомъ песчаные острова, ярко желтѣющіе на темномъ синемъ фонѣ чуть зыблющейся рѣки, весь пронизанный солнечными

лучами лѣсъ, мѣрными взмахами кружащіяся надъ рѣкою крачки; долго высматриваютъ онѣ свою добычу, бросаются, какъ камень, въ

Село Подчерье.

воду, взмываютъ опять кверху, и брызги съ ихъ крыльевъ искрами сверкаютъ на солнцѣ, съ береговъ доносится несмолкаемое пѣніе жаворонковъ, все живетъ и радуется, не думая о томъ, на что наводитъ мысли закатъ—смерть дня.

Мы подъѣзжаемъ къ селу Подчерью, останавливаемся брать дрова и, по заведенному обычаю, пользуясь этимъ временемъ, отправляемся въ село. Мрачнымъ показалось оно намъ, когда мы ѣхали мимо него внизъ, а теперь, наоборотъ, оно имѣетъ праздничный и веселый видъ: весь берегъ страшно оживленъ, на водѣ стоятъ лодки, отъ нихъ къ селу и обратно все время движутся группы людей—это подчерскіе жители собираются въ походъ, все село отправляется на Щугоръ ловить рыбу, и сейчасъ идетъ дѣятельная нагрузка снастей и провіанта. Прошли мы по селу, посмотрѣли и церковь, изъ-за которой было здѣсь столько непріятностей. Всѣ здѣшніе жители староверы-безпоповцы, и когда рѣшено было почему-то выстроить въ Подчерьѣ церковь, они подали заявленіе о томъ, что она имъ не нужна, но, если, несмотря на это, все-таки хотятъ ее выстроить, они отвели для нея мѣсто нѣсколько поодаль отъ села; то лице, которому поручена была постройка этой церкви, имени его не назову, мѣстомъ этимъ не удовольствовалось и выстроило ее на самомъ старовѣрскомъ кладбищѣ, чѣмъ, съ ихъ точки зрѣнія, его осквернило и навсегда закрыло подчерцамъ доступъ къ могиламъ родныхъ. Дѣйствительно, кладбище это сейчасъ представляетъ собою непривлекательную картину разрушенія: могилы обваливаются.

кресты подгнили и упали, навалены какія-то гнилыя бревна, и убрать это все и привести въ порядокъ некому; при церкви есть священникъ и псаломщикъ, болѣе нѣтъ никого, даже и сторожа найти нельзя.

На пароходѣ къ губернатору являлся мѣстный священникъ (единовѣрческій), молодой еще человѣкъ, попечаловаться на свою несчастную судьбу; разсказы его и самая наружность, свидѣтельствующая о невеселомъ его житьѣ, производятъ удручающее впечатлѣніе. По его словамъ, результатомъ насильственной постройки церкви на подчерскомъ кладбищѣ явилась непримиримая ненависть подчерцевъ къ ней и ея служителямъ, прихожанина нѣтъ ни одного, богослуженіе совершается въ пустой церкви. Когда развалилось крыльцо, чинить его пришлось самому священнику съ псаломщикомъ, такъ какъ никто изъ подчерцевъ не пошелъ работать, никто ничего не продаетъ причту. Интересно то, что въ разговорахъ съ подчерцами мы слышали отъ нихъ очень хорошіе отзывы о священникѣ, какъ о человѣкѣ, но, тѣмъ не менѣе, они относятся къ нему, какъ къ служителю ненавистной имъ теперь церкви, ужасно непріязненно.

Ѣдущій съ нами лѣсничій разсказываетъ, что онъ видѣлъ этого священника, когда тотъ только еще проѣзжалъ сюда; это былъ человѣкъ молодой, жизнерадостный, полный силъ. Вѣроятно, не добромъ вспоминаетъ онъ иниціатора этой затѣи, да и стоитъ, конечно. Интересно бы подумать нѣкоторое время мозгами этого строителя и прослѣдить его мысли, когда онъ додумывался до необходимости выстроить церковь на подчерскомъ кладбищѣ и сею разумною мѣрой насадить и

Село Подчерье.

упрочить православіе среди старовѣровъ, интересно бы ознакомиться и съ его взглядами на миссіонерскую дѣятельность. Неужели такъ трудно было додуматься до простой мысли, что насильственной постройкой отношенія между старовѣрскимъ приходомъ и причтомъ будутъ въ конецъ испорчены и что гораздо проще придти къ соглашенію мирнымъ путемъ.

Вотъ гдѣ могли бы имѣть громадное значеніе монастыри; именно здѣсь они могли бы оказать огромное и культурно-экономическое и христіанско-нравственное вліяніе. Мы уже видѣли на примѣрѣ Кылтовскаго монастыря, заброшеннаго въ такія же пустыни Яренскихъ лѣсовъ, какіе плоды можетъ принести разумно поставленная работа, какъ быстро благодаря ей обращаются въ культурныя земли заброшенные, ничего, казалось бы, не обѣщающіе мховыя болота и лѣса, какое благотворное вліяніе оказываетъ она на населеніе, пріучая его къ правильному веденію хозяйства; видѣли мы и Ульяновскій монастырь, разсѣвающій черезъ своихъ работниковъ по обѣтамъ сѣмена сельскохозяйственныхъ знаній.

Здѣсь, на Печорѣ, культурно-экономическое вліяніе монастыря было бы еще желательнѣе, онъ могъ бы дать краю ту иниціативу, недостатокъ которой такъ пагубно отзывается на всѣхъ отрасляхъ здѣшняго хозяйства; благодаря теперешнему отсутствію путей сообщенія и отрѣзанности Печоры отъ всей Россіи, здѣшнему жителю негдѣ взять знаній и примѣровъ, которые могли бы поднять его примитивное хозяйство, негдѣ научиться какому-нибудь ремеслу, такъ какъ на Печорѣ ремесленниковъ почти нѣтъ; монастыри вполнѣ могли бы восполнить этотъ недостатокъ, отъ нихъ, какъ отъ отдѣльныхъ ячеекъ, вкрапленныхъ въ дикія Припечорскія пустыни, понемногу расплывались бы, подкрѣпленныя примѣромъ, и знанія, и культура, пока не слились бы эти расплывающіяся пятна и не заполнили бы собою весь Печорскій край. А какую бы миссіонерскую роль они могли съиграть,—вѣдь они не были бы подобны убогимъ здѣшнимъ церквамъ, въ которыхъ населеніе видитъ только угнетеніе и униженіе православія; напротивъ, будучи независимыми отъ этого населенія, они могли бы такъ поставить себя, что расколъ видѣлъ бы въ нихъ православіе во всей его мощи и силѣ и склонился бы передъ нимъ, какъ поневолѣ теперь православіе склоняется передъ расколомъ, не ненависть бы тогда возбуждали они къ себѣ, а уваженіе и признаніе превосходства, а отсюда уже одинъ только шагъ и до конечной цѣли миссіонерства. Монастыри тутъ могли бы имѣть и теперь то значеніе, можетъ быть, остатками котораго жива еще до сихъ поръ Россія. Насадить здѣсь ихъ и труда-то особаго нѣтъ, стоитъ только обязать монастыри столичные, совершенно утратившіе уже тамъ то значеніе, какое когда-то имѣли, устроить здѣсь свои отдѣленія, которыя, собственно, и были бы важны, а самые столичные монастыри оправдывали бы свое существованіе, будучи

проводниками средствъ изъ центровъ въ эти отдаленные края, среди которыхъ отдѣленія ихъ дѣлали бы свое культурное и миссіонерское дѣло.

Отъ Подчерья до Савиноборскаго Печора идетъ все время такая же широкая, покрытая песчаными островами, заросшими мягкими купами кустовъ; настоящаго лѣса нѣтъ, онъ отошелъ куда-то далеко, а по берегамъ все время идутъ кусты и луга, и только кое-гдѣ по этой равнинѣ высятся отдѣльные перелѣски, поэтому ширь здѣсь страшная. И по долинѣ, и по берегамъ ползутъ тѣни бѣгущихъ по небу облаковъ, темными дѣлаются еловые лѣса подъ ними, и сразу пропадаетъ въ нихъ и жизнь, и игра красокъ.

Печора 50 в. ниже с. Савиноборскаго.

А къ вечеру вся эта необъятная ширь затихаетъ, синія тѣни ложатся на лѣса, даль становится лиловой и тонетъ въ туманѣ, ближніе деревья и песокъ береговъ и островов загораются подъ красными лучами заходящаго солнца, вода становится какъ зеркало, ни малѣйшаго вѣтерка не проносится въ воздухѣ. Тишина и миръ спускаются на землю и умиротворяютъ душу. Такъ и кажется, что вотъ сейчасъ за поворотомъ выглянетъ бѣлая церковь съ освѣщенной послѣдними лучами солнца верхушкой колокольни, черкнутъ стрижи со своимъ мелодичнымъ свистомъ и потекутъ надъ рѣкой волны колокольнаго звона, будя засыпающіе берега, — но нѣтъ, это только кажется, и ждетъ этого душа напрасно: дика и пустынна могучая сѣверная рѣка, на десятки верстъ раскинуты по ней деревни и на сотни верстъ села; не услышитъ путникъ, ѣдущій здѣсь, звона ея убогихъ церквей, не порадуетъ взоровъ его оживленная картина большого села, ждетъ еще Печора народа, который придетъ оживить ея пустынные берега.

Горитъ неугасающая заря на сѣверѣ, легкія облачка залегли на закатѣ, на востокѣ встаетъ луна и длиннымъ столбомъ колеблется ея отраженіе въ чуть зыблющейся отъ легкаго предутренняго вѣтерка

заставляетъ относиться къ его словамъ съ довѣріемъ, да намъ пришлось и отъ всѣхъ слышать то же самое, говорили даже съ увѣренностью, что мы доѣдемъ на пароходѣ до самой Ляги.

Кромѣ этого, Илычъ интересовалъ насъ и съ другихъ еще сторонъ; во-первыхъ, какъ тотъ путь, которымъ и сейчасъ уже существуетъ нѣкоторое соединеніе Печорскаго края съ Сибирью и была проэктирована Сибиряковымъ дорога и, во вторыхъ, потому, что, какъ показали изслѣдованія Скаковскаго и экспедиціонныя, по Илычу расположены самые лучшіе лѣса Печорскаго бассейна Вологодской губерніи. Такимъ образомъ, Илычъ представлялъ для насъ интересъ съ трехъ сторонъ: какъ водный путь къ Уралу, какъ часть пути между Печорскимъ краемъ и Сибирью и какъ рѣка, прорѣзавшая лучшія части лѣса Печорскаго лѣсничества.

Ѣдущій съ нами А. Ф. Вроблевскій, производившій для Сибирякова изысканія пути съ Печоры на Сосву черезъ Илычъ, даетъ намъ объ этомъ самыя подробныя свѣдѣнія, занесенныя имъ въ свои записки, и даже демонстрируетъ карту пройденныхъ имъ путей, которою любезно разрѣшаетъ воспользоваться. По его словамъ, проэктировалъ онъ дорогу эту такимъ образомъ (см. карту III): Илычъ онъ считаетъ безусловно судоходнымъ, если произвести въ немъ нѣкоторыя расчистки, для зимняго же времени находитъ нужнымъ начать дорогу отъ поселка на Илычѣ „Сарь-ю-динъ" и вести ее по правому берегу, избѣгая всѣхъ излучинъ рѣки, до впаденія притока „Егра-ляга", гдѣ и слѣдуетъ поставить пристань; вся эта дорога будетъ равняться 80 верстамъ. Хотя „Егра-ляга" и значительная рѣчка, и ею пользуются въ настоящее время, какъ воднымъ путемъ, пробираясь до существующей на ней Остяцкой пристани, въ 35 верстахъ отъ устья, но пользованіе это сопряжено съ большими неудобствами въ малую воду, почему Вроблевскій и считаетъ нужнымъ отойти уже тутъ отъ воднаго пути и отъ устья „Егра-ляги" направиться прямо къ Уралу. Направленіе имъ избрано исключающее необходимость переваливать коренной хребетъ: въ своихъ странствованіяхъ Вроблевскій наткнулся на такое мѣсто, гдѣ коренной Уралъ перерѣзала поперечная трещина саженъ въ 50 шириною, въ которой залегло болото, дающее начало рѣчкамъ, впадающимъ и въ „Егра-лягу" Печорской системы и въ притоки „Сосвы" Обской системы. Этою-то трещиной, упоминаемою и въ пограничныхъ изслѣдованіяхъ Гофмана, произведенныхъ въ 47—50 годахъ 19-го вѣка, и проэктируетъ онъ свою дорогу, которая, выйдя изъ нея уже на азіатской сторонѣ Уральскаго хребта, обогнувъ вершину „Мань-квотъ-нэръ", направляется сперва вдоль теченія р. „Хунъ-тынь-я", притока р. „Лобъсинь-я", затѣмъ пересѣкаетъ эту послѣднюю и устремляется уже къ Сосвинской пристани Сибирякова у впаденія въ Сосву р. „Не-ись-я". Весь этотъ путь отъ устья „Егра-ляги" и до Сосвы равенъ 120 верстамъ. Таковъ проэктъ Вроблевскаго и онъ это направленіе считаетъ

самымъ выгоднымъ и удобнымъ, несмотря на то, что существуетъ имъ же проэктированный въ видѣ варіанта путь болѣе короткій, съ переходомъ черезъ хребетъ по линіи отъ впаденія въ „Егра-лягу" притока ея „Чупада-вожъ" черезъ перевалъ у горы „Мань-квотъ-нэръ", къ р. „Хунъ-тынь-я".

Разсказывая намъ о своихъ изысканіяхъ, А. Ф. Вроблевскій попутно разсказываетъ и о природѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ему пришлось бродить, выискивая подходящія условія для дороги, и онъ съ восторгомъ вспоминаетъ объ Илычѣ и особенно о верхнемъ его теченіи, гдѣ онъ идетъ параллельно Уралу; по его словамъ, это все прекрасныя мѣста для заселенія; великолѣпные луга верхняго теченія Илыча и его

Печора въ 20 в. выше Троицко-Печорскаго. Островъ „Веда-ды".

притоковъ, прекрасныя альпійскія пастбища по склонамъ Урала только ждутъ человѣка, который пришелъ бы и поселился тутъ; сейчасъ тамъ есть въ самыхъ верховьяхъ Илыча нѣсколько отдѣльныхъ, никому неизвѣстныхъ поселеній раскольниковъ, такъ называемыхъ киржаковъ, пробравшихся туда, вѣроятно, по р. Подчерему, верховья котораго совершенно сходятся съ верховьями Илыча. Что по самому Илычу дѣйствительно мѣста для переселенія подходящія, это доказывается тѣмъ, что онъ естественнымъ образомъ заселяется все дальше и дальше, по немъ уже сейчасъ существуетъ село при устьѣ и 5 деревень, раскинувшихся на протяженіи 92 верстъ отъ устья по его теченію, остальныя же его верстъ 200 текутъ пустыней, если не считать никому неизвѣстныхъ, таинственныхъ киржаковъ, ютящихся въ его верховьяхъ. Такое заселеніе ясно указываетъ на благопріятныя условія по Илычу, въ особенности если сопоставить это съ тѣмъ фактомъ, что сама Пе-

чора въ верхнемъ своемъ теченіи не заселяется и тамъ въ предѣлахъ Вологодской губерніи только и есть одна деревня „Порогъ“, въ 118 верстахъ выше Троицко-Печорскаго.

Печора выше Троицко-Печорскаго характера своего не мѣняетъ замѣтно; берега такіе же невысокіе относительно (опять повторяю это, потому что берега кажутся невысокими при ея ширинѣ и по невольному сравненію съ берегами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подступаютъ къ рѣкѣ горы, безотносительно же они все-таки высотою саженъ 5—10, но высота эта при ширинѣ рѣки около 200 саж., совершенно скрадывается). По берегамъ тянутся отдѣленные отъ рѣки покосами лѣса, среди которыхъ гдѣ вкраплена только лиственница, гдѣ засѣла и цѣлыми рощами, но преобладаетъ надо всѣмъ ель; сама рѣка, плавная и полная, настолько тиха сегодня, что представляетъ собою положительно зеркало въ рамкѣ изъ великолѣпныхъ покрытыхъ остожьями покосовъ; то они тянутся узкою полосою, то раскидываются лугами, за которыми щетинятся ельники или курчавятся лиственные лѣса.

У впаденія съ праваго берега р. Шаръ-ляги видны какія-то заброшенныя постройки, такъ называемая „шведская пристань“, память о работавшей здѣсь шведской лѣсопромышленной компаніи „Stella polaris“.

На половинѣ пути между Троицко-Печорскимъ и устьемъ Илыча на Печорѣ есть большой порогъ „Конашъ-порогъ“, существующій уже много лѣтъ; никакихъ данныхъ на то, чтобы тутъ существовать порогу, не имѣется: ни горъ, ни камней не видно, а, между тѣмъ, порогъ есть и намъ пришлось самымъ печальнымъ образомъ убѣдиться въ его существованіи. Фарватеръ знаетъ, и то очень приблизительно, только лѣсничій А. А. Гайдукъ, который и указываетъ мѣста, гдѣ надо соблюдать особую осторожность, болѣе фарватера никто не знаетъ, но нашъ лоцманъ Ванька-Зинька (почтенный сѣдовласый старичекъ) дѣлаетъ видъ, что ему-то фарватеръ даже очень хорошо извѣстенъ и ведетъ пароходъ такъ, будто онъ весь вѣкъ свой только и дѣлалъ, что правилъ пароходами по Печорѣ.

На „Конашъ-порогѣ“ результатъ незнанія фарватера получился неожиданный и печальный: пароходъ нашъ запрыгалъ, заскрежеталъ своимъ желѣзнымъ дномъ о камни и сталъ. Торопливая бѣготня, поднявшаяся тотчасъ же, и тревожные возгласы показывали, что произошло что-то побольше простого налёта на мель, и черезъ минуту стало извѣстно, что въ машинномъ отдѣленіи бьетъ изъ полу фонтанъ, дно парохода оказалось пробитымъ примѣрно на квадратую четверть аршина и въ эту пробоину стремительно вливалась вода. Тотчасъ же, конечно, приняли мѣры и началось запластыриваніе образовавшейся дыры, кончившееся только поздно вечеромъ, когда мы и могли двинуться далѣе.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этой аваріи было смѣщеніе Ваньки-Зиньки съ лоцманскаго поста, и водвореніе на его мѣсто какого-то

молодого малаго, болтающаго непрестанно и прекращавшаго свою болтовню только на краткіе промежутки времени, когда онъ ѣлъ или пилъ. Ванька-Зинька все больше молчалъ и хотя этимъ импонировалъ намъ и не возбуждалъ къ себѣ недовѣрія, увидавъ-же у рулевого колеса этого таранту, безпрерывно что-то лопочащаго, мы стали ожидать и еще худшей катастрофы, но, конечно, подчинялись Николаю Ивановичу, вершителю лоцманскихъ судебъ, какъ хозяину парохода.

А Николай Ивановичъ съ особою внимательностью плыветъ здѣсь, зоркіе глаза его всматриваются во всякую мелочь, все замѣчаютъ и взвѣшиваютъ. Онъ, какъ ижемецъ, незнакомый еще съ Вологодскою Печорой, смотритъ на нее теперь, какъ на будущій районъ своей дѣятельности; желая установить срочное пароходство по верхней Печорѣ, ижемская артель, конечно, имѣетъ въ виду развитіе тутъ своей торговой дѣятельности, и не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что, когда появятся здѣсь ижемцы, допотопные чердынскіе купцы съ ихъ клиньями, балдами и неуклюжими барказами будутъ сметены отсюда и никакіе капиталы не помогутъ имъ задавить смѣлаго, рѣшительнаго и талантливаго противника. Изъ разговоровъ съ Николаемъ Ивановичемъ мы уже составили себѣ нѣкоторое понятіе о задачахъ, намѣреніяхъ и замыслахъ ижемцевъ и мы предвидимъ, что результатомъ появленія ихъ на вологодской Печорѣ будетъ переходъ печорцевъ изъ рукъ чердынцевъ въ руки ижемцевъ, и намъ кажется, что переходъ этотъ для здѣшнихъ жителей будетъ благопріятенъ и потому, что конкуренція, являющаяся слѣдствіемъ предполагаемаго похода ижемцевъ на вологодскую Печору, повлечетъ за собою пониженіе цѣнъ на товары и повышеніе ихъ на добываемые продукты, и потому, что ижемцы съумѣютъ, забравъ Печору въ свои руки, соблюдать и свои выгоды и давать дышать тѣмъ, кѣмъ они живутъ, а кромѣ того, ижемцы могутъ и съ другой стороны быть полезными Печорѣ: они, кажется, будутъ въ состояніи разбить ту косность, въ

Рыболовный заколъ.

которой сейчасъ Печора утонула по уши; если бы они держали въ арендѣ 25 лѣтъ Брусяную гору, вѣроятно она не была бы завалена, и давно бы отошли тамъ въ область воспоминаній клинья, балды и допотопные топоры, которыми тюкаютъ теперь на горѣ совершенно такъ же, какъ тюкали современники Минина и Пожарскаго.

Причина нашей катастрофы заключалась вотъ въ чемъ: еще не доходя до злополучнаго „Конашъ-порога", намъ пришлось пройти черезъ рыболовный заколъ; вся Печора была перегорожена отъ одного берега до другого рядомъ наклонно уставленныхъ по теченію кольевъ, съ натянутыми на нихъ сѣтями. Подходя къ этому заколу, мы сперва даже не знали, какъ и проѣдемъ черезъ него, пока, наконецъ, взбудораженные нашими свистками рыбаки не бросились на своихъ лодкахъ къ нему и не развели нѣсколько звеньевъ, образовавъ проходъ, въ который мы и прошли. Зыряне великолѣпно знали о незаконности подобной ловли, это было видно и по ихъ сконфуженнымъ физіономіямъ, и по извиненіямъ, которыя они выкрикивали, и даже предлагали рыбы въ подарокъ. Не говоря уже о незаконности такого способа рыболовства и о томъ вредѣ, какой онъ приноситъ Печорскому рыбоводству, главное-то зло его заключается въ томъ, что онъ дѣлаетъ рѣку несудоходной: для того, чтобы укрѣпить свои колья, рыбаки прикатываютъ къ нимъ массу камней и наваливаютъ ихъ у закола цѣлою поперечною плотиной, хватающею въ меженную воду почти до поверхности рѣки, а когда заколъ разбирается, никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ разобрать и эту гряду камней; съ теченіемъ времени къ ней примываетъ мелкіе камни и песокъ, и порогъ готовъ, а еще позже и мель образуется, и рѣка, при глубинѣ 6—8 четвертей, становится непроѣздной. Вотъ почему, и кромѣ его незаконности, этотъ способъ является совершенно недопустимымъ. На самомъ же дѣлѣ этимъ способомъ ловятъ здѣсь испоконъ вѣковъ и уже успѣли всю верхнюю Печору и весь Илычъ изгадить, а мѣстное начальство посиживаетъ себѣ и слова имъ не скажетъ. Ясно, что въ такомъ случаѣ рыболовы и полавливаютъ себѣ рыбку во славу Божію и молчащаго начальства, молчало же оно неизвѣстно почему; предположить, что оно не знало объ этихъ заколахъ, нельзя. Такъ вотъ на такой-то старый каменный валъ мы и налетѣли и пробили о него свое дно.

На другой же день, часовъ въ 5 великолѣпнаго лѣтняго утра, съ необсохшей еще въ тѣни росой, съ неразогнанными еще ночными туманами, съ легкимъ ласкающимъ теплымъ вѣтеркомъ мы остановились при впаденіи Илыча въ Печору, у села „Усть-Илычъ" для какихъ-то распоряженій по лѣсничеству А. А. Гайдука. Конечно мы выходимъ на берегъ и отправляемся въ село, направляясь къ церкви. Утро ли превосходное такъ дѣйствуетъ на насъ или и въ самомъ дѣлѣ село „Усть-Илычъ" обладаетъ какимъ-нибудь особымъ свойствомъ, но намъ оно кажется удивительно симпатичнымъ и веселымъ; все въ

Сліяніе Илыча и Печоры

немъ какъ-то выглядитъ весело: и небольшая деревянная церковь, и веселенькій домъ священника съ занавѣсками на окнахъ, и зырянскіе дома съ ихъ типичными амбарами-избушками на курьихъ ножкахъ.

Оказывается, мы явились здѣсь, какъ снѣгъ на голову, батюшка ждалъ насъ гораздо позднѣе и теперь ужасно сконфуженъ, что мы его застали неприготовленнаго. Помолившись въ церкви, заходимъ къ нему и за приготовленнымъ живо чайкомъ вступаемъ въ разговоры о житьѣ-бытьѣ Усть-Илычскихъ жителей. Съ неизгладившимся еще впечатлѣніемъ отъ безотрадныхъ разсказовъ подчерскаго священника, мы съ радостью слышимъ, что положеніе церкви здѣсь обратное тому, что мы видѣли внизъ по Печорѣ; тамъ вездѣ было 2—3—6 прихожанъ въ селѣ, а остальные всѣ раскольники, а въ Подчерьѣ даже и ни одного прихожанина не было, тутъ же въ „Усть-Илычѣ" во всемъ селѣ 3 раскольника, остальные же всѣ православные.

Здѣсь занимаются хлѣбопашествомъ и урожаи бываютъ прекрасные, даже до самъ 30. Прекрасно родится картофель, лукъ, кругомъ села отличные луга, на которыхъ много дикаго клевера, коровъ держатъ по 3, по 5. Живутъ крестьяне очень хорошо; это тутъ намъ разсказывалъ батюшка, сколько проживаютъ они, покупая товары у чердаковъ при ихъ проѣздѣ весною мимо села и на январской ярмаркѣ въ Якшѣ, о чемъ я уже упоминалъ выше. Заработываютъ они свои средства рыболовствомъ, охотой и главнымъ образомъ на лѣсныхъ заготовкахъ, но, къ несчастью, всѣ ихъ заработки обираютъ чердаки, продавая свои товары по необыкновенно высокой произвольной цѣнѣ. Напримѣръ, куль муки въ 9 пудовъ продается ими за 15 руб.—15 руб. 50 коп.

Потолковали мы съ батюшкой, попили у него чайку и пошли обратно на пароходъ. Выйдя на берегъ, полюбовались на сліяніе Илыча съ Печорой. Я нарочно говорю сліяніе, а не впаденіе, потому что рѣшить, кто тутъ въ кого впадаетъ, совершенно невозможно, а если говорить по справедливости, то, пожалуй, придется признать, что Печора впадаетъ въ Илычъ, а не онъ въ нее; во-первыхъ, оба они здѣсь совершенно равной ширины, во вторыхъ, если считать, что Илычъ впадаетъ въ Печору, то она изламывается здѣсь подъ совершенно прямымъ угломъ и Илычъ впадаетъ въ самую вершину этого угла, причемъ одна изъ сторонъ служитъ его продолженіемъ. Картина получается такая, что Илычъ какъ текъ до этого мѣста, такъ и продолжаетъ течь дальше, а Печора отъ впаденія его въ нее вдругъ почему-то бросается подъ прямымъ угломъ въ сторону.

Производившій здѣсь изслѣдованіе лѣсовъ ревизоръ лѣсоустройства Образцовъ такъ пишетъ въ своемъ отчетѣ: „Правильнѣе считать, что М. Печора впадаетъ въ Илычъ, чѣмъ наоборотъ, тѣмъ болѣе, что Илычъ и по характеру береговъ напоминаетъ р. Б. Печору". Въ доказательство этого онъ беретъ тотъ фактъ, что Малая Печора почти нигдѣ

Казенный сосняк на Илычѣ.

не образуетъ рѣчной долины, Илычъ же образуетъ таковую, какъ и Печора снизу до сліянія съ Илычемъ. Спорить, конечно, нечего, ибо совершенно, въ сущности, все равно, кто бы въ кого не впадалъ.

Въѣзжая въ Илычъ, дѣйствительно, не замѣчаешь никакой перемѣны противъ Печоры; тѣ же берега, заросшіе въ большинствѣ мѣшанымъ лѣсомъ съ преобладаніемъ ельника, тѣ же покосы, покрытые великолѣпной, густой травой тянутся по берегамъ, и сама рѣка той же ширины, что и Печора. Лѣса по нижней части Илыча изслѣдованы въ прошломъ году ревизоромъ лѣсоустройства Образцовымъ и вотъ какіе результаты дало это изслѣдованіе: обслѣдовано всего 167.207,7 десятины, въ томъ числѣ лѣсной почвы 160.150,1 десятины и нелѣсной 7.057,62. Подъ участками съ пиловочнымъ лѣсомъ 11,8% общей площади, подъ участками съ группами пиловочнаго лѣса 32,6% и безъ пиловочнаго лѣса 15,5%, а всего пригодной лѣсной почвы 59,9%. Непригодной лѣсной почвы 36,1%. Нелѣсную почву составляютъ угодья 0,1%, болота 2,4% и водныя пространства 1,4%. По подгарамъ на деревьяхъ установлено, что лѣсные пожары были здѣсь въ 1885, 1802, 1778, 1775, 1761, 1740 и 1732 годахъ, причемъ особенно сильными были пожары въ 1802 и 1775 годахъ. Въ зависимости отъ этого, теперь въ лѣсу или стоятъ густые одновозрастные молодняки, или оказываются насажденія двухъ-ярусныя; верхній ярусъ спѣлый, но рѣдкій лѣсъ, нижній-молодняки, пошедшіе послѣ пожара. Процентъ сухостоя для типичныхъ боровъ 9—11, для боровъ съ сырой и плотной почвой достигаетъ 33. Обслѣдованная часть дачи въ настоящее время не эксплоатируется, но г. Образцовъ высчиталъ, что при правильной эксплоатаціи она должна давать въ годъ 11.000 руб. валоваго дохода, т. е. по 6,56 коп. съ десятины. Вся обслѣдованная мѣстность имѣетъ характеръ холмистый, образуя пологія и иногда почти плоскія возвышенности вдали отъ рѣкъ и рѣчекъ, а болѣе выраженный рельефъ наблюдается вблизи послѣднихъ.

Высшая точка поверхности на 70 саж. надъ уровнемъ моря, низшая 44 сажени.

Почва песчаная, иногда супесчаная, рѣдко суглинистая, въ болотахъ залегаютъ толщи торфа, а въ долинахъ рѣкъ наблюдается наносная иловатая. И тутъ, значитъ, площадь съ пиловочнымъ лѣсомъ составляетъ 40 слишкомъ % всей площади лѣсной почвы, а 15,5 % являются

Казенный лѣсъ на Илычѣ.

въ настоящее время негодными къ эксплоатаціи потому, что на нихъ нѣтъ пиловочнаго лѣса. Сейчасъ положеніе таково и будетъ оставаться такимъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ данъ выходъ здѣшнему лѣсу, кромѣ единственнаго существующаго въ Ледовитый океанъ, также и на Вычегду, и тогда все то, что сейчасъ, не состоя на почетномъ положеніи пиловочнаго лѣса, обречено на непроизводительную гибель на корню, найдетъ себѣ употребленіе. Отъ устья Илыча всего 40 верстъ до устья Мылвы, начала возможнаго пути на Вычегду, да еще внизъ по теченію.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ замѣтно было на берегу старое катище *), мы рѣшили выйти и посмотрѣть, каковъ лѣсъ тутъ ростетъ, тѣмъ болѣе, что А. А. Гайдукъ говорилъ намъ о хорошихъ качествахъ именно здѣшняго лѣса. Берегъ казался не особенно высокимъ, наверху замѣтно было вырубленное мѣсто, гдѣ складывался зимою вывозимый лѣсъ, и отъ него полосою очищенъ до самой воды по всему склону берега проходъ для скатыванія бревенъ въ рѣку. Мы остановились посреди рѣки и отправились къ берегу на лодкѣ на комариное съѣденіе. Вотъ тутъ мы удостовѣрились, насколько глазъ обманывается при оцѣнкѣ высоты береговъ съ рѣки: то, что казалось намъ съ нея не особенно высокимъ, при ближайшемъ знакомствѣ оказалось очень крутымъ берегомъ, высотою саженъ 12—15. Понятно, что, когда ѣдешь серединой Печоры, которая у Троицко-Печорскаго имѣетъ ширины саженъ 200, а у Щугора и всѣ 320, всѣ берега кажутся низкими, и чтобы показаться имъ высокими, надо, чтобы на нихъ выходили цѣлыя горы; вотъ почему, говоря о берегахъ Печоры, я употребляю слово „относительно".

Полѣзли мы на гору, цѣпляясь за кусты и деревья, истязаемые комарами, и насилу добрались до верху. На самомъ катищѣ, томъ мѣстѣ, куда вывозятся бревна, все завалено ихъ остатками, а дальше за нимъ идетъ дѣйствительно прекрасный, ровный сосновый лѣсъ. Среди деревьевъ попадаются и очень крупныя, старыя, но не особенно высокія сосны и, вѣроятно, ихъ качества—если принять во вниманіе, что сосна здѣсь достигаетъ размѣра пиловочнаго лѣса въ 100 лѣтъ и что вершокъ по діаметру приростаетъ у шести-вершковаго бревна въ 40 лѣтъ (отчетъ Образцова)—превосходны. Такой лѣсъ тянется вдоль берега не особенно широкою полосой, и странное впечатлѣніе испытываешь, когда, пройдя эту полосу, попадаешь въ самое настоящее, заросшее сплошь багульникомъ, открытое мховое болото; взбирались, взбирались мы кверху отъ воды, поднялись саженъ на 15, и тутъ опять вода одолѣваетъ; горизонтъ болота выше горизонта рѣки minimum на 10 саженъ,—что бы могло быть проще, какъ прорыть отъ болота канаву до рѣки и спустить изъ него всю воду. Сейчасъ по этому открытому болоту только кое-гдѣ видны сосновые боры, а тогда оно, можетъ быть, и все бы такимъ лѣсомъ заросло; и лѣсу было бы полезно, и Илычу воды прибавилось бы, и взорамъ путниковъ доставлялъ бы наслажденіе образовавшійся такимъ способомъ водопадъ, а теперь проклинаемъ мы всѣ это бѣдное болото, хлюпающее у насъ подъ ногами и такъ чудно пахнущее въ жаркій лѣтній день; населяютъ его одни комары, враги рода человѣческаго, кстати, и ихъ, спустивъ болото, уничтожили бы.

Верстахъ въ 6 отъ устья попадается намъ перекатъ въ 4 четверти глубиною; онъ совершенно прямою линіей перегораживаетъ всю рѣку и въ прозрачной водѣ Илыча ясно видна та гряда камней, которая по-

---

*) Мѣсто, куда вывозится нарубленный зимою лѣсъ для весенняго сплава.

служила причиной его образованія; теперь уже къ нему намыло сверху и песку, и мелкаго камня, но совершенно прямая гряда крупныхъ камней, отсутствіе какихъ бы то ни было естественныхъ условій для объясненія существованія здѣсь порога, и уже полученный нами опытъ—даютъ намъ убѣжденіе, что и тутъ мы имѣемъ дѣло съ послѣдствіями незаконныхъ, преступныхъ, но, тѣмъ не менѣе, допускаемыхъ печорскими обычаями заколовъ. Нашъ болтовня-лоцманъ правитъ очень хорошо и также хорошо насаживаетъ пароходъ на мель, къ счастью, безъ пролома. Едва-едва сошли мы съ этихъ камней, а сойдя, почти совсѣмъ уже потеряли свои розовыя надежды добраться на пароходѣ до „Егра-Ляги".

Хоть мы и говорили все время, что будемъ подыматься пароходомъ по Илычу, пока онъ позволитъ, но втайнѣ-то думали, что онъ намъ будетъ это позволять до самой „Егра-Ляги", о каковой возможности намъ ранѣе говорили Печорскіе жители и что отрицалъ, указывая на перекаты, А. А. Гайдукъ, но теперь мы начинаемъ думать, что Илычъ вовсе не намѣренъ позволять намъ очень далеко бороздить его поверхность нашимъ пароходомъ и, пожалуй, очень скоро скажетъ намъ своимъ скрежещущимъ о дно парохода голосомъ: „стойте, дальше нельзя".

Сойдя съ мели, Николай Иванычъ и капитанъ, не надѣясь уже на лоцмана, сами засаживаются въ лодку и ѣдутъ выискивать фарватеръ, который и находятъ послѣ долгихъ поисковъ подъ другимъ берегомъ; пароходъ направляется туда и благополучно проходитъ на другую сторону камней.

Подвигаемся далѣе не особенно рѣзво, смѣлость и увѣренность уже посбиты, и любуемся на великолѣпные луга, раскидывающіеся по обоимъ берегамъ рѣки. Кое-гдѣ замѣтенъ по нимъ народъ, это пріѣхали Усть-Илычскіе жители начинать покосъ; у берега видны лодочки, неподалеку у лѣса на темномъ его фонѣ вьется тонкій столбикъ синяго дыма, у него кто-то копошится. Видно, какъ, замѣтивъ пароходъ, люди для чего-то бѣгутъ къ берегу, останавливаются,

Впаденіе р. „Паль-ю" въ Илычъ.

прикрывъ отъ солнца глаза рукою, и долго смотрятъ вслѣдъ такому необычайному явленію, какъ никогда не бывалое появленіе парохода на Илычѣ. Лѣсъ все идетъ еловый, иногда и березки перемѣшиваются съ елями, нерѣдко попадаются и бора, гдѣ берега повыше и, видимо, почва песчаная.

Недалеко отсюда съ праваго берега впадаетъ значительный притокъ Илыча „Паль-ю", текущій въ Илычъ, совершенно параллельно Печорѣ верстъ 50 отъ самой границы Пермской губерніи. При устьѣ онъ намылъ огромную мель, по которой вода перекатывается глубиною всего въ нѣсколько вершковъ, а противъ него, среди рѣки, возвышается великолѣпный островъ „Паль-ды". Кто-то такое выстроилъ себѣ на оконечности его цѣлую усадьбу и, видимо, прекрасно устроился здѣсь среди пышныхъ луговъ и сбѣгающихъ съ острова къ рѣкѣ кустарниковъ.

Самъ Илычъ весь испорченъ остатками старыхъ заколовъ; сколько лѣтъ практикуется вѣдь это хищничество здѣсь: и дѣды, и прадѣды ставили эти заколы, на сколькихъ мѣстахъ когда-то стояли они, и совершенно понятно, что теперь такихъ искусственныхъ пороговъ образовалось множество; вѣроятно, есть и были такія излюбленныя мѣста, гдѣ считалось особенно выгоднымъ ставить заколы, и на нихъ отъ неоднократнаго наваливанія камней образовались и самые настоящіе пороги, издали замѣтные своей зыбью при совершенно спокойной водѣ.

Верстахъ въ 25 отъ устья передъ нами видно такое мѣсто: вода на немъ бурлитъ и пѣнится и нигдѣ не видно спокойной полосы, по которой можно бы было подозрѣвать тамъ глубокое мѣсто. Наученные горькимъ опытомъ, мы уже не суемся пароходомъ выискивать фарватеръ, а останавливаемся на якорѣ, и искать прохода ѣдетъ только лодка; долго плаваетъ она по рѣкѣ, то приближаясь къ бурлящему мѣсту, то отступая отъ него; видно, какъ все время тычутъ съ нея въ дно наметкой; наконецъ, попытавъ всѣ возможные подходы къ порогу, вплоть до противоположнаго берега, она возвращается къ пароходу и заявляетъ, что далѣе идти нельзя, камни перегородили рѣку поперекъ отъ одного берега и до другого. Илычъ не скрежетомъ своихъ камней о дно парохода, а пѣнящейся своей поверхностью сказалъ намъ: „стойте, далѣе нельзя", и намъ остается только подчиниться ему и заворачивать вспять, несмотря на то, что рѣка сама-то по себѣ глубиною отъ 4 до 6 четвертей.

Тутъ уже мы почувствовали такую обиду, что перестали благодушно съ мечтательнымъ видомъ разсуждать о томъ, какъ хорошо было бы, если бы мы могли достать мелкосидящее судно, и разразились всякими благими пожеланіями по адресу того вѣдомства, которое не можетъ додуматься до такой простой мысли, что у насъ, въ Россіи, гдѣ это самое вѣдомство не въ состояніи сдѣлать рѣки судоходными, надо имѣть суда, которыя могли бы ходить и по несудоходнымъ рѣкамъ. Вѣдь, кажется, это такъ просто; не умѣешь сдѣлать дорогу такою, чтобы можно было въ коляскѣ ѣздить, поѣзжай на тарантасѣ, а въ водяномъ управленіи пола-

Р. Илычъ

гаютъ, что хотя дороги и никуда не годятся, а все-таки для ѣзды по нимъ слѣдуетъ имѣть ландо на резиновыхъ шинахъ. Этотъ великолѣпный отвѣтъ округа, что въ его распоряженіи имѣется одно мелкосидящее судно, но оно не можетъ быть стронуто съ мѣста безъ опасности развалиться, забыть нельзя, и для насъ, участниковъ экспедиціи, онъ навсегда останется характеристикой водяного управленія и невольно напрашивается печальное сопоставленіе какого-то несчастнаго учителя Сергачева, бьющагося какъ рыба объ ледъ со своей идеей мелкосидящаго судна, и недоступное вѣдомство, имѣющее такое судно, но... нельзя его стронуть съ мѣста; тронь только, а оно и развалится.

Р. Илычъ у впаденія р. „Паль-ю".

Имѣй мы въ настоящее время судно съ осадкою вершковъ на 8, мы весь бы Илычъ до самаго Урала проѣхали, а теперь не можемъ потому, что достать у водяного управленія такого судна не могли и принуждены воспользоваться пароходомъ, предназначеннымъ для плаванія по нижнему плесу Печоры, и пробуемъ проѣхать на немъ и по притокамъ верхняго; само собой разумѣется, намъ это и не удается. Ѣхать далѣе на лодкахъ значило терять и время, котораго уже у насъ оставалось немного, и по 100 р. въ день за стоящій непроизводительно пароходъ; этого мы тоже не могли дѣлать.

Злость наша переходитъ и на зырянскихъ рыболововъ, которые въ этомъ отношенiи нисколько не лучше нашего русскаго мужика: нагадить, нагадятъ, а убрать за собой и не подумаютъ. А и то сказать, какъ съ нихъ и взыскивать, если мѣстное-то начальство, не питая въ своей головѣ ненужныхъ мыслей о судоходности рѣкъ и рыбномъ хозяйствѣ, никогда не давало имъ понять, что рыбу ловить хищнически и противозаконно нельзя, что рѣки дѣлать непроѣздными нельзя,—неоткуда имъ было и взять этого понятiя.

Какъ бы то ни было, а приходится намъ поворачивать носъ къ Троицко-Печорскому, размышляя о томъ, какъ бы было хорошо, если бы у округа оказалось мелкосидящее судно, которое можно бы было стронуть съ мѣста и оно не развалилось бы, если бы по Вычегдѣ выловить всѣ карчи, если бы по Сухонѣ можно было доѣхать до Устюга въ iюлѣ мѣсяцѣ, если бы становые пристава насаждали въ населенiи понятiя о законности и рацiональномъ рыбномъ хозяйствѣ и т. п., а пока мы предавались симъ прiятнымъ мыслямъ, нашъ сорокалоцманъ не дремалъ и ухитрился-таки такъ ловко насадить пароходъ на камни, какъ мы еще и не сиживали.

При приближенiи къ той грядѣ, гдѣ мы уже посидѣли утромъ, задолго еще начался у рулевого колеса невозможный крикъ: обсуждалось, какъ лучше и безопаснѣе пройти черезъ эти камни; обсудили, повидимому, досконально, пошли самымъ вѣрнымъ, избраннымъ мѣстомъ и усѣлись на камни самымъ крѣпкимъ и устойчивымъ способомъ. Пароходъ очутился на какомъ-то камнѣ, какъ компасная стрѣлка на своей оси, вертится, а съ мѣста не идетъ; чего-чего уже не дѣлали, чтобы съѣхать или спихнуться—и подымали-то носъ посредствомъ особаго приспособленiя, и пихались шестами всѣ безъ исключенiя, налегая на нихъ всѣ вмѣстѣ, и перегружали дрова и бочки то на носъ, то на корму—ничего не помогало, такъ мы и спать легли. Потомъ уже узнали, что провертѣлись мы на этомъ камнѣ 7 часовъ и удалось сдвинуться съ него, завезя канатъ на берегъ, закрѣпивъ его за деревья и подтягиваясь воротомъ.

Утромъ 3-го iюля мы были уже въ Троицко-Печорскомъ. Насъ тамъ, конечно, никто не ждалъ такъ скоро, думали, что мы теперь плывемъ по Илычу, поднимаясь еще вверхъ, а мы, между тѣмъ, разстроенные неудачей, уже прикатили и обратно. Настроенiе было невеселое, въ душѣ все время копошилось такое чувство, какъ-будто уѣхалъ, что-то не додѣлавши, чего-то не исполнивъ, что надо было исполнить, и это чувство, какъ ноющая боль какая-то, все преслѣдовало насъ и никакъ отъ него нельзя было отдѣлаться, и приходилось намъ уѣзжать отсюда съ этимъ нуднымъ чувствомъ недодѣланности, только мечтая о томъ, что, можетъ быть, приведетъ Господь и еще на Илычѣ побывать.

Въ Троицко-Печорскомъ намъ нечего было оставаться долго и сразу же были сдѣланы распоряженiя о лошадяхъ; началась выгрузка

съ парохода нашихъ вещей и нагрузка ихъ на подводы, подвезенныя къ берегу; привязываются чемоданы, укладываются припасы, располагаются поудобнѣе подушки, —намъ вѣдь предстоитъ прокатить на ло-

Берега Илыча.

шадяхъ до Усть-Кулома ни много ни мало 209 верстъ, это minimum, а вѣдь мы ѣдемъ раньше и весьма вѣроятно, что парохода тамъ не будетъ, и тогда придется ѣхать до самаго Усть-Сысольска 382 версты: при такой перспективѣ поневолѣ приходится подумывать и о возможныхъ удобствахъ. Мы раздѣляемся по-парно и я сговариваюсь ѣхать съ И. М. Шемигоновымъ. Для губернатора начальство ухитрилось достать даже карету изъ Ульяновскаго монастыря, въ которой монахи возятъ икону, необыкновенный огромный рыдванъ съ какимъ-то помѣщеніемъ подъ козлами, допускающимъ даже лежачее положеніе въ немъ. Везти его предназначено 5 лошадей, но случается, что его возятъ и полсотни: существуетъ повѣрье, что та лошадь, которая будетъ впряжена въ него, когда везутъ въ немъ икону, будетъ здорова, и поэтому всякій зырянинъ старается и свою лошадь припречь, и бываетъ, говорятъ, что на всевозможныхъ веревкахъ, ремняхъ и постромкахъ пристегиваютъ лошадей до 50.

Наконецъ, перегрузка кончена и намъ остается только садиться въ экипажи и ѣхать. Николай Ивановичъ проситъ насъ всѣхъ зайти на пароходъ, а тамъ уже приготовлено шампанское, которое намъ радушно и предлагается на прощанье. Разставаясь съ нами, онъ сказалъ слѣдующее: „Ваше превосходительство и вы, незабвенные спутники,

заранѣе прошу васъ не осмѣять меня за мою рѣчь, а извинить, если она выйдетъ не такою красивою и ясною, какъ вы привыкли слышать въ вашей средѣ; я краснорѣчіемъ не владѣю, съ небольшимъ образованіемъ, и къ тому же мужикъ-зырянинъ, что немногое получилъ, пріобрѣлъ самъ, но то, что хочу сказать, выйдетъ отъ души и чистосердечно. Ваше превосходительство, съ тѣхъ поръ, какъ васъ и всю вашу компанію имѣлъ счастіе принять на бортъ пароходъ „Трудовой Артели“ „Межень“, въ памятный для меня день 21-го іюня, и до сегодня я нравственно мучился, какъ бы вамъ услужить и оправдать довѣріе артели. Мы, какъ могли и умѣли, старались, а если въ чемъ по недоразумѣнію, по неопытности и по случаю мелководія не могли дослужить по вашему желанію, ибо я не посмѣлъ больше рисковать будущностью „Трудовой Артели“, то за это прошу простить. Но прошу ваше превосходительство отъ имени артели не оставить ее впредь своимъ вниманіемъ и содѣйствіемъ при вашихъ полезныхъ для края предпріятіяхъ, въ отношеніи почтово-пассажирскихъ соединенныхъ рейсовъ по Печорѣ. Артель послала пароходъ, несмотря на рискъ, желая услужить, а не для наживы; если бы имѣла артель свободныя средства, я вполнѣ увѣренъ, что она предложила бы свои услуги для полезной вашей экспедиціи безвозмездно. Слѣдовало бы вамъ, особенно вамъ, ваше превосходительство, услужить лучше, но больше мы не съумѣли. Я говорю „особенно вамъ“ потому, что вы, ваше превосходительство, несмотря ни на что, ни на какія препятствія и муки, путешествуете уже второй разъ для изслѣдованія и улучшенія самыхъ дальнихъ, забытыхъ раньше, сѣверныхъ окраинъ, не щадя себя для пользы и просвѣщенія народа. Ваше превосходительство, я думаю, что изъ вашей среды немного найдется людей, которые добровольно согласятся дѣлать изслѣдованія по невѣдомымъ для нихъ краямъ, рисковать здоровьемъ и переносить труды для пользы другихъ. Дай Господи ЦАРЮ БАТЮШКѢ здоровья, и желаю отъ души ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, въ такое тяжелое время, такихъ сотрудниковъ и помощниковъ, дѣятельныхъ, энергичныхъ, опытныхъ и добрыхъ какъ вы, побольше. Путешествіе съ вами мнѣ будетъ казаться пріятнымъ сномъ и воспоминаніемъ на всю жизнь. Благодарю васъ за хлѣбъ-соль. Пью за ваше здоровье, ваше превосходительство, и вашихъ дорогихъ спутниковъ и желаю, чтобы пошли на пользу, согласно желанію вашему, ваши добрыя начинанія, которыя будутъ вспоминать и оцѣнивать потомки наши“.

Эта рѣчь была для насъ и пріятна, и совершенно неожиданна; вѣдь Николай Ивановичъ дѣйствительно только крестьянинъ-зырянинъ, хотя и Ижемецъ, а насколько рѣчь его далека отъ того, чего можно ожидать отъ нашего мужичка, хотя бы и самаго развитого (не говорю о „сознательныхъ“, заучившихъ, какъ попугаи, нѣсколько брошюрокъ, а о настоящихъ крестьянахъ).

Р. Илычъ въ 20-ти верстахъ отъ устья.

Расцѣловавшись съ Николаемъ Ивановичемъ и капитаномъ, распрощавшись со всѣмъ артельнымъ экипажемъ „Межени" и всѣми нашими спутниками-Печорцами, мы идемъ къ экипажамъ. Лошади уже впряжены, у каждой повозки стоитъ ямщикъ, вещи всѣ увязаны, все готово. Усаживаемся, вскочили ямщики на козла, загикали, одинъ моментъ и изо всего нашего поѣзда получилась одна сплошная каша: лошади, люди, колеса, вещи, все смѣшалось въ одну кучу, барахтается и оретъ. Оказывается, каждый ямщикъ желаетъ быть первымъ, почему и бросается съ мѣста, какъ съумасшедшій, а тутъ, кстати, и привѣтственный свистокъ „Межени" испугалъ непривычныхъ лошадей, и въ результатѣ, когда всѣ онѣ бросились впередъ, получилась картина невообразимая: экипажи и лошади сталкиваются, попадаютъ въ канавы, валятся. Но, слава Богу, все благополучно: нѣсколько побитыхъ физіономій, нѣсколько синяковъ, а серьезныхъ аварій нѣтъ; выпавшія вещи уложены, отвязавшіяся—привязаны, мы опять усѣлись и, преподавъ ямщикамъ строгія инструкціи о порядкѣ ѣзды, тронулись въ путь.

О здѣшней ѣздѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ, настолько она своеобразна и необычна. Надо замѣтить, что въ Устьсысольскомъ уѣздѣ до сихъ поръ дорожная повинность натуральная, и вслѣдствіе этого главнымъ образомъ, а также и по причинѣ того, что грунтъ въ сѣверной части Устьсысольскаго уѣзда въ большинствѣ мѣстностей песчаный, дороги тутъ и всегда приличны, въ сухое же время прямо великолѣпны. Никакихъ колей, никакихъ выбоинъ на нихъ не встрѣчается, дороги какъ скатерть, и ѣхать по нимъ можно съ какою угодно скоростью, все равно трясти не будетъ. Идутъ онѣ на большихъ протяженіяхъ берегами рѣкъ или, какъ та, по которой предстояло ѣхать намъ, переваливаютъ водораздѣлы; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онѣ тянутся все время, то спускаясь съ горъ, то поднимаясь на нихъ, но ѣхать по нимъ быстро и подъ гору совершенно безопасно, такъ онѣ ровны; единственная опасность можетъ быть, если сломается экипажъ или упадетъ лошадь, но такой случай будетъ уже совершенно исключительнымъ и шансовъ пострадать отъ него не болѣе, чѣмъ, вылетѣвъ гдѣ-нибудь изъ тарантаса, переломать себѣ ноги на обыкновенной нашей проѣздной дорогѣ. При этихъ условіяхъ ѣзда создалась совершенно особенная: запрягается въ экипажъ пара или тройка маленькихъ, кругленькихъ лошаденокъ, при чемъ въ руки ямщикъ беретъ возжи только отъ коренной, возжи же пристяжекъ привязываются къ козламъ и никакой роли при ѣздѣ не играютъ, лошади всѣ не взнузданныя. Ямщикъ садится на козла, гикаетъ, крутитъ кнутомъ надъ головой, и лошади, какъ бѣшеныя, бросаются впередъ и несутъ, не бѣгутъ, а прямо несутъ, отъ станціи до станціи, при чемъ особенно подхватываютъ подъ горы и сразу вылетаютъ на слѣдующій подъемъ; чуть поѣдутъ потише, потерявъ инерцію и поднимаясь шагомъ на гребень горы, выберутся на ровное мѣсто и опять несутъ до

слѣдующаго спуска; ямщики покрикиваютъ, ужасно суетятся на козлахъ, машутъ кнутами и тарантасъ катится и катится впередъ, какъ по асфальтовой мостовой, нигдѣ ни тряхнетъ, ни стукнетъ. На очень высокихъ и крутыхъ спускахъ принимаются какъ бы мѣры предосторожности, дѣлаются попытки хоть сверху съѣхать шагомъ, но, уже проѣхавъ какой-нибудь десятокъ саженъ, пріученныя лошади подхватываютъ и тарантасъ летитъ, какъ стрѣла, подъ гору, короткимъ ударомъ громыхнетъ внизу по мосту и взлетитъ стрѣлой же кверху. Сперва кажется какъ будто и страшновато непривычному ѣздоку бѣшено летѣть внизъ, но, продѣлавъ такой полетъ раза 2 3, совершенно успокоиваешься и видишь, что это и пріятно, и не опаснѣе обыкновенной ѣзды, и весьма полезно въ смыслѣ выгадыванія времени: если бы не катить такъ подъ гору, страшно бы много времени брало выѣзжать шагомъ въ высокіе и крутые подъемы. И иконовозящій возокъ, или карета, также летаетъ внизъ съ горъ, также громыхаетъ по мостамъ и взлетаетъ въ горы, влекомый цѣлымъ пятерикомъ лошадей. Если кто-либо, опасаясь за такіе рискованные полеты, убѣждаетъ ямщика ѣхать тише и случай пошлетъ такого, который понимаетъ по-русски, тотъ совершенно не можетъ понять подобнаго желанія, и видно по его недоумѣвающему лицу, что въ его мозгу никакъ не укладывается мысль, какимъ это образомъ кому-нибудь можетъ не нравиться лихая и быстрая ѣзда; къ счастью, большинство ямщиковъ плохо понимаютъ русскую рѣчь и всякое выраженіе опасенія и приказаніе ѣхать тише принимаютъ за одобреніе лихой ѣздѣ и поощреніе къ дальнѣйшей и мчатъ, сломя голову, пока не подкатятъ со всего маху къ слѣдующей станціи. Это все мы уже узнали потомъ и намъ стало тогда совершенно понятно происшедшее при отъѣздѣ изъ Троицко-Печорскаго, но, въ общемъ, такая ѣзда намъ всѣмъ понравилась и мы безъ всякаго утомленія катили сотни верстъ; не успѣешь отъѣхать отъ станціи, глядишь, уже и къ слѣдующей подкатываешь, пересѣлъ въ новый экипажъ и опять летишь дальше, не замѣчая, какъ бѣгутъ одна за другой версты и пространство все поглощается несущимся бѣшено тарантасомъ. Утомленія совершенно не получается у насъ, привыкшихъ къ своимъ ужаснымъ дорогамъ, по которымъ нерѣдко приходится въ весеннее и осеннее время подвигаться съ такою скоростью, что для утѣшенія начинаешь одобрительно думать о пословицѣ „тише ѣдешь—дальше будешь" и успокоивать себя мыслями о томъ, что червь ползетъ еще медленнѣе, что все-таки лучше (не быстрѣе) ѣхать, чѣмъ идти пѣшкомъ и т. п., а въ это время самого перебрасываетъ въ тарантасѣ съ одного бока на другой, какъ горошину въ пустомъ мѣшкѣ, да еще то въ одно мѣсто, то въ другое получаешь тычки и удары.

Итакъ мы длиннымъ поѣздомъ, имѣя въ головѣ его плавно колыхающійся рыдванъ, понеслись, громыхая по жердяной слани, изъ Троицко-Печорскаго.

Дорога отъ него идетъ сначала, до тѣхъ поръ пока не углубится уже совсѣмъ въ глухой лѣсъ, чрезвычайно живописными мѣстами; отъ Мылвы она отходитъ почти сейчасъ же у села, но близость значительной рѣки все-таки сказывается, и дорога то бѣжитъ гребнемъ какой-нибудь возвышенности, то сбѣгаетъ подъ гору, то взбѣгаетъ кверху и все идетъ плохимъ, наполовину вырубленнымъ, крестьянскимъ лѣсомъ, пока не выйдетъ изъ него опять въ открытыя мѣста къ деревнѣ „Б. Сойвѣ" на берегу одноименнаго крупнаго притока С. Мылвы. И тутъ поражаютъ богатѣйшіе луга; почти всѣ злаковыя травы и множество дикаго клевера видны на нихъ, а ближе къ деревнѣ раскинулись ржаныя и ячменныя поля, кое-гдѣ видна конопля.

Сама „Б. Сойва", деревня небольшая, раскинулась по самому берегу рѣки, а за ней опять дорога вбѣгаетъ въ лѣсъ и уже такъ все лѣсомъ и пойдетъ до самыхъ тѣхъ поръ, пока, пересѣкши 2 раза пустынную маленькую Вычегду у ея верховьевъ, не выбѣжитъ въ луга населенной ея части.

Р. Сойва на трактѣ между Помоздинымъ и Троицко-Печорскимъ.

Дорога сама по себѣ представляетъ интересъ: она вся покрыта травой, а тутъ же рядомъ за канавою, всего въ какомъ-нибудь аршинѣ или двухъ, ни одной травинки нѣтъ и вся земля одѣта сплошнымъ мхомъ. Опять приходится вспоминать Маркграфа, который говоритъ, что въ сѣверныхъ, заросшихъ мхомъ лѣсахъ стоитъ только убрать этотъ мховый покровъ, какъ сейчасъ же его мѣсто занимаетъ трава, и вотъ тутъ воочію убѣждаешься въ справедливости этихъ словъ: стоило только освободить, проводя дорогу, поверхность почвы отъ мха и узенькая полоса ея вся покрылась прекрасною травой, и вьется эта полоса безъ конца впередъ среди стоящаго сплошь на мховомъ покровѣ лѣса; часто попадаются мокрыя мѣста и даже болота, и тогда отъ самой дороги сейчасъ же за канавой раскидывается цѣлое царство хвощей, какъ туманомъ затягивающее своею паутиной всѣ подножія деревьевъ. Рѣдкія травы въ лѣсу и вся дорога въ полномъ цвѣту;

цвѣтутъ и злаковыя, скромно бѣлѣютъ поповники и желтѣютъ лютики, кое-гдѣ попадется и какой-нибудь красненькій цвѣточекъ.

Какъ только дорога за Сойвинскими полями вошла въ лѣсъ, такъ и пошли гари; можно сказать, что половину дороги, а то и двѣ трети, идутъ все время старыя выгари всевозможныхъ возрастовъ, въ большинствѣ 20—60 лѣтъ, и только изрѣдка попадаются, видимо, по какой-нибудь случайности пощаженныя огнемъ пространства стараго лѣса; общее впечатлѣніе таково, что хозяиномъ здѣсь является огонь, отъ него, и ни отъ кого другого зависитъ, во что превратить здѣшніе лѣса. Попадается очень много кедровъ; ихъ шишки совершенно красны и мелки, и въ едва образующихся орѣхахъ съ мягкой скорлупою еще нѣтъ ядра, а только какая-то жидкость вродѣ молока, но здѣшніе жители уже начали хищнически собирать эти молодыя шишки; они ихъ какъ-то пекутъ и ѣдятъ въ видѣ лакомства, но надо сказать, что онѣ въ этомъ видѣ представляютъ порядочную гадость.

Первая станція на нашемъ пути „Нюмылга", недалеко отъ которой беретъ начало притокъ С. Мылвы того же имени. Станція представляетъ собою небольшой домъ, раздѣленный на двѣ половины: одна почище, съ лавками и столомъ, въ другой устроены нары для ночевки проѣзжающихъ и живетъ сторожъ; поддерживается станція и сторожъ нанимается земствомъ. Лошадей, конечно, не мѣняемъ, а когда подъѣхали къ станціи, всѣхъ ихъ выпрягли изъ повозокъ и пустили часа на два отдыхать и кормиться на подножномъ корму, послѣ чего онѣ опять запрягаются и везутъ до слѣдующей станціи, и такъ удивительно пріучены онѣ къ этой ѣздѣ на 134 версты съ четырьмя остановками, что вполнѣ довольствуются этими двухчасовыми отдыхами и, что всего удивительнѣе, съ ними не принимается никакихъ мѣръ, чтобы оберечь ихъ отъ такъназываемаго опоя; ихъ выпрягаютъ и прямо пускаютъ пастись, нисколько не заботясь о томъ, что лошади, пробѣжавъ 20—30 верстъ, могутъ идти къ текущей около каждой станціи рѣчкѣ и напиться; это онѣ и продѣлываютъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не портятся; кромѣ того удивительно, что лошади, отпущенныя на свободу, никогда не разбредаются, и по минованіи времени, назначеннаго для отдыха, собираются онѣ ямщиками безъ всякихъ затрудненій, закладываются въ тарантасъ и опять начинается гиканіе, ерзанье на козлахъ, а отдохнувшія лошаденки бросаются, какъ бѣшеныя, впередъ и мчатъ насъ по превосходной, ровной дорогѣ до слѣдующей станціи.

У старика, живущаго здѣсь сторожемъ, сдѣланы попытки нѣкоторой огородной культуры, отгорожено маленькое мѣстечко за избой и посажена картошка; мы удостовѣрились, что родится она здѣсь очень хорошо, да такъ и быть должно: грунтъ песчаный, что она любитъ, и удобренія за зиму, навѣрное, собирается очень много. Около станціи лѣсъ расчищенъ и все это мѣсто, какъ и дорога, не носитъ

уже и слѣдовъ покрывавшаго его когда-то моха и покрыто прекрасною травой, которую и ѣдятъ съ аппетитомъ наши кони.

Карета губернатора.

Надо сказать, что карета, которую достали для губернатора, оказалась экипажемъ преподлымъ: ея кузовъ, подвѣшенный на какихъ-то толстыхъ кожаныхъ помочахъ, качается при быстрой ѣздѣ, какъ утлая ладья на бушующихъ волнахъ, и укачиваетъ ѣдущихъ въ немъ пассажировъ чуть-что не до морской болѣзни. Испытавъ это укачиваніе цѣлую станцію, Алексѣй Николаевичъ рѣшительно отказался ѣхать въ ней дальше и мѣняется мѣстомъ съ Ф. Д. Прокошевымъ, засаживаетъ его въ это укачивающее приспособленіе, а самъ ѣдетъ въ простой таратайкѣ; ѣхавшій съ Алексѣемъ Николаевичемъ С. И. Поповъ взбирается на широчайшія козла кареты и усаживается рядомъ съ ямщикомъ, и карета мчится далѣе на своемъ пятерикѣ съ галопирующей въ видѣ форейтора бабой, нагруженная однимъ мученикомъ Ф. Д. Прокошевымъ. Нахожденіе бабы на должности форейтора, обыкновенно замѣщаемой мужскимъ поломъ, объясняется тѣмъ, что здѣсь впрягаются въ экипажи лошади разныхъ хозяевъ и каждый изъ нихъ считаетъ своимъ долгомъ управлять своими лошадьми самому, не довѣряя ихъ другому; на долю кареты пришлось два хозяина, и вотъ, одинъ изъ нихъ—баба преисправно галопируетъ передъ ней десятки верстъ отъ станціи до станціи; карета плавно катится, покачиваясь на своихъ ремняхъ, и укачиваетъ заключеннаго въ ней узника. Узнику этому, положимъ, не возбраняется, вытянувшись на ея днѣ во весь ростъ, если онъ въ состояніи, сокращать время своего заключенія благотворнымъ, возстановляющимъ силы, сномъ. Впереди нашего поѣзда катитъ на маленькой повозочкѣ губернаторъ, за нимъ карета, а за нею уже длиннымъ рядомъ катятся и остальные экипажи.

Слѣдующая станція „Зеленецъ". Между ею и „Нюмылгой", съ 45-й версты и по 53-ю, мы ѣдемъ самымъ водораздѣломъ Вычегды и Печоры, горизонтальнымъ мѣстомъ, кое-гдѣ съ увалами; въ увалахъ этихъ по бокамъ дороги всюду видны болота, или, вѣрнѣе, заболоченный лѣсъ; между елями и обнаженными ихъ корнями просвѣчиваетъ вода, кое-гдѣ она замѣтна и цѣлыми лывинами между пропитанныхъ ею моховыхъ кочекъ. Лѣсъ становится мрачнымъ и непроходимымъ. Какъ

только болото начинаетъ преобладать, такъ сейчасъ появляется въ немъ много лома и сухихъ деревьевъ; въ особенности печальна здѣсь пихта—это несчастное, ни на что не пригодное дерево, всегда какое-то подсохлое, безъ сучьевъ и только на вершинѣ сохраняющее густую шапку вѣтвей, какъ какой-то огромный банникъ. А и тутъ по дорогѣ ростетъ трава съ массой злаковыхъ породъ; рядомъ за канавой—болото и царство мха, а на дорогѣ сухо и трава.

Поднимались мы все время съ самой „Сойвы", пересѣкающей трактъ на 9-й верстѣ отъ Троицко-Печорскаго, и подъемъ прекратился, т. е. поднялись мы на горизонталь на 45-й верстѣ, а съ 53-ей ясно замѣтно начало спуска, продолжающагося до самой Вычегды. Проѣзжая по этому горизонтальному пространству дороги, пересѣкаемъ притокъ С. Мылвы „Рась-ю", которая, какъ говорятъ, беретъ начало въ 4-хъ верстахъ отъ станціи „Зеленца", стоящей въ самомъ центрѣ водораздѣла: у самой у нея течетъ рѣчка „Зеленецъ", уже притокъ Вычегды, и сама Вычегда проходитъ въ одной верстѣ отъ станціи къ югу, а беретъ она начало изъ находящагося къ югу же отъ станціи въ 10-ти верстахъ огромнаго болота „Лумъ-вожъ-нюръ"; она имѣетъ два верховья, и другое берется отъ ключа „Вой-вожъ-ключъ", въ 5-ти верстахъ къ сѣверу отъ станціи; оба эти верховья Вычегды сливаются вмѣстѣ въ 4 верстахъ къ западу отъ станціи и оттуда уже начинаетъ течь сама Вычегда. Такимъ образомъ, у Зеленца берутся рѣчки и Печорскаго и Вычегодскаго бассейновъ, имъ даютъ начало находящіяся на горизонтальной части водораздѣла болота.

Р. Вычегда у станціи „Эж-ва-доръ".

По спуску къ Зеленцу раскинулся великолѣпный соснякъ, видимо, тоже когда-то тронутый пожаромъ; въ немъ сейчасъ вмѣстѣ ростутъ молодыя и старыя сосны, изъ которыхъ иныя достигаютъ до 14 вершковъ. Въ общемъ гарей здѣсь меньше, чѣмъ между Печорой и „Нюмылгой": человѣкъ дальше—и лѣсу живется лучше; но старыя все-таки попадаются, и одна изъ нихъ огромная, судя по

молодымъ соснамъ, пошедшимъ уже послѣ пожара, образовавшаяся 15 лѣтъ назадъ.

Отъ Зеленца мы ѣдемъ еще 20 верстъ до станціи „Ежъ-ва-доръ", стоящей на берегу Вычегды (по-зырянски Вычегда называется „Ежъ-ва"), все время великолѣпными, въ Шишкинскомъ духѣ, борами и ельниками, иногда совершенно чистыми, иногда съ густо засѣвшимъ внизу подсѣдомъ. Изрѣдка и здѣсь попадаются старинныя выгари.

Соснякъ на 99-й верстѣ дороги между Помоздинымъ и Троицко-Печорскимъ.

По дорогѣ дважды переѣхали Вычегду, маленькую рѣчушку аршинъ 5—6 шириною, у станціи же „Ежъ-ва-доръ" она является уже порядочной рѣчкой сажени въ 4. Тутъ мы останавливаемся на ночлегъ и наполняемъ пустынную станцію шумомъ и жизнью, на берегу рѣки вьются дымы нашихъ костровъ, ярко сверкаетъ ихъ пламя среди бѣлой сѣверной ночи безъ тѣней съ серебряной, не свѣтящей луной; очень холодно и страшно-обильная роса покрываетъ не только траву, но даже и всѣ деревья и кусты; чуть дотронешься до нихъ и обдастъ съ вѣтокъ росою, какъ послѣ сильнаго дождя. Станція стоитъ немного подъ горой, а наверху ея какъ разъ окончился и встаетъ стѣною великолѣпный сосновый лѣсъ, изъ котораго свѣтлой полосой вьется по склону песчаная дорога среди засѣвшей на открытомъ мѣстѣ серебристой отъ росы травы. Тиха сѣверная ночь въ безжизненномъ сосновомъ бору, ни одинъ звукъ не нарушитъ ея безмолвія, только изрѣдка фыркнетъ пасущаяся на травѣ лошадь, или отъ догорающихъ костровъ донесется рѣчь неугомонившихся еще людей. Мы отъѣхали отъ Троицко-Печорскаго 76 верстъ и намъ остается до Помоздина еще 58.

Рано утромъ поднялись мы и, наскоро напившись чаю, полетѣли на отдохнувшихъ за нѣсколько часовъ ночи лошадяхъ дальше къ слѣдующей станціи „Подора", стоящей отъ станціи „Ежъ-ва-доръ" въ 33-хъ верстахъ. Все это разстояніе дорога идетъ такимъ же велико-

лѣпнымъ сосновымъ боромъ, ростущимъ въ большинствѣ по старымъ выгарямъ самаго разнообразнаго возраста, начиная съ такихъ молодыхъ, по которымъ еще торчатъ обгорѣлыя молоденькія сосенки и черные обугленные пни и сами стволы старыхъ сосенъ еще снизу всѣ черные, закопченые, и кончая такими, о существованіи которыхъ можно судить только по побочнымъ признакамъ, такъ давно хозяйничалъ здѣсь огонь. Въ иныхъ мѣстахъ сосновый лѣсъ идетъ почти сплошной, въ другихъ старыя, рѣдкія сосны, какъ великаны, высятся среди пошедшаго снизу, послѣ бывшаго пожара, молодого поколѣнія; это тѣ счастливцы, которыхъ не сжегъ до смерти бушевавшій внизу огонь; въ иныхъ мѣстахъ виденъ вмѣстѣ лѣсъ трехъ и даже четырехъ возрастовъ,—ясно, что тутъ были повторные пожары. Сосна довольно стойко противустоитъ дѣйствію огня: если ея зеленая крона цѣла и даже незначительно подпалена, въ большинствѣ случаевъ на нее бывшій пожаръ не окажетъ гибельнаго вліянія, хотя бы кора ея и пообгорѣла внизу, это совсѣмъ не то, что ель: ту стоитъ только немного припечь снизу, какъ она, еще совершенно здоровая и зеленая съ виду, начинаетъ уже хирѣть и въ весьма скоромъ времени гибнетъ окончательно; сосна часто выживаетъ послѣ пожара, ель никогда и, если хотя чуть-чуть подпалена ея кора, она все-таки обречена на гибель.

Грунтъ тутъ идетъ сплошной песчаный, гдѣ съ примѣсью чего-то, что его связываетъ и дѣлаетъ плотнѣе, а гдѣ и прямо сыпучій песокъ, въ который уходитъ нога лошади по самую бабку и вязнутъ колеса тарантасовъ; тутъ по-неволѣ бѣгъ лошадей, и такъ значительно сократившійся изъ-за того, что ѣдемъ уже около 100 верстъ безъ смѣны, сокращается еще болѣе и мѣста съ сыпучимъ пескомъ проѣзжаемъ шагомъ; слава Богу, что ихъ еще не такъ много.

Къ самой „Подорѣ" и почва, и характеръ лѣса мѣняются, сыпучій песокъ пропадаетъ и лѣсъ изъ сосноваго постепенно, мало-по-малу обращается въ лиственничный; сперва лиственницы попадаются какъ исключенія, потомъ и по нѣсколько вмѣстѣ, въ лѣсу все болѣе видно подсѣда, потомъ уже и сосна начинаетъ только попадаться кое-гдѣ и къ самой станціи лѣсъ становится сплошнымъ лиственничнымъ.

Дорога выбѣгаетъ на открытую травянистую поляну съ кустами и идетъ внизъ къ рѣчкѣ „Подорѣ", незначительной, но, вѣроятно, играющей значительную роль въ образованіи Вычегды вмѣстѣ съ другими рѣчками и ручьями, самоотверженно отдающими свои безымянныя воды въ жертву одной изъ своихъ же сестеръ, на долю которой выпалъ жребій стать могучею, многоводной рѣкой.

„Подора" впадаетъ въ Вычегду въ 10-ти верстахъ на СЗ отъ станціи, очень недалеко отъ Вычегодскаго чера, которымъ черезъ небольшой волокъ можно попасть въ Ижемскій черъ и въ Ижму,—путь, возможный въ полую воду, лѣтомъ же, говорятъ, рѣчки эти такъ пересыхаютъ, что и въ маленькой лодкѣ трудно бываетъ по нимъ пробраться.

Ст. Подора на волоку Троицко-Печорское—Помоздино.

Вскорѣ за „Подорой“ мы въѣхали опять въ горѣлый лѣсъ. Пожаръ былъ, какъ говорятъ наши возницы, недѣли двѣ назадъ; все еще черно, вездѣ уголья, зола, сосны подгорѣли снизу и зачернѣли, кроны невысокихъ сосенъ подпалены и стоятъ еще рыжія. Сперва мы не имѣли представленія, какъ великъ этотъ пожаръ, но потомъ были просто поражены громадностью выгорѣвшей площади; то съуживаясь, то расширяясь до того, что и вдали увидѣть свѣжаго лѣса нельзя, гарь эта тянется по дорогѣ верстъ на 9, до самаго конца волока, гдѣ дорога выходитъ уже на луга, раскинувшіеся по берегамъ Вычегды, не пустынной, незначительной рѣченки, а довольно широкой рѣки, пестрѣющей деревнями, между которыми бѣлѣетъ Помоздинская церковь. Впослѣдствіи мы видѣли актъ, составленный объ этомъ пожарѣ; оказалось, что всего выгорѣло 1.900 десятинъ, и стоимость испорченнаго пожаромъ лѣса опредѣлена въ 6.000 руб. Сумма эта кажется несоотвѣтственно малой относительно площади погорѣвшаго лѣса, что объясняется чрезвычайно низкой оцѣнкой, но сама-то по себѣ она является очень значительной: въ тѣхъ лѣсахъ, гдѣ десятина приноситъ дохода около 5 коп., 6.000 руб. представляютъ доходъ съ пространства около 120.000 десятинъ лѣса.

Взглянувъ на вопросъ съ такой точки зрѣнія, невольно задумаешься объ этомъ ужасномъ бичѣ сѣверныхъ лѣсовъ. Если взять статистику пожаровъ въ казенныхъ лѣсахъ трехъ сѣверо-восточныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи, Яренскаго, Сольвычегодскаго и Устьсысольскаго, т. е. именно тѣхъ, которые представляютъ собою сплошныя лѣсныя пространства, то окажется, что въ періодъ 7-ми лѣтъ, съ 1900 по 1907 годъ, выгорѣло тамъ отъ бывшихъ 1.173 пожаровъ 99.210,14 десятинъ, стоимость сгорѣвшаго лѣса выражается крупной суммой въ 130.294 рубля, т. е., другими словами, ежегодно улетаетъ дымомъ къ небу болѣе 18 съ половиною тысячъ рублей, иначе сказать, ежегодно сжигается доходъ съ площади лѣса въ 370.000 десятинъ.

Причина этого совершенно непроизводительнаго систематическаго выгоранія лѣсовъ, конечно, только одна—поджогъ; разница лишь въ томъ, что одни поджоги умышленные, другіе—неумышленные. Въ статистикѣ пожаровъ причины эти разбиты на такія рубрики: поджоговъ 11, переходъ огня изъ другихъ владѣній—9, неосторожное обращеніе съ огнемъ—242 и отъ неизвѣстныхъ причинъ—911. Поджоги тутъ, конечно, подразумѣваются умышленные, но другія-то рубрики, что же собственно говорятъ: неизвѣстныхъ причинъ никакихъ не бываетъ, всякому извѣстно, что загорается лѣсъ отъ огня, случаевъ самовозгоранія быть не можетъ, случаи пожара отъ грозы въ сѣверныхъ лѣсахъ являются такимъ рѣдкимъ исключеніемъ, что и въ счетъ идти не могутъ, приближаясь по своей вѣроятности къ совершенно невозможнымъ случаямъ самовозгоранія,—значитъ, и раздѣлять 3-ю и 4-ю рубрики слѣдуетъ не такъ; слѣдуетъ сказать, что въ 242 случаяхъ лѣсъ загорался отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, и лица, обращавшіяся неосторожно, извѣстны,

а въ 911 случаяхъ лѣсъ загорался отъ того же неосторожнаго обращенія съ огнемъ, но виновники этого неизвѣстны.

Неосторожное же обращеніе съ огнемъ, отъ котораго выгораютъ у насъ сотни тысячъ десятинъ, является, конечно, тѣмъ же самымъ поджогомъ, или неумышленнымъ, или умыселъ котораго нельзя доказать; вѣдь надо предположить очень глупаго человѣка, который не понималъ бы того, что если распустить огонь въ лѣсу, то онъ самъ собою не потухнетъ, а пойдетъ дальше, и вполнѣ справедливо требовать отъ людей, хотя бы элементарнаго понятія о томъ, что огонь, разложенный въ лѣсу для своей потребы, всякій обязанъ обезопасить. Такихъ субъектовъ, кромѣ какихъ-нибудь сумасшедшихъ, идіотовъ и т. п., которые не понимали бы опасности оставлять непотушенный огонь въ лѣсу въ сухое время, не бываетъ, и, конечно, ни одинъ крестьянинъ не броситъ такъ костра въ принадлежащемъ ему лѣсу. Я уже не говорю о томъ, что и цифра поджоговъ (умышленныхъ), по всѣмъ вѣроятіямъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; хотя ревизоры лѣсоустройства и говорятъ въ своихъ отчетахъ о томъ, что крестьяне, сознавая важное значеніе для нихъ лѣса, берегутъ его и относятся къ нему съ осторожностью, но на ряду съ этимъ намъ неоднократно приходилось слышать отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, о томъ, что и крестьяне, и лѣсопромышленники еще болѣе сознаютъ выгодность покупки лѣса на пожарищахъ по значительно пониженной таксѣ, такъ что, пожалуй, не было бы несправедливостью удѣлить на умышленные поджоги и изъ другихъ рубрикъ какую-нибудь часть.

Казенный лѣсъ на волоку Троицко-Печорское — Помоздино.

Разъ это такъ, то уже само собою вытекаетъ отсюда и средство, какимъ можно бороться съ систематическимъ выгораніемъ сѣверныхъ лѣсовъ. Виновника въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ открыть въ лѣсу, надзоръ за которымъ ввѣренъ лѣсникамъ съ обходами равными цѣлымъ губерніямъ, чрезвычайно трудно, что же говорить о поджогахъ; ихъ установить почти нѣтъ возможности, и если они открываются, то только благодаря побочнымъ, случайнымъ обстоятельствамъ, безъ которыхъ любой поджогъ всегда можно свести къ неосторожному обращенію съ огнемъ, разъ уже законъ относитъ къ этого рода дѣяніямъ такія, какъ оставленіе костра въ лѣсу непотушеннымъ, выжиганіе лѣса или травы безъ принятія мѣръ предосторожности и т. п., значитъ, и говорить слѣдуетъ только о неосторожномъ обращеніи съ огнемъ. Это дѣяніе (напримѣръ, разложилъ кто-нибудь костеръ въ сухое время подъ елками и бросилъ его на произволъ судьбы, ходитъ кто-нибудь по лѣсу, „цигарки" покуриваетъ и спички въ бѣлый мохъ, пересохшій до того, что трещитъ подъ ногами, незагашенныя бросаетъ, траву подпалилъ на своей вырубкѣ и упустилъ огонь въ сосѣдній лѣсъ), на основаніи ст. 95 Устава о Наказаніяхъ, карается ужасно строго—штрафомъ не свыше десяти рублей. Пошелъ какой-нибудь Иванъ Петровъ въ казенный лѣсъ, разложилъ тамъ костеръ поближе къ сушняку и бросилъ его на произволъ судьбы, умышленно или такъ себѣ—это уже дѣло его совѣсти, а тамъ, глядишь, сушнякъ-то и загорѣлся и пошло писать, да тысячи двѣ десятинъ и выхватитъ, пока дождикомъ не зальетъ. Благодаря какой-нибудь случайности, станетъ извѣстно, что выгорѣла такая палестина изъ-за костра именно Ивана Петрова и, вотъ, онъ привлекается къ отвѣтственности и подвергается наказанію—штрафуется не свыше десяти рублей, штрафа этого, конечно, не платитъ, и замѣняется ему этотъ штрафъ двухдневнымъ арестомъ; выжегъ двѣ тысячи десятинъ, умышленно или нѣтъ—доказать нельзя, и отсидѣлъ за это два дня подъ арестомъ.

При такомъ сопоставленіи невольно приходятъ на память заповѣдныя рощи Петра Великаго, на каждомъ углу которыхъ стояли висѣлицы, и, при зачисленіи которыхъ въ число заповѣдныхъ, собирались со всѣхъ окрестныхъ деревень мальчишки и ихъ сѣкли на границахъ этихъ заповѣдныхъ рощъ, дабы они всю жизнь помнили, что рощи эти заповѣдныя, и вотъ, онѣ цѣлы и до нашихъ дней. Я, конечно, далекъ отъ мысли, что виновныхъ въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ въ лѣсу слѣдуетъ вѣшать, но твердо увѣренъ, что до тѣхъ поръ, пока это неосторожное обращеніе будетъ безнаказанно, такъ какъ нельзя же двухдневный арестъ считать даже приблизительно соотвѣтственнымъ винѣ наказаніемъ, наши сѣверные лѣса постоянно будутъ выгорать.

ГЛАВА X.

От „Помоздина“ до Усть-Сысольска. Условія жизни на верхней Вычегдѣ. Усть-Сысольскъ, рѣчь губернатора. Возможность соединенія каналомъ Печоры съ Обью. Возвращеніе въ Вологду.

Выѣхали мы въ луга, переѣхали Вычегду и покатили, проѣхавъ деревню „Воль-динъ“, вдоль ея берега; дорога и тутъ, среди полей и луговъ, идетъ все такая же ровная и гладкая; часовъ въ 6 вечера пріѣхали мы въ „Помоздино“; оно расположилось на правой возвышенности, окаймляющей очень широкую здѣсь долину Вычегды, и отъ села открывается великолѣпный видъ на нее съ извивающейся серебряной лентой рѣки среди покрытыхъ остожьями необозримыхъ луговъ, а за долиной подымаются противоположныя лѣвыя возвышенности; по нимъ безъ конца, вплоть до самаго горизонта, раскинулось безбрежное море лѣсовъ; немного лѣвѣе виденъ отсюда и тотъ конецъ волока, которымъ мы выѣхали изъ пустыннаго лѣса къ населеннымъ мѣстамъ, и далеко-далеко за нимъ опять видно сизое, стоящее безъ всякаго движенія, облако дыма — опять гдѣ-то горятъ беззащитные, безпризорные лѣса. Между нами и Печорой легло 134 версты лѣсной пустыни.

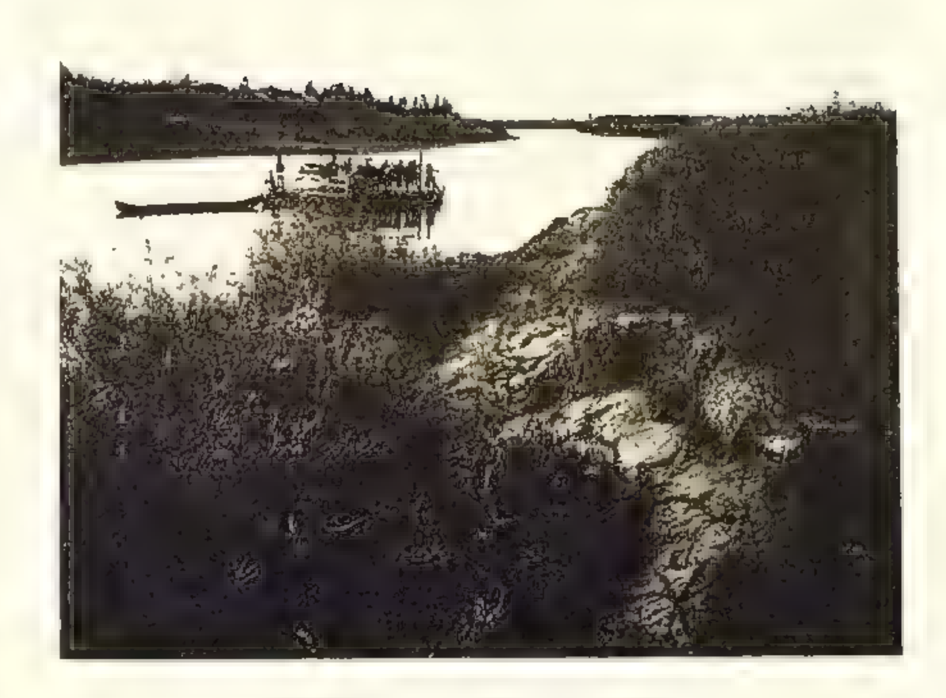
Деревня „Воль-динъ“.

Въ „Помоздинѣ“ мы перемѣняемъ лошадей, провезшихъ насъ безъ смѣны 134 версты

Вычегда у Помоздина.

и совершенно такихъ же бодрыхъ, какъ онѣ были при выѣздѣ изъ Троицко-Печорскаго, и ѣдемъ далѣе совершенно противоположными Печорскимъ мѣстами, прямо какой-то земледѣльческой стороной: всюду кругомъ колосится великолѣпная рожь, ячмень подымается бархатной щеткой, распаханныя поля виднѣются кое-гдѣ, къ рѣкѣ раскинулись богатые луга. О здѣшнихъ прекрасныхъ условіяхъ для хозяйства говорилъ намъ съ восторгомъ Помоздинскій священникъ, собирающійся дѣлать опыты посѣва ржи по-Демчинскому, но онъ произвелъ на насъ впечатлѣніе крайняго оптимиста и мы съ осторожностью отнеслись къ его восхваленіямъ,—теперь же, проѣзжая этими полями и лугами, видимъ, что оптимизмъ его, во всякомъ случаѣ, имѣетъ подъ собою почву.

Вычегда у дер. Скородумовской.

Помоздинская волость, т. е. село и 21 расположившаяся около него деревня, имѣетъ жителей: мужчинъ 2.113 и женщинъ 2.111, а всего 4.224, раздѣленныхъ на 596 дворовъ. Скотоводство у нихъ очень развито, что доказывается тѣмъ, что на эти 596 дворовъ приходится 2.255 головъ скота, 975 лошадей и 4.011 овецъ, но заработки на промыслахъ уже менѣе, чѣмъ на Печорѣ; рыболовство, столь важное тамъ, тутъ уже почти отсутствуетъ, остаются только охота и лѣсныя заготовки. Волость эта играетъ значительную роль въ жизни верхней Вычегды: сюда ежегодно стекается на ярмарку, бывающую съ 6-го по 18-е декабря, почти все ея населеніе для закупокъ всякихъ запасовъ, въ томъ числѣ и общественной муки, пріобрѣтаемой волостью на мірской капиталъ. Тутъ эта мѣра тоже практикуется, какъ и на Печорѣ, только въ болѣе строгихъ условіяхъ: здѣсь никому и никогда не отпускается она въ долгъ, а продается, по приговору схода, только за наличныя деньги.

Въ деревнѣ Скородумовской, состоящей, собственно, изъ двухъ деревень, опять переѣзжаемъ Вычегду на лѣвый ея берегъ и ѣдемъ среди сосноваго бора. Въ этомъ бору вкраплена деревня Великопольская, со строящейся въ ней часовней, окруженная полями и лугами, а

за ней боръ идетъ до самыхъ Пожегдинскихъ полей. Отъ самаго выѣзда изъ него и до села „Пожегъ" обращаютъ на себя вниманіе какія-то красныя почвы, чередующіяся съ песчаными; темно-красный цвѣтъ ихъ, особенно ярко выступающій въ лучахъ заходящаго солнца, вѣроятно, объясняется присутствіемъ значительнаго количества окиси желѣза; насъ чрезвычайно заинтересовали эти красныя поля и мы до самаго „Пожега" все наблюдали, сравнивая рожь, ростущую на нихъ и на сосѣднихъ песчанистыхъ поляхъ, но разницы въ качествахъ ея усмотрѣть такъ и не могли.

Въ „Пожегъ" мы пріѣхали уже совсѣмъ вечеромъ и, пока мѣняли намъ лошадей, зашли къ священнику пораспросить его о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ. По его словамъ, условія хозяйства здѣсь очень хорошія, рожь родится даже до самъ 20, но обыкновенный урожай, при обильномъ унавоживаніи песчаныхъ почвъ, бываетъ самъ 15. Такъ интересовавшія насъ красныя почвы даютъ урожаи такіе же, но удобренія требуютъ значительно меньше. Въ лугахъ чувствуется недостатокъ и является прямо необходимымъ увеличеніе ихъ площади, между тѣмъ, крестьяне расчищать подъ луга землю изъ-подъ лѣса не желаютъ и опасаются, не имѣя гарантіи въ томъ, что труды ихъ не пропадутъ задаромъ. Замѣчательно, что, гдѣ ни начнешь распрашивать объ условіяхъ хозяйства, вездѣ, при всякомъ предположеніи объ улучшеніяхъ, какъ лбомъ въ стѣну, упрешься именно въ это обстоятельство и, несомнѣнно, такъ будетъ до самыхъ тѣхъ поръ, пока не будутъ здѣсь крестьяне устроены, пока они не будутъ имѣть неотъемлемой собственности и увѣренности въ томъ, что все, сдѣланное ихъ руками, не будетъ отъ нихъ отнято, а теперь они такой увѣренности не имѣютъ и имѣть ея не могутъ,—значитъ, и какое-либо улучшеніе здѣшняго хозяйства проведено въ жизнь также быть не можетъ.

Недостаточность луговъ, о которой говоритъ священникъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что здѣсь скотоводство стоитъ уже ниже Помоздинскаго; тутъ на 1.905 жителей, раздѣленныхъ на 298 дворовъ, приходится рогатаго скота 859 головъ, лошадей 482 и овецъ 1.593, т. е. на одинъ дворъ—коровъ 2,88, лошадей,—1,61 и овецъ—5,34, а въ Помоздинѣ на одинъ дворъ приходилось коровъ 3,78, лошадей—1,67 и овецъ—6,73.

Разсказалъ намъ батюшка также и о томъ, какъ крестьяне на Вычегдѣ хорошо относятся къ церкви; здѣсь, въ „Пожегѣ", они рѣшили строить новый придѣлъ, для чего уже пожертвовали натурой, работая кирпичъ, и постановили сходомъ дать по 50 копѣекъ съ души, но священникъ надѣется, что дадутъ и больше, имѣя примѣръ села „Усть-немъ", гдѣ на то же самое дали по 2 рубля съ души, а тамъ народъ не богаче, чѣмъ въ „Пожегѣ"; тутъ живутъ зажиточно, зарабатывая, главнымъ образомъ, на лѣсныхъ заготовкахъ, а кромѣ того, и охотой.

С. Пожегъ на р. Вычегдѣ.

Потолковавъ такимъ образомъ, мы идемъ къ экипажамъ, чтобы проѣхать послѣднія 49 верстъ до Усть-Кулома, что и составитъ съ проѣханными уже отъ Помоздина 26-ью—75 верстъ разстоянія между „Помоздинымъ" и Усть-Куломомъ.

Превосходный вечеръ, тихій и теплый, спустился на мирныя поля, вершина колокольни освѣщена еще красноватымъ отблескомъ зашедшаго солнца, вкругъ нея мелькаютъ и звенятъ стрижи, а далекое лѣсное море уже все задернулось голубою дымкой, по потемнѣвшимъ лугамъ вьется серебряная рѣка и уходитъ въ туманную даль; тишина, миръ, спокойствіе и довольство, таково впечатлѣніе отъ этого теплаго догорающаго вечера, уступающаго уже свое мѣсто свѣтлой сѣверной ночи.

Недалеко отъ села мы переѣзжаемъ на паромѣ рѣку „Пурга" и, миновавъ расположенную на ея берегу деревню „Пурга-Керосъ" или „Пурга-Динъ", опять въѣзжаемъ въ 49-верстный лѣсной волокъ между „Пожегомъ" и Устъ-Куломомъ; имъ выкидывается въ пути вся та огромная дуга, которую тутъ загнула Вычегда, огибая протянувшіяся сюда горы, отроги Тиманскаго кряжа. Конецъ его и сказывается на всей этой дорогѣ, въ особенности рѣзко выражаясь на первой ея половинѣ отъ „Пожега", гдѣ, вѣроятно, и прошла, понемногу спускаясь къ изогнувшейся Вычегдѣ, главная складка Тимана; дорога идетъ здѣсь все время подымаясь на горы и опускаясь въ долины, горизонтальныхъ мѣстъ почти нѣтъ; только что успѣешь подняться на какую-нибудь возвышенную точку, только что успѣешь окинуть взглядомъ раскидывающійся передъ глазами широкій видъ на море лѣса, взбѣгающаго на холмы и пропадающаго въ низинахъ, какъ уже летишь подъ гору на дно долины съ протекающей по ней рѣчкой, только для того, чтобы опять, прогромыхавъ по перекинутому черезъ рѣчку мосту, взлетѣть на слѣдующую гору, и такъ всѣ 27 верстъ до расположившихся на одной изъ горъ 3-хъ дворовъ, носящихъ громкое названіе деревни.

Эти три домохозяина (отецъ и 2 сына) избрали себѣ поистинѣ благодатное мѣстечко: съ возвышенности, гдѣ они поселились, открывается замѣчательный видъ на уходящія въ даль горы, одѣтыя сплошнымъ лѣсомъ, щетинящимся по ихъ гребнямъ и склонамъ, на глубокія долины съ бѣгущими по нимъ ручьями и рѣчками, несущими свои воды въ Вычегду; при ночномъ освѣщеніи неугасающей зарею, съ залегающими въ долинахъ синими туманами, картина эта производитъ сильное впечатлѣніе. Мы остановились у этихъ трехъ дворовъ немного покормить лошадей, которыя тутъ также ѣдутъ всѣ 49 верстъ отъ „Пожега" до Усть-Кулома безъ перепряжки и, несмотря на глухое, ночное время, зашли въ одинъ изъ домовъ погрѣться, такъ какъ ночь къ разсвѣту стала сильно холодною. Хозяинъ дома разсказалъ намъ, что онъ сперва поселился здѣсь одинъ, а потомъ, когда сыновья его подросли, онъ отдѣлилъ ихъ, и выстроились, такимъ образомъ, еще 2 дома; одинъ изъ нихъ, типичная, обширная, сѣверная постройка, только что выстроенъ, и на наши ра-

спросы о томъ, во что онъ обошелся, хозяинъ сообщилъ, что весь лѣсной матеріалъ взятъ имъ изъ казны по билету и всего его взято имъ на 40 рублей.

Глухое, ночное время и состояніе „спросонья“, изъ котораго никакъ не могъ выйти хозяинъ, не особенно располагали къ разговорамъ, и мы, едва только лошади вздохнули, покатили дальше, спустившись сейчасъ же за этой деревней въ долину. Отсюда горизонтали по горамъ начинаютъ попадаться все длиннѣе, спуски въ долины и подъемы изъ нихъ становятся все рѣже и, наконецъ, дорога идетъ совершенно ровнымъ возвышеннымъ мѣстомъ. Все время идутъ еловые лѣса, почва, повидимому, чрезвычайно благопріятная для земледѣлія: суглинки и супеси, но коегдѣ попадается и сплошной песокъ, сыпучій и трудный для ѣзды, и тутъ сейчасъ же засаживается исключительно сосна, и, пока ѣдешь этими песками, все время по бокамъ дороги тянутся боровыя мѣста.

Неудобство первой половины пути съ его непрерывными спусками и подъемами заставило Усть-Сысольское земство приступить къ проведенію другой дороги, болѣе отходящей отъ луки Вычегды, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ только еще начинаются эти, образованныя текущими съ высокихъ мѣстъ рѣчками, долины, и тамъ, какъ говорятъ зыряне, есть возможность провести дорогу сплошь горбами, безъ спусковъ и подъемовъ.

Часа въ 2 мы, наконецъ, выѣхали изъ лѣсу въ Усть-Куломскія поля и съ возвышенности открылся намъ поражающій своею широтой видъ на долину Вычегды, но самой ея не видно, она скрыта вся подъ толстымъ слоемъ растянувшагося надъ ней тумана, и только отдаленныя возвышенности за Вычегдой поднимаются надъ этимъ туманнымъ моремъ. Восходящее солнце, чуть-чуть поднимающееся изъ-за щетины лѣсовъ на горизонтѣ, брызнуло своими розовыми лучами и озолотило далекія горы и вздымающіяся верхушки волнующагося отъ утренняго вѣтерка тумана.

Отъ самаго лѣса дорога начинаетъ полого спускаться къ Вычегдѣ и, наконецъ, сдѣлавъ крутой поворотъ, вбѣгаетъ въ самое село, раскинувшееся вдоль берега болѣе, чѣмъ на 4 версты; ѣдешь имъ, ѣдешь и все нѣтъ конца, все не можешь доѣхать до видной впереди огромной двухъэтажной церкви; улицы расположены параллельно рѣкѣ ряда въ три, одна выше другой, а по склонамъ между ними тянутся огороды. У самой церкви стоитъ прекрасное зданіе земскаго училища, въ которомъ мы и находимъ себѣ пріютъ послѣ 209 верстъ ѣзды на лошадяхъ; послѣдняя часть дороги необыкновенно пыльная, и мы пріѣхали въ Усть-Куломъ не только сами покрытые пылью до такой степени, что каждый изъ насъ буквально представлялъ собою какого-то „нѣкто въ сѣромъ“, но даже и всѣ внутренности нашихъ чемодановъ были пропитаны мелкой, всепроникающей пылью. Естественно, что по пріѣздѣ первое, за что мы ухватились, было мытье, на что и ушло у насъ болѣе часа времени, прежде

чѣмъ мы усѣлись за чаепитіе. Проѣхавъ 209 верстъ на лошадяхъ почти безостановочно, мы были немного утомлены и рѣшили выспаться, но предварительно обсудили планъ дальнѣйшаго нашего пути и пришли къ такому заключенію: сами мы поѣдемъ на лошадяхъ далѣе до тѣхъ поръ, пока не встрѣтимъ пароходъ, который, по нашимъ расчетамъ, долженъ уже быть на пути отъ Усть-Сысольска къ Усть-Кулому, а стражниковъ, остатки провизіи и весь громоздкій багажъ отправимъ отсюда на лодкѣ. Къ этому насъ побуждало въ нѣкоторой степени желаніе совершенно устранить возможность разъѣхаться съ пароходомъ, а главнымъ образомъ матеріальныя или, вѣрнѣе сказать, финансовыя условія нашей экспедиціи; они были таковы, что приходилось все время экономить, такъ какъ помощь правительства на нашу поѣздку заключалась всего въ 2.000 рублей, данныхъ министерствомъ финансовъ, изъ которыхъ полторы взяла съ насъ Ижемская артель за свой пароходъ на Печорѣ, да въ предоставленіи намъ министерствомъ путей сообщенія казеннаго парохода по Вычегдѣ и, такимъ образомъ, оставалось всего пятьсотъ рублей, а ихъ даже въ соединеніи съ прогонами и суточными, получаемыми только однимъ членомъ нашей, состоявшей изъ 12 человѣкъ, экспедиціи — губернаторомъ, мы не разсчитывали, чтобы хватило на все, почему, при возможности, въ общихъ тратахъ на нее нагонялась всяческая экономія. Долго торговались съ господами Усть-Куломцами, которые запросили за лодку съ гребцами 37 рублей, но, въ концѣ-концовъ, сойдясь на 14, приготовили къ отплытію какое-то громадное судно, надстроили на немъ крышу и, нагрузившись нашими вещами и шестью человѣками, двинулись внизъ по Вычегдѣ къ Усть-Сысольску, а мы, оставшіеся въ Усть-Куломѣ, залегли спать, что и продѣлывали почти до 1 часа дня.

Хмѣль въ Усть-Куломѣ.

Еще подъѣзжая ночью къ Усть-Кулому, мы любовались ржаными полями, да, ѣхавши по селу, замѣтили во многихъ мѣстахъ на огородахъ хмѣль, почему мы съ С. И. Турбинымъ

отправились, возставши отъ сна нѣсколько ранѣе другихъ членовъ экспедиціи, досконально освидѣтельствовать, какова рожь родится на поляхъ Усть-Куломскихъ и что изъ себя представляютъ здѣшніе огороды, и запечатлѣть видѣнное нами фотографіей. Чтобы добраться до полей, намъ пришлось порядочно пройти селомъ по страшной жарѣ и мы достаточно таки попріустали, пробродивъ по этому пеклу верстъ 6, но зато увѣковѣчили и прекрасную рожь на поляхъ, и великолѣпные хмѣль, коноплю и картошку въ огородахъ, а на одномъ изъ снимковъ совершенно случайно получили и доказательство разведенія въ Усть-Куломѣ капусты: на немъ замѣтенъ у какого-то сарайчика, за ростущимъ хмѣлемъ, тотъ ящикъ на высокихъ ножкахъ, въ которомъ обыкновенно выводятъ капустную разсаду. Такъ сказать, документально доказали возможность разведенія хмѣля при 61°40′ сѣв. широты и 71°30′ восточн. долготы (положеніе Усть-Кулома), чему, кажется, совершенно не вѣрили оторванные отъ жизни гг. Петербуржцы съ ихъ сложившимся мнѣніемъ о здѣшнихъ мѣстахъ, какъ о какой-то безплодной, ни на что не пригодной пустынѣ.

Огородъ въ Усть-Куломѣ.

Были мы и на главной улицѣ верстъ въ 5 длиною, ходили и въ боковыя на горахъ и нигдѣ намъ не привелось видѣть ни одного худого дома, какіе такъ нерѣдки въ нашихъ русскихъ деревняхъ,—покосившіеся, вросшіе въ землю, съ маленькими, заткнутыми какими-то тряпками окошечками; тутъ нѣтъ и намека на что-либо подобное; всѣ дома крѣпкіе, окна большія, стекла вездѣ цѣлы, на окнахъ стоятъ цвѣты. Увидишь у двора телѣгу, и она крѣпкая и солидная, сбруя лежитъ на ней исправная, не рвань какая-нибудь и не веревочная; около домовъ чисто, не валяется никакого хлама, если есть какой-нибудь матеріалъ или дрова, все это аккуратно сложено и стоитъ на своемъ мѣстѣ, и это не только на главной улицѣ, гдѣ могли и попріубраться въ ожиданіи проѣзда губернатора, а и на боковыхъ – вездѣ впечатлѣніе довольства и порядка.

Хмѣль въ с. Усть-Куломъ

Смотришь на этотъ порядокъ и находишь въ немъ подтвержденіе справедливости предположенія о томъ, что въ числѣ причинъ лѣсныхъ пожаровъ значительную долю изъ рубрики неизвѣстныхъ слѣдуетъ перенести въ рубрику поджоговъ; не вяжется та безалаберность, которую необходимо предположить въ человѣкѣ, бросающемъ неумышленно незагашенный костеръ въ лѣсу въ жаркое сухое время, съ той хозяйственностью и порядкомъ, какіе бросаются въ глаза въ зырянскихъ селахъ.

Ходя по улицамъ села, мы съ Турбинымъ, какъ охотники, обращаемъ свое вниманіе на всюду привязанныхъ подъ сараями и у амбаровъ типичныхъ зырянскихъ лаекъ. Онѣ теперь всѣ сидятъ на цѣпяхъ и это обыкновеніе —держать ихъ на привязи все время, пока скотъ ходитъ въ полѣ, строго здѣсь соблюдается. Зырянская лайка, будучи превосходной звѣровой собакой и главнымъ сотрудникомъ своего хозяина въ его странствованіяхъ за рябчикомъ, бѣлкой и всякимъ другимъ звѣремъ, почитаетъ за звѣря и овцу и немилосердно рветъ ихъ, находясь на свободѣ, почему и вошло здѣсь въ обыкновеніе до начала охотничьяго сезона держать всѣхъ собакъ на привязи. Этотъ обычай всюду здѣсь соблюдается и во многихъ волостяхъ о строгомъ соблюденіи его существуютъ приговоры сходовъ; въ приговорахъ этихъ замѣчается одна характерная особенность: крестьяне, видимо, прекрасно понимаютъ, что наказаніе за проступокъ не должно отдѣляться отъ него долгимъ промежуткомъ времени и что вся судебная процедура является совершенно излишней при наличности проступка, поэтому они въ этихъ приговорахъ исключаютъ такое громоздкое учрежденіе, какъ волостной судъ, и предоставляютъ старшинѣ власть налагать взысканіе на виновнаго въ нарушеніи этого обычая или въ видѣ штрафа, или въ видѣ ареста. Съ совершенно подобнымъ же взглядомъ намъ пришлось столкнуться и въ другомъ вопросѣ, имѣющемъ здѣсь очень важное значеніе, а именно, въ вопросѣ объ изгородяхъ. Тутъ, гдѣ всѣ поля и сѣнокосы заключаются въ маленькихъ клочкахъ земли, вкрапленныхъ въ лѣсныя пространства, существенно важно, чтобы изгороди, ихъ огораживающія, были въ исправности и они были бы въ безопасности отъ потравы скотомъ. Эта причина и заставила здѣшнее населеніе относиться къ вопросу объ изгородяхъ съ большою серьезностью и составить по этому поводу почти по всѣмъ волостямъ приговоры, въ которыхъ замѣчается то же самое, что и въ приговорахъ о собакахъ: сходы совершенно не считаютъ нужнымъ продѣлывать всю волокиту суда въ тѣхъ случаяхъ, когда проступокъ очевиденъ и виновникъ его извѣстенъ и, обходя волостной судъ, предоставляютъ своимъ старшинамъ непосредственное право штрафовать собственника неисправной изгороди, исправлять послѣднюю за его счетъ и взыскивать съ него за потраву безъ всякаго суда. Теперь, когда крестьяне всей Россіи, благодаря закону 9-го ноября, наконецъ освобождаются отъ своего закрѣпощенія губящей всякую иниціативу

общинѣ и могутъ свои кусочки пахотной земли выдѣлять въ отрубные участки, можно предвидѣть, что вопросъ объ изгородяхъ явится существенно важнымъ не только для сѣвера, но и для всей Россіи и, пожалуй, не мѣшало бы законодательнымъ органамъ прислушаться къ тому, какъ вопросъ этотъ разрѣшается на практикѣ давно уже имѣющимъ съ нимъ дѣло населеніемъ.

Пробродивъ часа два, мы возвратились усталые, измученные жарой и голодные, въ нашу квартиру и застали оставшихся за обѣдомъ; онъ далеко не соотвѣтствовалъ торжественному дню: сегодня 5-ое іюля, и одинъ изъ членовъ экспедиціи, С. И. Поповъ, былъ именинникъ, а обѣдъ нашъ состоялъ весь изъ одного очень хорошаго и вкуснаго, но не входящаго, обыкновенно, въ меню торжественныхъ обѣдовъ, кушанья—смѣси квасу, сметаны, огурцовъ, яицъ и крошеной говядины. Остатки провизіи нашей всѣ уѣхали на лодкѣ, и мы теперь великолѣпно напитались и этимъ кушаньемъ, состряпаннымъ и предложеннымъ Ф. Д. Прокышевымъ, а если прибавить къ этому чай съ молокомъ, котораго мы, пробродивъ по жарѣ, пили неимовѣрное количество, то можно сказать, что пообѣдали мы съ Турбинымъ, пожалуй, съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ въ любомъ ресторанѣ.

Часа въ 4 мы выѣхали изъ Усть-Кулома. Погода успѣла уже перемѣниться и все небо затянуло сѣрыми, грозящими дождемъ облаками, хотя совершенно тепло и тихо.

Дорога отъ Усть-Кулома значительное пространство идетъ, послѣ переѣзда на паромѣ черезъ Вычегду, заливными лугами, тянущимися по берегамъ рѣки; они уже выкошены и покрыты стогами, только кое-гдѣ еще докашиваютъ оставшіяся полосы и спѣшно собираютъ разваленное сѣно; начинаетъ накрапывать дождь. Пройдя этими лугами, дорога до самаго села „Деревянска“ идетъ прекраснымъ старымъ лѣсомъ, въ большинствѣ мѣшанымъ, но часто попадаются въ немъ и сплошныя боровыя мѣста, покрытыя великолѣпнымъ соснякомъ. На половинѣ пути, у самой дороги святой ключъ, съ висящей надъ нимъ на громадномъ крестѣ иконой, и въ сторонѣ часовня; сюда совершается ежегодно изъ „Деревянска“ крестный ходъ, но когда и какой это ключъ, нѣтъ ли связанныхъ съ нимъ какихъ-нибудь легендъ, ничего этого мы разузнать отъ нашего возницы не могли, ужъ очень невелики у него оказались познанія въ русскомъ языкѣ.

Село „Деревянскъ“ поражаетъ насъ, уже успѣвшихъ привыкнуть къ обширности зырянскихъ, разбросанныхъ на далекія разстоянія селъ, своею величиною; оно стоитъ, какъ и Усть-Куломъ, на самомъ берегу Вычегды, которая между ними течетъ большою дугой, выгнутой къ сѣверу; дорога же не слѣдуетъ берегу, а перерѣзаетъ эту дугу у ея концовъ и, значительно отойдя отъ рѣки своею серединою, вновь подходитъ къ ней въ „Деревянскѣ“, далѣе же идетъ почти все время берегами ея, не удаляясь отъ нихъ значительно. „Деревянскъ“ и

Рожь въ Усть-Куломскихъ поляхъ.

длинно растянулся по берегу, и широко раскинулся отъ рѣки по склонамъ возвышенности, на которой стоитъ, а на самомъ гребнѣ видно огромное новое зданіе министерскаго училища, доминирующее, вмѣстѣ со стоящей на томъ же гребнѣ церковью, надо всѣмъ селомъ; постройки здѣсь, какъ и вообще въ зырянскихъ селахъ, всѣ хороши; дома очень большіе, или двухъэтажные, или же одноэтажные, но длинные съ большими окнами, очень часто съ итальянскими. И здѣсь получается впечатлѣніе довольства и обезпеченности.

Тутъ мы мѣняемъ лошадей и ѣдемъ далѣе до станціи „Аныбъ". Дорога идетъ гребнемъ береговыхъ возвышенностей и долина Вычегды, широкая и пропадающая вдали подъ сѣткою разошедшагося не на шутку дождя, видна намъ все время; въ одномъ мѣстѣ она представляетъ изъ себя чудный видъ, съ вьющейся далеко внизу по ней Вычегдой и съ бѣлѣющимъ вдали Ульяновскимъ монастыремъ. Тутъ у самой дороги расположенъ лѣсной поселокъ, устроенный управленіемъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, хозяиномъ здѣшнихъ безконечныхъ лѣсовъ, протянувшихся на сотни верстъ и немного мѣста оставившихъ по берегамъ рѣкъ вѣчному врагу своему, человѣку. Этотъ поселокъ представляетъ собою цѣлую усадьбу: на дорогу стоятъ прекрасный домъ, въ которомъ живетъ помощникъ лѣсничаго, и другой для стражи и объѣздчика, а сзади нихъ видно много надворныхъ построекъ. На дворѣ—огородъ, парники, небольшая школа деревьевъ; видно, что тутъ заложено основаніе благому дѣлу—устройству показательнаго хозяйства, въ которое современемъ и должна, по мысли И. М. Шемигонова, обратиться эта усадьба; бѣда только въ томъ, что средствъ на это хорошее и безусловно полезное дѣло почти никакихъ нѣтъ и приходится вести его далеко не съ тою быстротой, какая была бы необходима. Существованіе такой показательной станціи вызывается крайнею нуждою населенія въ свѣдѣніяхъ по хозяйству, и казалось бы, что проведеніе въ жизнь мысли о ея учрежденіи должно встрѣтить всяческое сочувствіе, но на дѣлѣ, повидимому, выходитъ не такъ и преобразованіе теперешняго лѣсного поселка въ показательную станцію обречено, кажется, на быстроту черепахи. Необходимость что-нибудь сдѣлать въ этомъ направленіи сознавалась уже и ранѣе, и Усть-Сысольское земство устроило свою ферму, изъ примѣра которой здѣшнее населеніе могло бы получить хотя примитивныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, но, къ несчастью, эту ферму постигла общая участь земскихъ начинаній и она идетъ крайне неудачно, но все-таки земство не дошло еще до мысли, какъ было бы полезно для дѣла передать ее, влачащую жалкое существованіе, въ руки управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ, гдѣ она могла бы процвѣтать при завѣдываніи ею опытнымъ, ученымъ агрономомъ, а не хирѣть такъ, какъ она хирѣетъ сейчасъ, быстро приближаясь къ преждевременной кончинѣ, и останутся въ результатѣ брошенныя непроизводительно

земскія деньги да нѣсколько построекъ, печально дожидающихся своей продажи. Съ одной стороны предпріятіе, создаваемое настойчиво, шагъ за шагомъ, съ трудами и при недостаткѣ средствъ, съ другой— такое же, уже созданное, но больное, хирѣющее, быстро идущее къ смерти; какъ просто кажется влить въ него, увядающее, ту жизнь и энергію, которой такъ много въ первомъ.

По дорогѣ до села „Аныбъ" встрѣчается деревня „Ручь", также очень большая, окруженная полями съ превосходной высокой и густой рожью и богатыми лугами. Уже настала ночь и солнце зашло, успѣвъ насъ порадовать напослѣдокъ своими закатными лучами, прорвавшимися сквозь облака въ тоненькую полоску чистаго неба на горизонтѣ; брызнули они оттуда и засверкали красные и золотые блики на смоченныхъ дождемъ верхушкахъ деревьевъ, длинныя тѣни побѣжали рядомъ съ нашими тарантасами, мягко катящимися по прибитой дождемъ пыли, заиграли по отдаленнымъ горамъ розовые и фіолетовые тоны и еще мрачнѣе стало, когда погасли эти лучи и опять все погрузилось въ сѣрый сумракъ надвигающейся облачной ночи.

Проѣхавъ „Аныбъ", ѣдемъ къ слѣдующей станціи „Подъельскому" все время лѣсомъ, подвинувшимся здѣсь почти къ самой рѣкѣ, до переѣзда черезъ Вычегду, гдѣ дорога выходитъ на великолѣпные заливные луга. У перевоза мы съѣхались съ нашей лодкой, плывущей изъ Усть-Кулома, чего мы не ожидали, не разсчитывая на такое быстрое ея плаваніе; ей вѣдь приходилось по рѣкѣ сдѣлать, выдѣлывая всѣ кривулины и загибы, гораздо болѣе нашего, и то, что мы, при очень быстрой ѣздѣ на лошадяхъ, догнали ее только у „Подъельскаго", т. е. у третьей станціи, было для насъ пріятною неожиданностью тѣмъ болѣе, что мы не очень-то разсчитывали на усердіе предоставленныхъ самимъ себѣ и гребцовъ, и пассажировъ лодки.

Село „Подъельское", центръ волости съ 15 селеніями и 3.867 жителями, мы проѣхали глухою ночью, но не остановились въ немъ ночевать, разсчитывая доѣхать за одинъ махъ до „Небдина" и, если и до него не встрѣтимъ парохода, отдохнуть уже тамъ.

На разсвѣтѣ переѣхали на паромѣ устье такъ памятной намъ по прошлогодней поѣздкѣ Вишеры, миновали Сторожевское, погруженное въ сонъ, и раннимъ утромъ, чуть только что встало солнышко, пріѣхали въ „Небдино", гдѣ, разочарованные въ своихъ надеждахъ встрѣтиться съ пароходомъ, завалились спать, кто въ довольно чистыхъ комнатахъ земской станціи, а кто на сѣновалѣ на свѣжемъ, только что привезенномъ, сильно пахнущемъ сѣнѣ, но не успѣли мы еще и глаза покрѣпче закрыть, какъ у насъ появился радостный вѣстникъ, Усть-Сысольскій исправникъ, сообщившій намъ, что пароходъ ждетъ насъ въ селѣ „Пезмогѣ", въ 12 верстахъ отъ „Небдина" сухимъ путемъ и въ 25 верстахъ рѣкою; туда пароходъ дошелъ, но остановился, опасаясь идти дальше, такъ какъ вода сильно сбыла, а фарватеръ Вычегды плохо извѣстенъ;

впослѣдствіи оказалось, что опасенія эти были совершенно напрасны и идти до „Небдина“ было, конечно, совершенно возможно и безопасно, но капитанъ Зеленковичъ не рѣшался рискнуть, опасаясь налетѣть на мель и желая избѣжать всякой возможности отвѣчать за казенный пароходъ; эта боязнь отвѣтственности дѣлала его все время крайне осторожнымъ, и осторожность эта, конечно, совершенно понятная, уступала мѣсто риску только во время нашего присутствія на пароходѣ. безъ насъ же принимала теперь печальные для насъ размѣры.

Прибытіе исправника и его разсказы о томъ, какъ онъ отъ мѣста остановки парохода шелъ какими-то болотами пѣшкомъ до села „Пезмогъ“, значительно посократили время, опредѣленное нами для отдыха и сна.

Утро, когда мы проснулись, было замѣчательно хорошо, вчерашняя примѣта, что солнце сѣло при затянутомъ облаками небѣ въ очистившійся отъ нихъ горизонтъ, оказалась вѣрной и день обѣщалъ быть превосходнымъ; и помину не было о вчерашнемъ дождѣ, жарко, солнечно и тихо, по небу вереницами плывутъ пушистыя бѣлыя облака, рѣка серебрится и сверкаетъ.

Село „Небдино“ такое же длинное, какъ и всѣ зырянскія села, но въ немъ есть кое-что и особенное, напримѣръ нѣсколько каменныхъ домовъ, придающихъ всему селу особый видъ; оно дѣлится на двѣ части протекающей поперекъ его какою-то рѣчкой, и восточная часть его, сплошь деревянная, длинная-предлинная, а западная покороче, но зато въ ней сосредоточены всѣ выдающіяся зданія и стоитъ церковь. Мы прежде всего и отправились въ нее, а затѣмъ обошли земское училище, волостное правленіе и чайную съ библіотекой попечительства о народной трезвости; мѣстный священникъ въ разговорахъ указывалъ на тотъ фактъ, что молодежь села, чѣмъ далѣе, тѣмъ ведетъ себя все хуже и хуже, что онъ объясняетъ вліяніемъ расположенныхъ на югѣ уѣзда желѣзодѣ-

С. Небдино на р. Вычегдѣ.

лательныхъ заводовъ, на которые многіе изъ здѣшнихъ жителей уходятъ на заработки, и бороться съ этимъ зломъ чрезвычайно трудно, такъ какъ заработки, получаемые на этихъ заводахъ, очень хороши и, конечно, привлекаютъ собою множество крестьянъ.

Мы и сами кое-что уже замѣчали, мелкія, но характерныя черточки, показывающія, что казенная пропаганда здѣсь уже оказала свое первое развращающее вліяніе, и оставили „Небдино" подъ этимъ непріятнымъ впечатлѣніемъ. Я говорю „казенная" потому, что практикуемая нынѣ ссылка въ Вологодскую губернію, остававшуюся до сихъ поръ здоровою, безъ сомнѣнія, является пропагандой, а казенная она оттого, что господа пропагандисты живутъ себѣ, ничего не дѣлая, и неизвѣстно какіе ихъ труды оплачиваются казеннымъ жалованьемъ.

„Небдино" является центромъ довольно крупной волости изъ 3-хъ обществъ съ 4.499 жителями. И тутъ намъ пришлось слышать отъ нихъ жалобы на недостатокъ земли, совершенно не обезпечивающей населеніе своимъ хлѣбомъ; намъ разсказывали, что пахоты приходится въ волости на наличную душу только на высѣвъ 6 пудовъ сѣмянъ, а сѣна собираетъ каждый не болѣе 5 возовъ. Эти разсказы, пожалуй, находятъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что и здѣсь мірскіе капиталы идутъ на закупку годового запаса муки для продажи населенію по заготовительной цѣнѣ, значитъ, своего хлѣба, дѣйствительно, ему не хватаетъ.

Всѣ 12 верстъ до „Пезмога" дорога идетъ сплошь песчанымъ грунтомъ, но не вездѣ песокъ этотъ является голымъ, а во многихъ мѣстахъ почва су-песчаная, чѣмъ и объясняется, что и Небдинскія и Пезмогскія поля, насколько можно судить при быстрой ѣздѣ, покрыты прекрасной, высокой и густой рожью. Здѣшнія су-песчаныя почвы, при обильномъ удобреніи, даютъ всегда очень постоянные, хорошіе урожаи, почти внѣ зависимости отъ условій погоды.

Пезмогская волость имѣетъ жителей всего 1.558 и вся состоитъ изъ одного общества. Въ самомъ селѣ „Пезмогъ" мы не останавливаемся, а проѣзжаемъ прямо къ пароходу, стоящему у берега, мимо стѣнъ вновь строящагося храма, выведенныхъ уже до верхняго края оконъ; судя по этимъ стѣнамъ, Пезмогскіе жители затѣяли постройку очень большого храма и, если усердіе ихъ пропорціонально величинѣ будущаго зданія, вѣроятно, они народъ очень религіозный.

Пріятно было намъ вновь водвориться на пароходѣ, послѣ 330 верстъ ѣзды на лошадяхъ, сознавая, что больше уже не будетъ никакихъ перегрузокъ и перекладокъ; опять мы заняли свои облюбованныя мѣста, опять стоимъ на верхней палубѣ и любуемся столь привычной и, несмотря на привычку, все также чарующей картиной темно-синей рѣки съ ярко-желтыми пятнами песковъ и зелеными полосами лѣсовъ по берегамъ, облитой льющимся съ безоблачнаго неба солнечнымъ свѣтомъ.

За время отъ нашего перваго проѣзда здѣсь выступило очень много песчаныхъ отмелей и берега сильно обнажились, что и внушило нашему капитану опасеніе идти дальше, но мы уговариваемъ его продвинуться еще вверхъ по Вычегдѣ до встрѣчи съ нашей Усть-Куломской лодкой, чтобы забрать на пароходъ и багажъ нашъ, и ѣдущихъ въ ней людей, такъ какъ, если бы мы предоставили имъ плыть на лодкѣ до самаго Усть-Сысольска, а сами пошли бы туда прямо, намъ пришлось бы очень долго ихъ тамъ дожидаться. Капитанъ, хотя и неособенно охотно, но все-таки сдается на наши уговариванія и идетъ, а, пойдя, убѣждается самолично, что опасенія его были напрасны и пароходъ совершенно свободно можетъ идти и дальше.

За однимъ изъ поворотовъ, далеко еще не доѣзжая до „Небдина" опять же неожиданно для насъ. показалась и наша лодка; она за ночь прошла очень большое разстояніе и „Небдино" проѣхала почти сейчасъ же послѣ того, какъ мы изъ него выѣхали. Погрузивъ все съ лодки на пароходъ, мы завернулись и прямо пошли въ Усть-Сысольскъ, куда и пришли довольно поздно вечеромъ.

Когда мы пріѣхали на пароходъ, на немъ находился одинъ изъ инженеровъ экспедиціи Попова, о которой я уже упоминалъ выше; онъ сообщилъ намъ о результатахъ работъ по изслѣдованію Вычегды и, по его словамъ, она ими уже обслѣдована отъ устья Кельтмы до „Пезмога" и вся на этомъ пространствѣ совершенно судоходна, препятствіемъ служатъ только карчи, которыя слѣдуетъ выловить, да 2—3 переката, которые слѣдуетъ снять, и тогда до самыхъ Кельтмъ возможно будетъ постоянное судоходство. Очень жаль, что экспедиція эта, состоящая изъ Пермскихъ инженеровъ, не имѣетъ ни надобности, ни интереса обслѣдовать Вычегду выше устья Кельтмы, и благодаря этому все теченіе ея отъ Кельтмы, выхода на Каму, до Мылвы, выхода съ Печоры, останется, повидимому, нынѣшній годъ не обслѣдованнымъ, а какъ было бы кстати соединить обѣ эти работы вмѣстѣ.

Въ Усть-Сысольскѣ мы совершенно неожиданно встрѣтили случайно съѣхавшихся тамъ завѣдующихъ 2-мя экспедиціями: П. И. Соколова, завѣдующаго экспедиціей по изслѣдованію Усть-Сысольскихъ казенныхъ земель въ отношеніи ихъ пригодности для переселенія, и инженера путей сообщенія Н. В. Попова, завѣдующаго экспедиціей по обслѣдованію рѣкъ, могущихъ служить водными путями для вывоза нефти съ Ухты на центральные рынки. Намъ было чрезвычайно интересно познакомиться съ результатами ихъ работъ и въ высшей степени пріятно видѣть представителей двухъ экспедицій, которыя являлись результатами нашей прошлогодней поѣздки. П. И. Соколовъ еще въ прошломъ году, послѣ нашего возвращенія изъ поѣздки по Вишерѣ и на Ухту, успѣлъ съѣздить и осмотрѣть Вишерскія земли, нынѣшній же годъ онъ обслѣдовалъ 1.200.000 десятинъ казенной земли Усть-Сысольскаго лѣсничества въ южной части уѣзда и нашелъ изъ ихъ числа

400.000 дес., пригодныхъ подъ переселеніе; собственно, эти 400.000 десятинъ должны считаться двумя третями годной подъ переселеніе земли, такъ какъ къ нимъ должно быть добавлено еще 200.000 десятинъ лѣсныхъ угодій, принимая во вниманіе, что въ каждомъ надѣлѣ должна быть 1/3 лѣса въ видѣ лѣсного надѣла и выгона и, такимъ образомъ, изъ 1.200.000 обслѣдованныхъ десятинъ, половина представляетъ собою годную подъ переселеніе землю, т. е. на эту обслѣдованную площадь можетъ переселиться 30—40 тысячъ дворовъ или, принимая дворъ состоящимъ изъ пяти человѣкъ, земли на этой площади хватитъ на 150—200 тысячъ человѣкъ.

Какой же громадной емкости земельный запасъ представляетъ собою весь Усть-Сысольскій уѣздъ, площадь котораго равняется 15 съ половиною милліонамъ десятинъ. Мы сами убѣдились при поѣздкѣ въ существованіи огромнаго количества земель, пригодныхъ для переселенія, и на Печорѣ, и по дорогѣ между Печорой и Вычегдой, и по Мылвамъ, и по Илычу, въ прошломъ году видѣли такія же земли по Вишерѣ и можемъ сказать, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, пропорція, получившаяся у П. И. Соколова для земель Усть-Сысольскаго лѣсничества, останется въ силѣ и для другихъ лѣсничествъ уѣзда, а, вѣроятно, и уѣздовъ, такъ какъ и по Выму, текущему Яренскимъ уѣздомъ, мы вѣдь видѣли опять же точно такія земли, видѣли въ Кылтовскомъ монастырѣ и результатъ того, что могутъ дать онѣ при умѣломъ хозяйствѣ; Яренскій уѣздъ равняется 5.300.000 десятинъ, Сольвычегодскій—3.870.000 десятинъ, а всего въ этихъ трехъ уѣздахъ 24 съ половиною милліона десятинъ и на всей этой огромной территоріи жителей всего только 260 тысячъ. Казалось бы, что тутъ-то именно переселенческое дѣло и должно бы имѣть самое широкое развитіе, но на самомъ дѣлѣ не такъ: оно въ Вологодской губерніи является какимъ-то пасынкомъ всего русскаго переселенческаго дѣла и не заслужило даже того, чтобы хотя попасть въ вѣдѣніе спеціалистовъ именно этого переселенческаго дѣла, какъ сибирское, а не быть пристроеннымъ, въ видѣ какого-то придатка, къ работѣ Департамента Министерства Земледѣлія, который и своего-то дѣла имѣетъ совершенно достаточно, и вовсе не является спеціалистомъ переселенческаго дѣла.

Внушаетъ опасенія и самое неопредѣленное положеніе работъ П. И. Соколова. Что, если на нынѣшній годъ на эти работы былъ отпущенъ кредитъ, а на будущій не дадутъ, или, если та работа, основаніе которой положено П. И. Соколовымъ и имъ же выработанъ извѣстный планъ этой работы и принята извѣстная система, будетъ передана другимъ лицамъ и будетъ сдѣлана обыкновенная ошибка, въ конецъ губящая дѣло, смѣна завѣдующаго лица, нарушающая планъ и систему работъ. Съ одной стороны, колоссальное земельное богатство, съ другой, неопредѣленное положеніе работъ по использованію этихъ

богатствъ; такое сопоставленіе поневолѣ заставляетъ опасаться за будущность переселенческаго дѣла въ Вологодской губерніи.

Н. В. Поповъ, изслѣдуя выходъ съ Ухты на Вычегду, побывалъ настоящимъ лѣтомъ на нефтяныхъ мѣсторожденіяхъ, и мы съ крайнимъ интересомъ слушаемъ о томъ, что дѣлается теперь на Ухтѣ. Его разсказы о томъ, что Гансбергъ, прошелъ 52 сажени, что онъ энергично тамъ работаетъ, что вышка Воронова стоитъ все лѣто запертая и никто изъ его компаніи и не бывалъ нынѣшній годъ на промыслахъ, что туда ѣдетъ моремъ отъ Абаковскаго инженеръ Бацевичъ съ машинами и алмазнымъ буромъ, ничего утѣшительнаго намъ не сказали; они только подтвердили тѣ опасенія, которыя закрались намъ въ душу въ прошломъ еще году, когда мы прочли на обратномъ пути газетныя извѣстія о необъяснимомъ, чтобы не сказать болѣе, соглашеніи министерства съ компаніей Воронова.

Еще зимой вполнѣ ясно выступили уже мелкіе, но многочисленные штрихи, создающіе мрачную картину настоящаго положенія нефтяного дѣла на Ухтѣ. Теперь совершенно ясно уже, что все оно, только что освободившееся отъ компаніи Канкрина, тормозившей его въ продолженіе болѣе 10 лѣтъ, отдано казною въ настоящее время подобной же компаніи, участникомъ которой былъ, какъ заявилъ самъ Вороновъ на засѣданіи по поводу Ухты, бывшемъ въ Петербургѣ, а, можетъ быть, и сейчасъ состоитъ Бакинскій нефтепромышленникъ Нобель; компанія эта съ такимъ же, если не съ большимъ, успѣхомъ тормозитъ Ухтинское нефтяное дѣло и уже затормозило его до 1910 года; министерство обязало компанію Воронова провести до 1910 года двѣ глубокія промысловыя буровыя скважины по 200 саженъ и, вотъ уже именно, смѣхъ рядомъ съ горемъ живетъ, въ обезпеченіе этого обязательства взяло съ Воронова огромный залогъ, — цѣлыхъ 20 тысячъ рублей. Конечно, никакихъ глубокихъ буровыхъ промысловыхъ скважинъ никто и не думаетъ проводить, да теперь, когда уже извѣстно, что все лѣто настоящаго года никто изъ этой компаніи на Ухтѣ и не былъ, можно сказать, что нѣтъ и возможности успѣть ихъ провести, да и не нужны онѣ совсѣмъ для цѣли этой компаніи; дѣло-то глубокаго буренія оттянуто до 1910 года, а отвѣтить за это придется всего 20 тысячами, но что значатъ эти несчастныя 20 тысячъ по сравненію съ тѣми убытками, какіе потерпѣли бы Бакинцы, если бы глубокое буреніе доказало, что на Ухтѣ есть нефть. А компанія въ то же время издаетъ дискредитирующія всячески Ухтинскую нефть брошюрки, въ которыхъ такъ и сквозитъ, что выпускающіе эти брошюрки, какъ чертъ ладана, боятся именно глубокаго буренія. Ну, да говорить объ этомъ, только кровь себѣ портить.

Вологодское губернское земство въ прошломъ году, соглашаясь съ запиской автора настоящей книги, возбудило ходатайство о томъ, чтобы правительство взяло на себя рѣшеніе главнаго основного вопроса

Ухтинскаго нефтяного дѣла—есть тамъ нефть или ея нѣтъ, и само произвело бы глубокое буреніе, но, вѣроятно, ходатайство это попало въ разрядъ тѣхъ, къ какимъ принадлежитъ чуть не десять разъ повторенное и до сего времени не удовлетворенное ходатайство о расчисткѣ фарватера Сухоны, и Ухтинское нефтяное дѣло много еще лѣтъ будетъ путаться въ рукахъ разныхъ компаній, пока не придутъ намъ на выручку какіе-нибудь варяги; извѣстно вѣдь, что земля наша велика и обильна и т. д.

Разсказывалъ Н. В. Поповъ и о томъ, что, изслѣдуя сообщеніе съ Ухтой черезъ Шомъ-вукву, его экспедиція открыла путь туда гораздо удобнѣйшій и ближайшій. Оказывается, что если подниматься съ Выма по впадающей въ него у самыхъ Веслянъ рѣчкѣ Веслянкѣ и по ея притоку Ропчѣ и далѣе рѣчкой „Тимя-ворга", то совершенно свободно можно попасть оттуда черезъ 10-ти верстный переволокъ въ притокъ Ухты—Тобысь, что значительно сократитъ разстояніе отъ Веслянъ до нефтяныхъ мѣсторожденій и дастъ возможность обойти всѣ Вымскіе пороги. Обслѣдованіе этихъ рѣчекъ, хотя и краткое, даетъ полное право предполагать возможность сдѣлать этотъ путь вполнѣ провозоспособнымъ для будущей нефти.

Насъ удивило, что до сихъ поръ въ Ухтинскомъ нефтяномъ районѣ не было никого отъ министерства торговли, вѣдѣнію котораго должно бы подлежать все это дѣло. Непонятнымъ казалось намъ и невѣроятнымъ, чтобы оно не обратило вниманія на нарождающуюся тутъ, имѣющую огромное значеніе, промышленность; вѣдь приливъ на фабрики и заводы дешевой сѣверной нефти, вѣроятно, гораздо лучше могъ бы обезпечить рабочій классъ, чѣмъ тотъ проэктъ закона о страхованіи рабочихъ, построенный по отжившимъ уже и забракованнымъ промышленными законодательствами всѣхъ странъ соціалистическимъ рецептамъ, который былъ внесенъ этимъ министерствомъ въ междувѣдомственное совѣщаніе и который такъ яро защищала газета „Рѣчь".

Еще въ прошломъ году, когда проѣзжая черезъ Усть-Сысольскъ, губернаторъ далъ на пароходѣ обѣдъ обществу этого города, оно настойчиво просило его принять отвѣтный, но губернаторъ, не имѣя тогда на это времени, обѣщалъ принять этотъ отвѣтный обѣдъ, если ему придется быть въ Усть-Сысольскѣ еще разъ. Теперь ему привелось опять быть въ Усть-Сысольскѣ и онъ исполнилъ свое обѣщаніе.

7-го Іюля 1908 года былъ устроенъ обѣдъ въ клубѣ и на него сошлись и всѣ представители городского общества, и цѣликомъ вся наша экспедиція, и представители двухъ экспедицій, случайно съѣхавшіеся съ нами. Участвовалъ въ обѣдѣ и членъ Государственной думы отъ Вологодской губерніи С. Н. Клочковъ. Много провозглашалось тостовъ, не мало и рѣчей говорилось на тему о необходимости вызвать къ жизни полный богатствъ нашъ Сѣверъ, погруженный сейчасъ въ вѣковую непробудную спячку; П. И. Соколовъ знакомилъ вкратцѣ

присутствующихъ съ результатами своихъ работъ, С. Н. Клочковъ говорилъ о томъ интересѣ, какой возбудилъ въ думѣ вопросъ объ Ухтинской нефти и о томъ значеніи, какое имѣютъ въ настоящее время въ русской жизни всѣ работы по переселенію, Н. В. Поповъ обрисовалъ всю важность тѣхъ водныхъ путей, которыми пойдетъ съ Ухты нефть на центральные рынки Россіи. Хозяева наши почти всѣ говорили о значеніи оживленія Сѣвера, освѣщая вопросъ съ точки зрѣнія того вѣдомства, представителями котораго они являлись. На эти привѣтственныя рѣчи экспедиція наша отвѣчала въ лицѣ двухъ представителей своихъ: И. М. Шемигоновъ яркими красками обрисовалъ передъ присутствующими то печальное положеніе заброшенности Вологодскаго сѣверо-востока, въ которомъ онъ находится въ настоящее время, несмотря на его колоссальныя богатства. Губернаторъ со своей стороны сказалъ слѣдующее:

„Я счастливъ, господа, что впервые подѣлиться впечатлѣніями и результатами поѣздки въ Печорскій край Вологодской губерніи мнѣ приходится въ кругу людей, всѣ жизненные интересы которыхъ связаны съ нашимъ заброшеннымъ Сѣверомъ.

Мы обмѣниваемся мыслями и надеждами о вещахъ извѣстныхъ намъ наглядно, мы далеки отъ лѣнивыхъ сомнѣній безотвѣтственныхъ междувѣдомственныхъ коммиссій и совѣщаній, замкнутыхъ отъ простора дѣйствительности, наполненной еще непонятными для нихъ силами народнаго міросозерцанія, неизвѣданными богатствами забытыхъ необъятныхъ окраинъ.

Я привѣтствую ваше чисто крестьянское земство, которое при блестящей постановкѣ обширнаго земскаго хозяйства въ единеніи съ представителями власти не допустило въ годины освободительнаго лихолѣтья, какъ это было въ большей части Россіи, ничтожную кучку политическихъ игроковъ, опиравшуюся на уличный сбродъ, -завладѣть самоуправленіемъ и обратить священныя потребности народнаго образованія, медицины и хозяйственныхъ улучшеній въ орудія революціи.

Вамъ извѣстно, что въ прошломъ году наша экспедиція пыталась остановить вниманіе Правительства и общества на необходимости выясненія ухтинскихъ нефтяныхъ богатствъ путемъ правительственнаго изслѣдованія и производства глубокаго буренія; не наша вина, если до сихъ поръ, въ минуты тяжелаго экономическаго кризиса, еще не приступлено къ этому дешевому и безпристрастному опредѣленію богатъ ли Сѣверъ или нѣтъ, а пароходство и фабричная промышленность медленно угасаютъ вслѣдствіе дороговизны нефтяного топлива, увеличивая только высоту процентовъ будущихъ займовъ, да кадры безработныхъ.

Довольно и того, что мы видимъ среди насъ представителей Министерства Путей Сообщенія во главѣ съ Н. В. Поповымъ, приступившихъ, наконецъ, въ этомъ году къ изслѣдованію водныхъ путей на

Ухту, и Министерства Земледѣлія во главѣ съ П. И. Соколовымъ, прибывшихъ для выясненія переселенческой емкости Усть-Сысольскаго уѣзда, раскинутаго на 15 милліонахъ дес. земли. Если ими уже установлено, что водный путь на Ухту черезъ Вымъ, Веслянку и Тобысь возможенъ, а изъ 1.200.000 десятинъ изслѣдованныхъ земель южной полосы Усть-Сысольскаго уѣзда—третья часть, безусловно, годна подъ переселеніе, то хочется вѣрить, что изслѣдованія эти будутъ продолжаться непрерывно и что наша нынѣшняя поѣздка, расширивъ чисто практическія рамки послѣднихъ, двинетъ изысканія въ Печорскій край съ Вычегды по Мылвамъ на Печору, а тамъ по Щугору и Илычу къ сѣверному Вологодскому Уралу, о которомъ даже географическія свѣдѣнія таятся подъ спудомъ труда Гофмана, изданнаго на нѣмецкомъ языкѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Въ этомъ была наша задача, при исполненіи которой не приходилось совсѣмъ открывать какихъ нибудь Америкъ: путь по Мылвамъ былъ еще древне-русской торговой дорогой; по Щугору и Илычу изъ-за Урала издавна велась остяками торговля съ Печорскимъ краемъ. Объ этихъ путяхъ много думъ передумали случайно закинутые на Сѣверъ люди, много силъ положили они на изученіе края, много надеждъ и предпріимчивости заглохло здѣсь, благодаря нашимъ русскимъ условіямъ и полной отчужденности далекой столицы. Не трогая старины, въ недалекомъ прошломъ здѣсь сломилась энергія покойнаго Сидорова, безплодно представлялъ проекты соединенія Мылвъ лѣсной ревизоръ Скоковскій, безслѣдно исчезъ, разорившись на постройкѣ мелкосидящаго парохода для плаванія по Мылвамъ съ Вычегды на Печору, учитель села Троицко-Печорскаго Сергачевъ. Забиты и растаскиваются на Щугорѣ и Илычѣ пристани и амбары, возведенные извѣстнымъ на Сѣверѣ купцомъ Сибиряковымъ, начавшимъ прокладку двухъ грунтовыхъ дорогъ для торговли съ Обскимъ краемъ: первой по Щугору до с. Ляпина стоящаго на р. Сыгвѣ, притокѣ сѣверной Сосвы, впадающей въ Обь и второй до той же Сосвы по Илычу; а десятки лѣтъ работавшій по изученію путей съ Печоры на Обь, образованный знатокъ этого края, А. Ф. Вроблевскій, за отсутствіемъ спроса на его познанія, вынужденъ, не имѣя никакой медицинской подготовки, заниматься въ селѣ Троицко-Печорскомъ лѣченіемъ пріѣзжающихъ къ нему изъ-за Урала полудикихъ остяковъ.

Въ прошломъ году крайнимъ пунктомъ нашей поѣздки, описанной Б. В. Безсоновымъ въ его извѣстной вамъ книгѣ, было село Усть-Куломъ на рѣкѣ Вычегдѣ, отстоящее отъ Вологды въ 1.218 верстахъ воднаго пути. И въ эту поѣздку мы лѣтомъ въ меженную воду свободно прошли до Усть-Кулома на глубоко сидящемъ казенномъ пароходѣ, а затѣмъ 170 верстъ далѣе за Усть-Куломъ, считающійся почему-то предѣльнымъ пунктомъ для судоходства, до села Мыйолдина, лежащаго недалеко отъ впаденія въ Вычегду Южной Мылвы. Незадолго до Мый-

олдина мы миновали впадающую въ Вычегду Сѣверную Кельтму, черезъ которую начинается соединеніе Вычегды съ Камой—неряшливо исполненная, незабвенная идея Петра Великаго.

Кругомъ Вычегды безпредѣльные заливные луга, рѣдкія, но богатыя села съ хмѣлемъ около избъ, мѣстность, гораздо болѣе красивая и привѣтливая, чѣмъ Вычегда до Усть-Кулома. Въ Мыйолдинѣ приходится пересѣсть съ глубоко сидящаго казеннаго парохода на простыя мѣстныя лодки. Мелко сидящаго пароходика или моторной лодки въ распоряженіи Министерства Путей Сообщенія для нашей экспедиціи не оказалось, повидимому, въ задачу Министерства не входитъ изысканіе новыхъ водныхъ путей для оживленія русской торговли. Даже болѣе чѣмъ 1.500-верстная Печора совершенно не обслѣдована; я не говорю уже о какомъ-либо общемъ планѣ работъ съ коммерческимъ обоснованіемъ ихъ. Намъ приходится, какъ я уже сказалъ, пересѣсть на зырянскія лодки и двинуться по Мылвамъ такъ же, какъ когда-то по нимъ ѣздили Новгородцы при своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Печорой. 70 верстъ по Южной Мылвѣ, 20 верстъ по притоку ея Иктылю, около 4-хъ верстъ по переволоку, а затѣмъ почти 200 верстъ по Сѣверной Мылвѣ заняли около шести сутокъ. На всемъ этомъ разстояніи оказалось всего три небольшихъ поселка (въ общемъ около 10 дворовъ). Берега покрыты чудной травой, чередующимся съ борами лиственнымъ лѣсомъ, всюду въ послѣднемъ смородина и малина, а красивые розовые цвѣты шиповника придаютъ Мылвамъ характеръ опушки запущеннаго помѣщичьяго сада средней полосы Россіи. На лужайкахъ лучшіе виды луговыхъ травъ, никѣмъ не кошенные, никому не приносящіе пользы. Въ обѣ Мылвы впадаетъ множество притоковъ, вдоль нихъ и Иктыля расположены озера, драгоцѣнныя въ будущемъ, въ случаѣ шлюзованія названныхъ выше рѣкъ, возможность котораго зависитъ вѣдь исключительно отъ питаемости ихъ бассейновъ, а не отъ ихъ настоящаго вида. Сами онѣ, довольно узкія, многоводныя, но съ быстро спадающей лѣтомъ водой—кажутся намъ созданными для приспособленія подъ соединительный водный путь между Вычегдой и Печорой, даже 4-хъ верстный переволокъ между Иктылемъ и Сѣверной Мылвой можно миновать, обративъ вниманіе на углубленіе болота, изъ котораго беретъ начало Иктыль и Вилесъ, притокъ Сѣверной Мылвы, кромѣ того, возможно и обойти изгибы Мылвъ, соединивъ ихъ каналомъ по прямому почти направленію около 40—50 в. длины. Конечно, потребуется много работы, но выгодность пріобщенія къ Волжскому и Двинскому бассейнамъ отрѣзанной отъ нихъ Печоры такъ велика, что стоитъ послать спеціалистовъ для выясненія расходовъ на это пріобщеніе. Можетъ быть, то, что не стоило бы затрачивать ранѣе, окажется выгоднымъ теперь, при переоцѣнкѣ принадлежащихъ государству цѣнностей въ лицѣ милліоновъ десятинъ земли, годной подъ переселеніе, милліоновъ десятинъ гніющихъ безполезно лѣсовъ.

Когда мы добрались до расположеннаго при впаденіи С. Мылвы въ Печору села Троицко-Печорскаго и, пересѣвъ съ лодокъ на пришедшій за нами съ устьевъ Печоры пароходъ Ижемской артели „Межень", тронулись по этой громадной рѣкѣ, протекающей около 500 верстъ въ предѣлахъ Вологодской губерніи и совершенно неизслѣдованной, мы почувствовали себя въ какой-то сказочной странѣ: всюду богатства—лѣсныя, земельныя, кругомъ поросшіе, за ненадобностью, кустами заливные луга, неистощимое обиліе рыбы, особенно семги, въ лѣсахъ множество дичи, горностаевъ и бѣлокъ, даже горы на десятки верстъ заключаютъ въ себѣ сплошной точильный камень, неизмѣримо лучшій, чѣмъ ввозимый въ Россію изъ заграницы, и нѣтъ этому богатству выхода, такъ какъ вывозъ черезъ Печору болѣе 10 мѣсяцевъ въ году запертъ льдами. Заработокъ крестьянъ, за что бы они ни принимались—охоту, рыболоство, лѣсныя заготовки, брусяной промыселъ—болѣе 3 рублей въ день, годовой бюджетъ крестьянской семьи—около 700 руб.; неудивительно, что земледѣліе, которое вполнѣ возможно, судя по виду изрѣдка встрѣчающихся полей и опытамъ Журавскаго близъ Усть-Цильмы, т. е. много сѣвернѣе, все-таки мало процвѣтаетъ,—выгоднѣй купить дорогой привозный хлѣбъ, чѣмъ тратить гораздо лучше оплачиваемое время на обработку земли.

Между тѣмъ, государство не даетъ ничего этому краю и само не использываетъ его богатствъ: телеграфъ въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ; почта приходитъ рѣдко, частью на лошадяхъ, а частью лѣтомъ ее тянутъ бичевой на лодкахъ; крестьянское землевладѣніе не получило даже первоначальнаго устройства; объ опытныхъ станціяхъ, кредитныхъ учрежденіяхъ нѣтъ и помину. Какъ при такихъ условіяхъ возникнуть серьезнымъ промысламъ? Къ тому же, кромѣ указаннаго выше пути по Мылвамъ, существуетъ только одинъ земскій трактъ отъ Троицко-Печорскаго на Помоздино, Усть-Куломъ и до Усть-Сысольска въ 382 версты длиною.

Вотъ почему Вологодская Печора живетъ еще какъ бы нѣсколькими вѣками позже и эксплоатируется хищнически Чердынскими купцами, ведущими съ ней въ нашъ вѣкъ радія, моторовъ и аэроплановъ—мѣновую торговлю.

Троицко-Печорское стоитъ въ 40 верстахъ ниже впаденія въ Печору Илыча и въ 300 верстахъ приблизительно выше впаденія въ нее Щугора. Оба эти притока, идя отъ Урала, образуютъ края громаднаго четыреугольника, заключеннаго съ двухъ другихъ сторонъ Ураломъ и Печорой и заселеннаго по одному краю всего 3-мя тысячами жителей. Чѣмъ дальше ѣхали мы по Печорѣ, тѣмъ шире и могучѣе становилась она, когда же повернули по Щугору и стали виднѣться вдали Уральскія горы, а по берегамъ надвинулись поросшіе лѣсомъ утесы, намъ грустно стало, что вся эта дикая красота недоступна русскимъ людямъ, неизвѣстна нигдѣ. Какъ измѣнилось бы, навѣрное, все міро-

воззрѣніе молодежи, томящейся въ узкихъ граняхъ навязаннаго, отвлеченнаго кругозора, если бы она побывала здѣсь лицомъ къ лицу съ красотами Печорскаго края, если бы сюда къ Вологодскому Уралу потянулись экскурсіи еще живыхъ душою людей, которыхъ влечетъ къ себѣ безконечная ширь нашей родины.

Не долго намъ пришлось проѣхать по Щугору на „Межени“, глубокосидящій пароходъ, несмотря на отважную рѣшимость представителя артели Н. И. Попова, не могъ безъ явной опасности продолжать плаваніе по невѣдомой каменистой рѣкѣ и къ высшей точкѣ Урала, горѣ „Тэлъ-позъ-изъ“, направилась только часть экспедиціи уже бичевой на лодкахъ, другая же осталась знакомиться подробнѣе съ берегами Щугора.

Соединившись черезъ нѣсколько дней и заѣхавъ на лежащія близъ Печоры ниже Щугора брусяныя горы, правильная разработка которыхъ могла бы представить полное первоначальное обезпеченіе всѣхъ будущихъ переселенцевъ въ Печорскій край, мы поднялись обратно по Печорѣ до устья Илыча и двинулись по этой рѣкѣ опять, насколько позволила неизвѣданность послѣдней и глубокая осадка парохода. Такъ хотѣлось въ ту минуту имѣть какое-либо мелкосидящее судно или моторную лодку, какой злой ироніей представлялся въ нашихъ глазахъ засѣдавшій незадолго передъ тѣмъ въ С.-Петербургѣ международный конгрессъ рѣчного судоходства съ его прогулками и взаимными привѣтствіями.

Илычъ насъ притягивалъ не столько красотою своихъ низкихъ береговъ, покрытыхъ богатыми пастбищами и чуднымъ лѣсомъ, съ затерянными въ немъ избушками старообрядцевъ-отшельниковъ, сколько разсказами поѣхавшаго съ нами изъ Троицко-Печорскаго А. Ф. Вроблевскаго, служившаго, какъ я сказалъ уже, техникомъ у Сибирякова; по словамъ его и сопровождавшихъ насъ зырянъ, Илычъ могъ бы быть судоходенъ на протяженіи 188 верстъ, до впаденія въ него рѣки Егра-ляги, опасны только острые камни, да остатки заколовъ, къ очищенію отъ которыхъ фарватера никто не прикладывалъ рукъ. Отъ устья Егра-ляги до пристани, устроенной Сибиряковымъ въ судоходной части притока Оби Сосвы, по намѣченной Вроблевскимъ грунтовой дорогѣ, всего около 120 верстъ, но за долгіе годы изученія края Вроблевскій напалъ на возможность соединенія воднымъ путемъ Печорскаго и Обскаго бассейновъ. По его словамъ, неподалеку отъ горы „Мань-квэтъ-нэръ“, Уралъ прорѣзывается отмѣченной еще въ упомянутомъ ранѣе географическомъ изслѣдованіи Гофмана, болотистой низменностью, *изъ которой берутъ начало* *) притоки Егра-ляги и рѣчекъ, впадающихъ въ Сосву. Если представилась бы возможность хотя бы самаго сложнаго шлюзованія этой болотистой преграды и вытекающихъ

*) См. приложеніе III и IV.

изъ нея мелкихъ рѣчекъ между судоходною частью Илыча и судоходною частью Сосвы на разстояніи менѣе 200 верстъ, повернувъ въ нихъ горные водостоки и использовавъ запасы окружающихъ болотъ, можетъ быть, удалось бы разрѣшить вопросъ о соединеніи непрерывнымъ воднымъ путемъ Петербурга, Архангельска и Астрахани съ Байкаломъ, Алтайскими горами и Амурскою областью. Вѣдь разстояніе около 200 верстъ между судоходными частями Илыча и Сосвы, а также спрямленіе и шлюзованіе нѣсколькихъ десятковъ верстъ по Мылвамъ, не можетъ служить препятствіемъ для сказаннаго плана, такъ какъ въ Россіи имѣются каналы не менѣе длинные и устроенные еще при зачаточномъ состояніи техники. Еще легче привести въ порядокъ судоходныя Сосву, Илычъ и Вычегду отъ Мыйолдина, а также Сухону и систему герцога Виртембергскаго, тормозящую судоходство между Вологдой и столицей. Тогда отъ пристаней на рѣкѣ Сосвѣ, гдѣ въ настоящее время и лѣсъ, и рыба, и хлѣбъ оцѣниваются въ ничтожную сумму, будетъ немногимъ болѣе по непрерывному водному пути до С.-Петербурга, чѣмъ отъ Астрахани до Рыбинска (2.600 верстъ), а до Архангельска гораздо менѣе. Этотъ путь—2.600 верстъ—Волгой противъ теченія баржа проходитъ около 30 дней и провозъ одного пуда товара стоитъ въ среднемъ около 10 копѣекъ, съ установившимся соотвѣтственно этимъ условіямъ размѣромъ и срокомъ кредита подъ грузы. Благодаря необходимости часть пути проходить шлюзами и новизнѣ дѣла, увеличьте вдвое и стоимость и время перевозки и тогда стоимость эта, съ прибавкою даже попуднаго сбора на погашеніе расходовъ по шлюзованію пути, будетъ ничтожной сравнительно съ любымъ желѣзнодорожнымъ тарифомъ и всѣ громадныя богатства бассейновъ Оби и связаннаго съ ней Обь-Енисейскимъ каналомъ Енисея, а затѣмъ и Амура, провозъ коихъ по желѣзной дорогѣ не выдержитъ тарифа, найдутъ выходъ на Волгу, къ Архангельску и въ С.-Петербургъ дешевой и гораздо болѣе провозоспособной водной дорогой. Въ свою очередь, въ тотъ край могутъ быть направлены водой переселенцы, машины и воинскіе грузы, не стѣсняясь провозоспособностью желѣзныхъ дорогъ и не отвлекая послѣднихъ отъ доставки болѣе цѣнныхъ товаровъ.

Вмѣсто Остяковъ, въ 20-мъ вѣкѣ еще прогоняющихъ купленныхъ для жертвоприношенія лошадей изъ села Троицко-Печорскаго вдоль Илыча за Уралъ въ свои потаенныя кумирни, скоро, можетъ быть, мы увидимъ проходящія по непрерывному водному пути моторныя баржи-холодильники съ запасами мяса, масла и рыбы, повезутъ дешевый сибирскій хлѣбъ, а за Уралъ пойдутъ моторныя нефтянки съ Ухтинской нефтью.

Сколько богатствъ Обскаго края, подробно исчисленныхъ въ проэктахъ сѣверныхъ и полярныхъ желѣзныхъ дорогъ, а также инженеромъ Быстржинскимъ, доказывающимъ необходимость устройства

слишкомъ сѣвернаго воднаго пути между Обью, Печорой и Чесской губой, ждутъ выхода и тронувшись черезъ кратчайшій путь Илычъ и Мылвы, не потребуютъ постройки новыхъ портовъ и не будутъ выкачиваться за границу какъ по дренажу, а, проходя, вызовутъ къ жизни и привлекутъ населеніе въ огромные бассейны Оби, Печоры и Вычегды.

Мы не можемъ вычислить стоимости работъ, а также ручаться за несомнѣнную возможность ограничиться при изысканіяхъ опытомъ русскихъ гидротехниковъ, находившихся въ вынужденномъ бездѣйствіи послѣднія 60 70 лѣтъ, но необходимость всесторонних изслѣдованій ясна и остановить ихъ не должны ни кажущаяся фантастичность красокъ этого дѣйствительно фантастичнаго по своей заброшенности края, ни скептицизмъ „ходячихъ мнѣній", навѣваемыхъ безволіемъ и опутанныхъ цѣлою сѣтью закулиснаго соперничества въ борьбѣ за наживу. Государство, забывшее сѣверъ, обязано во всеоружіи знаній провѣрить утвержденія мѣстныхъ людей, что перечисленныя выше рѣки удобны для превращенія ихъ при гораздо меньшихъ затратахъ, чѣмъ на желѣзную дорогу, въ непрерывный водный путь на Сибирь, и только по тщательной провѣркѣ спеціалистовъ имѣетъ право сказать, что это была мечта, неосуществимая при современныхъ техническихъ познаніяхъ, слишкомъ дорогая въ коммерческомъ отношеніи при ожидающихся условіяхъ торговаго обмѣна съ Сибирью.

Быстро прошла обратная дорога на лошадяхъ отъ Троицко-Печорскаго почти до самаго вашего привѣтливаго Усть-Сысольска, уѣздъ котораго съ сѣвера станетъ извѣстенъ, быть можетъ, Ухтинскими нефтяными богатствами, на юго-востокѣ котораго скоро оживетъ соединяющій Вычегду и Каму Екатерининскій каналъ, а на сѣверѣ-востокѣ начинается Печорскій край, который, соединившись черезъ Мылвы съ Вычегдой, въ свою очередь послужитъ звеномъ для спаянія Европейской Россіи съ Сибирью.

Господа, васъ поражаетъ, можетъ быть, наше исканіе новыхъ государственныхъ цѣнностей, новаго простора для русскаго народа, но теперь, когда *начинается его самоопредѣленіе*, наступаетъ пора болѣе важная и рѣшающая, чѣмъ только что счастливо пережитое, благодаря „земляной силѣ инерціи" *), смутное время.

По волѣ ГОСУДАРЯ, перестройкой хозяйственнаго и правового быта деревни положено начало давно желаннаго пріобщенія къ міровой культурѣ болѣе ста милліоновъ людей, надъ которыми тяготѣли еще остатки крѣпостническаго уклада. Стихійная масса стала формироваться въ клѣточки съ зарождающейся въ нихъ новою жизнью.

Вокругъ какихъ силъ начнутъ отлагаться и сплачиваться эти клѣточки? Какія силы, созидательныя или разрушающія, повліяютъ на ихъ жизнь въ самомъ началѣ ея? Отъ этого будетъ зависѣть, пойдетъ ли

*) Побѣдоносцевъ. „Московскій Сборникъ", стр. 85.

самоопредѣленіе русскаго народа по своему историческому руслу или къ распаду государственному.

Вотъ почему, превращая голодныя общинныя дѣлянки въ дающую хлѣбъ хуторскую мелкую собственность и широко развивая переселеніе тѣхъ, кому не удалось приспособиться на родинѣ при раскрѣпощенныхъ условіяхъ жизни, надо одновременно изыскивать новыя цѣнности, надо прорубать просѣки, устраивать каналы, призывать къ жизни забытыя области, чтобы самоопредѣленіе народное совершалось за спокойнымъ созидательнымъ трудомъ, за широкимъ рабочимъ размахомъ, который еще со временъ былинъ и сказаній влечетъ къ себѣ своей жизненной мощью мечты народа русскаго.

Давайте же, выйдемъ вмѣстѣ съ нимъ на работу, кто въ предѣлахъ возложенныхъ САМОДЕРЖЦЕМЪ ВСЕРОССІЙСКИМЪ отвѣтственныхъ обязанностей представительнаго законостроительства, кто въ незамѣтныхъ передовыхъ рядахъ, охраняющихъ русскую государственность, кто пробиваясь въ лодкѣ черезъ завалы къ будущему Уральскому каналу, но всѣ одинаково проникнувшись тѣмъ, чѣмъ устояла до сихъ поръ на своемъ историческомъ пути „Святая Русь", изображенная на родной намъ всѣмъ картинѣ Нестерова, и тогда основой и знаменемъ начинающагося самоопредѣленія русскаго народа будетъ наше общее съ нимъ знамя **Православія**, **Самодержавія и Народности**.

Подъ это дорогое намъ знамя, для трезвой чернорабочей работы въ Россіи для русскихъ, мы зовемъ всѣхъ честныхъ людей, зачарованныхъ еще миражами обывательской маниловщины, всѣхъ унывшихъ и уставшихъ, всѣхъ жаждущихъ подвига и не отравленныхъ еще извращенными страстями подполій".

Этою рѣчью губернатора закончился нашъ обѣдъ, послѣ чего мы немедля отправились на пароходъ, чтобы, не откладывая, идти далѣе внизъ по Вычегдѣ. По разсчету, времени едва-едва хватало на то, чтобы губернатору быть во время въ Вологдѣ, даже воспользовавшись возможностью отъ Котласа ѣхать не пароходомъ, а желѣзною дорогой, что сокращало путь почти на 2 дня.

Итакъ, вотъ что дала намъ наша настоящая поѣздка, предпринятая только съ цѣлью выясненія годности Печорскаго края подъ переселеніе, возможности соединенія его посредствомъ выхода на Вычегду съ остальною Россіею, отъ которой онъ отрѣзанъ нынѣ, и пригодности правыхъ притоковъ Печоры къ роли питающихъ Уралъ артерій; но при отправленіи экспедиціи мы совершенно не имѣли въ виду изслѣдовать и собирать свѣдѣнія о возможности соединенія Европы и Азіи воднымъ путемъ черезъ Вологодскій Уралъ; данныхъ на это никакихъ не было и, если они имѣются у насъ теперь, то только благодаря цѣлой цѣпи случайностей, притянувшей насъ понемногу къ этой имѣющей огромную важность возможности. Изслѣдованій Урала, кромѣ

чисто географическаго научнаго труда Гофмана, въ той части его, въ которой по порученію Сибирякова пришлось бродить Вроблевскому для отысканія возможныхъ и удобнѣйшихъ путей черезъ хребетъ, никогда не производилось: я уже говорилъ выше о томъ, что всѣ практическія изслѣдованія ограничивались до сихъ поръ къ сѣверу границею Пермской губерніи, и въ ней Уралъ изслѣдованъ довольно хорошо, въ Вологодской же не изслѣдованъ почти совсѣмъ; и вотъ, судьба приводитъ туда Вроблевскаго, который смотритъ на поперечную долину Урала, отмѣченную ранѣе Гофманомъ какъ географическій пунктъ, только съ точки зрѣнія изыскателя удобнѣйшаго перехода черезъ хребетъ, судьба же сводитъ съ нимъ и А. Н. Хвостова, взглянувшаго на это уже съ точки зрѣнія возможности соединить водныя системы Европейской Россіи съ громадными бассейнами сибирскихъ рѣкъ.

Намъ было извѣстно, конечно, о существованіи нѣсколькихъ проэктовъ желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, долженствующихъ выпустить сибирскіе грузы въ Сѣверный Ледовитый океанъ, и даже соединенія Оби съ Печорой посредствомъ канала поперекъ Урала, но такъ какъ всѣ проэкты эти, во-первыхъ, требуютъ громадныхъ затратъ во много десятковъ милліоновъ рублей для устройства портовъ, проведенія желѣзныхъ дорогъ чуть что не за полярнымъ кругомъ, а, во-вторыхъ, сводятся только къ тому, чтобы выпустить сибирскіе грузы за границу наивозможно сѣвернѣе, совершенно минуя Россію, то имъ и не придавалось особаго значенія. Не придавалось значенія и другимъ проэктамъ, трактующимъ о совершенно безцѣльномъ направленіи сибирскаго хлѣба и грузовъ черезъ Чусовую на внутренній рынокъ и безъ того заваленный хлѣбомъ. Возможность соединенія Оби и Печоры черезъ Илычъ вмѣстѣ съ соединеніемъ Печоры и Вычегды черезъ Мылвы, *представляя собою водный путь на Сибирь изъ пригодной къ заселенію части Россіи*, и съ другой стороны давая выходъ обскимъ богатствамъ къ существующему вывозному порту Архангельску, ничего общаго не имѣетъ съ этими проэктами, и говорить много о томъ, что подобный путь можетъ имѣть огромное значеніе, не стоитъ; достаточно вспомнить только какою тоненькою, готовою каждую минуту перерваться, паутинкой являлся нашъ единственный путь въ восточную Сибирь—Сибирская желѣзная дорога, во время послѣдней войны; стоитъ только представить себѣ всѣ тѣ выгоды, какія далъ бы намъ какой-нибудь другой путь къ востоку, если бы онъ существовалъ въ то время вмѣстѣ съ желѣзною дорогою, чтобы самымъ серьезнымъ образомъ отнестись къ возможности имѣть этотъ второй дешевый и не капризный путь. Такой путь позволилъ бы въ то время двинуть параллельно съ желѣзной дорогой всѣ военные грузы непрерывною вереницей безъ необходимости заботиться о разъѣздахъ обратныхъ поѣздовъ, безъ заботъ о недостающемъ подвижномъ составѣ.

Водный путь и въ этомъ отношенiи и въ смыслѣ провозоспособности будетъ всегда для желѣзной дороги недосягаемымъ идеаломъ, не говоря уже о томъ, что въ конкурренцiи между ними относительно стоимости эксплоатацiи и фрахта побѣда всегда останется за первымъ. Чтобы не ходить далеко за доказательствами, возьмемъ хотя бы ту же Ухтинскую нефть; предположимъ, что она оказалась въ неисчерпаемомъ количествѣ, какъ то можно предположить о сибирскихъ грузахъ, и сравнимъ, что надо для того, чтобы по вывозу ея желѣзная дорога могла сравняться съ воднымъ путемъ. Вмѣстимость нефтяной баржи, 35 саж. длиною, 4,5 шириною и 10-ти четвертей осадки (обыкновенная волжская нефтянка), равняется 65.620 пудовъ. При устройствѣ водяного пути съ Ухты, шлюзы, если принять ихъ подобными шлюзамъ Марiинской системы, надо сказать довольно несовершеннымъ, будутъ пропускать ежедневно 60 баржей, т. е. 3.937.200 пудовъ нефти. Считая продолжительность навигацiи въ 5—5,5 мѣсяцевъ (какъ-то выведено 20-ти-лѣтними записями замерзанiя и вскрытiя рѣки Выма въ с. Веслянскомъ и что вполнѣ приложимо къ Печорскому бассейну), имѣемъ 150—165 рабочихъ дней или, отбрасывая часть времени на всякiя случайности, примемъ 140 рабочихъ дней въ году. Въ продолженiе ихъ воднымъ путемъ пройдетъ 551.208.000 пудовъ нефти, при незначительномъ же улучшенiи шлюзовъ провозная способность воднаго пути легко повысится до 600.000.000 пудовъ. Какова же должна быть желѣзная дорога, чтобы быть въ состоянiи провезти въ годъ 600.000.000 пудовъ нефти. Если она будетъ работать всѣ 365 дней въ году, ей придется пропускать ежедневно 1.643.835 пудовъ. Принимая каждый поѣздъ, состоящiй изъ 35 цистернъ, грузъ, который онъ можетъ поднять, будетъ равняться 21.000 пудовъ или, другими словами, придется ежедневно пропускать 80 паръ поѣздовъ; это такая же работа, какую понесутъ пограничныя дороги во время мобилизацiи, и возможно такое движенiе только при условiи 4-хъ путей и полнаго оборудованiя дороги блокъ-аппаратами и всѣми приспособленiями для безпрерывнаго пропуска поѣздовъ, а что будетъ стоить оборудованiе такой дороги и ея эксплоатацiя, это, конечно, и въ сравненiе даже не можетъ идти съ оборудованiемъ и, въ особенности, эксплоатацiей воднаго пути. Это все относительно провозоспособности и, конечно, въ этомъ отношенiи водяной путь, можно сказать, на голову разбиваетъ желѣзныя дороги.

Если мы сравнимъ стоимость перевозки, то и тутъ желѣзной дорогѣ придется пасовать передъ воднымъ путемъ; возьмемъ опять ту же самую Ухтинскую нефть. По разсчетамъ, перевозка пуда ея до Ярославля, даже при условiи пользованiя въ нѣкоторой части разстоянiя воднымъ путемъ, по желѣзнымъ дорогамъ должна обойтись въ 7,498 коп. (разсчетъ Гансберга), если же выкинуть эти желѣзныя дороги и довезти ее до Ярославля все время водой, то стоимость перевозки пуда нефти, при разсчетѣ стоимости провоза пуда на 1 версту

равной 0,0027 коп., обойдется только въ 4,69 коп. Принимая же въ разсчетъ волжскую стоимость провоза пуда нефти на 1 версту равную 0,00233 к., пудъ нефти провезти до Ярославля съ Ухты будетъ стоить 4 коп., т. е. почти вдвое дешевле того, во что обойдется перевозка при включенiи только въ часть пути желѣзной дороги. Эти преимущества по отношенiю фрахта и провозоспособности создаютъ воднымъ путямъ такое прочное незыблемое положенiе, которое и при настоящихъ обстоятельствахъ никогда никакiе другiе пути сообщенiя поколебать не могутъ, а вѣдь можно имѣть въ виду и еще удешевленiе провоза, когда эти самыя нефтянки не будутъ идти длиннымъ хвостомъ за буксирующимъ ихъ пароходомъ, а пойдетъ каждая изъ нихъ самостоятельно своимъ Дизель-моторомъ, питающимся тою же самою нефтью, которую она и везетъ.

Единственное серьезное возраженiе, которое приводится противъ водныхъ путей, это ссылка на медленность доставки по нимъ грузовъ. Оно серьезно потому, что грузы по воднымъ путямъ передвигаются дѣйствительно съ очень небольшой скоростью, но на это также можно возразить, что медленность эта вовсе уже не такъ велика, чтобы съ ней не могла и въ сравненiе идти медленность передвиженiя по желѣзнымъ дорогамъ; вѣдь передача по нимъ товаровъ ничего общаго не имѣетъ съ пассажирскимъ движенiемъ и, судя по послѣднему, въ предположенiяхъ о срокахъ доставки желѣзною дорогою товарныхъ грузовъ можно впасть въ колоссальныя ошибки. Какъ хорошо, напримѣръ, перелетѣть отъ Москвы до Петербурга 600 верстъ въ какiе-нибудь 10 часовъ, но какъ наивно будетъ предположенiе, что вагоны съ хлѣбными грузами можно передать изъ Москвы въ Петербургъ хотя бы въ вдвое большее время. Отъ Москвы до Вологды разстоянiе въ 454 версты пассажиръ переѣзжаетъ въ 17—18 часовъ, но товаръ это же самое разстоянiе проходитъ въ 8—10 дней. Вотъ каково отношенiе между пассажирскимъ и товарнымъ движенiемъ и тутъ уже съ полною увѣренностью можно сказать, что и водный путь на преодолѣнiе этого разстоянiя не взялъ бы времени больше, чѣмъ желѣзная дорога. Если бы Москва и Вологда стояли обѣ на рѣкѣ и между ними было бы возможно пароходное сообщенiе, то, по разсчету скорости движенiя буксирныхъ пароходовъ на Волгѣ, на доставку груза за 454 версты потребовалось бы всего отъ 2,7 до 3,6 сутокъ; это втрое скорѣе желѣзной дороги. Тутъ и общее зло нашихъ рельсовыхъ путей—залежи грузовъ, и самое существо ихъ строенiя—движенiе по одному пути съ необходимостью пропускать встрѣчные поѣзда, и разныя передачи и вся разведенная до крупныхъ размѣровъ канцелярщина, все это оказываетъ влiянiе и заставляетъ потребное для передвиженiя грузовъ время дѣлать въ 10 разъ большимъ, чѣмъ нужное для передвиженiя пассажировъ, а между тѣмъ водные пути ото всего этого совершенно свободны. Надо не упускать изъ виду, что по нимъ никогда не пой-

дутъ, да никогда и не идутъ, тѣ грузы, въ доставкѣ которыхъ играетъ роль быстрота; все то, что идетъ ими, допускаетъ вполнѣ предварительный разсчетъ на продолжительное время, потребное для ихъ перевозки; какой-нибудь сибирскій хлѣбъ отъ того, что пробудетъ нѣсколько недѣль въ пути, не испортится и ко времени попадетъ куда ему нужно, а кредитъ и учетъ давно уже приспособились къ срокамъ передвиженія грузовъ водными путями. Дѣлать точные разсчеты времени, потребнаго для передачи грузовъ по проэктируемому водному пути на Сибирь, въ настоящее время нельзя, для этого слишкомъ мало данныхъ, но, чтобы показать, что опасенія какой-либо особой медленности не имѣютъ подъ собой почвы, можно привести слѣдующія соображенія: движеніе буксирныхъ пароходовъ по Волгѣ имѣетъ слѣдующую скорость: отъ Ярославля до Астрахани пароходъ съ баржею идетъ 14—16 сутокъ, обратно 19—21 сутки, съ большимъ же караваномъ 21—28 сутокъ. Мы и возьмемъ самый большой срокъ, т. е. 28 сутокъ. Разстояніе здѣсь 2.545 верстъ, такъ, что мы и примемъ, что разстояніе въ 2.545 верстъ пароходъ проходитъ вверхъ ли, внизъ ли въ 28 сутокъ. Разстоянія по проэктируемому водному пути выразятся въ такихъ цифрахъ: отъ Петербурга до Вологды 857 верстъ, отъ Вологды до Усть-Кулома 1.218, отъ Усть-Кулома до Ю. Мылвы 178, Мылвыми и переволокомъ 335, отъ Троицко-Печорскаго до устья Илыча 40, Илычемъ до устья Егра-ляги 188 и отъ устья Егра-ляги до Сосвинской пристани воднымъ путемъ 160, а всего отъ Петербурга до Сосвинской пристани 2.976 верстъ. Такъ какъ большинство грузовъ Сибири, вѣроятно, будетъ предназначено для вывоза за границу, то надо указать, что разстояніе до Архангельска, какъ до ближайшаго порта, будетъ короче высчитаннаго на 875 верстъ и будетъ равняться 2.100 верстамъ. По вышеприведенному разсчету скорости движенія грузовъ по Волгѣ, грузы съ Сосвинской пристани могутъ быть перевезены въ Петербургъ въ 32,7 сутокъ и въ Архангельскъ для отправки за границу въ 23 сутокъ. Разстояніе отъ Сосвинской пристани до конечнаго пункта проектируемаго пути – Иркутска равняется приблизительно 4.500 верстамъ, что вмѣстѣ съ высчитанными разстояніями составитъ отъ Петербурга до Иркустка 7.476 верстъ, а отъ Архангельска до Иркутска 6.600 верстъ. Чтобы не впасть въ какую-либо ошибку отъ приблизительности разстоянія отъ Сосвинской пристани до Иркутска, принятаго равнымъ 4.500 верстамъ, мы возьмемъ въ разсчетъ разстояніе отъ Петербурга до Иркутска равнымъ даже 10.000 верстъ, но и при такомъ допущеніи огромнаго превышенія мы получимъ, что все разстояніе отъ Петербурга до Иркутска будетъ пройдено въ 110 сутокъ, а отъ Архангельска до Иркутска въ 99 сутокъ. Если мы примемъ въ разсчетъ всѣ задержки, которыя караваны судовъ будутъ имѣть при прохожденіи каналовъ и шлюзовъ, то все-таки мы имѣемъ полное право предположить, что въ навигаціонный періодъ изъ 140 ра-

бочихъ дней грузы вполнѣ могутъ быть передвинуты на все протяженіе проэктируемаго воднаго пути.

Имѣя неоспоримыя преимущества по отношенію къ провозоспособности и стоимости перевозки грузовъ, водные пути создали себѣ неотъемлемое право на существованіе даже параллельно съ желѣзными дорогами, какъ то мы и видимъ во всѣхъ русскихъ водныхъ системахъ; какъ ни изрѣзаны районы около нихъ желѣзными дорогами, а водные пути все-таки продолжаютъ благополучно существовать и несутъ ту же работу, какую несли и раньше, желѣзныя дороги отняли у нихъ только избытокъ, образовавшійся вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ страны; напримѣръ, Ярославль и Рыбинскъ соединены желѣзною дорогой и, несмотря на это, весь хлѣбный грузъ, потребный для бассейна Сѣв. Двины, все-таки передвигается въ Ярославль изъ Рыбинска по Волгѣ и желѣзная дорога насилу успѣваетъ передать его въ лѣтнее время опять же на воду—на Сухону и Двину для доставленія въ Архангельскъ, который также соединенъ съ Вологдою желѣзной дорогой. Желѣзная дорога только тамъ можетъ имѣть значеніе, гдѣ она настолько сокращаетъ путь, что стоимость перевозки, несмотря на ея фрахтъ болѣе дорогой, чѣмъ по водному пути, изъ-за этого сокращенія окажется все-таки ниже фрахта по водѣ или тамъ, гдѣ идутъ грузы, требующіе срочной доставки, даже несмотря на то, что за эту „срочную доставку", часто оказывающуюся очень далекой отъ срочности, желѣзныя дороги дерутъ съ отправителя баснословныя деньги.

Возможность соединенія Россіи съ Сибирью воднымъ путемъ имѣетъ очень большое значеніе для сѣвера Россіи; оно обезпечитъ весь Печорскій край сибирскимъ хлѣбомъ и весь Сибирскій край печорской нефтью. Этотъ путь при своей огромной провозоспособности не будетъ знать хлѣбныхъ залежей, на него не потребуется того огромнаго запаса подвижного состава, недостатокъ котораго составляетъ слабую сторону нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

Пробудившаяся, благодаря проведенію желѣзной дороги, промышленная жизнь Сибири идетъ впередъ и потребность ея въ нефти является вопросомъ не особенно далекаго будущаго, потребность всего Печорскаго края въ хлѣбѣ есть вопросъ не будущаго, а уже настоящаго и этимъ двумъ потребностямъ водяной путь между Печорой и Обью удовлетворитъ прежде всего. Существующія желѣзныя дороги не могутъ его замѣнить: онѣ идутъ такимъ образомъ, что ни сибирскій хлѣбъ никогда не будетъ въ состояніи съ ихъ помощью вытѣснить болѣе дорогой хлѣбъ, привозимый на Печору чердынцами, ни печорская нефть никогда не попадетъ въ Сибирь; она и Печора лежатъ въ такой близости, что казалось бы нѣтъ ничего проще, какъ передвинуть одинъ продуктъ на мѣсто другого, но ихъ раздѣляетъ Уралъ и нѣтъ между ними сообщенія, нѣтъ никакого пути, кромѣ

жалкой мышиной тропки—сибиряковской дороги, но и за нее населеніе хватается руками и ногами. Проведеніе пути съ Илыча на Сосву удовлетворитъ всѣмъ потребностямъ. Но это значеніе новаго пути чисто мѣстное, а помимо его соединеніе Печоры съ Обью воднымъ путемъ имѣетъ и громадное общее значеніе; водный путь на Сибирь будетъ имѣть не меньшее значеніе для Россіи, чѣмъ Суэцкій каналъ для Европы; посредствомъ его присоединятся къ главной русской водяной артеріи—Волгѣ и двѣ многоводныя сибирскія рѣки, не имѣющія свободнаго выхода въ море, соединенныя между собою каналомъ,— Обь и Енисей.

Всѣ главныя рѣки Россіи связаны теперь въ отдѣльныя системы, соединяющія омывающія ее моря и дающія возможность воднаго передвиженія грузовъ во всѣ концы имперіи; Волга, Сѣв. Двина, Нева представляютъ собою одну систему; Днѣпръ, Висла, Нѣманъ, Зап. Двина—другую систему; Обь и Енисей, эти грандіозныя многоводныя рѣки со множествомъ притоковъ, бассейнъ которыхъ покрываетъ собою колоссальную территорію (одной Оби 3 милліона кв. верстъ)—третью систему. Но пока онѣ разъединены между собою и рано ли, поздно ли придется подумать о соединеніи всѣхъ этихъ системъ въ одну общую, которая какъ сѣткой покроетъ собою всю Россію, соединивъ Петербургъ и Балтійское море со всею Сибирью, вплоть до Иркутска, предоставляя желѣзной дорогѣ заканчивать соединеніе Петербурга съ Тихимъ океаномъ до того времени, пока не будутъ соединены между собою каналомъ черезъ озеро Иргень-Хилокъ, притокъ Селенги, и Ингода—рѣка Амурскаго бассейна[1]), что и дастъ возможность безпрерывнаго воднаго сообщенія отъ Балтійскаго, Бѣлаго, Чернаго и Каспійскаго морей до Тихаго океана. Что существующее соединеніе желѣзною дорогой не удовлетворяетъ потребности, намъ ясно показала японская война; этотъ путь въ моментъ, когда потребовалась самая интенсивная его дѣятельность, оказался, и не могъ не оказаться, мало провозоспособнымъ и намъ потребовалось очень много времени, труда и затратъ, чтобы продвинуть на востокъ все то, что туда надлежало продвинуть; такъ много времени потребовалось на это, что задача, возложенная на желѣзную дорогу, была выполнена тогда, когда на восточномъ концѣ ея разыгрались уже послѣдніе акты кровавой драмы.

Горькій опытъ заставляетъ подумать о томъ, чтобы не допустить повторенія чего-либо подобнаго, а вѣдь въ думахъ этихъ, конечно, придемъ къ необходимости увеличенія числа путей изъ центра Россіи на дальній востокъ и чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ болѣе будетъ обезпечена Россія отъ повторенія печальной исторіи съ японской войной. Соединеніе Печоры съ одной стороны съ Вычегдой и съ другой съ Обью дастъ такой путь и путь этотъ будетъ обладать громадными пре-

[1]) Сибиряковъ. „О путяхъ сообщенія Сибири“. 1907 г.

имуществами: онъ будетъ провозоспособенъ и дешевъ, два качества, дающія ему право на полное вниманіе къ себѣ.

Можно, пожалуй, спросить еще: будетъ ли достаточно груза для перевозки по проэктируемому пути, хватитъ ли его для того, чтобы проэктируемый путь могъ работать, и нѣтъ ли риска, что путь-то устроятъ, а онъ и будетъ стоять безъ всякаго движенія. На эти вопросы есть отвѣты и отвѣты эти будутъ положительные. По даннымъ, собраннымъ въ 1906 году инженеромъ Гетте, проектировавшимъ полярную желѣзную дорогу, оказывается, что одного хлѣбнаго груза въ Томской, Тобольской и Акмолинской губерніяхъ бываетъ въ годъ готоваго для вывоза до 38 милліоновъ пудовъ, да до 10 милліоновъ всякаго другого, какъ-то: льна, пеньки, льняного сѣмени, масла, сала, шерсти, кожъ, мѣховъ и т. п., итого до 48 милліоновъ пудовъ*). Мертвый край, почти не оживленный путями сообщенія, и то въ состояніи дать до 48 милліоновъ пудовъ, во сколько же разъ болѣе грузовъ можно ожидать отъ него въ то время, когда ему будетъ дана возможность безпрепятственно выпускать свои избытки и на русскіе, и на заграничные рынки.

Сухона въ 20 верстахъ выше Устюга.

Надо отмѣтить, что здѣсь не указаны еще такіе грузы, движеніе которыхъ по проэктируемому пути будетъ несомнѣнно, какъ напр., знаменитый сибирскій графитъ, магнитный желѣзнякъ и т. п., а главнымъ образомъ не принято въ разсчетъ долженствующее быть огромнымъ движеніе по этому пути Сибирскаго лѣса; отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ за границу ростетъ годъ отъ года и возрастаніе его даетъ право предполагать, что съ открытіемъ возможности пропуска Сибирскаго лѣса въ европейскій вывозной портъ, лѣсъ этотъ не останется пропадать на корню, а, напротивъ, широкимъ потокомъ вольется въ общую рѣку русскаго

*) Пояснительная записка къ проэкту полярной желѣзной дороги, представленная въ управленіе по сооруженію желѣзныхъ дорогъ.

Отложенія на берегахъ Сухоны.

вывоза. Такимъ образомъ вопросъ о достаточномъ количествѣ грузовъ для вывоза рѣшается въ положительномъ смыслѣ, что же касается ввоза, то, хотя тутъ и нѣтъ данныхъ, по которымъ можно было бы установить приблизительный размѣръ его, но нѣтъ и такихъ, которыя позволили бы рѣшить вопросъ этотъ въ отрицательную сторону; по свѣдѣніямъ Сибирской желѣзной дороги, количество ввозимыхъ въ Сибирь грузовъ доходило въ 1906 году до 4 милліоновъ пудовъ, но надо принять во вниманіе, что въ настоящее время переселеніе въ Сибирь должно становиться чѣмъ далѣе, тѣмъ интенсивнѣе, а вмѣстѣ съ этимъ неизбѣжно долженъ увеличиваться и ввозъ всякаго рода товаровъ, если же къ этому присоединить еще Ухтинскую нефть, которая несомнѣнно потребуется для нарождающейся Сибирской промышленности въ очень большихъ количествахъ, да принять во вниманіе, что съ установленіемъ воднаго пути изъ Сибири на русскіе и заграничные рынки, по всему протяженію его будутъ естественно создаваться новые грузы, будутъ присоединяться уже существующіе, какъ напр., Печорскій брусяной камень, то можно придти къ заключенію, что и вопросъ ввоза не долженъ безпокоить насъ при проэктированіи Сибирскаго воднаго пути.

О техническихъ трудностяхъ его устройства говорить много нечего: при существованіи поперечной долины Урала, изъ которой текутъ рѣки и въ Печору и въ Обь, весь вопросъ сводится только къ стоимости работъ по шлюзованію и проведенію канала, что не можетъ служить сейчасъ предметомъ обсужденія съ технической стороны, но, если мы вспомнимъ, что у насъ существуютъ каналы Онежскій въ 65 верстъ длиною и Ладожскій въ 158 верстъ длиною, то проведеніе канала въ какія-нибудь 100—200 верстъ и расчистка рѣкъ на нѣсколько десятковъ верстъ не можетъ представить затрудненія. Сейчасъ нѣтъ данныхъ, кромѣ самыхъ общихъ, для проэктированія чего-либо и надо будетъ собрать ихъ посредствомъ особой экспедиціи, но надо помнить, что роль

этого пути должна быть весьма важною, настолько важною, что и предугадать нельзя всѣ измѣненія, какія ему суждено внести въ русскую жизнь и можетъ быть мы стоимъ здѣсь передъ однимъ изъ тѣхъ начинаній, которыя оказываются неизмѣримо обильнѣе послѣдствіями, чѣмъ ожидаемъ мы, его современники.

Я писалъ уже о Вычегдѣ и о Двинѣ съ Сухоной при описаніи и прошлогодней поѣздки на Ухту и настоящей, а потому описывать шагъ за шагомъ нашего возвращенія по нимъ—я не буду; кто ѣздилъ по рѣкамъ на пароходѣ, тотъ легко представитъ себѣ и ясныя, прозрачныя утра съ плывущими надъ рѣкою туманами, и жаркіе безоблачные дни, когда вся рѣка искрится и сверкаетъ подъ отвѣсными лучами солнца, какъ расплавленный металлъ, и черной стѣной встаютъ впереди щетинящіеся лѣсомъ берега, и чудные, тихіе вечера съ пылающей на сѣверѣ зорей и свѣтлыя ночи, которыя все-таки потемнѣли уже настолько, что въ Усть-Сысольскѣ мы увидѣли и звѣзды; только самыя яркія изъ нихъ ненадолго загорались и быстро тухли, погашенныя утренней зарей.

Берега теперь полны жизнью: всюду косцы, они же и рыбаки и на рѣкѣ видны и самоловы—„помчи", и подольники, и всякая рыболовная снасть; на отмеляхъ или приткнулись къ берегу, или вытащены на песокъ лодки, около которыхъ яркими пятнами видны рыбаки и рыбачки. Вездѣ идетъ сѣнокосъ, возвышаются стога, пестрѣютъ кучки народа. Деревни съ часовнями и села проплываютъ мимо, а за ними тутъ и тамъ горятъ беззащитные лѣса; то въ одной сторонѣ виденъ какой-нибудь громадный пожаръ, красноватый дымъ котораго перекинулся черезъ все небо и солнце просвѣчиваетъ сквозь него только краснымъ шаромъ, на который совершенно свободно можно смотрѣть, то въ другой горитъ гдѣ-то очень близко и бѣлый дымъ пожара стоитъ въ вечернемъ воздухѣ и длинными нитями сползаетъ на рѣку и стелется по водѣ; запахъ лѣсныхъ пожаровъ долгое время преслѣдуетъ насъ и не даетъ свободно дышать.

„Помчи" на р. Вычегдѣ

Особенно сильное впечатлѣніе остается отъ ясныхъ вечеровъ, проведенныхъ на рѣкѣ; тишина ихъ нарушается только нашимъ пароходомъ: шлепаютъ колеса по водѣ, ровно дышетъ машина, дрожитъ его желѣзный корпусъ и сухимъ шумомъ шуршитъ подъ носомъ убѣгающая назадъ вода, а кругомъ все утопаетъ въ закатной тишинѣ: рѣка впереди, какъ стекло, ни одна вѣточка на берегахъ не шелохнется, все замерло въ торжественномъ покоѣ умирающаго дня и только пароходъ съ своей жизнью рѣзкимъ диссонансомъ является среди природы. Угрюмые хвойные лѣса хранятъ свое молчаніе и не смотрятъ даже на человѣка, нарушающаго ихъ величавый покой.

Р. Сухона.

У Коряжемскаго монастыря А. Н. Хвостовъ, И. М. Шемигоновъ и я выходимъ на находящійся противъ него посреди Вычегды островъ и, побродивъ по нему, разсматривая лѣсъ и стоящіе по берегамъ стога, забираемся въ чью-то приткнутую къ берегу лодку и, полные еще впечатлѣній богатствъ и чудныхъ красотъ Печорскаго края, ведемъ разговоры о немъ и уносимся мыслями въ будущее, рисуя себѣ картины оживленія этихъ сказочныхъ дикихъ пустынь; уже́ мерещатся намъ заводы на таинственныхъ пустынныхъ горахъ, длинными вереницами идутъ караваны судовъ по расчищеннымъ дикимъ рѣкамъ, скрипятъ отворяемыя ворота шлюзовъ близъ Мань-Квотъ-Нэра на Уральскомъ каналѣ имени „Императора Николая II“, деревни и села пестрѣютъ по высокимъ берегамъ и такъ кажется недалеко все это, такъ хочется все это приблизить, а дѣйствительность-то пріостанавливаетъ смѣлый полетъ на-

А. Н. Хвостовъ, Б. В. Бессоновъ, Н. М. Шемигоновъ.

шихъ мыслей и невольно въ разговоръ диссонансомъ врываются опасенія, удастся ли намъ закончить предпринятую работу, удастся ли опять втроёмъ ѣхать на будущій годъ выискивать тѣ данныя, которыя дали бы намъ право говорить о Сибирскомъ водномъ пути, какъ очевидцамъ, какъ самимъ перешедшимъ Уралъ изъ Европы въ Азію по его поперечной долинѣ, знать о возможности поселеній на немъ и количествѣ годныхъ для этого земель послѣ того, какъ сами мы проѣдемъ по извивающимся среди хребтовъ его рѣчкамъ, сами своими глазами увидимъ таинственныя его долины съ пріютившимися тамъ скитами киржаковъ, и невольно въ воображеніи нашемъ рисуются еще не видѣнныя нами картины этихъ горныхъ долинъ, затерянныхъ между громадъ Урала, мы уже какъ-будто чувствуемъ на лицахъ нашихъ дуновеніе сибирскаго вѣтра, врывающагося въ Европу черезъ эту поперечную долину, вздыхаемъ полной грудью, выйдя въ Азію изъ Уральскихъ тѣснинъ. И, пока стоялъ пароходъ нашъ, набирая дрова, много переговорили мы, уносясь мыслями впередъ, проэктируя планы нашей будущей поѣздки.

Опять любуемся мы, подъѣзжая къ Сольвычегодску, прекрасной безконечной долиной, по которой вьется среди своихъ отмелей Вычегда. Какая громадная сила образовала эту безбрежную долину и какое могущество воды видно въ ней. Низкіе песчаные берега прикрываютъ безконечные раскинувшіеся по ней луга, далеко, далеко синѣютъ возвышенности и точками бѣлѣютъ разбросанныя по нимъ церкви. Вычегда тиха и отраженія береговъ рисуются въ ней падающими размытыми штрихами, пока пароходъ не перебьетъ ихъ своими пологими волнами, и побѣгутъ они за нимъ, качаясь на его переливающейся зыби, и заиграютъ въ ней радугой и небо, и зелень, и облака, и прибрежные пески. Трепетныя дали синѣютъ впереди, задернутыя голубымъ туманомъ, и кажется, что тамъ лучезарно, тепло и свѣтло, и стремится душа въ эту безконечную даль, пока не вспомнишь, что и въ этой

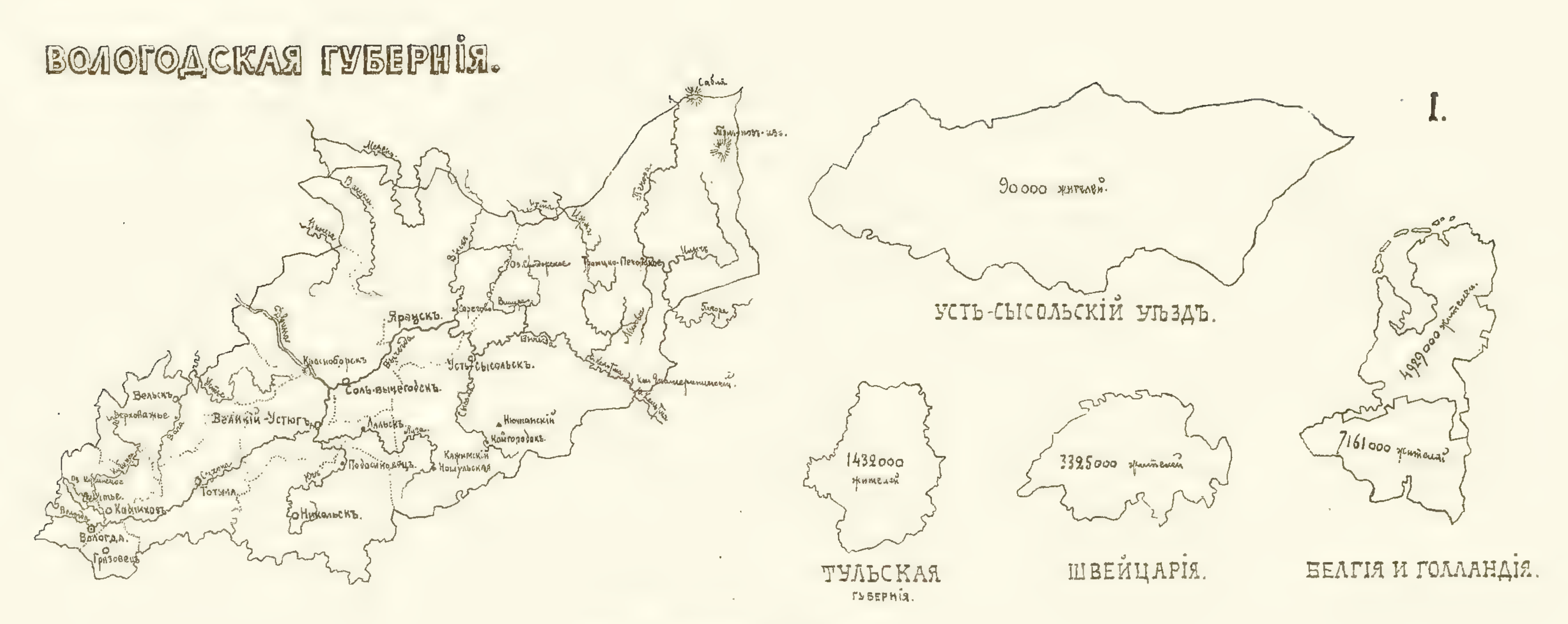

С. Шуйское на Сухонѣ.

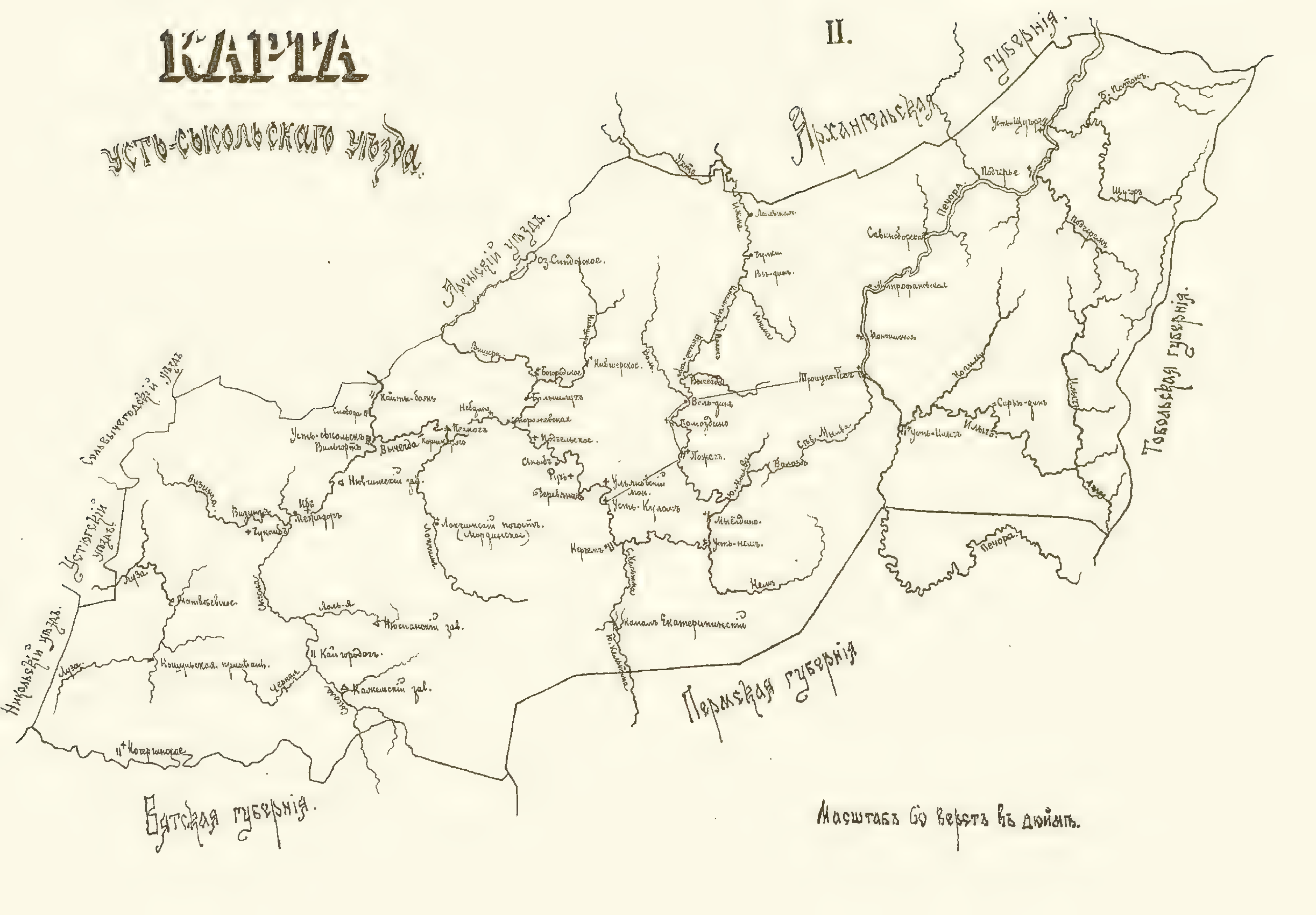
лучезарной дали живутъ тѣ же люди, со всѣми ихъ мелкими интересами, злобою и ненавистью.

Вечеромъ, 8 іюля, мы были въ Котласѣ. Губернаторъ здѣсь оставлялъ пароходъ и отправлялся въ Вологду по желѣзной дорогѣ. Опять мы восхищаемся непередаваемой картиной сліянія двухъ могучихъ рѣкъ; солнце садится и освѣщаетъ красноватыми лучами своими церковь, берега съ раскинутыми по нимъ домами, сараями, элеваторами и ряды судовъ. Къ пристани подходитъ пароходъ и гармоничный ревъ его стелется надъ песчаными отмелями и лугами и несется надъ водной равниной къ синѣющимъ лѣсамъ, бѣлѣющимъ въ дали селамъ и заброшеннымъ деревушкамъ и будитъ засыпающіе берега. Мгла уже залегла на горизонтѣ; величавая Двина „равнодушно сіяетъ своею вѣчною красою" и нѣтъ ей дѣла до человѣка, бороздящаго на своихъ машинахъ ея зеркальную поверхность. Вдали по берегамъ загораются одинъ за другимъ огоньки. Тишина, миръ и спокойствіе царствуютъ въ природѣ.

Еще три дня плаванія, еще три дня отрѣшенія отъ злобъ дня и мы опять въ Вологдѣ, опять вступаемъ въ ту будничную жизнь, оторванность отъ которой даетъ столько прелестей путешествіямъ по нашему дикому сѣверу. Сѣверъ есть иксъ въ многочленномъ уравненіи; надо определить эти члены и тогда выяснится опредѣленно и значеніе икса: мы своими поѣздками опредѣлили уже нѣсколько членовъ, но все еще остаются неопредѣленные, къ которымъ и направляются наши мысли. Какъ въ прошломъ году отъ Ухты съ ея нефтью мы были приведены къ необходимости обслѣдованія Урала, возможности приближенія къ нему нефти по притокамъ Печоры и переселенческой емкости богатѣйшаго Печорскаго края, такъ и въ нынѣшнемъ наши мысли логически влекутъ насъ уже за предѣлы своей губерніи, въ чужія области, по непрерывному водному пути отъ Петербурга до суроваго Байкала и сказочныхъ Алтайскихъ горъ, а затѣмъ по Амуру до Тихаго океана.

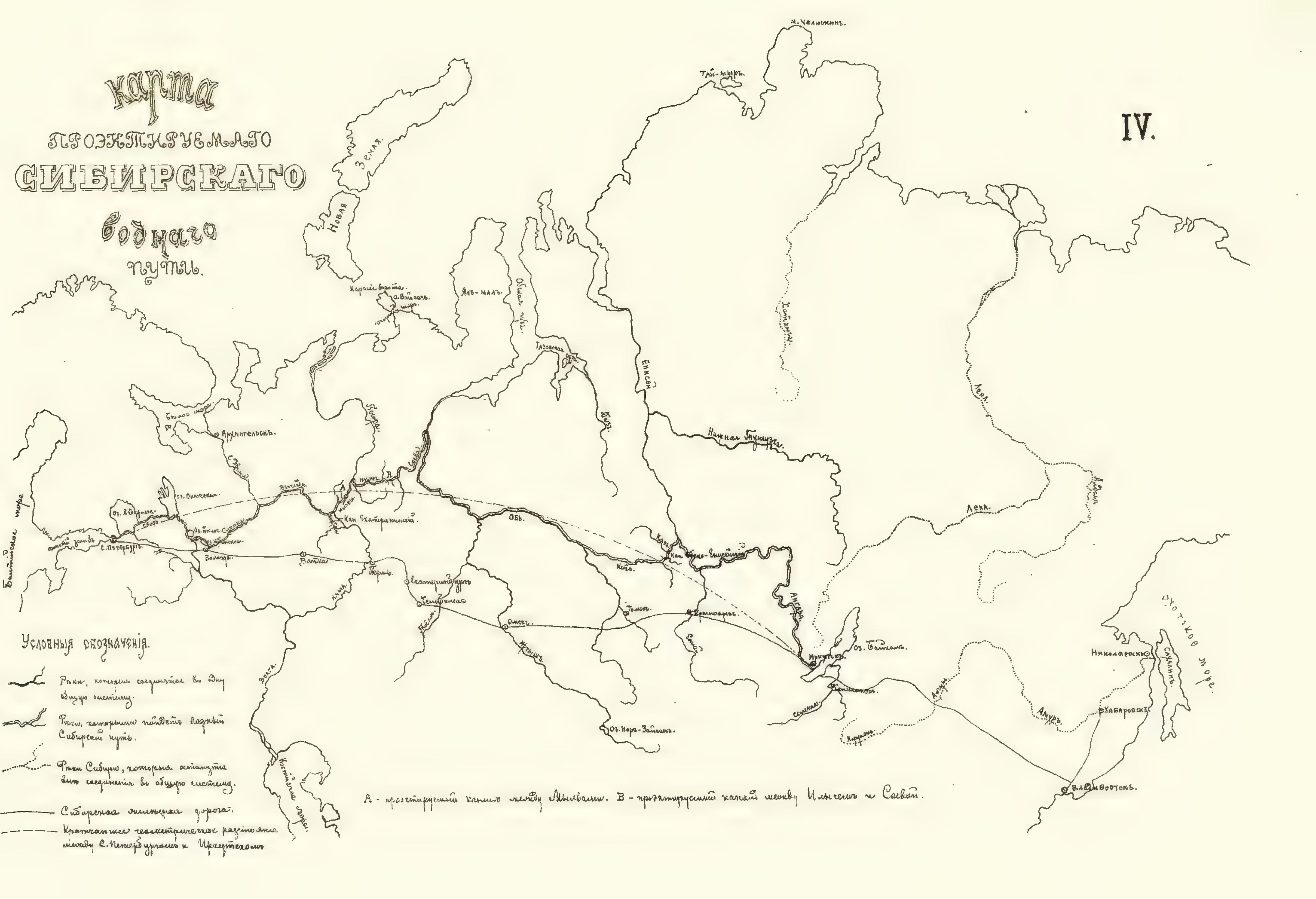

Всѣ карты въ масштабѣ 175 в. въ дюймѣ.

II.
КАРТА
Усть-Сысольскаго уѣзда
Архангельская губернія
Тобольская губернія
Пермская губернія
Вятская губернія
Яренскій уѣздъ
Сольвычегодскій уѣздъ
Устюгскій уѣздъ
Никольскій уѣздъ
Масштабъ 60 верстъ въ дюймѣ
Оз. Синдорское
Усть-Сысольскъ
Вильгортъ
Вычегда
Печора
Подчерье
Щугоръ
Усть-Куломъ
Помоздино
Усть-Илычъ
Илычъ
Усть-немъ
Немъ
Лохчимскій погостъ (Мординское)
Нювчимскій зав.
Кайгородокъ
Кажемскій зав.
Каналъ Екатерининскій
Черная
Луза
Визинга
Слобода

III.
КАРТА
ВОЛОГОДСКАГО
ПЕЧОРСКАГО
КРАЯ.
Масштабъ 20 в. въ дюймѣ.
АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ
СИБИРЬ
ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНІЯ.
Печора
Сабля
Троицко-Печорское
Савиноборское
Подчерье
Усть-Щугоръ
Якшинская пристань
Усть-волосница
Пожегъ
Сосвинская пристань
Мортъ-юръ-нюръ
Вычегда
23°30′ отъ Пулкова
Ижма
Сосва
Ляпинъ (Сыгва)
Усть-Илычъ
Илычъ
Пристань Сибирякова
Волокъ

Карта проэктируемаго Сибирскаго воднаго пути.
IV.
Условныя обозначенія.
Рѣки, которыя соединятся въ одну общую систему.
Рѣки, которыми пойдетъ водный Сибирскій путь.
Рѣки Сибири, которыя останутся внѣ соединенія въ общую систему.
Сибирская желѣзная дорога.
Кратчайшее геометрическое разстояніе между С.Петербургомъ и Иркутскомъ
А - проэктируемый каналъ между Мылвами. В - проэктируемый каналъ между Ильичемъ и Сосвой.
Новая Земля
Карскія ворота
Ялъ-малъ
Обская губа
Тазовская губа
Тай-мыръ
М. Челюскинъ
Енисей
Нижняя Тунгуска
Лена
Бѣлое море
Архангельскъ
Балтійское море
Финскій заливъ
С.Петербургъ
Оз. Ладожское
Оз. Онежское
Вологда
Вятка
Пермь
Кама
Екатеринбургъ
Кан Екатерининскій
Обь
Кетъ
Кан Обско-Енисейскій
Томскъ
Омскъ
Иртышъ
Оз. Нор-Зайсанъ
Красноярскъ
Ангара
Иркутскъ
Оз. Байкалъ
Амуръ
Хабаровскъ
Николаевскъ
Сахалинъ
Охотское море
Владивостокъ
Волга
Каспійское море

Настоящую книгу „Поѣздка по Вологодской губерніи въ Печорскій край къ будущимъ воднымъ путямъ на Сибирь“ постановленіемъ Вологодскаго губернскаго земскаго собранія опредѣлено пріобрѣсти въ количествѣ 600 экземпляровъ и разослать во всѣ губернскія земства, биржевые комитеты и т. п., въ цѣляхъ ознакомленія ихъ съ богатствами Вологодской губерніи.

Часть рисунковъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ изданіи, отпечатана въ видѣ стереоскопическихъ снимковъ (79 видовъ Вычегды, Печорскаго края, Вологодскаго Урала), которые продаются по 10 коп. за штуку, а всѣ 79 видовъ, полнымъ комплектомъ—за 5 р. Тѣ-же 79 видовъ въ открыткахъ (не стереоскопическіе) продаются по 5 коп. за штуку, вся серія—3 р.

Цѣна 3 рубля.

